

A black and white photograph of a person standing in a misty, wooded area. The person is silhouetted against a bright, hazy background. The trees are bare and their branches are visible against the light. The overall mood is somber and atmospheric.

ДИМ ХУСАИНОВ

*Три истории
об Азизтейне*

Штукатурка
 цементно-песчаная
 в 10 см слое
 в 10 см слое
 18.06.2022

84	69132 ч.
X 98	Туркмен
Три измерения с 10 см слоем	
2013	20p

Дим Хусаинов

**ТРИ ИСТОРИИ
ОБ АУШТЕЙНЕ**

Артемозская ЦБС
Свердловской обл.

Артемозский
2013

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 (235.55)
Х98

Дим Хусаинов.

Х98 Три истории об Ауштейне. – Ирбит: Издательский дом "Печатный вал", 2013 – 300 с.

ISBN 978-5-91342-011-4

«Уральская закалка». Повесть, рассказы.

Новый сборник прозы Дима Хусаинова состоит из небольшой повести и рассказов о годах репрессий, Великой Отечественной войны, о нелегкой доле простого россиянина в годы социализма и в условиях современных "революционных преобразований".

Его герои среди нас, легко узнаваемы. Автор смотрит на мир их глазами и сопереживает вместе.

978-5-91342-011-4

ISBN 978-5-91342-011-4

© Д. Хусаинов, 2013
© ИД «Печатный вал»,
оформление, 2013

МОЁ ВСТУПЛЕНИЕ К ЕЩЁ НЕНАПИСАННОМУ

Что-то непонятное в последнее время со мной творится. Живу в ожидании какого-то события, как кажется, ужасно необходимого. Вот оно случится это событие, и вся жизнь как будто приобретет смысловое своё оправдание. Такое чувство, что уже на последнем отрезке своей жизни стою как художник у нового, еще нетронутого, полотна. Нужно изобразить что-то значимое, выложиться так, чтобы сама душа изнутри вынырнула и отобразилась на этом холсте. И нужно мне, чтоб изображение устраивало меня самого, да так, чтобы стало от этого так покойно, как никогда не бывало. Ведь, по сути, за не такой уж короткий промежуток времени ничего такого не сделано, чтобы было покойно. Я уж не говорю, чтобы можно было прокричать: «Ай да, молодец! Ай да, сукин сын!». Нет. Просто подумать, что сделал хоть что-то, за которое не стыдно. Меня бы это устроило. Да нет же. Передо мной тот же нетронутый холст. Боюсь намалевать что-то незначительное, а времени исправить уже не будет. Полотно, можно сказать, не совсем чисто. Грунт, надо полагать, положен. Какой-никакой фон имеется, можно бы (да и давно пора) приступить. А вот я стою, бездействую. Мне очень нужен этот покой, и при этом не могу сказать, что устал от жизни. Сетовать на судьбу не привык, да и какой в этом толк. Наверное, я собой недоволен. Это самоедство, боюсь, может стать навязчивым. Хотя, кому от этого плохо, кроме как мне. Днём мысли эти меня покидают, поскольку живу среди людей, отвлекаюсь делами. По ходу своей работы частенько зарабатываю благодарности, а кайфа нет. Нет во мне даже разумного эгоизма. И не в деньгах туг дело. Я сам не знаю, что мне нужно сделать. Не зна-а-ю! От той мысли начинаю плохо спать ночами, а сам всё стою напротив холста. Грунт запылвился, краски сохнут, кисти бездействуют. Да что делать-то, Господи! Нет во мне никакой мысли, тиша «А не тварь ли я дрожащая или право имею?». И доказывать это, как герой Достоевского, не стану, а тем более наносить вред кому бы то ни было. Человек я мирный, хотя, наверное, становлюсь не лодимым и ничего приятного из себя уже не представляю. Правда, я стараюсь истаять один, как свечка, не навредив никому, но скорее плавлюсь, чем даю кому-то свет. Толку никакого...

Я бы ушел в монастырь, но ничего не выйдет. Блажен не тот, кто живет там, а тот, кто верует. А вот с полной уверенностью сказать, что я верующий человек, тоже не получается. Здесь я так же на обочине. Готов

оборвать любую молитву на полуслове, то ли бес во мне сидит, то ли совковая идеология о первостепенности материализма. Не знаю. Жизнь порой доводит до того, что молитва один на один с иконой. вполне серьёзная, а не напоказ как у наших государственных мужей по первому каналу ... Ан нет. Что-то мешает. Без Бога и вовсе начинаешь чувствовать себя букашкой. Не зря это, что в Храмах одни пожилые люди. Молодежь отличается от нас тем, что живет, мечтая о хотя бы ближнем времени, ожидая его наступления. Жить, строя планы естественно лучше, чем прозябать одними воспоминаниями, когда со знакомыми начинаешь встречаться в основном на похоронах. Тьфу! Совсем меня начинает заносить не туда. А может и не заносит? Может, это именно те ощущения, которые вызывают желание иметь душевный покой, чтобы все это осознать, но вести и чувствовать себя рядом с молодой порослью, как спокойный и объективный арбитр или хотя бы просто идущий рядом человек, а не завистливый и нудный старикашка. Наверное, не могу окончательно поверить в Бога только из-за ужасно большого количества крови, которая пролита предками за эту идеологию, которая впоследствии влита в меня. Судить этих предков не могу и считаю, что этим занимаются только краснобай, способные опорожняться на любой могиле. На себя посмотри. придурок! Кого судишь? Если они ошиблись или не смогли довести дело до конца, то кроме жалости, других чувств быть не должно. Сама мысль устроить рай на земле просто замечательна. Тем более для тех, кто считает, что после смерти ничего нет. К тому же первыми за эту мысль стали отдавать свои жизни именно представители того класса, у кого было все для безбедной жизни. Идти на смерть для других. Не это ли высшая цель для человека! Умирать им, наверное, было даже покойнее, чем мне жить. В настоящее время, надо сказать, не особо об этом думаю, хотя допускаю, что именно из-за уважения к ним, из-за их железных аргументов, не могу окончательно поверить в Бога и готов пробить лбом любую стену, чтобы он явил мне Чудо. А Чуда всё нет, хотя прошу и молю Его об этом неустанно. Вот что дало бы мне Покой. Я бы жил, не вскакивая по ночам. Я бы просто жил и радовался с полным уверенностью, что действительно верую, веду богоугодный образ жизни. любуюсь земной красотой, лучезарными лицами детей и мудрыми взглядами стариков, коим вот-вот начнут называть и самого. Тяжко мне. Господи, помоги!

Как или иначе, жить с таким грузом нелегко, и нужно что-то делать. Не я один потерял идеологию, которой пропитан с головы до ног; утратил вдруг, а взамен ничего не получил. Мне на хрен не нужна вапа гласность, означающая болтологию людей без идеи и покоя, а поиски

«русской идеи», которым кое-кто занят – это чушь собачья. Идея русская мне нужна. Тагарская идея, чтобы не подумали кой чего, мне тоже не нужна. Идея нужна общепонятная для всех тех, кто о душе думает. Идея без шовинизма, без выпячивания своей неповторимости, национальности и прочей агрибутики, которые только и годятся, чтобы чертить на картах границы, наращивать мускулы и присваивать богатства земные вместе с ее залежами. Будто они принадлежат не всем землянам. Вот почему мне и партии все не нужны. Они все как же пропитаны базисом, где слово богатство означает не богатство души, а возможность сладко есть и одеваться за счет других. Самый честный политик планеты, если он и вправду хочет прослужить во благо, не в состоянии изменить все это. Он уже становится политиком, поскольку поддержан, продан и продвигнут теми, кому и будет служить. Пусть попробует иначе... Выберут другого. Есть, конечно же, кто действительно хочет послужить народу. Верю, что таких политиков немало, но при таком устройстве жизни на планете, при таких выборах и с такой любовью к материальным ценностям, вряд ли появится любовь к ближнему. Ну, как же тут не вспомнить Томаса Манна с его единственной верой в Бога и Добро? Воистину – жизнь на Земле назвать иначе, как испытанием, не получается. Вот и становится до невозможности грустно от своей никчемности. Хочу покоя, а его нет, но почему-то продолжаю верить, что вот-вот узнаю то, к чему стремлюсь так жадно и яростно в последнее время. Вот и стою до сих пор у чистого холста и, похоже, так и простою, пока не лягу... Несправедливо это. Даже такое таинство, как рождение человека, способного мыслить и мучиться, пытаясь понять свое предназначение, так жестоко опошлено всякого рода клонированием. Это я тоже принял, как удар по мне. О каком покое может идти речь, товарищи... Или господ, если вам приятно это слово. Мне это слово прегит. Даже на фоне современного оголтелого ревизионизма над предками, никаких господ не признаю. И мне смешно от того, как они начинают создавать дворянские собрания и клубы. Я, конечно же, не против, если бы они были «островками» культуры и душевной самобытности, когда хотелось бы соответствовать или быть похожими на них. Ведь столько было в них благородства, любви к Родине, культуры и знаний. Однако ж именно наивысший этап сознания приводил их к народу. Вот они создавали тайные общества и партии, несли культуру и освобождение с одной лишь целью – помочь своему народу. А теперь «дворянство» создает общества, наоборот, чтобы выказать своё «офигенное» отличие от народа. Некоторые открыто начинают кричать, что он – не чернь, а

поэтому и требует к себе отличные от других отношений. Шутка, конечно, но скоро я создам общество потомков черни, чтобы было, кому пускать красных петухов на их владения. Шутка неудачная. Не дай Бог: Прости и ты, кто решился прочитать все это.

Вот такие всякого рода мысли приходят в голову. Хорошо, хоть не начал ругать Правительство и Президента в общественном транспорте или в очередях, как это делают некоторые старики. Это уже брюзжание, а не мысли и стремление найти покой. У тех, кто правит, у самих, надо полагать, тоже покоя нет. А может и есть - условия жизни у нас разные. Разительно разные (фу, какой каламбур). Но все равно мне рано писать, как дремучему старику. Мне исполнилось несколько месяцев назад всего шестьдесят лет и я не буду говорить, как некогорые, что идет седьмой десяток. Чем гордиться-то, екарны-бабай? Заявляю, что я пусть не совсем молод, но далеко не старик. Мне еще нет шестидесяти одного годика. Вот так! А то, что нет покоя, это дело, смею надеяться, наживное. Я еще, тьфу-тьфу, жив-здоров и передо мною холст, где что-либо обязательно изобразю и успокоюсь. Хорохорюсь? Может быть, но как говорится, это единственный для меня смысл, благодаря которому до сих пор не наложил на себя руки. Вот так ужасно серьезно обстоят дела. Кто-то может подумать, что искусственно заостряю их внимание на такой ничтожный факт. А факт, я вам скажу, самый значимый из всех фактов, что ценно для человека. Я не могу успокоиться, чувствуя свою никчемность не потому, что не состоялся и считаю себя неудачником. Нет. Я вполне благополучен, но ухожу в себя, поскольку, роаясь в себе, начинаю чувствовать, что жизнь моя лишена смысла. А, может, просто мне жаль себя? Ведь понимаю, что если и нет Бога, то смысл все равно есть: каждый уходящий должен вести себя так, чтобы тем, кто придет следом, было как можно лучше. Одним словом жить за продолжение более ценных и благополучных потомков. Опять же получается, что это всего лишь эволюция, где снова, как я понимаю, моя жизнь становится ничтожной. Конечный итог непонятен. Это закон природы, который не от меня зависит. Может это и есть та философия, как писал Гёте, когда человек роется в себе до ипохондрии, и она ни к чему хорошему не приводит. Возможно... Но мне от этого опять не легче. Конечно, можно сойти от этих мыслей с ума и тогда действительно не будет этого самоистязания. Буду ходить с довольной и всегда пофигистской, идиотской улыбкой. Бр-р-р...

А начал я такое скучное и предлинное вступление к новому рассказу, поскольку пишу больше для себя, чем для возможного читателя. Хотел бы найти настоящего человека, нашедшего своё место

под солнцем и довольного своей жизнью и описать его кредо или настоящую находку, которым он завладел в этой жизни и может сказать «Да, я пожил и умираю мне не страшно». Уверен на все сто, что он не должен иметь «благополучие» в смысле денег. Представляется, что он благополучен как раз тем, что нести материальные убытки не боится. Такой и умирать будет не боясь, что оставляет накопленное, которое потомки могут разбазарить. В современной купеческой, в основном, России двадцать первого века таких много. У меня много друзей среди них и, уверяю, они хорошие люди, но поставлены в такие условия, а по своей натуре привыкли не ждать «от дяди», который поднимет его детей в это трудное время. Так что мой герой вполне может находиться среди них. Я не знаю, найду ли такого. Вот самое трудное. Может их и не бывает? Не знаю. Возможно, что это будет собирательный образ с элементами домысла автора, но я знаю, что врать не получится. Все сразу поймут, что этому писателю стоило заниматься психологическими фантазиями (если вообще стоило писать). Так или иначе, я начинаю.

Дорогой читатель, кто взялся читать дальше, просиги, если что не так. Я еще не начал и не имею никакого маломальского сюжета, но уже начинаю чувствовать, что по ходу буду писать про отдельных людей и, скорее всего, отдельными рассказами. Цельной натуры, в этом смысле, если даже они есть, могу не встретить до конца своей жизни. Идти с кем-либо в скирды и слушать его там (почему-то кажется, что такой герой должен быть подальше от нашего быта) или наедать такому хорошему человеку гут, в условиях нашего быта затруднительно. Возможно, что не найду его вообще и останется мой холст догнивать без единого нормального мазка под небом, окружающим со всех сторон нас и такую милую всем людям Землю.

Одним словом, прости, читатель. Я стою возле этого холста не только в ожидании натуры, кого хотел бы изобразить, а еще и потому, что хотел бы подогнать под него себя любимого, чтобы почувствовать смысл и покой на всё время уже дальнейшего коротенького своего пребывания на нашей Земле. Так что, не торопи меня. Рассказы, скорее, будут о разных людях по отдельным их поступкам и общей отметкой «реальные лица». О нелюбимых или вообще плохих, как я считаю, дай мне Бог здоровья, также буду писать, но под их названиями этой отметки не будет. В путь. Я буду стараться, хотя находясь на пенсии, продолжаю работать и спринтерской скорости не будет.

И так, до встречи.

УРАЛЬСКАЯ ЗАКАЛКА
Повесть в рассказах

Кулачьё

Василий давно ждал, когда придут его раскулачивать, неоднократно представлял, как это будет происходить, и теперь был ко всему равнодушен. Первая волна арестов прошла ещё зимой и немногие богатые семьи, проживавшие в их селе, отправлены по санному пути. Богдан, проживающий через два дома от него, видимо, решил успокоить его:

- Это лучше, сосед, чем зимой. С малыми детьми вы бы не доехали. Теперь-то уж точно доедете. Обоснуетесь во время, а значит, живые останетесь.

Насчет детей, он имел в виду жену старшего сына Василия Петра с трудными детьми. Сам Богдан, как малоимущий, состоял сначала в комитете бедняков, а теперь числился председателем сельхозартели и сопровождал прибывших из уезда представителей власти. Двое мужчин и женщина прибыли на трех телегах и стали вывозить вещи из дома. Женщина вела опись, и всё это происходило как-то мирно, словно перевозили невесту в дом жениха.

Василий знал, что хозяйство у него ладное, но все равно можно отнести разве что к середнякам. Только по этим показателям раскулачивать его не стали бы, но свою роль сыграло и то, что раньше числился сельским попом и был лишённым избирательного права. А это уже служил политическим мотивом. Куда же приписали и Антипку-дурачка, который время от времени помогал Василию управляться лошадью во время сенокоса или колоть дрова так же под осень. Все знали, что Антипка - голь перекапанная и семья у него с детьми мал-мала меньше вечно голодаст. Василий только из-за этого давал ему возможность «подзарабатывать», выделяя кое-какие продукты из своих скудных запасов. Назвать это использованием наемного труда никак было нельзя. Однако списки, кого нужно брать на этот раз, уже утверждены и отправлены в губернию. Да и никто из сельчан не хотел перечить прибывшей власти. Шел август месяц 1931 года.

В характеристике Василия, составленном о нем исполкомом для Особого Совещания Свердловского крайкома НКВД Уральской области везде проходил его старший сын Петр, который женившись на Варваре из бедной семьи, работал не покладая рук, выстроил новый пятистенок, амбары, держал двух лошадей, а так же имел небольшую торговлю. Товар был нужный, из предметов первой необходимости и, если разбросать все его доходы на каждого едока, то пришлось бы не

так уж и много. Он бы снова, как и в первый раз не подпадал под признаки, по которым шли аресты этой волны. Старшему сынишке Петра едва исполнилось всего три годика, а Варвара снова родила ему двоих пацанов. Над ним уже потешались, но все в виде пи, как он старастся. В страдное время у него обязательно работали три-четыре человека, поскольку он держал трех коров и овец. Завистников в селе тоже хватало, и никого не интересовал тот факт, что он со всего хозяйство, в отличие от многих других во время сдавал государству и молока и мяса столько, сколько требовалось.

Чтобы дети не сидели без молока, он не сдавал на бойню своих коров, а покупал в своей же артели маленьких поросят, выкармливал и снова сдавал в свою же артель в качестве мяса уже по живому весу. Другим это так же не возбранялось, но они едва сводили концы с концами и успевали строчить на Петра анонимки. То, что он долгое время не хотел вступить в артель, хаял колхозный строй, знали и слышали многие. Это было – правда, а время было такое, когда критиковать власть означала агитацию против нес. Сын ярый враг, а отец бывший поп, был ранес лишен права голоса и становился теперь им же.

Все происходило в их же селе и многие помнили, как всё тогда случилось. Десять лет тому назад все жители собрались на сельский сход, чтобы избрать себе сельского попа. Кандидатов тогда было двое. Один из них, дяк Пантелей уж больно стал дружить с самогоном. «Нет, - говорили все, - этот варнак пропил всё святое и нам такого не надо». Вторым был пономарь Василий, воспитанный бывшим попом села отцом Игнатием и им же приученный к грамоте и молитвам. Василий, единственный сын вдовой солдатки Степаниды, всегда ему прислуживал, а потому впитывал все молитвы и к сивухе был равнодушным.

Самого пона Игнатия пристрелил, державший всю округу в страхе атаман Зосима, который звал себя не иначе, как бароном. Привез в тот день в церковь своего убитого кореша и, дыша перегаром, требовал «почитать за упокой грешного медвежатника Степана». Он драпал с небольшой кодлой сначала от белых, а теперь от красной власти, и ему было «шибко некогда». Зосима, разговаривая с отцом Игнатием даже не скрывал, что грабил и убивал всех, кто плохо оборонялся. Времена банд уже уходили в прошлое, а он никак не мог «наиграться» и обраной дороги ему так же не было. «Кореш Степан» тоже не был медвежатником, и единственный железный ящик, который он вскрыл ещё в 18-ом, сейфом назвать тоже было нельзя. В банде были уголовники, двое из бывших партизан пробирающихся со стороны

Дальнего Востока и только один, который убивал просто для того, чтобы убивать. Его свои и то побаивались. Кто он на самом деле никто не знал, и звали за глаза душегубом, хотя таковыми были все.

Особо уговаривать «красноперого попа» Зосима не стал, вывел его из церквушки, запрыгнул в тачанку и сам расстрелял из пулемета «максим», накрытого старым тряпьем. Со стороны их обоз из трех кошенок с подвыпившими бандитами в полушубках можно было принять за свадебный кортеж. После этого атаман куда-то исчез. Засежая конница красных потаскала к своему командиру несколько человек местных и так же ускакали в тайгу. Больше о них никто не слышал.

Отца Игнатия знали и глубоко чтили жители всех деревень в округе. Очень многие приезжали издалека, чтобы побывать в их селе в дни церковных праздников послушать отца Игнатия. Был он в селе и за власть и за советчика. К нему шли все и находили ответы на все свои вопросы. Василий помнил из рассказов, что батюшка был духовным сыном «самого епископа Михаила», с которым в некоторое время жил в скиту Забайкалья, принял там иночество, а после рукоположен в священноинок. Уже после революции, когда были разгромлены многие храмы, отца Игнатия определили в их село, а после вышло положение об отделении церкви от государства. Некоторые храмы, до которых не дошли руки большевиков, продолжали действовать. Кое-где люди собирались в домах, где тоже исполняли службы, но их стали поголовно звать баптистами, и была дана команда контролировать их численность, планы и проверять литературу.

Все эти события понемногу утихли, и пришла осень. Не за горами была зима и подходила пора свадеб. Жизнь продолжалась, убран хлеб и не хотелось сельчанам больше терпеть бывшего дьяка, который крестил детей и даже соборовал умирающих исключительно в пьяном состоянии. Доходило до того, что человек уже умер, а отпевать некому. Пантелей находили до такой степени мертвецки пьяного, что самого хоть хорони

Так, именно по решению земляков молодой еще Василий стал сельским попом. Побывал он и в уезде, разговаривал отцом Сергием, который ездил в тайне от властей по сельским приходам по настоянию самого губернского архимандрита Тихона. Было решено, что Василий вполне хорошо понимает Божье слово, и достоин нести его своим согражданам, а потому для временных нужд пока подойдет. Да и сами

уездные священнослужители сидели по домам, как и послушницы женского монастыря, разогнанные большевиками. Кресты монастырские скинули, устроили склады, куда возили обозами образцы породы. Молодая власть возобновила геологические изыскания, прибыли горные мастера, что-то писали, взрывали гористую местность за рекой и возили породу. Руда была, но ждали ответ из губернии и самой Москвы, годится ли она по процентному составу для переплавки.

Однако времена не долго оставались мирными. Большевики раздали много земли и все были рады, хотя многим не пришлось по душе обобществление скота. Эта практика не сразу прижилась, скот был голодным и, в конце концов, был роздан обратно владельцам, хотя числился за комбедом. Когда стали жить чуть-чуть лучше, стали объединять земли в коммуны и душить частнособственнические настроения. Собственникам выделялись самые худшие земли. И это вынес крестьянин, и уже стал привыкать. Последнее, что подняло их против такой политики большевиков, было – неимоверное налоговое бремя. Правительство голодного гегемона не могло видеть сытость деревень. Должны были стать голодными и они. Иначе, какая справедливость и равноправие? Так, конечно же, думали не все. Василий сам не хотел думать так. Наверное, тяжело в городах жить без хлеба. Надо делиться, но что бы при этом дали возможность трудиться самому крестьянину. Чтобы было не бесplatно. Крестьянин – он человек двуличный, крепкий и он бы мог покормить многих, но понимал Василий и видел, что убирают именно тех, кто хоть как-то смогли бы покормить городской люд. Вряд ли, думал он, рабочих прокормят Антипки. То, что выгребали последнее, не оставляя семян, само породило в крестьянах врага кровного. Они знали - что такое хлеб, каким трудом его выращивают. Да, были враги и в их селе из числа тех, кто привык жить на широкую ногу, эксплуатируя таких же работяг, но грядущих на земле.

В первую волну зимой 1929 года раскулачивали Махнева Павла и Ешифанова Андрона. Попили они кровушку крестьянина, и все было в их руках: мельницы, молотилки, лучшие земли, и не один житель не мог начинать работать на себя, пока не отработает у них. Нет, он, конечно, мог плюнуть на всех и вся, но идти против них – себе дороже. В обоих магазинах этих же богачев продавался весь товар под запись, что усиливало кабалу. Они, как и раньше, оставались баринами, а у остальных жизнь мало, чем отличалась от жизни крепостных крестьян. Свобода на голодный желудок не особо воспринималась, поскольку труженик на земле, кроме всего другого, всегда уверен, что именно он

является кормильцем при любом государстве. Они видели, что убирают трутней и строили планы на времена новых урожаев. Все село приветствовало раскулачивание Махлева и Елифанова. Однако Советская власть со своим перегибом сама не приняла это понимание. Она, как и в городе, решила опираться на люмпена Антипку и на свою голову воспитала ещё одного врага, которого в последствии так же окрестила кулаками. Такого уже крестьянин понять не мог. Он уже с большим сомнением относился к утверждениям, что она – народная власть.

Дом пятистенный – 400 рублей,
амбары – 2 штуки по 150 рублей,
комод - 50 рублей,
кровати железные – 2 штуки по 50 рублей,
стол – 30 рублей,
стул венский – 15 рублей,
шторы для окон – 5 рублей,
тарелки 5 шт. - 20 руб...

Андрей, младший сын (поскребыш) Василия, видел сквозь окно, как один из прибывших вместе с дядей Богданом гоняются во дворе за поросенком, которого выпустила мама. Поросенок попался юркий и в последний момент, когда уже почти поймали, умудрялся проскочить между ног и заскочить обратно в амбар. Ему хотелось смеяться, но лица у папы и у остальных были серьезные. Почему забирают у них все вещи, понять он не мог, а потому решил – наверное, так надо, коль такие серьезные взрослые люди решили. Ему уже шел одиннадцатый год, он хорошо читал, но еще по слогам, а разговоры на эти темы взрослые сообщали друг другу шепотом, а потому дети не могли понять - почему взрослые живут с оглядкой, словно поджидая чего-то не очень приятного. Порой было видно, что из-за этого сердятся на них, на детей своих. Он понимает, взрослые решают что-то очень серьезное.

Сам он был поздним ребенком. Между ним и старшим Петром, у Протасовых была дочь Капитолина, но сильно заболела и умерла в младенческом ещё возрасте. После этого они долго не могли прийти в себя, и не хотели больше заводить детей, но решились ещё на одного ребенка. Надеялись, что снова родится дочь. Однако получилось иначе.

Все говорили, что Протасовы купили себе куклу, чтобы в старости жить играючи.

Если у Василия всё происходило так мирно и неспешно, то к обеду стало известно, что Петра арестовали прямо в уездной заготконторе, не дав попрощаться с семьей. Он просил, и действительно было разрешено, что семья остается у тестя. Отец Варвары с еще тремя великовозрастными и незамужними дочками, в лице почернел, узнав об этом. Теперь ему никогда из нищеты не выбраться. Однако он не мог смириться тем, чтобы гнали родную кровиночку – дочь с малолетними детьми на верную погибель, и принял без ропота. Кроме того, робко надеялся, что зять, такой основательный и хитрый обо всем догадывался и мог припрятать кой чего на черный день. Не может быть, чтобы Петр не готовился к этому. Столько недоброжелателей. Его ещё с первой волной едва не увезли. Еще в двадцать девятом.

Катерину с одиннадцатилетним Андреем выселили на север Урала, где такие же как они, засланные члены кулацких семей, строили таежный поселок по лесозаготовке. На поезде они доехали до станции Тавда, а дальше почти трое суток шли пешком. Были в их колонне четыре подводы с нехитрым скарбом, что было разрешено брать собой. Кусок сала и немного хлеба, что боем вырвала мать у представителей, кончились еще в поезде, хотя у неё было немного припрятанных денег, на которые купили на вокзале лепешек. Мать требовала больше, стала кричать, но мужичок, горгующийся этим провиантом, видел, кем является покупатель. Много не покричишь. Отберу и все деньги, и взамен ничего не получишь. Шли молча, хотелось кушать. На телеги поочередно сажали только малолетних детей, поскольку и лошади были уставшие. Только на одну подводу, принадлежащую сопровождающим, заряжена упитанная и ухоженная лошадь. Остальные клячи еле держались на ногах. Время от времени останавливались на отдых и давали возможность лошадям пошепать травку. В последнюю ночь несколько часов лил холодный проливной дождь. Андрей, промокнувший насковзь, прижимался к матери, но и она вскоре стала такой же холодной, так же мелко тряслась от холода, а сверху давил отяжелевший от дождя домотканый половик, которым они укрывались. Люди прижимались друг другу, громко разговаривали и пытались петь, чтобы хоть как-то поднять свой дух. Молчать – означало переносить всё это одному, а это было невыносимо. Под утро дождь перестал, поляну со всех сторон потихоньку окутал густой туман. Никто в точности не мог представить, в какой стороне находится дорога, хотя помнили все, что отошли недалеко. Двое сопровождающих, в хороших плащах и кирзовых сапогах,

поднялись из-под своей телеги. Их лошадь, сытая и ухоженная, стояла рядом на привязи, а одну из лошадей никак не могли найти. Не стало лошади уже немолодого мужчины по имени Игнатий, который со своей старухой прибил к ним по дороге. Они вольнонаемные, поддавшись обещаниям агитаторов, подались в тень тайги в поисках счастья. У них с собой был и самовар, чего так недоставало многим. У всех самовары были конфискованы, хотя оставлены повиданские виды казаны, котлы и кое-какая алюминиевая посуда. Некоторым вольнонаемным было пообещано, что они будут на новом месте чуть ли не привилегированным классом среди раскулаченных. Один из них по прозвищу Митя-цыган уже начинал показывать свою избранность, пытаясь вести на равных разговоры с сопровождающими, подгонял остальных и даже понукивал. Он-то и обнаружил лошадь, лежащую возле молодой поросли березы. Найти её и понять, что лежит лошадь в этом тумане, было не так-то легко. Мужики посоветовались и пришли к выводу, что лошадь нужно зарезать и пустить на мясо. И натё её дальше было бы невозможно, а так хоть детей покормят и сами наедятся до отвала, кто знает, в последний бытё может раз. Все зашевелились, искали хворост, разводили несколько костров сразу.

Только баба Игнатия голосила на весь лес и накидывалась на мужа с растопыренными пальцами:

- Куда ты меня погнал, окаянный? Что, нашел свое счастье, изверг? Напел?! Единственную лошадь угробил! Ой, горе мне, горе!

Кругом вокруг них был такой густой туман, что казалось и крики её не смогут вырваться из круга и будут блуждать среди них, не в силах разорвать кольцо этого свинцового тумана.

Кто-то предлагал остатки мяса поместить по пути в какой-нибудь деревне на хлеб, капусту и еще может на что-либо. Однако Осип, который все время молчал, а теперь стоя на одной ноге и отжимал свои портянки, наконец, тоже заговорит:

- Всё, люди добрые, деревень больше не будет. Через пару верст у волчьей заньки поворачиваем на санную дорогу, и будем идти по тропе и до самого места. Если будем хорошо шагать, засветло окажемся на месте. Ночью нас там никто ждать не будет. Так что торопитесь, и вы, бабы, варите только внутренности, чтобы быстрее варилось, а то, как я попляжу, лошадь постарше самого Игнатия будет. Телегу надо порушить и, кроме колес, пусть все идет на дрова. Всё.

К месту назначения прибыли только в сумерках, чтобы, едва заняв выделенные места в сухих землянках, пасть на хвойные лапки и уснуть мергвецким сном. После утомительной дороги землянка казалась раем,

пахло хвоей, и было тепло. Подойти пораньше не получилось, подвела жадность или недоваренное мясо, часто останавливались и бегали по кустам всю оставшуюся дорогу. Сначала, вроде, было неудобно, но люди хватались за животы, и не было сил терпеть. Первым громко на весь лес расхохотался Митя-цыган, что сняло всеобщее напряжение. Теперь женщины, не сильно мучаясь, пряча лицо, выбегали из колонны на ходу, а после возвращались с легкой улыбкой на свое место, чтобы идти дальше.

Утром вновь прибывших людей повели по разным местам работы. Стройка оказалась, начата огромная. Подальше от места их ночлега, вырубалась поляна, а слева строилась целая улица из бараков в два ряда. Везде было перерыто, там и сям торчали строения в виде небольших сараев, и пахло запахом стружки, от чего сперва было хорошо, аж голова кружилась. Но это чувство прошло уже к вечеру и уже стало как-то перчить в горле. На это местные аборигены замечали «Привыкнешь. Прослужаться не будешь. Это полезно».

Буквально через год, тут должен стоять лесозаготовительный поселок, а потому со стороны тайги, параллельно санному пути, тянули узкоколейку. У Катерины захватывала дух, но она видела, что школы здесь нет и жить придется в землянках. Начальство предупреждало сразу, что первые бараки будут заселять вольнонаемными. «Кулачем» или врагами народов никто их не называл, но и спуску никакого не давали, напоминая бесконечно, что «сами запросились, а теперь нечего нюни распускать». Только Митя-цыган от увиденного присвистнул и завернул матом, что для этой стройки нужно раскулачить полстраны. Это прозвучало, как нарочно в тот момент, когда бабы перестали гадеть, а потому ясно и отчетливо, что он сам перепугался и замолчал надолго.

Впереди была долгая и морозная зима.

Для начала каждому работающему приходилось по 400 граммов хлеба в день, но позже потихоньку сократили до 310 граммов. Основной пищей были капустный суп, каша и сушеная рыба. Детям вначале так же перепалало одна треть взрослого пайка, но позже их кормить и вовсе перестали. С ними делились взрослые. Люди потянулись в тайгу. Говорить, что они ходили толпами по лесу, было бы смешно. Обычно это были дети под предводительством самым шедущих пожилых женщин, которые мешками носили грибы и ягоды. Это приветствовалось. Иногда бригада мужчин отправлялась со старыми и латанными сетями к реке, где водилось много рыбы. Строили запруды. Сама природа будто протягивала руку и решила поддержать людей в такую тяжелую годину. Грибы сушились в каждой землянке, в бараках и просто в крытых помещениях, чтобы не попортил дождь. С рыбой

шла та же история. Однако очень тяжело было с одеждой и обувью.

Люди как-то умудрялись греться на работе и от работы, но на детей было жалко смотреть. У них не было теплой одежды, а обуви у некоторых и – вовсе никакой. Они передавали одну обувь друг другу, чтобы добежать до нужника и обратно.

Более полутора лет Андрей с матерью прожили на этой землянке, а после переехали в барак. Там жил такой же народ, как и они. В основной своей массе – это были крестьяне, которые бежали от непосильной налоговой бремени из числа тех, кто понимали – им никогда уже не подняться на ноги. Много было одиноких, у которых не удалась жизнь.

Зимой 1933 года Василий был возвращен обратно. Ему помог Арсений – сын одного из попов из дальнего села, с которым совершенно случайно познакомился в лагере и ужасно обрадовался этой встрече. Арсений был грамотен и помогал многим писать всякого рода жалобы. По какой-то совершенно непонятной причине в этом году жалобы рассматривались все и многие удовлетворялись. Будто в прокуратурах сидели люди, которым досконально было известно злоупотребление местных исполкомов. Очень возможно, что в последствии эти люди сами отправлялись в концентрационные лагеря, но освобождаемых по разбору жалоб действительно было немало. Огромные жернова переключались перемалывать служащих и интеллигенцию, дав небольшой продох крестьянину. В жалобе по Василию правильно было изложено, что доходы семьи у него были недостаточны, чтобы признать кулаком. что в избирательных правах был восстановлен. поскольку постриг не принимал, а назначен был в полы сельским сходом только для исполнения обрядов. Скрепя сердцем приписали и то, что его сын Петр жил своей семьей отдельно, и они с отцом имели разные взгляды на предмет коллективизации. Особым Совещанием НКВД СССР он был освобожден условно-досрочно.

Домой к себе Василий не поехал, а поехал с другим освобожденным, в его шахтерский поселок, расположенный недалеко от Челябинска. Позади остался Соликамск со своим целлюлозно-бумажным комбинатом, где они отбыли два с лишним года.

Свой поселок его товарищ тоже едва узнал. Вчерашние крестьяне становились шахтерами. Была отменена карточная система на хлеб, люди строили дома. Поселок разросся до неузнаваемости. Однако же времена были еще неустойчивы, все помнили голодные годы, а потому шахтеры не убирали живность и держали свое хозяйство. Василия взяли без придинок пастухом и платили в каждую неделю от каждого двора

пропорционально количеству голов скотины. Плату давали кто продуктами, кто деньгами и жить на это можно было. Поработать пастухом он успел немного, надвигаюсь зима и его на это время перевели конюхом. Конный двор был небольшой, но работы хватало. В его обязанности входило не только чистить стойла, давать корму и поить лошадей, но и предупреждать вовремя о неисправности телег, изготовленных специально для перевозки деревянных столбиков для шахтных подземных крепежей. Что такое заяжки и что для чего служить он еще не понимал, но знал, что их по заявке проходчиков нужно везти из территории лесосклада на шахту. Туда-сюда сновали и шахтные вагонетки, передвигаемые по выдумке местных шахтеров тросом, но лошадьми было удобнее. Можно было до самого места, то есть к спуску. Вагонетки доводили свой груз до ограды, а потом их все равно приходилось грузить и везти до шахтного спуска. Народ был дружелюбный и жилье Василию нашли быстро. Освободилась половина дома, откуда выехали жильцы.

Катерину с Андреем опустили только в феврале 1934 года, когда на территорию поселка стали поступать «вредители и враги народа». Во вражеский стан вдруг перешло столько народу, что просто не верилось. Как вообще могло столько просуществовать Советская власть, имея у себя в тылу такое большое количество врагов. Стало известно, что поселок будет превращен в колонию-поселение или вообще в исправительный лагерь. Многие еще оставались, не зная своей дальнейшей участи.

Весной на дорогах была такая распутица, а потому никто не собирался ждать ни одного дня. Вместе с Катериной с Андреем вышли в путь ещё три семьи из вольнонаемных, которые имели лошадей и кое-какое добро. Они так же не хотели дожидаться врагов народа или иной другой нечести. Мало ли что. К тому же ехать зимой по сашному пути было сподручней и быстрее, чем тащится летом на телегах. Кроме того, к ним примкнула женщина по имени Мария с грудным больным ребенком, муж которой, тоже вольнонаемный учинил драку с бригадиром и чуть не разрубил его гошором. Все удивились, с какой скоростью за ним прибыл конвой. Выяснилось, что на случай таких происшествий достаточно одной связи по рации, чтобы на поляну сразу за рекой приземлился самолет У 2. Безопасность была обеспечена в первую очередь и всякие подобные случаи расценивались, как саботаж и пресекались быстро. Марии открытым текстом объявили, что мужа она вряд ли когда-нибудь увидит. Ребенок действительно был грудным и сильно болел. Её все отovarивали, но с другой стороны никто не мог

дать гарантии, что здесь его вылечат. Для таких случаев самолет не предлагался, хотя, наверное, стоило попробовать. На намеки Марии был дан вполне официальный ответ, что самолеты прилетают редко и всегда перегружены. Правда на стройке имелся фельдшер и две сестры ми тосердия, но значились таковыми лишь формально. Они отвечали за санитарию в пищеблоках, за наличием хторки и мыла, но в аптеках значились только перевязочные материалы, йод, зеленка и некоторые таблетки от кашля и температуры. Лечили в основном обморожения и небольшие травмы. Фельдшер Павел Павлович всегда был выдержанным как сушенная рыба, и в таких случаях разводил руками и повторял одну и ту же фразу на латыни. Позже объяснял, что она означает: время идет, реки бегут, человек лечит, а излечивает природа. Мария ждала, когда природа излечит её маленького сыночка, не хотела. Осаждаемый всеми обгывающими женщинами. Павел Павлович долго отбивался, но под конец заявил, что здесь ребенок обречен. Женщины продолжали на него наседать. Они уже хотели знать в точности, а выживет ли ребенок в условиях больницы. Этого фельдшер не знал и врать не хотел, а потому снова развел руками но проговорил на этот раз.

- Бывает, что при нынешней технике и антибиотиках врачи творят чудо.

Больше от него ничего дожидаться не смогли и продолжили последние приготовления.

Выехали 9 февраля в солнечный с утра день. С провиантом было почти нормально, поскольку готовились заранее. Всего народу собралось шестнадцать человек, считая пятерых детей. Для трех широких строительных сапок это было очень даже сносно. Взрослых даже по четыре не выходило. По санному пути лошади пройдут такое расстояние играючи и меньше чем за двое суток, с учетом одной остановки для «приема пищи» возле костра. Так было им сказано Никодимычем, финансистом ещё старой системы, который часто ездил зимой в Тавду с бумагами по учету и бухгалтерии.

Ехали действительно весело, но к вечеру стал крепчать мороз, а одежда была плохая. Многие крестьяне прибывали на стройку в полушубках, но с таким тоненьким вышарканным мехом, поскольку хорошие полушубки и тулупы конфисковались, чуть ли не в первую очередь. Они, эти добротные шубы не доходили даже до уездного исполкома, а перекочевали на плечи уполномоченных. «А пусть потом кто попробует доказывать. Хозяева уже будут далеко отсюда». С валенками дела обстояли не лучше. Их на стройке было очень мало, и были они до такой степени изношенные, что невозможно было подшить.

Все старые хомуты обдирали на пошивочный материал, но разве станет теплее ногам от этого заменителя, когда на пятке большущая дыра или миллиметровый слой просвечивающегося войлока. Ноги были обмотаны как внутри, так и снаружи «обувки». Однако же надо отметить, что и тряпок на стройке тоже было не так много, поскольку носились так же до дыр или перешивались на детскую одежду. Хорошие суконные вещи, сатин и валенки на стройке тоже водились, но в малом количестве и служили предметом такой спекуляции, что люди продавали себя, можно сказать, в долговое рабство.

Сильно продрогшие женщины обнимали своих детей, поворачивая их спиной к ветру, и хотели только одного – быстрее бы ночь и остановиться и погреться у костра. Правда, Филимон, который ехал со своей женой вдвоём без детей предупреждал еще в начале пути, что бы на костер особо не надеялись. С их обувкой по сугробу много дров не натаскаешь, и сидеть ночью в лесу и привлекать волков особой радости тоже не представляет.

Мария заховала маленькое дитя себе к грудям под всякой одеждой, оставив лишь часть лица прикрытую тоненькой кофтой, боясь задушить совсем. Временами она посматривала на него и ощущая общее тепло, тихонько напевала. Её поддерживали другие женщины и вскоре пели на всех грех санях. Так оказалось теплее, что некоторые заулыбались, стали вспоминать разные веселые истории.

У костра особого тепла не было. Пока стоишь лицом к огню – замерзает спина, а когда спиной, то наоборот. На снегу от мороза корчились их тени, что напоминало об опасности. О волках. Потеплело в душах у людей только тогда, когда они набили животы нехитрой трапезой и запили горячим морковным чаем. Филимон их тут же усадил обратно, что бы успеть проехать побольше расстояния в таком «блаженном» состоянии. Женщины терли себе и детям лица и уши. Если утром можно было осматривать друг друга, то теперь нужно было беречься самому. Было темно.

Однако мороз продолжал крепчать, а когда подводы выходили на открытую местность, даже от маленького дуновения пробирало до костей, что они начинали биться друг о дружку. Кто-то из детей начинал плакать. Филимон постоянно требовал, чтобы каждый следил за соседом и не давал уснуть.

- Сонный человек коченеет быстро и перестает замечать холод. Им даже становится будто-то бы жарко, а потом их находят раздетыми. Это они сами раздеваются.

Людей это пугало, и они действительно начинали толкать друг

друга. Особенно у детей слипались глаза, и им казалось, что они вот-вот начнут раздеваться. Было холодно и боязно. Они плакали и слезы замерзали катышками, падая им на грудь и подбородки. Некоторым удавалось, и вздремнуть, что они с радостью обнаруживали себя живыми и одетыми. «Как хорошо, что удалось поспать пока никто не заметил», - думали они, хотя сна никакого не было, и они только забывались всего на несколько минут.

Уже когда рассветало, Мария стала реветь и причитать, повторяя имя своего сынишки:

- Егорушка мой, Егорушко.

Успокоить её нельзя было, её стали трясти и бить по щекам и она тогда проговорила сквозь слезы:

- На груди ледышка. Умер сыночек, поди

Она сама была вся белая и махала руками, чтобы не могли достать маленький свернутый в тряпье трупик, который уже давно был закоченевший и замерзший. Его с трудом отобрали у Марии и положили на солому возле неё.

- Ты, что Маша, ведь можно самой лёгкие прихватить. Надо же было давно ещё выгащить, когда стали замерзать груди. Успокойся.

До самой деревни перед станцией Тавда она пролежала на маленьком трупике, то рыдая, то молча, сама - как труп, что дети стали бояться, и их пришлось собрать отдельно в одни сани. Филимон всякими словами успокаивая Марию, вырыл в деревенском кладбище маленькую ямку, где и похоронили ребеночка, не обращая внимание на крики и протесты Марии.

Василий приехал на станцию встречать жену с сыном на лошади, запряженной в кошевку. Выбрал самую лучшую, постелил большое количество соломы. С собой взял тулуп для жены и полушубок для Андрейки, кроме того, домотканый половичок, чтобы накрыть ноги. Смотрелось даже богато.

Когда Катерина с Андреем вылезли из вагона и стали на перроне, вертя головами в разные стороны, то он двинулся в их сторону, но вдруг почувствовал резкую боль сердца и успел схватиться за штaketник ограды единственного деревянного здания станции. Первый раз такое с ним случилось на стройке Саликамского целлюлозного комбината, но тогда его успокоили, что это от переутомления и голода. «А какой же нынче голод?» - думал Василий. - Пора зачислять себя в старики». Жену с сыном пугать не хотелось, а потому он подышал глубоко, и едва почувствовав, что боль ослабла, направился к ним, запечатлев улыбку

на всю ширь без того широкого и обветренного лица. Они тоже его заметили, но не сразу решились идти навстречу – а вдруг да не он. К тому же Василий уже более года носил усы, и они были в небольшом замешательстве.

- Господи, до чего же вы худые, родненькие мои! А Андрюха-то какой большой стал! Ну слава Богу, мы теперь вместе. Мясо - дело наживное, главное костями до меня добрякали, - смеялся он сквозь слезы радости.

Обнял их обоих и никак не хотел отпускать. Сердце снова напомнило о себе. кольнув сзади под лопаткой. Он снова отдышался быстро, стал надевать на них тулуп с шубой. Жена смотрела на лошадь, на такую богатую кошевку, прильнула сзади к спине мужа и дала волю слезам. Они текли без остановки, словно специально скапливались в ожидании этого момента. Сама она не издала не одного всхлипа, а просто улыбалась своим слезам и ничего говорить не могла. Скорее всего боялась, что обретёт голос и перейдёт в громкий рёв. Зачем портить такой прекраснейший момент их жизни. Господи, счастье-то какое!

Андрей, завернувшись в полушубок, так же улыбался, глядя на отца сзади, а иногда вытягивал шею, чтобы видеть его сбоку. Василий, почувствовав это, так же обворачивался, как бы заигрывая, и улыбался сыну.

Только проехав в этом молчании почти половину дороги, он, наконец, смог заговорить:

- Ну, как доехали?

- Да всё хорошо, Вася. Все хорошо, - ответили Катерина и добавила.
- Теперь.

Больше она была не в силах выдержать, и слезы хлынули огромным потоком, выдавливая всхлипы. Теперь она проплакала долго, обняв Андрея, который всё отталкивался, не желая показать отцу, что тоже готов расплакаться наравне с женщинами. Он нарочито оглядывался по сторонам с гордо поднятой головой: «Знай, наших!». Василий, видя это, заулыбался. «Наша порода. Протасовская».

Проехав еще немного, он покряхтел немного, чтобы голос не выдавал его волнение, и заговорил снова. Ему вдруг захотелось говорить и говорить без остановки.

- Ну теперь заживем. Теперь все хорошо будет. Скоро в наши края переедут и Варвара с детьми. Я им написал, летом обещают.

Здесь он снова, в который уже раз, пристыдил себя, вспомнив слова своей жалобы, что не одобрял взгляды сына Петра на коллективизацию. «Надо будет рассказать ей об этом, - думал Василий, - Она поймет. Я же ведь не отказывался от сына».

Короткая юность Андрея

I

Рансние оказалось неопасным, но кроме касательных осколочных рпнений, была раздроблена стопа левой ноги и, несмотря на неоднократные просьбы Андрея, его хромого никто выписывать не хотел. Врачи боялись, что может начаться гангрена, а потому нужно было держать его под присмотром до полного срастания в этом временном медсанбате на окраине Москвы. Ранее Андрей в Москве не бывал не разу. «Ну, здравствуй столица,- усмехался он, - не так я хотел навестить тебя».

Он и действительно собирался побывать в Москве сразу по окончании Челябинского педучилища, который переехал и в последний год его учёбы и находился в городе Миассе. Профессию учителя выбрал, стараясь походить на Павловского Антона, который преподавал в их шахтерском поселке Южного Урала. Он был учителем от Бога, хотя в начале казался совершенно другим. Замкнутый, высокий и прямой, с сабельным шрамом на всю правую щеку, больше походил на белых офицеров из фильма о Чапаеве. В далекой молодости, ещё в студенческие годы он примыкал к боевой группе эсеров, но в никаких покушениях не участвовал. В гражданскую войну добровольно вступил в Красную Армию и окончил ее командиром эскадрона в составе второй конной армии в ноябре 1920 года после освобождения Коховки. Был лихим наездником, имел именную кавалерийскую саблю от самого командующего Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе. Перекоп, Сиваш и полное освобождение Таврии от барона Врангеля состоялись уже без него. В это время он так же провалялся в госпиталях.

Вместе с женой Капитолиной Евгеньевной они занимали две комнаты с торца здания школы, довольствовались тем, что Бог прислал, и принимали всех желающих учиться жителей поселка. По вечерам ходило множество взрослых шахтеров, домохозяек. Их на классы Павловские не делили, преподавали, как сами называли, «общий курс первоначальной грамотности». Капитолина Евгеньевна учила грамоте, письму и арифметике. У неё, похоже, был прирожденный талант объяснять так доходчиво, что многие жители поселка уже через несколько месяцев начинали бегло читать. С письмом выходило похуже. Антон Иванович своими рассказами влюблял всех жителей в историю.

Уроками это не назовешь. Это были лекции, раскрашенные различными историческими событиями. Казалось, что он знал лично всех героев, начиная с античных времен, что многие узнавали заранее тему будущих лекций и приглашали своих знакомых, считающих себя грамотными. Какие дорогие были времена.

Мысли Андрея перебил больной из соседней койки без правой ноги, который в течении двух суток после перевода в их палату не промолвил ни одного слова. Только тихо постанывал, выставив из-под одеяла коротенькую культяпку ноги, завернутую бинтами, и чесал поверх перевязки, задрав голову к потолку. Удаление омертвевших участков и осколков костей состоялся в операционной, а здесь ему только меняли повязку и мазали антисептиками, чтобы рана затягивалась без осложнений.

- Земляк, скажи, чем наша наступательная операция закончилась? Ну, пора туё меня, земля! Меня скоро отправят в тыл – отвоевался я! Что я там буду рассказывать?

По фронтовым меркам жители соседних губерний уже считались земляками, а Николай был из-под Тюмени и служил в пехоте соседней сибирской дивизии. Ногу ему оторвало при наступлении на город Клин фашистской миной.

Андрею повезло больше. Расчет его 122-мм гаубицы тоже участвовал при освобождении города Клина. Тогда против их уральской и сибирской дивизии 30-й армии было брошено более ста фашистских танков и множество живой силы. Было обидно, что его гаубица образца 1910/30 годов, как и все соседние с I алимовской батареей, против тяжелых танков были бессильны, хотя покрошили вражеских автоматчиков большое количество. Немцы неоднократно пытались контратаковать, но отступали снова и снова. Танков жгли орудия меньшего калибра, противотанковые ружья и даже бутылки с зажигающей смесью. Гаубица била осколочными гранатами и изменяя угол возвышения, держала под огнем глубину от двух до восьми километров вражеского тыла. Немцы медленно, но устойчиво отступали от Москвы, оставив Клин, Калугу, на расстояние более двухсот километров от столицы. Почти прямое попадание в орудие случилось уже под Тулой. Андрея ранило в предплечье и придавило ногу станиной перевернутого взрывной волной гаубицы. Рядом стонал заряжающий Галиахметов. Двое бойцов, находящиеся возле снарядов были убиты.

- Всё нормально Коля. Приедешь ты к себе домой без одной ноги, но освободителем столицы нашей Родины. Теперь Москве немец не угрожает. Всё, Коля. Так, что не унывай, земля. Мы тут за тебя ещё повоюем.

- А ты давай тоже там за нас постарайся с тевками, - это уже у соседа справа весело блестели глаза через прорези забинтованной головы, - Вот за нас, за семерых из нашей палаты, чтобы семерых баб избрюхагил. Понял, земляк? Столько народу перебило, пора начинать восстанавливать хотя бы довоенное количество нашего ората.

Этот мог бы и промолчать, поскольку сам же и стонал от своего смеха, растревожив незажившиеся ещё раны лица, но видать хотел таким образом успокоить Николая.

Колво увезли через два дня, со слов медврача, на санитарном поезде и сторону Уфы для полного илечения в больничных условиях

Стало как-то грустновато. Андрей снова предавался своим воспоминаниям дальше. Уж больно быстро пролетела его молодость. Словно обрубил проклятой войной. Вроде как еще вчера инкучерявилась шальная юность запахом сирсни, с первой любовью, но с' отобрали и вручили оружие. У него до этого и времени-то не было, чтобы вспомнить довоенную жизнь. Ускоренные курсы артиллеристгов, палаточный город, учебный марш-бросок с гаубицей на передке шестерки лошадей, учебные стрельбы и он оказался по другую сторону юности. Теперь вынужденный ждать, когда срастется ступня, вспоминал другие палатки, с походными кострами и печеной картошкой на реке Миасс, куда их часто выводили Антон и Капитолина Павловские. Несмотря на более чем двадцатипятилетнюю разницу в возрасте, они вели себя как дети: дурачились, пели походные песни. Утром, когда по зеркальной поверхности воды бесшумно стелился туман, из отдельной учительской палаты вдруг доносился звук семиструнной гитары. Антон с Капиталиной садились откинув вход в палатку и пели романсы. «Первая встреча – по-о-о-следняя встре-е-е-ча. Позже Капитолина Евгеньевна рассказывала о великих стройках пятилетки, но Андрею больше нравились воспоминания Антона Ивановича. Он освобождал Юг России, где растут арбузы и виноград. Арбуз, с его слов, был фруктом огромных размеров, что им можно накормить несколько человек. А еще он был таким сладким и ароматным, что нельзя разрезать поблизости с пчелами. Андрей даже представлял, как тысяча пчел впитываются со всех сторон в большую ягоду и пьют её нектар, что сама ягода становится меньше и меньше, пока не исчезает совсем.

Антон Ивановича забрали в начале 1938 года и обвинили, как было написано, в совершении преступления, предусмотренного пунктом 7 части 2 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР. Это означало участие в контрреволюционной организации и совершение

В логове

1.

Много было всякого вероломства в военной истории человечества за тот период, который изучен нами более или менее. Полководческие стремления «Победа-любой ценой!» частенько оправдывали выходы, стирающие всякую грань между военной хитростью и вероломством. В последнем случае ломалась ещё и то, что достигнуто государствами за последние века в попытке хоть как-то придать действиям воюющих сторон понятия о недопустимости тех или иных деяний в современном мире. Ратификация этих международных конвенций и договоров означало, что этому государству человеческое не чуждо и оно, наравне с другими сторонами, подписавшими этот акт, заявляет: «Честь имею!».

Договор с Германией о ненападении был подписан нами 23 августа 1939 года, но в то, что у фашистов тоже может оказаться честь, мало кто верил. Советский Союз старался выиграть время, чтобы усиленно наращивать свой военный потенциал в это опасное время, а Германия не хотела воевать одновременно на Западе и Востоке. К договору был придан надлежащий вид, что особо подчеркивает вероломство. Имелась пункты, предусматривающие его автоматическую пролонгацию через десять лет ещё на пятилетку, а кроме этого о создании совместной комиссии на случае возникновения конфликтов. Гитлер видел, что большевики правильно оценив всю опасность фашизма, еще десять дней до этого, то есть 12 августа 1939 года предложили подписать такие договора своим союзникам по первой мировой – Англии и Франции. Однако союзники решили, что коммунисты опасней фашистов. Так они решили и заработали для своей страны и народа то, что заработали. Здесь, естественно нет и не может быть ни грамма юродствования или, Боже упаси, злорадства. Союзники отвернулись, и оставалось только путем такого договора с Германией постараться сохранить свою Родину, созданную доселе некем не проверенной и гуманной идеей создать общество без эксплуататоров, огрызаясь от врагов, окружающих со всех сторон и, увы, убивая себе подобных внутри свое страны. Слишком большая была цена. Наши ошибки – это наши ошибки. Нам их и исправлять, но таким трудом созданная страна с его несгибаемым народом честь имела. Она была готова защитить себя и Европу, не принявшую нашу дружескую руку.

В результате договор был подписан, что дало Советской стране в период с 1939 по 1941 годы сформировать 125 дополнительных дивизий и оттянуть начало военных действий со стороны Японии, которая побоялась напасть стране Советов в одиночку, без Германии.

Гитлер со своей стороны, сильно обрадовался отказу Франции и Англии подписать договор с большевиками, поскольку хорошо помнил Испанские события 1936 года. Теперь у него руки были свободны. Страны Европы в первую очередь интересовали Рейх как источники сырья и дополнительные ресурсы для последующего похода против СССР.

За время с декабря 1941 по апрель 1945 года командир орудийного расчета гвардии старший сержант Протасов Андрей Васильевич прошел от Москвы до Берлина с двумя остановками в медсанбатах и госпиталях. Воевать было уже не так паршиво, как это было раньше. Во всем чувствовалось наше превосходство. В дивизии уже имелся целый гаубичный артиллерийский полк, состоящий из пяти батальонов по 4 орудия в каждой. К тому же, Андрею понравились замена орудий на другие гаубицы образца 1938 года, прозванные «тридцатками» (М-30), которые в отличие от гаубиц образца 1930 года, имели две раздвижных станины, что усиливало устойчивость, пересмотрено прицельное устройство, а кроме того они имели рессоры. Да и сама механическая тяга была уже другая. На смену маломощного трактора С13-5 и тихоходного ЧТЗ-65 пришли мощные и быстроходные трактора «С талинец-2», а после и вовсе выпускаемые специально для этих целей трехосные автомашины ЗИС-6 и ЗИС-42. Менять дислокацию и сами огневые точки стало гораздо проще. Во время марша ехать в кузове автомашины и видеть, как плавно на рессорах качается прицепленная гаубица, было по-бодорого.

- А вот, скажи командир, имею я право постирать свои советские портянки на границе Польши и Германии? - заряжающий Анвар Галимов, весельчак и всеобщий любимец, положил уже готовое письмо поверх послания Андрея на пустой ящик из-под снарядов и стал снимать сапоги. - Не могу же я в таком вот виде вернуться в Берлин. А вдруг придется заходить в опочивальню Гитлера при своей бабе. Надо чтить высокое звание красноармейца. Нет, ну я правильно говорю, командир?

- Валяй, брехун.

Командир батальона старший лейтенант Проханов, который собирал командиров орудий, уже доложил в дивизию, что на его участки «враг активных действий не предпринимает». А враг и не собирался предпринимать эти действия. Он готовился оборонять Берлин

- Всем заниматься своими делами, но чтобы наблюдение было бесперебойным. Чуть что сразу ко мне. Вечером проверю. Командирам знать местонахождения каждого бойца и держать в поле зрения. Скажу вам по секрету - готовится что-то серьезное.

Однако появился Проханов буквально через двадцать минут после сбора, а Андрей и не успел заметить, что Анвар повесил сушить свои портянки поверх противооткатного устройства гаубицы. Со стороны это конечно не очень заметно, но разве командир батареи будет обходить расчеты и пройдет, не осмотрев орудия. Со всех сторон к орудию прислонены сломанные верхушки деревьев, но по середине верхнего корпуса откатного устройства освобождено приличное расстояние, где висели портянки Галимова.

- Хочешь, угадаю чье имущество?- проговорил Проханов Андрею, - Ох и подведёт он тебя когда-нибудь. А вот если бы это не я был, а, допустим, замкомдивизии Зеленский? Что тогда? Ну-ка позови его.

- Галимов! Галимов - к командиру батареи!

В таких случаях - а сейчас орудия стояли на опушке леса, возле большой поляны, выработана такая команда, которая подается криком и в то же время негромко. Достигается это за счет интонации командира, которая выделяется среди любого шума и означает, на языке бойцов, только одно – сейчас будет «втык!».

Галимов появился обутый в сапоги на босые ноги, и с таким нарочито глупым лицом, что впору засмеяться. Эта была его дежурная «мина», которая выручала уже не раз. Он повторял в точности реакцию нашкодивших маленьких детей, которые делают вид, что им непонятны неудовольствие взрослых, дескать «Что? Что, мама? Что-то случилось?».

- Что же это ты, Галимов, белую тряпку повесил. Сдаваться собрался?

Однако тягаться Проханову с ним было бесполезно. Зная, что ему ещё и не такое прощалось, Галимов, не долго думая, выпалил:

- Никак нет! Они, товарищ командир были белыми только один раз и совсем не долго – когда старшина выдавал. С тех пор всегда серые, - и добавил, - приближенные к черному.

- Убери, - хохотал Проханов, - не трави немцев, пока команды не было. Поди, запах не лучше, чем у ирита.

Разговор перебил прибежавший с НП дивизии вестовой:

- Командиров батарей - к комдиву!

- Всё, я побежал, - проговорил Проханов и, обращаясь к Андрею, - приду, соберу вас. Кажется, начинается.

Началось около четыре часов утра. Все гаубицы по приказу Проханова были вывезены на два километра западнее за опушку леса, где выстроены в одну линию на определенной дистанции друг от друга. Эта линия было продолжена другими батареями артполка. Выстроилась цепь из девятнадцати гаубиц, готовых к стрельбе осколочными гранатами и зажигательными снарядами, вперемешку. Целью артполка определен укрепленный район немцев южнее населенного пункта Лебус, расположенного на расстоянии пяти километров. Начало артподготовки — 5 часов 30 минут, но орудие Андрея присоединился опоздало из-за вполне понятного замешательства. Первыми залпами «пушек», с их душераздирающим визгом, началась канонада тысячей орудий, и было ощущение, что небо падает на землю. Все пространство впереди окрасилось в багровый свет, на фоне которого летели реактивно-фугасные снаряды в сторону врага, словно пытаясь догнать друг друга. Глубины разрывов была такой величины, что создавалось впечатление будто впереди горел сам Берлин. Подавать команда по голосом было бесполезно, бойцы передавали друг другу снаряды и оборачивались в сторону Андрея, который делал взмахи рукой — «Пш!»». Весь этот вой, свист и невиданный гул заполнил всё вокруг и не затихал ни на минуту. Предаваясь общей эйфории, Андрей, как и все, довел себя до автоматизма, что вдруг остановился и подумал: «Кто-то из нас умирает. Кому? Не знаю. Но кто-то умирает. И умирает теми же темпами у меня краска на стволе гаубицы запузывается».

Для немцев это был адом, и как потом выяснилось, за это время они не произвели ни одного выстрела попрытавшись, как тараканы по щелям. Красная Армия уже могла себе позволить не экономить на снарядах, которые продолжали поступать через всю Польшу непрерывными эшелонами. Этот тридцатиминутный ураган, состоящий из града мин, снарядов, молний перемешивался гулом самолетов, которые безраздельно господствуя на большой высоте, летали в тыл к немцам и сбombившись возвращались за очередной порцией угощения. Артподготовка, казалось, продолжалась целую вечность, а потому, когда вдруг всё стихло, бойцы стали трогать свои уши и смотреть друг на дружку — почти так тихо стало, не оглох ли я случайно?

Сразу после артподготовки, на дальних высотах вспыхнули более ста мощных прожекторов и в бой пошли танки, самоходки и пехота.

Сборы для дальнейшего броска были недолги, и артполк вместе с другими частями 1-го Белорусского фронта выдвигался, на новых

быстроходных артиллерийских тягачах Я-12 на последний рубеж немцев перед Берлином – Зееловские высоты.

Воевать наши научились хорошо и сплоченно. Каждый был на своем месте и выполнял свой ратный труд. Командиры армий, корпусов, дивизий 1-го Белорусского фронта знали решительный характер своего командующего Жукова Константина Георгиевича. Ошибки он не любил прощать. Именно по его инициативе, Берлин не хотели взять в кольцо силами всех трех фронтов. Слишком много силы могли подтянуть фашисты к городу с восточного укрепрайона, а воевать с ними на улицах города была бы более кровопролитной и длительной. В связи с этим, силы 2-го Белорусского фронта во главе с маршалом Рокоссовским обходили Берлин с Севера, переправляясь через Одер, не подпуская тем самым ударов справа, а 1-ый Украинский маршала Конева - обходил фашистскую столицу с Юга и должен был пройти большое расстояние, вплоть до соединения силами американцев, и блокировки германских войска с Запада. Задачей Жукова было взятие Берлина.

К этой операции он, всегда обдумывающий все до конца, готовился особо скрупулезно. Целых шесть раз Берлин облетали и готовили аэрофотоснимки наши летчики, а позже был построен точный макет города, который изучался вместе с генералами армий и с некоторыми из старших офицеров. Он добился, чтобы карты своего участка города имели в своих планшетках даже командиры рот. В этом он никому спуска не давал и во многих его победах, пожалуй, сыграло роль и то, что он бывал суров до такой степени, что многие считали его «жестким до жестокости».

Сражаться на этот раз предстояло против 9-ой армии фашистов, укрепленной частями 4-ой танковой армии. Именно эту силу предстояло уничтожить на Зееловских высотах. На вторые сутки наших атак, немцы подтягивали туда даже некоторые резервные силы из Берлина, и с упорным сопротивлением сдерживали последнюю свою оборону. Данный факт отвечал планам Жукова не допустить в город эти силы, уничтожить их на подступах, но уже шли третьи сутки, а враг не сдавался. Это уже в его планы не входило.

Эсэсовец, который воспитывался чувством достоинства арийской непобедимой расы, ежедневно слушающий бред доктора Геббельса, обыкновенный пожилой немец, взятый по мобилизации и сопляк гитлерюгенда с фаустпатроном наперевес, все знали одно – пощады не будет. Они стояли насмерть и даже атаквали, пытаясь выбить части Красной Армии, так непростительно близко стоящих от их столицы.

В батарее Проханова остались только две гаубицы. Еще две гаубицы

от прямого попадания вышли из строя, двух артиллеристов нет в живых, пятеро раненных, один из которых – тяжело. Такой случай в памяти Андрея был только однажды, но тогда их беспощадно разбомбили с воздуха, а здесь с таким превосходством и нести такие потери было непростительно. Много убито немцев их выстрелами, подбиты два фашистских танка. Это было достигнуто благодаря тому, что с конца 1943 года их стали снабжать кумулятивными снарядами. Однако враг продолжал сражаться с ожесточенностью обреченных. Последнюю линию обороны перед Берлином немцы укрепляли заранее. Перед нашими позициями было множество ДОТОВ, железобетонных блинкеров, зарытых наполовину танков, уничтожить которых было не просто.

Однако 1-ый Белорусский фронт Жукова имел огромный приоритет и ни в чем не нуждался. Если другие фронта часто были вынуждены просить Ставку помочь техникой или живой силой из резерва, то Сталин, в данном случае, сам звонил в штаб 1-ой Белорусской и интересовался, какая нужна помощь. Например, 3-ему Украинскому фронту, сражавшемуся у озера Балатон на территории Венгрии, было тоже нелегко. Враг против них бросил большое танковое соединение. Штаб фронта обратился начальнику главного артиллерийского управления (ГАУ) Яковлеву Николаю Дмитриевичу о доставки им пронебойных снарядов, и получив отказ связались напрямую со Ставкой. Сталин поддержал Яковлева – «Эти снаряды могут пригодиться Жукову». Затянувшийся у Зееловских высот бой его тоже не устраивал, и он торопил командующего. Тогда Жуков бросил на Зееловские высоты ещё две танковые армии, и сдерживать такие силы враг уже не мог.

Видя изменение сил, Андрей с бойцами вытащили свою гаубицу из позиции на прямую наводку и, укрепившись возле горевшей самоходки СУ-100, приготовились стрелять осколочными гранатами по отступающим немцам. В этот момент, он только успел услышать этот уже знакомый звук мины, его приподняло выстрелом на воздух и с огромной силой швырнуло на горящую рядом самоходку.

Говорили двое: мужчина с женщиной и, как будто, шли. Их голоса слышались сначала отчетливо, но пропадали, словно потеряв своих хозяев, и снова находили. Какая-то непонятная игра. Они незнакомы и смысл их разговора тоже непонятен, с обрывками. Голоса пропадают и снова находят своих хозяев...

Внутри меня, в моем животе ничего не осталось кроме маленького обрезка кишки, которую для чего-то растягивают, и она вот-вот

оборвется. О, как больно они мне делают. Мама! Мамочка моя!...

«Ты не умрешь, брат. Ты не умрешь. Только я помочь ни чем тебе не могу. Мне самому очень плохо. Мне очень плохо брат – я уже умер». Но я не помню уже, как выглядит мой брат. Когда его забрали, я был еще маленьким. Я его не помню. Вот он склоняется надо мной, но лицо его очень плохо видно. Оно расплывается...

- Он приходит в себя, Владимир Стапанович. Давай-давай богатырь земли русской, ты уже выкарабкался.

Вокруг так светло и все предметы сливаются в одно светлое пространство. Но вот что-то в этом пространстве шевелится. Оно живое это пространство, оно видоизменяется. А я что? Со мной-то что? Я снова ранен? Ой, как все-таки больно. Проханов! Анвар! Нет голоса, они так не услышат. Ой, как больно-то. Мама...

Андрей провалялся в бреду более суток после операции, которая со слов военврача Честякова В.В. прошла блестяще:

- Не думал я, что одолеешь такое. Наша уральская закалка! Лицо, скажем, перекраивать не смогли. Будешь со шрамом ходить, парень. Ну, да ладно, они мужчину украшают.

Андрею сразу вспомнился его учитель Павловский, со шрамом на всю щеку. Его шрам не то чтобы украшал, но был, можно сказать - к лицу. Без шрама это был бы совсем другой человек. Не такой добрый, справедливый и стойкий.

- Доктор, мы где? Где наши? Что с батареей?

- Ну все, боец, успокойся. Не знаю про вашу батарею. Вы мне тут покурить толком не даёте, а не то чтобы выяснять что-то. – и обращаясь к медсестре,- Леночка, поговори с героем.

Лене не пришлось ничего рассказывать, как к Андрею приковылял на костылях красноармеец и обрушил столько информации, что только успевай переваривать.

- Здоров, я Паша. Ты с какой дивизии? Где ранило? Ох и бредил ты друг, думали, помираешь. Только, знаешь, как тебя притащили из операционной и не особо нянчились. Работы сейчас у медврачей уйма.

- Я артиллерист, ранило на Зесловских высотах. Даже не знаю, остался кто живой или нет. Половины расчетов и двух пушек уже не было. Что там твориться? Где мы?

- Ну, слушай бог войны, мы в госпитале в городе Цилинциге, тьфу черт – язык сломаешь, в Германии одним словом. Высоты ваши взяли и теперь идет бой за имперскую канцелярию, блин ну и названия они тут напридумывали. Наверное назло, чтобы я выговорить не мог. Здесь за стенкой полковник раненный, а к нему прибегают всякие там

д. Инквизиторы, вестовые. Все докладывают, как дела идут. Леночка при них все узнает и я, глядишь, опять же в курсе. А я брат, видишь, из окрестностей. Повезло мне. Наша дивизия брала «дом Гиммлера», слышал о таком? Нет? Это брат штаб-квартиры ихнего гестапо, а кричалась она ой-ей-ей. Представь, один дом брали с силами двух дивизий. А сколько народу погибло. Врываемся на второй этаж, а прямо напротив стена, увешанная двумя большими картинами. Мы чуток ослабились и вдруг картины падают на пол, а за ними комната с осколком и два крупнокалиберных пулемета. Я успел прыгнуть за угол, а товарищей всех положили, суки. Они там были за каждым закутком, осколки и эти пацаны с фаустпатронами. Так-то брат. Вот поймали Гитлера в их канцелярии, и глядишь каюк войне.

«Почта» у полковника работала безотказно и о взятии Берлина узнали 2 мая. «Ещё вчера ночью, - говорили ему, - взят рейхстаг, а сегодня сдались в плен последние скрывавшиеся защитники». В эту же ночь на первого мая была взята канцелярия, и долго матерился Паша, что Гитлера взять живым не удалось. Андрей вспомнил Анвара Галимова, которые все хотел ворваться в спальную Гитлера в свежестиранных серых портянках цвета ранних сумерек. «А ведь он был еще жив», - вспомнил Андрей. Возможно, что Анвар среди тех, кто брал рейхстаг или имперскую канцелярию.

Паша, тем временем, оббегал всех тяжелораненых, поздравлял, целовался со всеми и даже поделился по секрету, что ему полковник налил почти пятьдесят граммов спирту. От него и в правду пахло спиртным, а у полковника собралось множество офицеров, где они громко говорили и даже пели песни. Потом полковник разругался с кем-то из начальства госпиталя и уехал с офицерами на старом трофейном «виллисе», а медврач проводил его до самых дверей, кричал подгонку, что нажалуетса, но обратно уже шел с улыбкой и бубнил себе под нас «Да, разве сейчас тебя кто удержит. Победитель, как-никак, а не больной с геморроем».

Андрей радовался со всеми, не пряча слезы, и так же кричал «Ура!», не обращая внимания на недовольных медсестер. Эта была такая великая радость, такая выстраданная и желанная, что никто ещё из этих раненых красноармейцев на самом деле до конца не был уверен, что проснется завтра, а войны – нет. Никто так и не уснул, словно боялись, что все может оказаться сном.

Впереди была длинная, как казалась, безоблачная жизнь. Андрей сел писать письмо. Нужно было предупредить своих, что войну окончил «живым и невредимым», но задержится малость по делам

службы, чтобы там не беспокоились и ждали его. А осенью он войдет в светлый класс со свежими, еще источаемые запах краски партами, и скажет «Здравствуйте, дети». Он будет учить детей, а они слушать, открыв рот, как и он сам когда-то, о бесчинствах фашистов и про героический труд солдат отчизны. Будет он стоять перед ними сухой и подтянутый, со шрамом как у Антона Ивановича.

РАССКАЗЫ

ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

1. Здравствуй, жизнь

Елизавета Баранова в свои семнадцать лет успела окончить девятилетку детдома, ПТУ на швею, и оказалась на вольных хлебах без денег, работы, трёх передних зубов сверху, но зато беременная и с огромным желанием начинать праведную и долгую жизнь. В отличие от подруг, ютившихся по съёмным квартирам, ей от матери остался старенький домик, который усилиями работников соцзащиты был закреплён за Лизой. Где находится сама мать, она не знала. Мать была лишена родительских прав, а отца она не знала.

Осмотрели дом вместе со своим другом Колей - отцом будущего ребёныша и остались вполне довольны. Мать выехала не более года назад, а потому «приходящие хозяева» успели только перебить стекла, вырвать дверь, нагадить внутри и разобрать весь забор, видимо на дрова.

- Главное, целы фундамент и крыша, а значит чуть подлатаем и будет тепло. И ещё, Лиза, повезло, что огород большой. С картошкой не пропадём.

Коля так же закончил школу-интернат, но годом раньше. Он часто приходил к друзьям из детского дома, её заметил ещё там, девятиклассницу во время перекюра за спортзалом детского дома. Она ничем от подруг не отличалась, но он почему-то выбрал её. Было от этого приятно. Коля, правда, парень шепутной, может выпить и подрагаться, но зато разительно отличался от остальных, кто были уж больно низенькие ростом, и прокуреными, как у стариков, желтыми зубами. Она вспомнила Андрея, который ранее проживал с её матерью. Мать звала его «зяблик приبلудный»... Нет. Коля не такой. Лизе повезло больше, чем маме. Тем более Коля уже работал, ездил бригадой по всей территории области и за год, пока ждал её, научился профессии плиточника. Работу каменщика и штукатурка он так же освоил неплохо. Его быстро оценили, Руки росли оттуда, откуда надо и сам он, ужасно любознательный всё схватывал налету. И отцом он будет хорошим. А как же иначе-то? Он такой!

В эту осень, как решила Лиза, с ними поживет её подруга Света, тоже детдомовская. Ей все равно жить негде. Коля будет ездить на работу вахтовым способом, а им вдвоем будет не так скучно, а весной, как мечтали все трое, у них будет такой огород, что все ахнут. Картошки

человек даже на продажу, а ребенки вообще не будут нуждаться в витаминах. Главное (к Коле прицелилось это слово - «Главное»), витамины будут не покупные с пестицидами, а «свой, блин, натурпродукт».

- Главное, вы то моего приезда глупые сидеть не будете. Думайте, что вы делаете! Со временем я его вообще обкладу кирпичом, будет лучшим на всей улице. Уж того-чего, а судитель я не последний!

Однако не суждено было всему этому случиться. Коля погиб. О том, что он упал с крыши высотного дома и разбился насмерть, сообщил Гена, который в последнее время похаживал к Светлане. Он так же работал в областном центре в соседней бригаде по наружной отделке стен.

Вся жизнь, все планы были уничтожены в один миг на корню. Лиза ходила как сомнамбула, левизнала, отвечая на все вопросы «Да, да». Последняя и сама в основном редела почти без остановки. У неё так же все планы были связаны с ними и полностью зависели от Коли. Жалела она Лизу или Колю, понять было трудно. Через день, выпив принесенную Генкой бутылку водки, приняли решение съездить в морг и попрощаться. Это единственное что они могли сделать. Лиза знала, что у Коли где-то на Севере живет тядя, но не знала ни адреса, ни фамилии. Свои отношения в ЗАГС если так же не успели оформить, всё думалось, что можно зарегистрировать за одну ходку и оформить вместе с рождением ребенка. Теперь она не могла получить даже причитающиеся к похоронам деньги. Они друг другу никак не приходились. Было решено, что сообщат все данные Коли для оформления ритуальных действий, узнают на каком похоронит кладовище и уедут. С Лизой решила ехать Светлана. Пересчитав кое-как добытые деньги, они выехали первым поездом в морг. Там было суждено. Пошла черная полоса. Уже подбегая к Екатеринбург. Лиза почувствовала себя плохо, Светлане пришлось звать всех на помощь, поднимать на ноги весь состав, что их в станциях заорали в двадцать четвертую горбольницу, где Лиза родила недоношенную девочку, которую решила оставить в роддоме.

Светлана ещё немного поревела у роддома и решила, что жить все равно стоит. Такая видать у них, у интернатовских и детдомовских, судьба. А может именно интернатовская закалка и держала их на плаву, когда друдой кто-нибудь бы пошел в неглык. Такие вот «весьские хлеба» поджидали многих из них. Если раньше выпускникам интернатов и детских домов было гораздо легче устраивать жизнь, то теперь в таком же соку варились дети из внешне благополучных семей. Нег теперь

мастеров и прорабов, коих раньше прикрепляли к каждому молодому рабочему и буквально натаскивали по жизненному пути. Теперь вся жизнь – борьба, и к тому же один на один. Образно можно говорить, что большой палец Цезаря всегда повернут вниз и пощадить не будет. «Идущие на смерть приветствуют тебя!»...

Светлане удалось дозвониться до Геннадия, и она стала жить в снимаемой им комнате. Другие парни, живущие с ним, временно решили пожить на стройке. Так делалось частенько не только из-за времени от времени приводимых кем-то из них женщин, но и потому, что ездить туда и обратно каждый день было накладно. Дашу, как была названа девочка, выпаривали в МММ и выписали через неделю. Перед этим Лизу «воспитывали» медработник, работник полиции и женщина из службы соцзащиты. Она, правда, и сама уже надумала, что будет начинать. назло всем, совершенно непонятную новую жизнь никогда не бывшей замужем вдовы и матери-одиночки. Подбадривали и Света с Геней, которые передали ей мобильный телефон и теперь каждый вечер клялись в вечной любви и преданности. Великое дело – Дружба! Как только раньше могли жить без мобилньиков? Опять же - Лизе стало смешно - раньше ходили друг другу в гости почти каждый день, а нынче носа не кажут, позвонят через месяц и извиняются, что «села батарейка».

2. Правдолюбец

В кризисное отделение Центра социальной помощи, куда привезли Лизу занимало две комнаты двухэтажного дома, где жили женщины с детьми, попавшие в тяжелые жизненные ситуации. Отделение так и называлась - ТЖС. Попадали туда в основном женщины, которые никому не нужны и мало что умеют делать. Многие из них попадают на глаза участковых, комиссии по делам несовершеннолетних, как женщины неразборчивые в связях, имеющих детей от различных лиц. Неустроенность, а порой нежелание трудиться и вести активный образ жизни, превратило их в траву перекаати-поле, неспособную противостоять любому маломальскому дуновению вестерка. Вот они и катились без самостоятельных телодвижений, надеясь на «авось пронесет», «живы будем – не помрем», «куда стремиться, когда до нас уже всё разворовано и присвоено». Они жили по несколько месяцев со своими детьми на полном государственном обеспечении, занимались только тем, что мыли по очереди комнаты, стирали бельё и

читали любовные романы. За них переживали, трудились и как могли «призывали их к светлому будущему» сотрудники Центра: медработники, психологи, педагоги и юристы. Педагог, медики и соцработники обучали обращению с детьми, культуре общения, о влиянии действий в современном обществе и многому другому. Они и в правду потом выходили из этих стен более коммуникабельными и не во всех жизненных ситуациях «впадали в столбняк». Юристы вместе с соцработниками делали всё, чтобы клиенты, выписываясь из Центра, имели все социальные льготы и гарантии для дальнейшего проживания, могли противостоять насилию, чтобы не ставались условия, при которых они смогут наступить повторно на те же грабли.

На втором этаже здания расположилась группа детей-сирот и детей, которые остались без попечения родителей. Они содержались с большой любовью, ничем не испытывая нужду, кроме материнской ласки. Воспитатели этой группы, настоящие люди с большой буквы, не жалели ни сил, ни времени, отдаваясь этим детям как своим собственным. Одной из основных задач группы было вернуть детей в свою семью, что почти всегда имело нулевой результат. Цель действительно самая благородная – соединить семью. Лучшая мать – биологическая мать, хотя в сознании людей главенствует чисто материнские инстинкты души, а не генетические составляющие. Успешно осуществлялась другое: отдать этих детей под опеку, в приёмные семьи или на усыновление. Кто будет обделен и этим, то их ожидает детдом, где так же работают очень даже неплохие люди, но основной задачей их, наверное, является обучить, сохранить на свободе, чтобы не попали в лагеря для несовершеннолетних, а после выпустить «на вольные хлеба». Что из себя представляет эта «ВОЛЯ» - вопрос третий. Однако, речь не о них.

Количество таких Центров становится в России всё больше, а нуждающиеся есть всегда. Однако немалая сумма отпускаемых государством на эти цели идёт и на тех, кто готов этим злоупотреблять. Таких немного, но они есть. Благополучный человек не в том смысле - у кого всё есть, а тот, кто привык если не держать судьбу за рога, то хотя бы выкручиваясь сам, никогда не обращается в эти Центры. Он даже стесняется выставлять себя имеющего нужду. Если у богатых русских есть бравада высветивать изобилием «Смотрите, люди, вон я какой!», то у малоимущих есть привычка прятать свою нужду «Не дай Бог, подумаю, что я во всем нуждаюсь». Даже те, чьи дома сгорели дотла, не все идут в Центры. Они предпочитают брать в долг у родных и знакомых, брать кредиты в банках, жить временно у незнакомых людей,

но в Центр не пойдут. Погорельцы туда попадают часто, но это по справкам пожарных, семьи, где «накануне и ранее были замечены в употреблении спиртных напитков».

Одним из клиентов, кто решил просто воспользоваться, отдохнуть от действительности, сохранив при этом свои доходы, была Альбина. Она никак не походила на клиента Центра ни одеждой, ни поведением. Со своим четырехмесячным сынишкой поступила, как ожидающая суда над сожителем, якобы, нанешим ей побои. По личному делу видно, что нуждается в реабилитации у специалиста-психолога. Нужда, если хорошо присмотреться, особо «не выглядывала», но зато пустовало койко-место, что для отчетности Центра не очень хороший показатель. Сожитель находится под подпиской, живет у своих родителей, а потому может продолжить над ней «физическое насилие» и значит ей можно заполнить пустующее место. Альбина когда-то работала секретарем суда, окончила два курса юридической академии и где только она не находилась, начинались обвинительные речи. Ужиться с ней рядом тому, кто имеет свое мнение, было очень неудобно. Вся её «обвинительная речь» каким-то чудным образом, даже при любой бытовой мелочи, всегда оборачивалась против власти. Она так незаметно для других могла начинать обвинять Президента всея Руси только потому, что в общем туалете, расположенном на первом этаже, не оказалось хлорки. При этом начинала с предмета спорного вопроса, а после все переключала, что люди продолжали по своей наивности поддакивать, не сразу врубившись в её последующие слова. В Центре она держала на поле зрения Галину с тремя малолетними детьми, которая нарожала их от гастербайтера из Узбекистана Кирима. Сама, имея гражданство России, она состояла «временно прибывавшим» в зарегистрированном браке, нарожала детей и теперь не знала, как быть, поскольку его, уже превратившегося в опойку, отовсюду выгнали и собирались депортировать. Сроки все вышли. Альбина, постепенно «выложившись» на проблемах Галины, познакомилась с Лизой. Для неё это был не человек, а носитель вечной темы. Вот кто страдает от властей. Однако, превратить её в «изгой в собственном государстве», не успела. Уже с третьего вечера, она сама стала возвращаться с вечерней прогулки «под хмельком». Дело дошло до начальства и на завтра её должны были выписать. Вот тут-то её прорвало, да так, что лучше изложить её обвинительную речь от первого лица. В этом весь смак и терять его не хочется. Речь иногда не совсем связная, но не кивайте на меня. Автор тут не при чем. Это всё она.

- Вы когда-нибудь читали стихотворение Евтушенко о пустых

качелях? Нет? Это не удивительно. У вас клиенты читают любовные романы, а сами вы, наверное, только труды Крупской и Макаренко. Так вот, там поэт поднимает бич двадцатого века. Как сейчас помню, есть такие слова: «пооткрывали детдома, позакрывали детсады». Это был конец двадцатого века, когда от вашей драной демократии и независимости все семьи освобождались от детей. Государство во главе с людьми у кого «шибко, однако, башка умный» была занята устройством демократии. Первые признаки демократических государств шокееанского типа, как решили умники – это наличие проституции и безработицы. Сказано – сделано. Пусть закрываются предприятия, а открываются Центры занятости. Так у них действительно на Западе выглядит, и мы не хуже. В этих Центрах пооткрывали всякого рода курсы, якобы, обучающих составлять бизнес-планы для тех, кто открывает своё дело. Государству на благо дело демократии денег не жалело, а потому кто-то жирел и воровал, но ни одного путного предпринимателя из этих стен не вышло. Зато идут ежемесячные отчеты, что раз за разом, месяц за месяцем безработица уменьшается. Ходила и я туда, знаю их кухню! Если каждый месяц шло такое сокращение, то и безработицы давно не должно быть. Областное начальство это знает, но молчит, поскольку тоже шлёт в Москву хорошую отчетность. Как будто, блин, в Москве это не понимают. Понимают, но молчат. А вдруг сократят эти программы, а что будут делать они, кто ничего не умеет делать, как писать липовые отчеты и получать такие хорошие халявные деньги? Насчёт проституции я вообще молчу Россия, создаётся впечатление, только для проституции и создана. Она пустила такие корни, что в большом городе невозможно найти общественную баню, чтобы помыться без других «услуг». Она бы давно была первым среди «бизнеса» по доходности, если бы не конкуренция российского блядства. У нас действительно много «бескорыстных женщин».

Заведующая отделением её не останавливала. Пусть выговорится, да и говорить-то научилась. Когда только успеваешь делаг вдохи и выдохи? Пулемёт.

- У нас в плановом порядке создаётся купеческая страна свободных людей, которым дети не нужны. Они связывают руки. Роль семьи упала, и Россия уже рожала и воспитывала в детских домах небольшое количество «народа», представители которого тоже убежали на Запад, но уже не как утечка мозгов, а как экспорт желудков и бритых затылков. Пропало целое поколение. Однако же во главе государства стоят «до ужаси вумные» люди. Они сами себя действительно таковыми считают и даже уверены, что они и есть – государство. Тут же объявили

тупорылую политику заставить баб российских рожать за деньги. Демографическая политика, блин!

Вы что, социальные работники, не видите, что расплодили недоумков и больных детей, которых рожали-то только для того, чтобы тут же обменять у вас на несколько бутылок водки! Никто из ваших женщин не рожала своих детей по любви. Им говорят «тебе не выдержать до трех лет и не получишь материнский капитал», а они в ответ «хватит тех двенадцати тысяч, что дают за роды». Вся политика! Вы, конечно же, подумали, что за двенадцать тысяч никто мучаться не захочет, а прежде всего задумается? Вы что, такие наивные, или делаете непонятливый вид, поскольку тоже думаете только о зарплате? Как же задумались они, ваши клиенты, кому дать, а кому - нет. Да они, кто живет у вас, и не помнят под кем и как оказались... Нормальные женщины за деньги рожать не станут. Это природный материнский инстинкт, с которым нельзя так обращаться. Демографы, мать вашу! Им понятно одно – за двенадцать тысяч можно купить аж целых сто бутылок водки! А если с рук спирту дешевого покупать?!

Обвинительная речь окончилась словами «Дебильные политики дебильного государства готовят дебильное население».

Должен заранее сказать, что это действительно не слова автора, хотя есть и некоторое понимание и грусть. У меня уже есть герой одного из рассказов про психиатричку. Они чем-то схожи, но я и не думал повторятся. Действительно, число брошенных детей всё больше и больше. Их так же часто находят различные организации или просто соседи брошенными – голодных и вшивых, которые к четырем годам едва только начинают выговаривать некоторые слова...

Альбину выгнали за плохое поведение, от чего ей ни жарко, ни холодно. Специально поинтересовавшись в городском суде, автор выяснил как её «ушли» из секретарей. Уж больно неординарный герой, чтобы разбрасываться пишущему человеку такими «действующими лицами». Там она так же перессорилась с судьей, у которого числилась. Другой судья, куда её по наивности перевел председатель суда. Как же не смогла найти общий язык. Поначалу было легкое непонимание, возражения, которые переходили к перепалкам, которые – мягко говоря не особо красили лицо столь почетного учреждения. Интересно само содержание заявления об уходе, которое она написала по «просьбе» председателя: «... прошу уволить в связи с тем, что поступала работать в народный суд, когда действовали народные депутаты, народный контроль, сейчас ничего народного не осталось и ничто теперь народу не служит, а само это слово государству не нравится, как и сам народ...».

ещё до службы Виктора. Одноклассников в деревне так же почти не осталось, кто спился и умер, а кто-то разъехался по городам. Совхоза теперь нет и поля заросли бурьяном. Даже простаивающую технику и то успели разобрать на металлолом. Металл стал для некоторых единственным источником пропитания, для покупки курица и палёной водки. Разобраны все железные каркасы коровников, узкоколейка ранее невидимая из-за заросшей травы между шпалами, а один мальчишка из соседней деревни и вовсе погиб. Его обугленный труп обнаружили висячим на самом вершине опоры линии электропередач. Все были уверены, что с топором деревянной ручкой можно вырубить большой кусок кабеля. Его пьяная мама с еле разбираемыми всхлипами, рассказывала жителям села, что сынок мечтал купить мопед. Нет. Ему в деревне делать нечего. Мать тоже немного выпивала, но следила за сестренкой Иркочкой, которая пойдет в девятый класс. Тяжко им там, но и работу не найти даже в райцентре.

Летом вся деревня шла в лес за ягодами и грибами, которые продавались на обочине шоссе за деревней или на вокзале. Покупателей было крайне мало. Особенно на вокзале, где останавливались только пригородные поезда с дачниками и редкими гостями, кто сам держит хозяйство или едет, чтобы отведать деревенскую или лесную пиццу у родственников. Однако люди шли туда, скорее всего, оправдать себя перед собой, ну, дескать, пыталась и я выручить денежек, но не получилось. Ехать на рынок областного центра не получалось. Хорошо, если дорогу оправдаешь, а вдруг не продашь? Старались подсунуть свое ветеранам, кто ездили бесплатно, но они не могли взять с собой много. Свое бы довести и продать.

Закончил Ирка девятилетку, а что дальше? Устроиться куда-либо в крупные структуры или хотя бы в охрану Виктор тоже не мог по состоянию здоровья. Какая дикость! После стольких лет героической истории страна в один миг превратилась черт знает во что. Стоило ли вообще городить этот огород, когда именно козлы в огороде и остались, выбросив за эту ограду детей своих пастухов. Ну не может же такое продолжаться долго?! Хотелось кричать и биться головой. У Виктора разболелась голова. Так или иначе, но работу надо искать здесь, в городе. Нужно выписать все объявления о вакансиях, объехать все базы и склады. Даже сторопальщиком его раньше держали благодаря дяде Степе, а потому, если требуется медкомиссия, будет сложновато вдвойне. Благо, что до конца месяца комната в их распоряжении, хотя остальные ребята разъехались. Виктор объездил город из конца в конец, но так ничего и не добился. Последняя база, куда он пришел по объявлению о вакансии сторожа,

представляла из себя длинный участок в виде туннеля между какими-то учреждениями, а потому уже имел ограждения в виде стен этих учреждений. На незаметный переулочек выходили только железные ворота с калиткой. Сторож, как выяснилось, требовался еще полтора месяца назад и давно принят. Женщина средних лет в синем халате, которая попивала чай в стропильной будке долго смеялась над Виктором, слушая его рассказы, а после объясняла ему всю систему работы бесконечного множества агентств по трудоустройству.

Молодые и шустрые ребята под руководством проницательных дядь-паразитов открывали агентства, собирали объявления из разных газет, бирж труда, а после давали их в газету уже как свое объявление, что у них есть множество вакансий, а условия и подробности будут сообщены при собеседовании. Услуга эта, естественно, платная. Договор заключался письменно и после оплаты, клиент получал адрес или телефон по одной из чужих объявлений. Нет никакой вины агентства, говорили они, что вакансию успели занять. Некоторым объясняли, что они единственное среднее звено между хорошей работой и клиентами, потому резюме собирают сами, а результаты сообщают позже, как только с данными ознакомится менеджер по персоналу. Эти чужестранные слова действовали как нечто надежное. Должно быть, предприятие серьезное, думал клиент, и даже, возможно, с выходом на международный рынок. В то же время человек начинал сомневаться, что вряд ли он сможет справиться с такой работой и не особо удивлялся, когда ему сообщали «Извините, но вы нам не подходите». Это уже потом это слово стало привычным паразитом русского лексикона, поскольку каждый продавец желал назваться менеджером по продажам. Кроме того дяди из агентств придумывали разные «выкидонны» в вопросниках резко: «знание компьютерных программ - какой уровень», «какие иностранные языки изучали», «есть ли личная автомашинка» и другие. Одевались они, как и подобает серьезным людям на серьезной работе. Тетка, которая назвалась Виктору бригадиром, продолжала смеяться:

- Дурят вас, парень, кто не местный. Такая же система по квартирантам. Почитай объявления. Каких только нет вариантов. По каждому из них люди заплатят деньги, а после узнают, что прошло полгода, как там уже живут квартиранты. А кто будет судиться? Ни один судья не захочет рассматривать иск на такую малую сумму, а к тому же недоказуемо всё это. Вакансия же (или квартира) была? Была. Ну не могут же работники агентства бегать и проверять ежедневно. Они просто скажут, что не виноваты и не отвечают, что их объявления

газеты печатают с опозданием. Да и мало ли что. Это дело процветало раньше ой-ой-ей как. Теперь городские их раскусили, но ни милицию, ни прокуратуру это не волнует. Приезжие продолжают попадаться в те же сети, а особенно по жилью.

У Виктора от услышанного прихватило дыхание, что он сам испугался за себя и присел на край скамейки. Сел, не глядя вдруг помутневшими глазами, и едва не упал. Перед глазами замаячили уставшие глаза мамы. Бригадирша перепугалась за него и спешно стала наливать воды:

- Может скорую вызвать? На тебе же лица нет.

- Нет, нет. Не стоит, - Виктор вспомнил как подобное случилось в первый раз, когда мать сообщила про отца, - Это у меня бывает

Тут он вспомнил холеное лицо мужчины, который только вчера, по истечении более месяца после принятия на работу сторожа, всучил ему адрес базы.

- Убивать таких надо, сволочей! Я это так не оставлю, кабану этому! Больше ему не придётся наживаться на чужом горе! Скотина! Посмотрим, что я с ним сделаю!

Он кричал ещё что-то, но его успокоили бригадир с прибывшим туда водителем. Виктор долго не мог успокоиться, рассказывая повторно, тыкая на объявление в газете, обведённое им зеленым карандашом, продолжая выкрикивать слова угрозы. Газета действительно была свежая и отдана в печать гораздо позже принятия сторожа.

Виктор ушел без посторонней помощи, но собой управлять не мог. Брёл мало что соображая. Он даже подумать не мог, что человек может оказаться таким ничемным, безвольным и никому ненужным. Он был таким ничтожеством, что, казалось, его люди даже не замечают. Любой, кому это захочется, может подойти и вытереть об него ноги. Знай своё место, быдло!

Нанился он в пивном баре возле стадиона. Кому-то там доказывал, что не так-то легко содержать мать с сестренкой, но он справляется... Что дядя Степан разберётся со всеми, кто надумает его обидеть. После где-то упал и совсем не помнил, как дошел до дома и кто его впустил в квартиру.

Разбудили его работники милиции рано утром и увезли в наручниках.

В кабинете на первом этаже райотдела, куда привели Виктора, было сильно накурено. Посередине комнаты два представленных друг к другу стола со стульями. Возле стены с обеих сторон тоже

представлены по два стула.

У Виктора сильно болела голова. На все его вопросы был один ответ «Не может быть, чтобы ты ничего не помнил! Вспоминай, упырь!»

- Ладно, закуривай,- один из милиционеров в гражданке вдруг решил предложить ему сигарету.

- Спасибо не курю, у меня одно легкое.

- Опочки! Да крепко ты, молодой, пришил. С таким здоровьем как у тебя долго не чалятся. С двумя легкими здоровенные дяди приезжают с туберкулезом. Я бы на твоём месте сам написал чистосердечное. Давай «явочку добровольную». Может это спасет. Иначе тебе не выжить.

Тут на стене под портретом Дзержинского Виктор прочитал надпись, выведенную на компьютере с большими буквами: «То, что ты не судим – это не твоя заслуга, а наши недоработки». У него снова прихватило дыхание. Как же такое возможно?! Во дворе начало двадцать первого века, а тут такая надпись. Вроде уже не осталось ни одного фильма, где бы не описывали тридцатые годы. Уже современные чекисты, честно исполняющие свой долг, начинают беспокоиться такой постановкой вопроса: если был чекистом, то расстреливал, а если гражданский и не сидел - стучал. На этой волне такие олухи пробились в союзы писателей или просто в печатные издания, что, казалось, больше ничего в те годы не происходило. Никаких великих строек не было, не издавались ученые труды, а занимались только тем, что одни стучали, а другие расстреливали. Нашли эти авторы о стройках тех лет, никто бы и печатать не стал. Такое примерно мнение имел Виктор до этого момента. Оказалось, что самоцель засудить, бытует в некоторых местах открыто и по сей день. Да нет же! Не может такого быть! Конечно, это шутка. Однако, разве можно этим шутить? Неужто милицмейское начальство приходит на работу, требует результаты, а в кабинеты подчиненных совсем не заглядывает? И кто ты после этого: начальник или пачка дусту. Такое искоренять нужно! Выжигать. Мы ведь не гордимся таким позорным фактом своей истории. Почему такие разные крайности. Молчать нужно в тряпочку, а не вылачивать грудь или, наоборот, запоздало на виду у всего мира осыпать лещом головы совсем другого уже поколения. Кто сказал, что тельерь мы, внуки живущих в то время, должны ходить с вечно опущенной головой или, что хуже всего, делать это предметом шуток...

Только у следователя, на другом крыле первого этажа. Виктору объявили, что вчера у входа в офис агентства по трудоустройству обнаружен труп директора с ножевыми ранами. По содержанию

последних договоров (а их вчера было только два) милиция выехала по местам вакансий, где и состоялся их разговор с бригадиршей и водителем о его угрозах в адрес этого директора. Там же на столе строительной будки лежала газета с обведённым зеленым карандашом объявлением

- Ты что, душегуб, хочешь списать на то, что был пьян и не помнишь?! Так вот, объясняю тебе – совершение преступления в пьяном виде наоборот снимаетсяотягчающим обстоятельством. Ты понимаешь это, .. удила?!

Виктор понимал только одно – плохи его дела. В камерах стоял такой воздух, что ему не светит не только возвращение с туберкулезом из лагеря, но и дожить до суда. Когда следователь за чем-то вышел на минуту в коридор, он, не помня себя, и совершенно не задумавшись о последствиях, быстро соскочил на подоконник и растворив рамы выпрыгнул во двор отдела милиции. Была погоня, или нет, он не знал и ничего не слышал. Стоило выскочить за ворота глухого двора, как туда стал заезжать автозак, закрыв фургоном весь проём, что дало Виктору дополнительное время отбежать на приличное расстояние. Впопыхах он чуть не попал под колеса повывавшей виды автомашинны «Москвич» с фургончиком, который в народе называют «каблучок». За рулем автомашинны сидел смуглый мужчина и улыбался, обнажая полный рот золотых фисс.

Лежа на железной кровати, застеленной на пружинки досками, Виктор вдруг вспомнил фильм «Зеркало для героя». Герой (кажется, играл Приемыхов, точно не помнил) перепрыгнув забор оказался в прошлом времени, а именно – в тридцатых годах. Нечто подобное происходило и с ним. Он вспомнил заброшенную всеми умирающую деревню и маминно лицо. Это картина сменилась не менее ужасной – перед глазами возникла надпись под портретом Дзержинского. Оказалось, что он до сих пор не гнил в лагеря только потому, что кто-то плохо исполнял свои обязанности. Теперь его положение такое, что никто, если рассказать, никогда не поверит. Уже более года он является рабом цыганской семьи. Есть прокуратура, милиция, суды, стоящие на охране законных интересов в граждан демократического государства, а в небольшом городке, рядом с областным центром в двадцать первом веке выполняет свой рабский труд бывший солдат Советской Армии, и позже представитель рабочего класса и гражданин России Потаскуев Виктор Алексеевич. С другой стороны ему стало стыдно видеть органы правопорядка, поскольку считал, что добровольное рабство принял сам. Заявлять об этом он все равно не собирается. Домашние цыгана

его уже особо не стеснялись, хотя говорили на своём. Всё проистекало, как в чужом сне и в то же время так обыденно, что он сам стал воспринимать всё, как реальное и вполне законное. Выбрал рабство — помалкивай. Он уже не кричал в душе о своей невинности. Ему от этого становилось плохо.

Григорий, как звали хозяина семьи, имел большое хозяйство. Кроме лошади, были два быка, корова и две телки. А ещё за сесткой в закутке жили около дюжины гусей. Любил Григорий гусятину. В цыганском поселке многие имели такое подворье, но это делалось тихо и без суеты, что со стороны и не подумаешь. Они не любили хвастать друг перед другом. Кому надо, тот и так всё увидит. Одежда как же не блистала роскошью и не требовала восхищения, хотя на отдельные события имелось кое-что для выезда. Жили нормально, не выпендривались, но зависть среди цыган была всегда.

Григорий как-то, отмечая свой день рождения, рассказывал Виктору, что такое положение уже в порядке вещей. Он не один такой. Конечно таких рабов немного, но они есть. Раньше их прятали, держали на заимках или заброшенных подвратах, заставляли разливать спирт или кормить свиней. Теперь все иначе.

- Был случай, ромалы, когда один цыган украл у другого такого вот раба, чуть не поубивали друг друга. Хорошие люди отговорили.

Автомашину «каблучок» он держал чисто для хозяйства, называл не иначе, как «воровайка». Немало побывало в его фургончике добра из числа того, что плохо лежит или без присмотра пасётся. Виктору много что было известно, но раб — он есть раб. «Немол орудие труда», как говорит.

Для разъездов была вполне сносного вида «восьмёрка», которую часто приходилось мыть Виктору. Однако основной его работой была скотина. Дать корм, чистить коровники и стойла, поить, грузить навоз в тележки для продажи. Да и многое что... Вязате, по неопытности, он пытался рыгнуть, но дважды был избит и еле отлежался. Со временем ему вдолбили, что должен благодарить своего хозяина.

- Хочешь, сам тебя сдам ментам? Подохнешь в тюрьме. Давай-ка лучше работай, зарабатывай к себе нормальное отношение.

Григорий, видимо, и сам понял, что слаб работник. Надо поберечь. Вон как ему завидуют соседи. Сколько раз просили одолжить. На тяжелую работу не отпускал.

Кроме жены у Григория была дочь Галана и трое её озорных пацанов лет от пяти до двенадцати, которые как же выполняли некоторую мелкую работу, но только до того момента, пока взрослые не

вернулся. Сколько попадало этим пацанам, но они никогда не ревели, а только огрызались, размазывая сопли по грязному лицу. Не всякий выдержит, а им хоть бы что. Зимой и летом они ходили в старенькой одежде, напоминая Гавроша с парижских баррикад, никогда не простужались. Галя часто разговаривала с Виктором, вроде как сочувствовала, но в то же время успевала намекнуть, что нельзя передавать матери ни вестей, ни денег. Это обязательно приведет к тому, что дойдет до милиции, а там уж понятно, что ожидает. Невинные в бега не пускаются. Сама она гадала, где есть возможность, арешет разные тряпки и ворует. Больше всего ей нравятся кардобольные старухи-пензионерки. У них, войдя в дом, попросишь воды, так они уходят на кухню, оставив ее одну в прихожей. Там хоть чем занимайся. А что она, старая, сможет сделать, особенно когда они выходят вдвоем, и вторая товарка заходит следом. А еще раньше она «замата деньги». Работала в основном на рынках. Она могла разменять любую крупную купюру так, что все считала и пересчитывала при всех, а после те все равно недосчитывались нужной суммы. До Виктора не доходило, но он постепенно понял, что это фокус основан на единственном факте, что купюры имеют два конца и, пропуская их через пальцы, можно добиться паразитических результатов. Были бы пальцы быстрые. Галяна не без гордости выразилась, что не все известные фокусники на такое способны.

Григорий не очень был доволен, когда она возвращалась без денег или золотых изделий от гадания. В то же время не успевал повторять об опасности, часто напоминая ей случай возле южного автовокзала случившийся год назад. Тогда Галяна работала с двумя товарками и при гадании заболтали трех женщин на перроне так, что те сами отдали им перстни и кольца, тут же снимая с пальцев. Не успели они тогда уехать, забрали в милицию. Хотя ничего из этих изделий у них, конечно, уже не нашли, но вырывать их нужно было как можно быстрее. Григорий приехал сам и эти кольца выменял на своих женщин. Работники милиции остались довольны, что быстро все сделано и письменного заявления никакого не будет. «Какое дело? Какое раскрытие?», - кричал дежурный следователь, - Нет ни кражи, ни грабежа, а как назвать мошенничеством то, что эти дуры сами отдают все, только пообещав мужьям и детям. Судебной перспективы нет никакой. Не буду возбуждать дело. Все, отстань!».

«Раз на раз не приходится, - говорил Григорий, - еще успеете сесть».

Цыганская натура, наверное, отличается от нашей тем, - думал Виктор, - что они действительно зарабатывают на независимую жизнь.

не демонстрируя своё богатство. Они любят сытно поесть, украсить интерьер дома красивыми вещами и всё это делали для себя. Всякого рода «шоны» их не интересовали, как и политика. В этом государстве глубоко чттили стабильность и устой. Поэтому внешний вид дома резко отличался от внутреннего убранства и не отражал благополучие. Снаружи дом у Григория так же никаким излишеством не отличался, а стоило войти вовнутрь, как менялись всякие представления. Один самовар на столе чего стоил! Раньше таких разукрашенных самоваров Виктор не встречал. Единственно заметной их слабостью была любовь ко всему блестящему и цветастому, как и одежда их женщин. Что ж, в этом тоже ничего плохого нет. Так они привыкли, а к тому же, чем лучше наши женщины поголовно нырнувшие в джинсовые брюки. Нужно бы выразиться — «пожопно», а не «поголовно» улыбнулся Виктор, ловя себя на том, что в последнее время стал оправдывать своих хозяев. Да нет! Какая чушь! Он — раб, и не может с этим смириться. Виктор снова «ушел в себя».

Сколько нужно времени, чтобы истёк срок давности за несовершенно им преступление, они не знают. Надо полагать не менее пяти лет. Бывают же, думал он, люди, которые умеют доставлять людям горе из любого своего положения. Вроде бы нельзя о мертвых такое думать, но этот дядька из агентства испортил всю его жизнь. Обманул жестоко будучи живым, вдыхая кислород, и оставил столько страданий уже покидая этот мир. Жил бы уж. Скопила, прости Господи... Виктор очень много думал за это время, лежа на своем топчане или исполняя обязанности простого раба начала двадцать первого века. Прокручивал разные варианты. В любом раскладе выходило, что нужно проявлять терпение и жить пока в рабстве. Во-первых, ист документом и любое любопытство простого милиционера может обернуться задержанием с последующим результатом. Если даже ему и удастся выкрасть документы у какого-либо бича, то по нему не устроишься, хотя, наверное, сможешь прожить некоторое время на голодный желудок. К матери не поедешь — нуль заказан. Он прекрасно сознавал, что только в фильмах герои живут в бегах по многу лет, а после выясняется их невиновность и он выходит «в люди» с чистой совестью. Пропитания и другие удовольствия такого нелегала, называя скражи паспорта, сплошь усеяны кражами и другими нарушениями закона. С чистой совестью остаться на свободе ему не дано. Иначе не бывает. На то их и называют — «человек вне закона». Количество совершённых преступлений будет расти пропорционально количеству времени. Эта аксиома, которая, правда, касается простых смертных, как он. Выкрасть большие деньги и

успеть передать матери и раствориться? Ей от этого легче не станет. Он и без того испортил ей всё. Хотя, черт побери, что он сделает?! Он всего лишь жертва обстоятельств, которому никто не поверит! Однако же его на самом деле ищут не как вора какого, а как убийцу, который совершил убийство из здания милиции. Нет, нужно оставаться здесь и налаживать контакты. По иронии обстоятельств получилось так, что воля – хуже мысли. Он снова вернулся туда, где инициатива наказуема. Снова не нужно напрягать мозги, а превратиться в робота. Григорий ему и шака дир и старшина. Может быть, через пару лет он удоволит его какой-нибудь кое-какие деньги матери из другого города и под чужим именем. Хотя бы именем отца, будь он не ладен. Опять же, надо думать, Григорий не так уж молод. Ему уже шестьдесят шесть лет...

С такими мыслями всё же легче засыпать и просыпаться. Виктор даже повеселел и работать стал, если не с удовольствием, то веселее и быстрее, чем раньше.

Одного он не учитывал – Григорий был отменного здоровья. Выросший, как и дети Галины, в спартанских условиях, он состоял, как бы то ни было, из одних иммунитетов. И ничего передавать матери Виктора не собирался. «Лишние телодвижения в эту сторону, - говорил Григорий, - лишняя возня, которой заинтересуются». Он так привык жить, имея много раба, что уже отучился работать. Крепкий мужик.

А Виктор сам в таких условиях всегда мог схлопотать пневмонию или ещё что, из чего с одним легким вряд ли выкарабкается. В больницу, в таком раскладе, Григорий его не устроит из тех же соображений. Наверное с вьвезет и закапает втихую где-нибудь поблизости, а соседям скажет «Убег работник, не оценил доброту. В тюрьме уже, поди»

ТРИ ИСТОРИИ ОБ АУШТЕЙНЕ

I

Он рассказывал нам как было плохо в немецком концлагере. Они с другом жили только тем, что думали, где бы найти что-ни будь съестное. Вдвоем с Сашко было не так тоскливо, ибо кто стерпелся других, долго не жил, оставаясь один на один с этой неправоподобной действительностью. А тут хотя и с вечным чувством голода есть с кем поговорить, вспомнить былое. «Жить» в их положении понятие сильно преувеличенное. Однако же по сравнению с теми, кого увозили сжигать на маленьком грузовике без бортов, как говорит Сашко, можно было ещё малость помяться.

Мы, ученики восьмого класса, сидим напротив него возле свекольного поля, пьём прихваченное из дома, иолоко из бутылочки. Состояние наше неопишное, что хочется протянуть бутылочку, чтобы он больше голодом не маялся. Ох, как мне было стыдно, что имел такое к нему отношение. Нам известно, что директор школы и учителя обращались к нему «Леонид Алексеевич», а мы за глаза звали «Ауштейном». Всё наше о нем представление сводилось к тому, что он стоял перед немцами, вытянув руки. «сыпь в плечу у немцев» — уже не было сравнимо с предательством, как было принято считать до нас. Но, видимо, ещё оставалось в сознании какое-то к нам снисхождение, будто бы провинившимся перед другими людьми. Он приехал в нашу деревню недавно, работал завхозом при школе и отвечал за всякий инвентарь, работу уборщиц и следил за школьным садом, где росли такие вкусные груши. Мы, распоясавшись шпана, лазили куда по ночам и забивали, заправленные в штаны, рубахи фруктами. Знали, что он всё слышит, но боится подойти в такую темноту, поскольку мы в его сторону бросали свои «бомбочки». Бомбочки эти представляли собой крепко завернутую в фольгу серу из спичечных головок. В последствие, в шарике от фольги проделывали люздем дырочку, куда головкой прикладывалась ещё одна спичка и укреплялась. Циркулируя вокруг о коробок, бомбу бросали, и она взрывалась громко, как граната, освятив вокруг себя вспышкой. Наверное, такое для человека, который знаком со взрывами не понаслышке, действует угнетающе. Было чуть ли не геройством кричать ему при этом «Ауштейн! Ауштейн!», не боясь быть узнанным по голосу. Мы все, только превратившись во взрослого человека, начинаем понимать как и насколько жестоки и могут быть

жест. Мы издевались над ним, не думая – какую рану наносим

Теперь он сидел перед нами в совхозном поле на прополке свеклы и рассказывал такие вещи... У нас, у пацанов, в те годы была ложная bravado и показушность, что толкало выпендриваться, проявляя силу, конечно же, перед другими одноклассниками, и того лучше – перед девочками из параллельного класса. Правда, в кровавые игры на компьютерах мы не играли, фильмы с участием костолома Стивена Сигала и Тарантино не смотрели. Я любил читать вещи вроде «РН.С.» Гайдара, а позже «Как закалялась сталь» Островского или «Овод» Войнич. Документальные ленты, типа «Обыкновенный человек» тогда не показывали, но перед нами сидел живой узник фашизма и рассказывал свою историю. Было как-то обыденно и, возможно именно из-за этого, вдруг почувствовали, что в зрелом и начинаем относиться к нему как к пострадавшему за Победу. Не спорившись между собой, чувствуем молчаливую согласованность не называть его больше «Аушгейном».

Мы знали, что он часто выпивает, ходит не очень опрятным, а ему это ничего не означают. Он продолжает свой рассказ:

Наше счастье Сашко встретил земляка. Вернее не то, чтобы встретил, а узнало нем во время перекички с соседними бараками. Они с Сашко были из одной области – Калужской. Иметь земляка в таком положении считалось большим счастьем. Это даже напоминало: всё, что происходило раньше – не выдумка. Все было явью. Есть огромная страна – СССР, которую победить нельзя и всё, что творится здесь – явление временное, нас продолжают бояться, а потому держат в колодечке под замком и охраняют с автоматами. Ещё большей удачей оказалось то, что Коля калужский, как прозвали земляка, работал при столовой. Конечно, он не был поваром и даже кухонным работником. Он там убирался и был на подхвате. Мы с его помощью съели столько ширпотфельной шелухи, что чуть нас не увезли в крематорий с большими шпалатами. Всякое бывало, реялки. Пытались мы и бежать, но после как были избиты, что навсегда отбило охотку. Было это под конец. Нас тогда возили в соседний городок, где устанавливали станины для каких-то станков. Тяжелая была работа таскать столько железа. Многие мидрывались и мёрзли, как мухи, хотя носили тяжести по несколько человек...

2.

Так получилось, что окончив восьмилетку, я уехал в область, окончил курсы.

отслужил в Армии и приехал домой потостыть. Леонид Алексеевич снова стал предметом наших разговоров. Он был очень сильно избит, с ножевым ранением попал в больницу, и началась такая чехарда, о которой стоит рассказать отдельно.

Пошел он поздно вечером в единственный ресторан райцентра, где запямятствовал после посещения жены в районной больнице. Жена проходила лечение в кардиологии. Там все и случилось. Сыр-бор поднялся на весь район, так как главным фигурантом был сын первого секретаря райкома. Так получилось, что дежурным следователем в этот день была Карпова Нина - человек принципиальный и негодилась для шепетильных вопросов типа «Вась-Вась». К тому же в те времена кое-какой порядок был и такое понятие, как самостоятельность следователя, еще не утратило своего значения. Вопрос осложнился тем, что «сам первый» в районе отсутствовал по случаю выходного дня, а Карпова успела возбудить уголовное дело, присвоить номер и передать данные в статистическое управление. Такое вот заурядное начало приняло невиданный резонанс. Уже через сутки в отдел пожаловал полковник с областного управления МВД, но он несумел ни уговорить, ни запутать Карпову. Услышав в свой адрес слова, граничащие с оскорблениями, она, пообещав пожаловаться в МВД СССР, ушла, захлопнув дверь. Больше всего досталось замполиту, который к уголовным делам никакого отношения не имеет, а занимается кадрами. Полковник из управления орал, что именно он, «правдолюб-декренов» воспитал такие кадры. Бедный замполит, которого ещё вчера любя называли комиссаром, ходил как в воду опущенный. С ним никто за руку не здоровался и он сам сидел безвыходно в кабинете, глотал валдол и ожидая следующего вызова. Уходил позже всех.

Само уголовное дело у Карповой отобрали по причине «необъективного подхода к расследованию», а в палате районной больницы терзали Леонида Алексеевича (нашего уже дорогого Ауштейна), едва пришедшего в себя после ранения. Застенной, в палате кардиологического отделения, тихоредела его жена. Разве утаишь такое в нашей районной больнице. Отношение к нему было совсем не таким, какое необходимо потерпевшим. Его даже перевели в отдельную палату, чтобы иметь возможность «разговаривать по душам». Бывший узник фашистского плена оказался крепким орешком и никак не хотел подписать показания, как он приставал в ресторане к молодым людям, унижал их и довел до состояния аффекта своими оскорбительными действиями.

Параллельно с этим, из почты второго отдела военкомата было

дальше уведомление, составленное Карповой об отсрочке из военной комиссии обвиняемого до судебного решения, а сам сынок в срочном порядке отправлен защищать Родину. В последствие, уголовное дело закрыли в связи с тем, что обвиняемый перестал быть общественно полезным и ему в настоящее время доверено боевое оружие и судьба

Я сам встречался в армии с рядовым, которого осудили и отправили в лагерь за совершенное на гражданке преступление. Его судил военный суд и он, хотя тоже с оружием, защищал Родину, превратился в инвалида только потому, что его отец не был первым секретарем райкома.

3.

И третий и последний раз я сильно задумался о судьбе нашего государства.

Который стал чем-то вроде родного мне человека. В стране произошла перестройка, и так же легко и без учета мнения народа был распущен СССР, и каждый глава из бывшей республики Союза хотел показать, что он Царь и не потерпит, чтобы ему указывали. Никто из них ничего путного создать не мог, поскольку кроме амбиций ничего за душой не имели. А когда ты ничего не умеешь, то поднять свой авторитет можно только одним способом – ругать предшественника. Кровь из носу, но надо доказать, что и при нем ничего хорошего тоже не было. И это уже напоминало ревизионизмом.

Приехал я в отпуск, но попал на похороны Аухштейна (снова некоего так называть). Его, со слов съезда, совсем затюкали и сам он тоже, как бы, напрашивался на неприятности. Пить он стал еще больше, а налившись, приходил к кулинару, где собирались мужики, и ругал Горбачева с Ельциным. Говорил он такие вещи, что о ясности его ума были большие сомнения. Мужики дали ему другое погоняло – «Девиз». Он повторял каждому, что живет под девизом «Долой власть там одни сводочи!». Ему наливали, чтобы послушать крамолу, смеялись, а после пугали, что быть ему паханом среди «политических». Последними его «выступлениями» были утверждения, что Горбачеву за выступления в их университетах о перестройке, американцы платят деньги из кассы ЦРУ, поскольку он один сделал то, что десятилетиями не могла выполнить вся их агентурная сеть, работающая на Восточном

секторе. Говорил, что «Горби» - его агентурный псевдоним, но используют его вслепую. Он везде выступает, агитируя за демократию американского типа, и действительно думает, что деньги из других источников. Про Ельцина говорил, что «этот сразу начал воевать с КГБ» и утверждал, что расстрелял парламент из танков потому, что Хасбулатов и Руцкой хотели привести страну в парламентскую республику под поддержкой комитетчиков. Якобы, Ельцин говорил своему главному охраннику Коржакову: «При парламентской республике Президент – никто, в охрану распускают, а потому проконтролирую, чтобы вывели танки на прямую наводку».

Постепенно Ауштена стали ругать, вызывали к участковому и грозили оправить в психушку. Он перестал выходить на улицу и сельчане совершенно случайно узнали, что его парализовало. Жену он долго мучить не стал и однажды ночью более-менее действующей левой рукой связал кое-какую петлю из простыни, привязал к дужке кровати и потихоньку сполз на пол.

Жена его была совершенно незаместной, словно глухонемая, и при выносе тела стояла возле калитки как истукан без слез и причитаний. Детей у них не было.

Я ни разу не видел, как они улыбаются. Кажется, он мог нормально раз оваривать только с директором школы. Наверное, в благодарность за то, что взял на работу и терпел его пьянства и другие упущения. Тогда его единственный раз посылали с учениками на прополку, а я вот стою, смотрю, как подправляют лопатами уже образованный холмик могилы и словно потерял родного мне человека. Я не знаю, что потерял. Но потерял, едва начиная понимать что-то. И это «что-то» снова от меня ускользает. Жаль.

Когда ушли с кладбища, я может первый раз в жизни согласился со словами соседа «отмаялся раб Божий». Действительно отмаялся. Прости нас, Ауштейн.

ИЗ ДНЕВНИКА

(печатается с разрешения автора)

- Да что на самом деле? Я же не собираюсь распространять всю историю с подлинным твоим именем. Никто не догадается, хватит ли тебе выдержки. Я могу придумать, будто все происходило при других обстоятельствах и совсем с другим человеком. Да, собственно, все так и делают. И даже, вполне возможно, подумают, что я описываю то, что происходило со мной. Я же вот не переживаю.

Валера, скривив сердцем, соглашается, что бы я мог изложить для него отрывок из его дневника. Теперь он уже дневник не ведет. И даже в его голове не Валера, так что анонимность сохранена. Излагаю совсем незначительную часть его «мемуаров».

14 февраля.

Вчера Наташа обвинила меня в алкоголизме, поскольку в последнее время я ною один. Другая бы порадовалась, что муж не шаландается где-нибудь, сидит себе на кухне с бутылочкой и никого не трогает. Всё тихо и мирно. Я не ругаюсь, вещи из дома не проливаю, по улицам песни не слушаю. Что ей еще надо? Мне нравится сам процесс таких «посиделок с самим собой». Пока пью, множество мыслей проносятся в голове. Они мне никому не интересны. В компании я более двадцати минут выдерживаю. Люди, которые хотят казаться компанейскими, мне не интересны. Я -- индивиди мне сворачивать не нужна. Где ещё я смогу вот так абстрагироваться от своей жизни. В компании каждый занят собой. Там обязательно найдется те, кто хочет перекричать других или обратить внимание всех на свои проблемы. Кто-то вообще любит тусовки, где стараются уйти от проблем, а побыть в общей эйфории, танцевать до упада, хлопнуть шампанского, кричать «бис!» или толкаться в надежде получить чей-либо автограф. Фанатом я никогда не был, кумиров не имею, авторитетов если признаю, то только в порядке подчинения. Это даже не признание авторитета, а просто я даю понять, что готов выслушать и сделать всё, что от меня требуется. Я как бы говорю своему начальству, что работать буду на совесть и привык подчиняться должностным инструкциям, что привык зарабатывать, отдаваясь работе весь без остатка. Начальству это тоже, как кажется, нравится. Они привыкли к этому, и даже

результаты моей работы особо не проверяют. Наверное, всё потому, что задания выслушиваю внимательно, прямо глядя в глаза и при этом на моей морде (извиняюсь - личико) так же нет ни глупого выражения недопонимания важности дела и тем более нет ни грамма лизоблюдства. Я взрослый человек, а потому, если что не пойму, скажу как есть. Нет ничего зазорного в непонимании, а плохо, когда кто не хочет появляться или же, тем более, делает вид что всё понял. Результат будет плачевным. Одним словом для меня авторитет – это не стояние буквой «зю» перед себе подобным, а моя готовность и понимание что в данном деле – я должен поддаваться управлению собой для общего дела. Авторитетом может для меня быть не только начальство, но и кто другой, с которым заняты общим делом и он в этой области большой дока. Бывало раньше, что я часто обманывался в людях. Теперь вот я пью один и этим никто не обижаю, не оскорбляю. Я ведь не говорю, что они хуже меня. Нет. Просто я никому не рукоплещу и сам не рисуюсь. Человек, когда один, он всегда соответствует себе.

Кажется здесь я что-то не то начинаю писать ... Закружил свои мысли вокруг чего-то... Как говорится в анекдоте «чувствую, что 0,5 и 0,5 - это литр, а по математически выразить не могу». Да ладно. Прочитаю на трезвую голову и вычеркну кой-чего. А, может, наоборот оставлю. Я ведь уверен, что в обществе человек теряет свой облик, а значит, когда пью один, я могу изложить свежие мысли, которые еще нетрону ты ничьим диктатом.

Много я сегодня выдал. Совсем башка умный от водки. Ха-ха.

17 февраля.

Сегодня короткий рабочий день, а к тому же отмечали день рождения нашего водителя. Начальник был не против. Машина в гараже. Почему бы не поздравить хорошего человека? Я долго с ними не сидел, но по пути встретил Леху Белобородова. Выпивали у него дома, и играли в карты. Он научил меня играть в тыщу с открытыми картами. Раньше не умел. Не шибко понравилось. Это хорошая игра, но лучше всего играть втроем или вчетвером.

Домой, по пути, взял чекушечку. Впереди выходные, можно немного расслабиться. А вот Белобородов стал быстро пьянеть и горлодить чушь. Всю игру испортил. Нельзя ему пить.

Ладно. Всё.

Горько.

Выходные и праздники перелит и ужасно плохо себя чувствую. Не болит, рвать не тянет, но ужасный внутренний мандраж, как бешеный выскочка. По ночам выступает холодный пот, и снятся сны. Начальник сегодня тоже посмотрел с осуждением и помахал рукой. Однако же он мужик и понимает, что был праздник. Наташа дала пакега кефира и думает, что прямою им желудок и повоюю. Не понимает она, что так мужики вообще, бывает, пьют. Все равно надо взять маленькую, чтобы резко не отравиться. В выпью чуток перед сном, а организ пока сплю, все само сойдет в порядок. Главное, трясти не будет, если чуток на грудь приму. Писать вообще не могу. Глаза прорезались, а вот мандраж еще остался. Надо пивка полторашку и будет самое то...

11 марта

Наташа уже третий день ищет утешения, жрать дома нечего. Восьмого вечера я ходил к ним. Поздравил. Пьют сухое вино. Тыфу какая гадость – моча мочой! Пошел домой и купил по дороге бутылочку волки и сосисочной колбаски. Сажу на кухню. Я, конечно, все понимаю. Пора мне остановиться. Стал пить по трое и четверо суток подряд, а потом уж больно же болело. Раньше было хоть бы что. Старую наверно, а может и совсем новую, водку пил. Никакая. Позавчера приходил Леха Белобородов, предлагал идти с ним кодироваться. Жена от него обратилась уходить и поставила такое условие. Один он не хочет. Наверно исленится. Не один же там будет, знакомые могут оказаться. Мне, например, это совсем ни к чему. Что я – а каш какой? Захочу и так боюсь.

Надо просто какое-нибудь хобби занять. Купить снасти и начинать с Захаром на зимнюю рыбалку ездить? Нет. Не понимаю я зимнюю рыбалку. Тот же лето! Одно удовольствие: вода, тишина и природа! А зимой что? Колая снежная степь и мужики не белком чернеют, как грачи – задыхаются от мороза. Нет. Не мое это...

23 апреля

Давно не приглядывался к дневнику. Дам пишу сегодня последнее. Ставлю точку. Будем говорить так: «Болезнь». А на самом деле доливается. Никогда и додумать не мог, что меня такое коснется. У вас была белая

горячка? Нет? Страшное дело, скаж, там. Вроде как голова соображает, что такого не может быть в природе, а глаза видят другое – может! Сейчас мне снова страшно, но уже задним числом. Ведь мог совсем съехать с катушек. Боюсь даже приоткрывать глаза к водке.

Я шел домой. Стоило войти в подъезд, как мне на плечи запрыгнули маленькие чертики. Они действительно были зеленышкые. По четыре на каждое плечо. Щебечут между собой и сидят, крутят головами, как маленькие пингвинчики. Я боюсь заходить в квартиру. В подъезде как-то чувствую, что вдруг да кто посягнет, а в квартире – неизвестно что они со мной натворят. Подошел к двери квартиры, повернул ключ, быстрыми движениями сбросил всех чертиков на бетонный пол, резко заскочив в квартиру, захлопнул за собой дверь. Я их действительно все сбросил по ту сторону двери, но когда снял туфли, снова обнаружил у себя на плечах. Все снова оказались в наличии. Они, сцепляясь за нос, уши и волосы стали ползать по мне. Стоило мне их отрывать от себя и бросать за диван как они снова склеивались на мне. Я даже не видел как вошла Наташа и что она делала. Эта она потом рассказала мне, что очень испугалась, увидев меня затаисим делом». По ее звонку в скорую помощь никто приезжать не собирался, но она уговорила их. И те надумали приехать только потому, что был я в тот день совершенно трезвым. Ужас. Как только Наташа не убежала, оставив меня с ними одного (имеется в виду не врачи – аэти ...). Хреня больше возьмусь за стакан. Белобородову скажу, что сам сбросил.

Вот такие страницы дневника Валеры я решил изложить. Тут ничего надуманного нет. Его отклонения в семье, разногласия с двоюродным братом, о которых он плачет, меня не интересовали. Это действительно личное. А вот про «белочку» решил изложить: во-первых, он не Валера, а во-вторых, это не личное. Я бы сказал, что это наше общее. Общественное можно сказать

СОЛНЫШКО

Отец Рая, видимо, был одним из тех молоденьких солдат, которые попали в армию в начале 1945 года, и теперь оставался в деревне из фронтовиков. Раньше ветеранов было более десяти, но они стали тихонько и незаметно уходить друг за другом. И стал момент, когда дед Кирилы уже один ходил по деревне в День Будучи приглашенным в школу и клуб, звеня своими грамотами в основном юбилейными, которые он получал каждые пять лет «списью» «Из самого верху!». Рая, как самая младшая из девяти детей, уже закончила среднюю школу, и работала ткачихой в районном цетре.

С Михаилом их связывали долгое соседство домов, школьная дружба, но потом пути-дороги разошлись. Отец Михаила, хотя прожил долгую жизнь, умер раньше, поскольку был старше и прошел всю войну. Начала в до конца. Миша уехал в областной центр, где проучился в техникуме милиции и работал во вневедомственной охране. Работа получилась, в основном, в ночное время суток, хотя кроме бесконечных «сигналок» с сигнализацией, куда они выезжали, бывали патрулирование улицам и обслуживание охраняемых квартир. Люди стали не только богаче, но и более недоверчивыми, поскольку и количество преступлений во зрастали в геометрической прогрессии.

Долго проработать в милиции ему не пришлось – выгнали. Проминуть про это он не любил. Произошло это ещё в советское время, в он, молодой сотрудник милиции, на втором году службы после армии застрелил пьяного мужчину, который качался на доске, пристроенной поперек лежащей на земле беременной женщины. Он встал на концы одной доски и качался, перекидывая центр тяжести своего тела то на одну свою ногу, то на другую. Женщина уже не могла кричать, только приняв в нее пошла вода и кровь.

В эти дни, когда он, уже тридцатилетний мужчина, снова повстречал Рая, уже и вспоминать об этом было дико. Мало кто поверил бы. Времена менялись быстро и все то, что вчера казалось дикостью, сегодня было вполне нормальным явлением и наоборот. Он помнил случай, когда пьяный дебошир из своего балкона расстреливал из автоматичекой ружья людей, кагающихся на самодельном катке во дворе дома. Тогда милицейский снайпер наоборот не стрелял, хотя держал преступника на прицеле. Команда стрелять не поступила даже тогда, когда был убит ещё один зазевавшийся горожанин и был ранен врач,

прибывший на карете скорой помощи. Две эти вещи, вроде как, совершенно противоположные по своей природе, но имели общий знаменатель. В одном случае пострадал человек, спасший людей, выстрелив в преступника, а в другом – человек, обязанный защитить людей не нажал на курок, допустив новые жертвы. Конечный результат тоже был разным: второй работник милиции остался работать дальше. А роднил эти два случая тот факт, что совершены они были в одно и то же время. Это что-то значило. И вообще время очень много значит, когда в стране нестабильно. Правда, в последствие, Миша тоже мог восстановиться на службе. Ему говорили, уже как бы извиняясь, что он пострадал, потому что женщина и даже плод, как ни странно, выжили. Если бы они умерли, то Миша тоже бы не пострадал, поскольку ликвидировал бы буйницу, а тут получилось, что убил он обыкновенного ревнивого мужа.

Жена в тот момент тоже была пьяной, а потом ходила по инстанциям и писала жалобы с просьбой вернуть ей кормильца. Никто тогда даже не додумался сказать, что она со своим ребенком выжила именно благодаря его выстрелу. Восстановиться было бы тоже дико. Перегорело уже всё.

Теперь Миша переехал на малую родину и устроился водителем леспрохоза, куда едва «пролез» при помощи знакомого механика, с которым так же учился вместе. Машина старенькая, работала, как «хозяйка», не выезжая за пределы района, но найти такую работу уже считалось удачей. Олять же вет с Рацией повстречался. «Постарела она, конечно, – подумал Миша, – однако, поди, тоже самое подумала и она обо мне. Себя каждый день видишь в зеркало, вот контраст и незаметен».

Много что изменилось за это время. Миша хоть и уехал, не оформляя развод, от жены ушел давненько. Запил он тогда «печерному». Сначала знакомые ребята, выпив немного, начинали его жалеть, ругать милицеские порядки, а некоторые твердили, что за такое стоило наградить. Этот комлекс безвинно пострадавшего развился быстро и, в последствие, стать тем единственным, что начинало тревожить уже ее в горой: рюмки, меняя свой окрас. Сначала он плакал, что пострадал, спасая дитя, а иногда доходил до кондиции, начинал бить себя в грудь, что герся настоящие обидели, а не кого-нибудь. Дома из-за этого возникали скандалы с женой, поскольку он уже нигде не работал. Ему уже всегда хотелось выпить, заняться самоубийством и ссорами с женой, которая его не жалела и не хотела понять эту огромную трагедию. Да пропадите вы все пропадом! Уехал потому что могли посадить, стали таскать в милицию, а это было вообще обидно. Он же

... уверен, что из-за службы в этой милиции пострадал, а они, ... без года нелеля, собрались привлечь к ответственности ... того, чтобы наградить.

Рая жила без мужа, который погиб в автокатастрофе. Её ... дочь училась в институте, а возвращаясь на каникулы, ... проводить время у деда Кирилла в деревне. Узнав, что Миша ... на съемной квартире у посторонних людей, она пригласила его к ... Уговаривать не пришлось. Он одновременно перестал голодать ... стирать одежду с хозяйственным мылом и спать один. Рая ... совершенно безвинным и мягким человеком, часто любила ... и во всем считать виноватой себя.

Видимо в жизни действительно так может взять только тем людям, ... помнить это не умеет. Ещё вчера, вроде как, всеми проклятые, ... получив этот счастливейший билет, они принимают этот подарок ... как нечто должное. Так должно быть, а как же иначе-то? Как ... сосед Ваня, халыва – она и в Африке халыва. Отношение к ... она тоже как в Африке – легкое, ничему не обязывающее. ... случилось сегодня, а значит и завтра, возможно, такой же билет ... Пьянки свои Миша продолжил в том же ритме и снова ... за старое. Теперь он не то что не любил вспоминать тот ... а просто начал во время каждой пьянки этими словами:

- Не люблю вспоминать, но произошел со мной такой вот случай...

Вскоре все работники леспромхоза знали, что он работал когда-то в милиции, слас жизнь ребенка с матерью, а сам безвинно пострадал. ... с ним выпить стало больше, и он стал входить в ту же колею: ... сначала плакал, а после бил себя в грудь.

Рая также ждала и удивлялась такому отношению к своим героям, ... но быстро устала от этого, и когда поняла, что конца этому теперь не ... видеть, было уже поздно. Казалось, что теперь она за него в ответе и ... она во всем виновата. Когда Мишу уволили за то, что по пьяни ... протаранил автоматной ворота леспромхоза, она пошла к директору ... леспромхоза, долго доказывала какой ... Миша хороший человек и ... выпросила для него отпуск за свой счет на время его лечения у ... нарколога.

Первая сложность, которую боялась Рая, состояла в том, чтобы ... уговорить его идти к наркологу. Обошлось. Миша, как и все алкаши, ... кричат: «Да, я сам, если надо, брошу!»), но понимал, что по сути если ... не пойдет к наркологу, то уже будет числиться уволенным. Этого он не ... хотел. О второй сложности первым делом напомнил им сам нарколог ... районной больницы:

- Вы должны знать, что я людей не кодирую. Я только помогаю тем, кто пришел добровольно по своей силе воли. Я уберу зависимость ровно настолько, насколько нужно, чтобы желающему бросить было гораздо легче, чем остальным. Если вы твердо не решили бросить сами, то я это буду понимать, как всего лишь огромное желание оставить у меня лишние шестьсот рублей денег, которые у вас завелись. Так что, подумайте и решайте «на берегу».

Миша пролежал несколько дней, в течение которых ставили систему, очищая всю кровь от остатков алкоголя, давали таблетки. Рая носила ему пирожки, горячий суп и фрукты. И хотя Миша выписывался потенциальным работником леспромхоза, получилось, что ходили они туда с Раей зря, потому что у неё завелись лишние шестьсот рублей, или, как выражался тот же сосед Иван: «У тебя Миша сила – есть, воля – есть, а силы воли – хрен!».

По просьбе Раи, водительские права остались при Мише, но его самого перевели в грузчики в лесопильню. Работ там было много, но и платили лучше. От лесопильни через всегда открытые ворота шла железнодорожная линия напрямик в помещение склада, по которой туда и обратно передвигалась открытая платформа с досками. Их нужно было выгружать, складывать, а после грузить в автомашины. Однако и здесь Миша не смог продержаться долго. На другой день после полудня они со стропальщиком Кузьмой (так его звали все) ушли около одиннадцати часов, и целый день их не было. Позже выяснилось, что их видели возле магазина, в кругу уже примелькавшихся перед продавцом и покупателями мужчин, выпившими. Мишу снова уволили, и Рае уже было неудобно идти просить за него.

На этот раз Миша долго не работал, где-то находил и сдавал металлолом, а иногда ездил с соседом Иваном на рыбалку, и если повезет, торговали рыбой. Рае было стыдно перед соседями, она пыталась содержать его опрятным, одевала во все лучшее, заставляла бриться и душиться одеколоном. Звала она его в деревню к тестю, то есть к своему отцу, где по соседству, после смерти родителей, проживала сестра Миши. Всё ей думалось, что съедут все родные ему люди за круглый стол, поговорят и удержат его от дальнейшего падения. Ехать он наотрез отказался, поскольку уже давненько занимал у сестры с зятем последние их деньги, обещая вернуть «буквально за неделю». Долг, конечно, не вернул.

В деревню Рая ездила одна, а когда вернулась в воскресенье вечером Мишу дома не обнаружила. Рыболовные снасти, которые она ему покупала, были на месте. Зато пропали её золотое кольцо и серьги,

...мужем на десятилетие совместной жизни. Она ими очень довольна. А еще в мусорном ведре заметила пустой флакон из-под «Периф», который купила ему только позавчера.

...Миша через два дня и просил прощения, стоя на коленях. ...этот жест привел её в умиление. Рая от жалости к нему, едва ...слезы, мыла его как ребенка в ванной, выставила перед ним ...дулом. Он снова принял это, как должное, обещал съездить с ...Кате, но выпросил на «маленькую». «А почему бы не ...беллетон, - думала Рая, - в последний раз, может, человек пить». ...он маленькими плоточками, смакуя как коньяк, она

«Ничего, Миша. Ничего. Я понимаю, тебя незаслуженно обидели, ...такого работяжка, но это было начало. У нас с тобой впереди ...лет жизни, мы докажем им, кто ты есть на самом деле».

...Катя прожила в одной из деревень соседнего района. По ...опла уже несколько теловек из их деревни перестали пить после ...вряд, хотя считались безнадёжными пьяницами.

Для поездки пришлось съёмить водителя, знакомого дороге. Путь ...Рая завяла у своей подружки деньги, чтобы рассчитаться с ...челом и оаботи Катей.

- Не позорь меня, Рая, - говорил ей Миша поникшим голосом, - ...ведь все скажут, что возили меня к бабке под конвоем, смеяться ...Водитель дорогу знает, сами быстро сгоняем.

- Да, действительно нехорошо получится. Я об этом не подумала, ...ни, Миша.

Выехали они на личной автомашине мужа другой знакомой Раи, ...второго звали Александром, рано утром в будний день, но уже перед ...Александр вернулся обратно один. Миша вылез в деревне ...одатное, через которую проходит шоссе, и останавливаются ...множество автобусов, и пропал. Саша прождал его более двух часов и ...срнулся ди с чем. Рая снова виновато улыбалась, и долго выясняла - ...не могло ли какое несчастье с Мишей случиться.

- Да успокойся, Рая, - говорил Саша, - он пошел в магазин за ...аретами, но, наверное, увидел множество различных видов водки и ...не выдержал. Провиёт деньги - вернется. Нашла по-чому переживать.

Он вообще хотел сказать про этого Мишу все, что думает, но сумел ...в себя в руки «Она уже потеряла одного мужа на автокатастрофе, ...да и без того больно пушистая, - думал он, - такую переживать не ...разуишь. Везет же, блин, придулкам».

- Думает ли, вернется?, - переспрашивала Рая - Правда вернется?

Глаза её светились, краешки губ слегка вздрагивали от улыбки. Она ждала.

Через два дня именно Саша повстречал Миллу на автовокзале, выходящего из автобуса.

- Привет, Санек. Как дела?- Миша, как ничего не случилось, тянул руку, чтобы поздороваться.

Голько вот Саша совсем не собирался здороваться с ним.

- Да иди ты. Руку он ещё тянет. Я тебя два часа там прождал Солнышко твое тут испереживалась вся. Башкой-то думаешь когда-нибудь?

- А чего это ты вдруг её солнышком звать надумал. Вроде как, я голько могу ей давать такие названия. Свою бы так называл

- Ах, мы ещё и ревнивые, - засмеялся Саша, - Извиняй коли так, но не я её так назвал, а Диоген. К слову просто пришлось.

- Не понял...

- Да это выражение такое. Философ один изрек когда-то в Древней Греции, - проговорил Саша, уходя. - Он про твою так сказал, мол, солнышко каждый день может смотреть в яму с дерьмом. но никогда не замажется.

Миша долго смотрел ему вслед, силясь понять смысл сказанного им, но повернувшись, чтобы уйти. заметил улыбающуюся Раю. Она увидела его тоже и неслась во весь опор со стороны Универсама с продуктами в пакете.

и работодателя озвучивающих актеров спросить: Зачем так ненавидишь себя, своих родителей и Родину? Надо бы. Видать кто-то ужасно боится, что зритель, не дай Бог, прослушает и забудет, что он ублюдок. Здесь тоже затронут вопрос времени. Сначала надо бы спросить тех, кто приучил ненавидеть свою историю и отделил вчерашнее от сегодняшнего. Выбросить на помойку своих предков, чтобы почувствовать себя «правильными»? Сократить историю? Вот и стали подрастающие ребятки делить время на сталинское и наше, советское и российское. История - категория тоже вечная и имеет свою целостность. Бедный Карамзин. Какие цари? О чем вы? Скоро дети наши будут знать, разве что, каким по счету американским президентом является Никсон. Обидно.

Я, как проживающий на этом стыке времени, имею право рассуждать и сравнивать. Мне и на самом деле некоторые вещи виднее. Другим, естественно, тоже никто не запрещал рассуждать и сравнивать. Но дело в том, что это я сижу и излагаю, а ты читатель, думаешь, взялся прочесть это, а потому постарайся проникнуть и понять, что же все-таки этого автора так разволновало. Не понравится - выбрось.

Сегодня я вообще-то хотел поговорить о прогрессе. Во времена моего детства верхом технического прогресса в деревне считался телефон. Это уж потом я узнал, что еще Столыпики, как оказалось, их хотел устанавливать чуть ли не в каждой деревне.

Помню, как мы шли с братом, и он заскочил в отделенческую контору колхоза, чтобы позвонить в райцентр. Он там так сильно орал, видимо телефоны были такие. Наверное, звонил в АТС, а там сидели тети и втыкали шнуры к различным выходам «Девушка, соедините меня, пожалуйста, со Смольным»). Я стоял на крыльце и был так горд, что мой брат по телефону разговаривает. Сказали бы вы мне тогда про мобильники... Вот бы я над вами посмеялся, над придурками. Ха-ха. Ходить собирать грибы и звонить домой? Умора! Рассказывайте Герберту Уэльсу!

Такое было время. Сейчас, например, сфотографируют свой объект и отдадут флешку в любой фотосалон, где за копейки буквально тут же получают цветные фото. А мне помнится, как в деревню приехал фотограф, и, конечно же, вся деревня наряжалась. Кошачья. Год, может, ждали. Я, как помню, оказался в этот день огромным фингалом под глазом. Любил подражаться. И эта история тоже связана со старшим братом. Это он надо мной шутил (тогда для меня - издевался), чтобы я тоже шел фотографироваться:

- Да, иди, иди. Сфотографируйся со спины. Потом объяснишь

... мол, вот этот, кто спиной – это я. Вот какое красивое
... папы тогда было.

... не всего этого, кое-кто говорит, что тема отцов и детей
... Что, якобы, их сближает именно прогресс. Чувшуя какая!
... временем так и будет. Не знаю... Но лично я чувствую
... вирусным динозавром. Одна половина моей жизни
... времена стабильности. Хорошие времена, как я считаю.
... люди приспосабливаются и начинают уживаться с
... строениями. Они там адаптируются, и даже потихоньку
... коррективы. Тогда было спокойнее жить.

... половина, где сейчас нахожусь (пусть даже не половина, а
... осталось), она меня уже растрясла всякого рода скачками и
... поворотами. Стабильности никакой. Дети этого века
... крикли, но меня убивает эта неуверенность в завтрашнем дне.
... меня тоже пугает. Очень возможно, что сижу битый час и
... никому ненужные и давно известные признаки наступающей
... «Наблюдается патология». Но мне все же плевать как оно
... Я ужасно хочу высказаться и, если угодно, прокричать,
... расцеливают пополам что я вроде живу там, где когда-то
... но не узнаю местность. Опять что-то не то излагаю? Старое
... Ивинтос? Извинись перед тобой, читатель, тоже устал. Я понимаю,
... моем возрасте лучшая музыка – это ретро. И все же я не о том.
... смогу это объяснить, то хотя бы выскажусь. И то вперед.

... о компьютерах и Интернете. Нахожусь до сих пор в стадии
... сосуда – ЧАЙНИКА. Компьютер ещё долго не будет уходить
... Этого в том веке вообще не было, и никакой истории со
... братом вспомнить не смогу. Один мой знакомый (признаюсь
... думал, что это начало конца. Были мы уверены, что потом
... программу, которая распространит вирус против людей, а
... против всяких там порталов и сайтов. На психологию, склонен
... он уже вовсе действует, а контроли никакой быть не может.
... даже возможно, что зря тушуюсь. Хотя, думается, вдруг да
... какой-нибудь фюрер и ему не надо будет уже идти прятаться
... пивбаре. Сторонников найдет быстро, как говорят - «не отходя от
...», и им никак не запретишь пользоваться сетью. Хорошо, если
... Готов поднять руки и признать ошибку. Дай Бог. Ну, чайник
... Что с такого возьмешь?

... первоначально мне, связанному по работе с печатанием
... документов, ужасно понравилась возможность сохранять и исправлять
... свои тексты. А знаете, как, будучи следователем, приходилось печатать

на машинке с копирками множество листов обвинительного заключения. Допустил ошибку – начинай заново. Исправляй, так сказать, но сроки не нарушай. Именно там меня научили излагать кратко, оперируя юридическими терминами, сразу убив во мне всякую художественную направленность (это уже для критиков - пусть знаю, что я жертва юриспруденции, а потому особо не придираются). Видели бы вы какие точности требует в этом прокуратура. Часто такое буквоедство граничит издевательством. Да и ладно. Там теперь другие работают. Я же о своем времени.

Со временем, когда встала необходимость покупать компьютер, я понял, что надо бы научиться кое-чему ещё. Первое – это конечно сайт «одноклассники». Переписываться и вспомнить былое, посмотреть фотографии мне тоже понравилось, но не это для меня стало главным в одноклассниках. Как же все - таки мы изменились, повзрослели и даже постарели. Мельтешили раньше друг перед другом, поверхностно реагируя (даже - как бы реагируя) на чужие проблемы, а оказывается, все не так... Толи время нас изменило, толи стараемся казаться такими в этой сети, но я испытал небольшой шок. Мы, вроде как, обманули пространство и общаемся через большие расстояния, но обмануть возраст, а значит и время, не удалось. Всё так, как и было, но всё не так, как казалось. Тут читатель может спросить: «Сам-то понял, что сказал?». И то верно. Я пытаюсь изложить чувства, которые испытываю сам, а потому вполне возможно, что в потугах донести их до вас, не особо слежу за тем, как все это читается другими.

Этого пишущие люди не должны допускать? А как насчет моего тяжелого прошлого в следственных органах? Не мешайте, пожалуйста. Продолжу.

Как бы там не было, но и здесь мы разные. Молодые в этом веке уже формируются с Интернетом в обнимку, а потому испытывать такие чувства не могут. Какой может быть шок?! Обыкновенный ежедневный разговор уральского парня с девушкой из Прибалтики. Более обыденного в жизни и не сыщешь.

Читателям, кто молод, не стоит на это обижаться. Можете считать, что мы были обделены и не имели такой возможности, которые открыты перед вами с такого возраста. Однако, должен сказать, что тут я, мягко говоря, слукавил, а это уже не хорошо. Стыдно как-то. Не такие мы. Мы несколько не жалеем, что жили в своё время и дело тут не в том, что бесполезно жалеть. Просто мы дорожим тем, что было. Это чувство вам так же пока непонятно. Когда впереди непростительно мало времени по сравнению с тем, что уже было, начинаешь мыслить иначе.

просматривать вас тоже не хочу, я – о своем времени. О себе, одним

2.

Я часто просматриваю страницы друзей (их друзей) в «Видеоклассниках», где помещают понравившиеся им короткие видеоролики. Множество таких роликов о животных, цветах и свадьбах помещают женщины. Эти я тоже иногда смотрю, но как-то быстро, мельком. Мало ли что, вдруг да что стоящее... Мужские видео о транспортных авариях тоже не особо нравятся, но иногда можно наткнуться на что-то хорошее и будет жалко пропустить. Тут уже не особо зависит, кто поместил: мужчина или женщина. О двух таких роликах я решил изложить сегодня. Это все происходит и совершается в наше на стыке времени. Я, хотя и родился и формировался в прошлом веке, не стал анахронизмом, еще живу, дышу и думаю.

Этот век, между прочим, тоже мой. Имея такой статус я, думаю, буду более объективен в своих оценках. Историю не судят. Это она вправе судить всех и вся. А я оцениваю только лишь волнующие моменты со своей колокольни. Поверьте, мне есть что сказать. Я - человек разумный, который в отличие от некоторых, жил и в прошлом веке, переживал и воспринимал, а потому относится веку настоящему с некоторой критической точки. При этом, надо отметить, никакого триггера нет, поскольку, повторяюсь, этот век - он тоже мой. Я еще живу, а значит переживаю. Продолжается время, в котором я живу. Вот бы продолжалось бесконечно...

Очень сильные эмоции вызвал видеоролик о Булате Окуджаве. Мы не ровесники, но я рад, что жил с ним в одном веке. Он был ужасно народным. Со мной могут не согласиться, но считаю его своего рода пионером и, как мы говорили, примером для всех состоявшихся позже бардов: Визбора, Высоцкого, Кима и других. Его манера, в отличие от манеры других, была пронизана огромной любовью и подавалась в более мягких тонах. Он не «убивал наповал» или не пытался «огорошить» отдельными выражениями и оборотами, а захватывал всей песней, убаюкивая, и в то же время, заставлял переживать и сострадать. Я бы сравнил его песни в соседстве с песнями других бардов, как французские духи рядом с одеколоном. Такой у него был тонкий вкус. Думаю, что со мной все согласятся и никто не обидится. Он не всегда был признанным, но был любим всегда, поскольку в

рекламе не нуждался. Его песня в видеоролике сопровождалась с фотографиями, а поместила его на своей странице Надя Камянчук — моя знакомая и хороший человек. Спасибо ей.

Второй ролик понравился другу и он выставил его, чтобы показать остальным. Выставил, полагаю, поскольку переживал и не мог воспринимать спокойно, как рядовое событие.

Да, простится некоторая документальность излагаемых фактов, но не могу же я одним художественным вымыслом говорить о таком понятии, как время (или, если можно так говорить — о стыке времен).

Этот ролик содержал в себе отрывок из фильма «Брат» без каких-либо комментариев. Герой говорит распоясавшемуся и наглому пассажиру, который издевается над контролером: «Не брат я тебе, гнида чернопояная!». И этот обезьяноподобный, до колик боязливый при встрече с любой силой кавказец, становится управляемым от одного вида револьвера. Зачем друг закачал это на свою страницу? Человек он высшей степени миролюбивый и о великорусском шовинизме речи быть не может. Он просто любит, чтобы его уважали, не лезли со своим уставом в чужой монастырь и, тем более не терпит, когда гость выказывает хамские выходки в хозяйском доме. Тяжелый фильм. Уверен, что такие выходки не проявляются сплошь и рядом. Я служил как с кавказцами, так и выходцами из Средней Азии. Хорошие люди, гостеприимство у них в почете. Никакого русофобства у них в национальном масштабе нет и в помине, как у некоторых правителей Грузии в последнее время. Оттуда к нам просачиваются, как мне думается, три различных по образу жизни группы соседей. Одни, как импорт криминала, всегда были и будут во всех странах. У себя они уже известны и гадить становится труднее. Со временем будут известны и здесь, а мы к тому же научимся с ними бороться — надоест терпеть. К ним примыкают те, кто показан в фильме. Их у себя-то никто не любил, а потому пытаются вырваться в люди тут. Они становятся шестерками и бакланят с разрешения своих братьев. Пустой народ, хоть и гонору много. Вторые — это люди бизнеса, создающие семьи, студенты и другие, которые имелись и раньше, но в меньшем количестве. Третьих мы знаем все. Они вынуждены искать работу, чтобы жить и содержать семью. Они тоже оказались на стыке времени, но с ещё худшими последствиями. Их правители ездили раньше к нам, как к старшему брату, но увидев, что «старший» не очень дружит с башкой, тоже захотели стать Царями. Выяснилось, однако, что цари ни на что не способны, кроме как есть сытно и кормить своих бесчисленных родственников. И такое «полуживое» состояние авторитету не правило

из соседней страны. Они тоже знают нашу слабость и доступность для них, никому не лень. Вся вина в современной национальной политике. Возможно, в отсутствии таковой. Быть не может, что вся эта масса гастарбайтеров пришли к нам только по заявкам работодателей и уехали к родным, как того требует закон. Приходят кому не лень и в душу. Почему так стали к нам относиться в этом веке?! Почему не любят?! Не было такого раньше. Не было! Нас или боялись или с нами дружили. И почему русские сегодня стали обреченной, униженной нацией. Наверху, наши правители готовы регулировать все важные дела, а этим не занимаются совершенно. Они в трамваях ездят, столовые общепита не посещают, на рынок унижаться перед торговцами не ходят. А результат: плюют нерусские на русский народ, и мы только видим, что и правители наши плюют на свой народ. Значит, мы сами, - думают они. — Значит так принято. Не было раньше такого. Когда-то на работе я занимался делами многодетной узбечки, которая оформляет гражданство России, а дома меня ждет приемная дочь с большими как смоль глазами. Но ведь это неправильно. Я ничего не могу при всем желании. Такими вопросами занимаются иначе. «Эй, ребята, наверху!!».

Вот такие мысли возникли после видеоролика. Можно, конечно, посмотреть такое. Только вот проблема от этого не исчезнет. Раньше такого не было. Вот еще почему так близко к сердцу я принимаю некоторые факты современности. Они меня буквально уничтожают. Конечно, бесспорно, много хорошего во второй половине моей жизни, протекающей в первой половине двадцать первого века. Это, поверьте, не попытка поиграть словами. Так сложились для меня, что два столь разных, очень разительно отличающиеся друг от друга периода не могли быть понятыми как одно целое. Для нескончаемого потока времени и бесконечного пространстве — факт ничтожный. Но я существую, мыслю и переживаю в своем отрезке времени — на стыке двадцатого и двадцать первого веков.

Фильм этот я смотрел давненько. Понравился. И дело не в том, что играет Бодров-младший, простой и надежный, как автомат Калашникова, русский парень. Он ведь тоже жертва и действия его нормальными признать никак нельзя, хотя как реакцию человека предпочитающего действовать, понять можно. Все мы приплюснуты своим временем. И реагируем по-своему. Я вот тоже, хотя бы, выговорюсь.

Я, бесспорно, за прогресс. И все, что тут изложил — это не постьегический плач старпера и не слюни консерватора, а реакция на

сегодняшнюю действительность, которую не признаю, как нормальный этап нашей истории, но живу. Только вот жить молча не получается.

В такое время я живу, а потому и такое название. Ты, читатель, скажешь, что время и без моего «Я» можно было описать не хуже. Ты не прав, если думаешь, что время и без моего «Я» будет идти и не остановится. Это дурацкое утверждение. Без меня время не идет. Его не может быть. Я же ведь о своем времени. Не спорьте, пожалуйста.

НА ЛЕСНОЙ ПАСЕКЕ

Нашёл! Ура, нашёл! Ха-ха-ха, нашёл! - Григорий ехал за рулём «Нивы», ораёт от души во всё горло и заливался хохотом, - Нашёл! Нашёл! Нашёл!

Объезжая окрестные леса уже второй день, он уже не надеялся на хорошую удачу. С одной стороны грунтовой в ухабах дороги росла высокая зелёная трава, состоящая в основном из клевера, а по другую сторону — подсолнух. Подсолнух ростом ещё маловаг, но уже через две недели зацветёт. В километрах полутора в лесном массиве можно было найти и поляночку вполне пригодную для разбития стоянки. Это действительно была удачей. Всё расположено, как по заказу.

В этом году последнее отделение совхоза «приказало долго жить» и корма перестали. Пасека Григория с двенадцатью ульями стояла посреди, можно сказать, бурьяна, и спасать положение можно было только выездами в летние лагеря. Он знал, что многие совхозные ульи приобретены успешно развивающимися в последние годы совхозом, где держали и крупнорогатый скот, а потому не может быть, чтобы не сеяли кукурузу для силосования. И вот, пожалуйста. Ну, не хмача, ли? Выходит, зря Григорий боялся, что они будут посеяны только за Белым Яром. Ездить туда было бы накладно. Старый бортовой «ВАЗ-53» требовал небольшой ремонт, но это было делом одного дня. «Может помочь, - подумал Григорий, - Этого хлебом не корми - дай с машинкой повозиться, а потом и выпить, как бы с усталку. С мёдом тоже не рассчитаюсь. Уже через пару дней можно будет вывезти все ульи, а через три-четыре дня начинать качать медономенный урожай (шестичного мёда)».

С такими радужными мыслями он приехал до мой, чтобы быстро перекусить и приступить к подготовительным работам. Нужно было для быстрой работы приблизительно замерить все стороны каждого улья и сколотить для них на всю длину кузова досками обшивку ячеек, где бы устанавливались ульи и не близились друг об друга по дороге. Ячейки он делал просторными, чтобы можно было забивать свободное пространство старым тряпьем, тогда ульи к тому же будут чуть амортизированы, что не причинит особого неудобства пчелам.

Страда начнётся такая, что потом некогда будет думать. Нужно приготовить всё, что потребует ся. Столбы, доски и инструменты нужно везти уже завтра на машине свояка и начинать строить в пятницу. Выбор

места и строительство времянки сыну Борису не перепоручишь. «Тут нужно самому, - думал Григорий, - а, значит, подготовка может продлить всё надуманное ещё на один день».

Жена Людмила принялась собирать в одно место всю посуду, одежду, которая может пригодиться, сетки от пчел, дымари. «Поляна, поди, небольшая, ульи будут стоять на близком расстоянии, а потому нужно быть готовым отражать нападки соседей, если вдруг надумают «похалявничать».

Сын Борис собирал инструменты, столбы и доски поближе к воротам, в одну кучу. У него тоже работы хватало, хотя нужно было всё время подсказывать «найди то, найди это». Что он может сам в четырнадцать лет. «Хотя, - подумал Григорий, - придется изредка оставлять в лесу и одного. С такой собакой, как Султан, не пропадет». Ружье и патроны решил взять только в последнюю очередь, на всякий случай. Купил это ружье «фермерское» ещё давно, когда хотел заняться выращиванием хмеля, Тогда ему не дали развернуться, всячески пытались остановить, пугали невозможностью сбыта, требовали экономические обоснования на бумаге и просто напрямую намекали, чтобы дал взятку. Он к этому не привык, а потому, погоревав немного, плюнул на всё и занялся пчеловодством. Дело знакомое. Здесь никакого разрешения не требовалось, бегать в земельный комитет и отдел социально-экономического развития района надобности не было. Ружье осталось. Для охоты, пожалуй, оно непригодно. Уж больно красивое исполнение: складной приклад, кроме ствола шестнадцатого калибра имеется запасной закручивающийся ствол для сигнальных патронов, а учитывая такой тонированный и шлифованный вид всех деталей и футляра, можно сделать вывод – это сувенир, а не оружие. Хотя для редких выстрелов он полностью пригоден и имеет неплохую кучность. Григорий ещё тогда выходил к болоту и пристреливал. Для такой канонады на уток, как в день открытия охоты, не подойдет-перегреется и будет «плеваться», а для одиночных выстрелов время от времени годится.

Избушкой времянку нельзя было назвать. Скорее она напоминала блиндаж или охотничью сторожку в один накат с полатами и небольшой печуркой. Напротив неё полукругом, на расстоянии чуть более пятнадцати метров, расположены ульи на вбитых в землю кольях, с надетыми на них сверху стеклянными банками. Это делалось, чтобы в улей не могли забраться всякие ползущие твари. Пчелы, конечно, сами за себя могут постоять, но, как говорится, бережённому Бог бережет. Григорий с улыбкой вспомнил про случай в одном из ульев в зимнее

Ульи хранились во вскрытом в землю омпанике, но они их проверял от времени, а при необходимости подкармливал сиропом. Пчелы в это время спят, но, видимо, у них ужасно развита охранный система. В ульи ульев непонятно каким-то образом пролезла мышка, которую конечно же, в живых не оставили. Однако удивительно было в этом. Пчелы прекрасно поняли, что мышь со временем начнет гнить и пытаться. А кому охота спать при таком нечистом воздухе? Конечно, никому. Им так же, видимо, не хотелось. Мышку они заперли воском под вид мумии и оставили лежать в уголке. Такая мумия будет лежать, а пахнуть не будет. Теперь гнить им не упрощала. Когда, любящий хозяин убрал её, но долго рассматривал, прежде чем выбросить. «Организованный народ, эти пчелы, ничего не скажешь!»

Дежурство в дневное время поручили Борису. Он мог спать, читать, писать и, как по-военному выразился отец, принимать пищу, а в свободное время от времени выходить показываться белому свету, гулять, чтобы не разроились семейки и кормить собаку. Сам в категории часто ездил до дома и обратно, везде успевая что-либо привезти, подвезти и увезти домой. Кроме того, он числился главным сторожем. Иногда с ним оставались сын или жена, но такое происходило редко. Только однажды за отца оставался Борис. Приорий в этот день заночевал в областном центре, куда возил московскую массу менять на новые листы и рисунками сот. Перед этим он привозит во времянку готовые рамки магазинов и натягивал на них проволоку. К ним позже прикреплялись эти листы с треугольными рисунками. В итоге вследствие пчелы наращивали эти рисунки воском, превращая в соты, и клали туда мёд.

Человек приручил их и пользовался тем, что пчелы, в отличие от пчелы самого, привыкли работать без усталости и не могли видеть эти соты пустыми. Им всегда нужен результат труда. Наполнив все ячейки сот, пчелы старались закрыть их тонким слоем воска, чтобы мёд внутри каждой ячейки сохранил аромат и вкусовые качества. Люди, больше привыкли приспосабливаться чужому труду, придумали эти магазины, которые ставились над другими рамками в виде антресолей. Как только наполняются, они изымались, ставились в медогон, чтобы накрутить мед для хозяев. Параллельно с этим, пчелы наполняли медом и рамы, что выносятся под магазинами, а после тщательно закрывали. Хороший хозяин этот мед уже не трогает, а потому все ячейки рамы обычно полные и закрытые. Питались они им зимой в полудрёмном состоянии и снова продолжали спать до весны, чтобы проснувшись облететь свой ареал, опорожняясь на последний тающий снег, и подготовиться к новому

рабочему сезону. Григорий к ним привык и относился с огромной любовью. Очень часто, открывая крышку ульев, работал без защитной сетки. Его пчелы почти не трогали, будто знали, хозяин это - он не обидит. Конечно же, жалили иногда и его, но видимо уже в выработался трехлетний иммунитет, что он переносил это легко, и даже так же не опухало. Вот у сына Бори заплывало всё лицо, даже глаза закрывались. Поэтому его держали подальше от ульев, а занимались им и в особую вном с женой. «Привыкнет ещё, - думал Григорий, - какие его тогда».

Через четыре дня замечательной погоды решились начинать. Несколько сильных семей, которым он не давал разроиться, убрав молодых маток, уже наполнили магазины и могли начинать их закрывать. Нужно бы их перекачать и поддержать пару дней, чтобы они пособирали для себя в нижние рамы. «Однако погода стоит довольно хорошая, - подумал Григорий, - значит, обратно поставим. Пусть она на хозяина пашут. Он тоже хочет кушать, да и не ровит продать побольше».

Родители Григория, царств им небесное, держали пчел. Благодаря этому имели первый телевизор в деревне, первый мотоцикл с коляской, а позже, наравне с комбайнерами совхоза-миллионера первые «Жигули» - копейку за пять тысяч сто рублей («Волги» Газ-21, как он помнил, стоили тогда чуть более семи тысяч). Тогда отношение к ним со стороны были не очень доброжелательными. Их приравнивали чуть ли не к спекулянтам. Никого не интересовал тот факт, что в такой большой семье дети всегда ухожены, а родители пашут, как папа Карло. Отец приходил с работы и начинал заниматься пчелами и скотиной, а не лежал напрогив телевизора. Он даже на детей своих ругался, когда видел, что они лузгают семечки. «Семечки – это друг пчелы». Так он всегда говорил, а потому приходилось их лузгать тайно.

Григорий с Людмилой принарядились в одежду с основательно закрытыми рукавами и воротом, защитные сетки и, взяв дымарь, пошли к первому улью. «С Богом». С этого слова у Людмилы начиналось каждое дело. Дымарь она заправила стружками и сухим навозом, и дым шел хороший. Она им отгоняла слишком натяж пчел, которые сразу после открытия крышки улья кидались защищать свое добро. Потихоньку они привыкали и продолжали работать дальше, прилегла к литку с большими желтыми комочками под каждой лапкой. «Какие вы у нас молодцы!» - думала Людмила, уже защищая улей от других халевщиков, кто могут прилететь со стороны. Собрав вержний ряд магазинов в один тазик, они оставляли нижние большие рамы и закрывали ульи. Магазины в каждый улей Григорий ставил не более с

и двенадцати штук. Каждый из них в этот день был набит медом и Григорий, взвешивая их на весу, расплывался довольной улыбкой. Через секунду его мимика было видно ллюко, но Людмила знала эту привычку, и поэтому подхватывала, улыбаясь уже по-своему «на всю ширь - как он смеется - до безобразия симпатичной мордашки». Ей нравились такие моменты, она в эти моменты как бы любо валась, глядя со стороны на себя. В отде она - идилия! Так она продолжала думать, да только время не жилось времени не было. Оставив таз с магазинными у Бориса, стоящего у медогона внутри времянки, Григорий увел ее к медоному улью. Когда они при есут магазинны с друого улыа, то они уже будут переключены Борисом, и будут ждать дустые, чтобы их переключили обратно на место.

Борис ставил магазины внутрь медогона по четыре штуки, крутил и доставал уже пустые рамки. Мед выбрызгивался на стенку аппарата и текал вниз, где имеется место для стока. Крошительны, которые не выжидали, вполне успевал и все шло конвейерным способом, как и хотелось. От него требовали чтобы успевал, но не широко разгонялся. Он чрезмерно быстрой скорости «схлынул» греснуть, аэго уже лишняя работа для дчел. Они их станут латать.

Работа шла безостановочно, но Григорий понял, что после четырех улые в нужно пообедать и после обеда удастся обойти не более трех улые в. Нужно пораньше отвезти семью обратно вместе с одной из фиал. Он, похоже будет полным. Больше никак не выходило. Значит, завтра еще один день придется потеть. Ну что ж, он так примерно и предполагал.

Оставив семью дома, Григорий вернулся уже тогда, когда темнело. Внутри времянки, где все пропахло медом, налил о «с» стол ко муж и о «с», что пришлось сжигать таблетку от мус, которые дома включаются в сеть. Когда обуглится края таблетки, дуешь на нее, и это «создает» тот запах, который в домашних условиях распространяет ся в течение в сей ночи, разо прева о с от сети. Здесь в течение несколько минут ну тро времянки полностью «освободил о с» от «эда», как гово рила Людмила, пернагах. Григорий прикрыл стоящий в углу медогон брез антом, чтобы меньше распространялся запах меда и, джкория в Султана, лет спать.

Что-то тревожное и темное напавалоось изнутри себя и, обрстая до огромных размеров, толкнуло по щеку. Григорий, как бы вострепел, вши о с от этого голчка, пр о снулся и ку сльшнал безудержный и непрекращающийся аялан Султана. Что это могло быть? Может лиса или просто ёк, об которого он мот поранить морду. Оди ако в следующий момент, выйдя за пг рму, служащей дверью, он слы шал страшный рез

и жужжание целого роя пчел. На месте дальнего с правой стороны улья копошилось что-то огромное, роясь среди разбросанных рам с сотами возле опрокинутого улья. Это был медведь. Григорий слышал ещё осенью, что якобы несколько раз видели медведя, хотя их в этих местах отродясь не бывало. Видимость была не очень хорошая, но было видно, что нападающие пчелы не особо зверя тревожат, хотя и изрядно мешают спокойно лакомиться свежими сотами, полными меда. Медведь брыкался, ревел монотонно не сильно угрожающе, а сам отмахивался от надоедливых пчел и макал время от времени морду в соты, валяющиеся возле опрокинутого улья. Лай собаки его, видимо, тоже не особо тревожил, будто знал, что собака на цепи и никакой угрозы не представляет. Григорий отвязал Султана и быстро нырнул за ружьем во времянку. В наличии оказалось только два патрона с дробью второго номера и один сигнальный. Григорий понимал, что это просто смешно стрелять в медведя вторым номером. «Ну что, хоть напугаю, может. – подумалось ему, - Хотя раненый он навряд ли убежит. Скорее озвереет ещё больше».

В этот момент как-то стало спокойно, и он стал не спеша заряжать свое фермерское ружье. Стрелять пока не хотелось. Медведь делал прыжковые движения в сторону нападающей собаки, а когда Султан отбегал, снова принимался лакомиться. Куски сот, валяющиеся среди разбитых рам, убывали быстро. «Интересно, - мелькнула мысль, - что он тогда предпримет? У него три варианта действий: раз - опрокинет другой улей и будет жрать; два - нападет на нас с Султаном, что прямо сажем нежелательно; и три - надумает, что на сегодня хватит и убежит?». Летом, вообще-то они не должны нападать. Наверное, все-таки будет лучше стрелять в воздух. Убежит, поди. Стрелять в него было опасно, поскольку можно зацепить Султана, который безостановочно лаял и бегал вокруг медведя, стараясь укусить сзади. Однако выстрелить в воздух Григорий тоже не успел. Медведь, как бы отмахиваясь, махнул лапой назад, что проделывал уже много раз и тут же неожиданно ловким движением повернулся вокруг себя. Его длинные изогнутые когти как рыболовный крючок вонзились в шкуру Султана, которого он круговым движением подмял под себя, ломая хрустом кости ребер и позвонков. Услышав выстрел он постоял немного, глядя на стоящего на расстоянии шести метрах Григория, поднялся на задние лапы, издал рёв, но от второго выстрела снова развернулся вокруг себя на сто восемьдесят градусов, пал на все четыре лапы и побежал в сторону леса.

После ухода медведя Григорий снова пришел в замешательство, его вдруг покинуло хладнокровие и страшно захотелось есть. «С чего

«...?»), подумал они и вспомнил про Султана.

Он лежал в таком неестественном положении и, словно его пытались заковать в узел, но не смогли и бросили. Задние лапы торчали где-то в сторону, а кожа на спине была разорвана как тряпка и оттуда торчали торчком испоманные ребра. Он еще дышал, но скулять уже не было сил, только последний глубокий вдох, лапы выгнулись, мелко задрожали и затихло.

Он был замечательным другом, подаренным одним из владельцев, смесь овчарки с лайкой. От лайки унаследовал хвост в виде кольца, а от овчарки окрас и морду. Бралли, когда Борису было пять лет, чтобы воспитать в нем ответственность перед человеком ещё, кто будет в основном зависеть именно от него. Все эти пять лет они росли вместе на стоящих дружбах, и теперь Григорий даже не знал, как сообщить сыну об этом. Переживать будет долго.

Он закопал собаку возле опушки за временкой, где стояла машина и, зарядив ружье последним сигнальным патроном, пошел противоположной опушке, куда убежал зверь, где насобирав дрова и вывел большой костер между лесом и опушкой. Скоро начнет светать и зверь уже наверняка не вернется. Ну, разве что за трагедией звериных поминок и отаком сладком и глотнем цветочном еде. Зверь — он не есть зверь. Поди, не устоишь: закончит снова по лакомиться. Но это уже будет гадже ночью. Днём не сумеет. «Видёшь, блин, халва выкик. А вот, блин тебе леско!». Григорий решил назло ему привезти семью и пережить начало. До вечера они у сленот перекрутить мед со всех оставшихся ульев, свернуть татер, заправ все вещи. Пусть его потом ищет, тварь мохнатая! А там, как обещают синоптики, и банды начнут. Как гово рится: будет темно — видно будет. И в сё же выним умой, на что так богат наш народ, он подумывал и другое: если серное, надо будет вернуться, закапать еще один засодик, пока не успеют забурт. Сж бо льно дешево местечко.

Дома Григорий ничем рассказывать не стал и ждал с семьей так же молча, что Людмила чувств вала — что-то у него случилось. А, может, просто замолчал мужик. Сколько уже времени без отдыха. Он привыкшему сообщил только на месте, когда решили по есть. Лен а, как-то снялся и в вопросительно прощ ердно носом отрел а на мужа и сына. Будто они были ветром вianoваты, изменчивоюсь Султану не захотели. Григорий и без того чувствовал себя вiano внем, лосколку нужно было начинать стрелять в воздух пораньше, а не ждать наступления таких последствий. Он что-то невнятное пробормотал себе под нос, а Борис шел на улицу и просидел в кабине, пока не позволили работать. Работали

так же молча и быстро. Особого страха Людмила тоже не испытывала, поскольку верила мужу, что медведь днем не придёт. Да если и вернётся, ничего не сделает, муж у неё здесь рядом – прогнал ночью, а днем прогонит тем более.

Уже через день Григорий заехал в охотхозяйство к егерю Воронцову Александру, и тот объяснил ему, что сам не видел медведя, но «факт наличия подтверждает». Они с охотниками специально ездили, нашли место лежанки, видели следы и помёт.

- Похоже, что он пришел через соседний район со стороны Устьяхинской тайги. Там иногда случались пожары, а потому мог переметнуться в наши края, хотя раньше такого не было. Обычно они уходили, наоборот, в сторону Оби. Перепутал чего-то твой Мишка. Ты, случайно не давал объявление, что мёд в лесу качать будешь? Нет? Может, он и прочитал это.

- Да пошёл ты! Нашел чем шутить.

Григорий был первым и последним, кто пострадал, но могли быть и другие человеческие жертвы. Допустить такого нельзя, а потому силами охотников двух районов была организована травля. Медведя, как впоследствии сообщали, «нашли и обезвредили».

Медведя Григорию стало так же жалко, как и Султана. Шустрые какие, обезвредили они. Хорошо с ружьями да оравой на одного косолапого. Однако жизнь продолжалась. Григорий ещё трижды вывозил туда свои ульи, но брал только по четыре улья. Так, на всякий случай. А там и подсолнух убрали. Такая вот история с ним произошла в прошлое лето.

АНАСТАСИЯ ИЛИ ТЕЩА В ОККУПАЦИИ

Светлой памяти тещи А. В. Васильевой

1.

Да, сдала тётца. Постарела. Сгорбилась, хотя также не сидит без дела и одиноко копошится то во дворе, то в огороде. Да ведь, надо же сказать, и я не помолодел за эти пятнадцать лет со дня последней встречи. Если бы не была предупреждена о моём приезде со старшей сестрой, то, конечно же, не узнала бы. К тому же мы были не одни, с братом Сергеем из соседнего посёлка. Встреча, как и полагается, обошлась без слёз, но это были уже не те слёзы неумеренной радости после долгой разлуки. Немало за это время было потеряно людей, к которым мы имеем общую и безраздельную любовь, молитвы которых, разбросаны по обе стороны: чьи-то здесь в Новгородской области, чьи-то на далеком для тётки Урале. Эта горькая правда не изменила нас, из, в то же время, не могла служить причиной особой грусти. Да и тётца моя Анастасия Васильевна за свою долгую жизнь стошила уже весь запас этой влаги и всё больше причитала: «Мушкетёрша, Димушка», издавая хрипы, похожие на рыдания. Большее количество слез вытекло без усилий, как бы произвольно, не увлажнив даже половину её лица.

Тещу себя надеждой, что для неё я тоже остался любимым человеком. Теперь уже единственным зятем (царство тебе небесное, папа Анатолий). Так получилось, что после женитьбы на её дочери, случайно попавшей на Урал по распределению, я не смог приехать к ней в течение нескольких лет. Они знали, что у них есть зять, какого не было ни у кого, но представления особого не имели. Зато меня опередила моя сестра Марина, которая успела побывать у неё задолго до моих «походов». Надо же, погасила знакомиться с новыми родственниками в такую даль из Челябинска, чем, правда, послужила ей хорошей службой. А поскольку «Марина девушка гораздо умная», - думала тётца, значит и зять неплохой мужик. Хотя и «ариец».

Дочь моя Настя, названная в честь бабушки, после недолгих

разговоров тут же отправилась за деревню, где протекает замечательная река Ловать. Можно бы было подумать о более поэтичных выражениях, но я этого делать не стану. Она просто замечательная эта река. Для меня, выросшего среди множества озёр Южного Урала, эта река была первым близким знакомством с большой рекой, которая после нескольких приездов превратилось во что-то более значимое и дорогое. Да и все в округе - поляны, лес, стало дорогим и значимым. На этой реке я купался, ловил рыбу, а однажды, когда приезжал зимой, сплёл из алюминиевой проволоки большую «морду» для ловли рыбы. Впоследствии ею пользовались братья моей жены и прозвали в шутку «диминой мордой».

В лесу я собирал грибы, ягоды, обходя ямы, оставшиеся от блиндажей, землянок и окопов, рассматривая заржавелые каски советского и немецкого образцов, которых в лесу было немало. На поляне, сразу за деревней, пас коров или предавался любовным играм с молодой женой, не обращая внимание на обилие ядовитых змей, которых ранее не встречал и очень боялся.

Все эти воспоминания поднимались из груди, собирались в районе кадыка, отчего трудно дышалось. Тёще не совсем верилось, что уже прошло три года, как не стало дочери, а зять всё же нашёл время и приехал. Разговоры и воспоминания продолжались за столом. Тёща, несмотря на свои восемьдесят семь лет, тоже выпивает рюмочку за встречей, после чего я иду на реку.

Да, сдала тёща. Возможно, что вижу её в последний раз. Надо побыть возле неё подольше. Есть возможность ночевать в соседнем посёлке у её старшего сына Виктора в более комфортных условиях. Я этого не стану делать, буду ночевать у неё. Кроме того, она прожила в этой деревне Дретёнке всю оккупацию, более трёх лет, о чём рассказывала первые приезды, но я эти рассказы запомнил плохо, и очень хотелось уточнить, а может и пересказать в прозе для её же внуков.

Членским билетом какой-либо писательской или другой организации, что дало бы мне доступ к архивным документам, я не располагаю. Да и не хочу этого делать. Не умею. Я даже не обращаюсь к источникам истории края, чтобы вставить в это изложение для достоверности имена начальников, командиров партизанского отряда Новгородщины или какого-либо полицая. Писать о войне художественно мне не дано. Я не имею право брать на себя такую ответственность и писать то, чего не видел и не испытал. Не могу кривить душой перед могилами своего отца, командира пулемётной роты, лежащего на уральской земле, и тестя, похороненного за рекой Ловать

...от деревни Дрепёнка, и передвсемитями, кто погиб, умер или
...свои последние годы. Мне дело правильно изложить лишь
...эпизоды жизни во время оккупации и после неё,
...тещей — Васильевой Анастасией Васильевной,
...деревни Дрепёнка Парфинского района Новгородской

2

Зима 1941 года подошла так же неожиданно, как и немецкие части. В
...деревни, расположенные вдоль реки Уювати за Старой
...немцы в глаза не видели, а он, супостат, уже прошёл эту линию,
...прямей далеко на восток. Правда, в некоторые деревни немцы
...двигались, но, захватив и ограбив всё съестное, снова исчезали.
...деревни во округ Дрепёнки были сожжены, везде зияли
...огонь, в лесу горел торф. Земли Старой Руссы, как
...ночь, охватывало ошорокительно-тяжкое время, называемое
...окупацией.

Окупация — это когда идёт-рёт сама земля предков, отдаёт гарью и не
...птичьего гонимого сов; когда не жгутся на собственной земле, а по
...реке льзут трубы; когда ты с собственным ребёнком
...непотом, а рядом, как выстрелы, звучат непонятные,
...и оскорбляющие душу, и неземные выкрики. Порой
...что уж женщины хорошо себя не может, рядом со стариками,
...и женщинами не какими комиссарами, которые могли бы
...духи веру и непобедимость Красной Армии. Зато есть
...иногда, и часто, и чуть ли не соку встающий взгляд пожилого
...солдата, отчето делает ся совсем душно и не хочется жить.

Ещё до заморозков Анастасия с придной дочкой Ниной на руках
...появиться в землянку, оставленную бойцами Красной Армии,
...она прожгла почти три недели с другими жеппидями из соседней
...деревни ещё двумя женщинами средних лет с девчонкой
...однанадцати в осмилет. Женщины эти ещё до станции
...Старой Руссы обидлись от св-ожиз-за обстрела и добрались до встречи
...Анастасией несколько дней по болотам. Смотреть на них было больно
...и жалко. Утонувшие куда-то вовнутрь глазницы, совершенно плоская
...женщины и несчастственно горящие ключицы подростков
...на водили тоску. Наступил холод, и оставаться в землянке было
...невозможно. Прибывала вода, которая по ночам покрывалась в лужах

льдинкой, и терпеть этого не было никаких сил. Пришлось вернуться в деревню. Из населения оставались старики и женщины с детьми, не более пятнадцати человек. Два дома заняли ещё несколько незнакомых семей, видимо, уставшие отступать, но имелись ещё домишки. Заткнув разбитые окна подручными средствами, слегка подремонтировав печки, жить худо-бедно можно.

Немцы, расположившиеся в большом пятистенке, через два дома, особого внимания на жителей не обращали. Партизан в округе ещё не было, и это был не карательный отряд. То, что люди жили в оставленных красными землянках, они знали, иногда встречали женщин и детей, выкапывающих в поле уже замершую картошку. Брать у них было нечего, а потому население в первое время не трогали. Людей это так же устраивало и они сбивались в домах группами, семьями, что делало жизнь более сносной.

Однажды, это было перед обедом, к Анастасии вошёл немецкий солдат с висящим понерёк груди автоматом, едва протолкнув своё грузное тело через узкие двери. Что-то внутри оборвалось, стало страшно. Лицо у немца, гладко выбритое и мясистое, было скорее равнодушным, чем грозным. Но от этого сделалось ещё страшнее. Первые его слова, резкие и в то же время сиплые, как звуки хлыста, нарушили тишину и Анастасия опомнилась. Мысли, которые пришли в голову, были о дочери, дремавшей на железной кровати. Страх отступил, и неизвестно откуда взялась злость и решимость. Немец на это никакого внимания не обратил, продолжал лаять и жестикулировать, показывая на нехитрую кухонную утварь, расположенную на самодельной полке над бочком с водой.

Выдавливая первые слова, Анастасия не узнала свой голос, но молчать не могла – боялась.

- Что? Что вам? Тебе? У меня дочь, - проговорила она, подойдя к кровати заслоняя собой чадо.

- О, Я. Я. Киндер, киндер.- Немец затараторил отрывисто, без остановки и, подойдя к полке, схватил кастрюлю.

Кастрюлю, конечно, было жалко, но всё же это могло быть спасением: «Ушёл бы уж. Пусть забирает».

Унося кастрюлю, немец оборачивался, говорил ещё что-то и даже улыбался. «Да, сгинул бы уж, наконец, будь ты неладен».

Анастасия пришла в себя от лепета дочери. Нина, её Ниночка, уже проснулась, смотрит ясными глазоньками и лопочет. Обняв её, Анастасия дала волю слезам. Однако слезами горю не поможешь. Вон их сколько течёт, слёз женских, по земле русской широким потоком,

...на река Ловатъ. «Бедная, бедная доченька. Тебе бы молока
...ного. А тут ни коровьего, ни своего. Даи откуда взяться грудному
...от картофельных лепёшек». То, что когда-то окончится война,
...и муж и у них снова будет своя корова, не представлялось, хотя
...того хотелось. Мечталось и думалось об этом каждую ночь.

К вечеру страхи улеглись, но теперь уже стало жалко кастрюлю,
...старой сковородки, где обычно жарятся лепёшки из мерзлой
...шки, она была единственной посудой для варки похлёбки. Не
...же варить её в алюминиевой кружке, хотя имелись ещё два
...сохранившиеся стакана. Остальная посуда пропала, когда она
...шла дом, уходя в землянку.

Описывая этот эпизод, со всей ответственностью заявляю, что за
...русской Руссой живёт народ умный... И не только умный. Упрямыми
...не могу, но настырные — это точно. Если им что в голову
...пришло, то переубедить лучше не стоит.

Погоревала Анастасия, поторевала и решила вернуть свою
...голю. Никакие уговоры соседских женщин не подействовали.

То ли часовой, то ли вышедший «до ветру» немец удивленно
...авился на молодую женщину, так смело и целенаправленно
...подвигающуюся к их обиталищу. Раньше такого не случалось.

Здесь, немного отступая от сюжета, должен изложить, что к этому
...мени у немцев состоялось небольшое пополнение из
...могательной службы сапёрной части. Они сгоняли женщин на реку
...авлять лес для строительства блиндажей и других укреплений. Лес
...шли выше по течению, а женщины должны были растаскивать брёвна
...случас заторов. Полагался небольшой паек, но работа была адская.
...приходилось стоять в ледяной воде по несколько часов. Обувь не
...полагалась. У кого что есть. А были, в основном, дырявые резиновые
...ноги.

Фельдфебель Иоган среди вновь прибывших слыл большим
...сельчаком и остроумным малым. Пользуясь отсутствием
...дисциплины, он прохаживался по берегу и предлагал женщинам
...поднимать подола в знак капитуляции перед немцами, обещая
...пободить от работ на целый день тех, кто продемонстрирует свои
...силести». Подол обычно поднимала женщина по имени Валентина.
...Ничего постыдного и зазорного и, тем более, позорного женщины в
...этом не видели. Они сами посоветовали ей делать это, потому что у
...Валентины был запущенный ревматизм, и женщины ухаживали за
...ней кто как мог. Фельдфебель проделывал это тоже не из похоти. Ему,
...видите ли, было скучно. Не нюхавшему пороха вояке это казалось с чем-

то вроде эрзаца победы. Валентину он действительно освобождал от работ, а это уже для него считалось проявлением арийского милосердия к поверженному врагу. Он упивался славой гретьего Рейха и, пожалуй, был уверен, что такое обращение к себе будет терпеть весь мир. Правда, он знал о болезни Валентины, но намеренно «не видел» это.

Иначе будет нарушен весь смак для победителя. Она, в свою очередь, ходила свободно, где пожелает, уже затупленным восприятием о происходящем.

Немец, увидевший Анастасию уже с более близкого расстояния, понял, что это не Валентина. Он подскочил и протянул руки, как бы для обыска, но, услышав резкое «А, ну!», отскочил от Анастасии и расхохотался. Наглый был ещё немец, самоуверенный: ни партизан, ни фронта поблизости. И не мог он предвидеть, что спустя некоторое время в составе всей команды будет вырубать подчистую кусты и яблони вокруг деревни, боясь незаметного приближения неминуемой смерти – партизан.

Анастасию никто не задерживал, и она прошла в дом. Половина дела сделана, подумала она, но самое сложное ещё впереди. Нужно ведь ещё выбраться обратно и, желательно, с кастрюлей.

Немцы, вытаращив глаза, поковыряли из-за стола, но объясняться с ними, чего очень боялась Анастасия, не пришлось. «Толстый» - как она его окрестила – узнал сразу, и что-то объясняя своим, взял кастрюлю, и, выталкивая Анастасию через порог, вышел вместе с ней во двор, где сунул кастрюлю в руки. На дне была внушительная порция картофельного пюре. Брать эту подачку не хотелось, и в ней сработал этот старорусский нрав.

- Забирай своё пюре, немец. Забирай! А кастрюлю отдай.

Она жестами показала что, мол, вот это, что внутри – твоё, а это вот (кастрюля) - моя. Немец, не совсем понимая, затараторил: «Киндер», «Киндер». Надо же, гад, какой сердобольный. Если бы Анастасия посмотрела в это время на себя со стороны, то ужаснулась бы сама. То ли это была уже истерика, то ли, как говорится, «приборзела вконец».

- Не надо мне твоего пюре. Забирай, а кастрюлю отдай!

Это насмешило остальных немцев, которые вышли наблюдать сцену на крыльцо.

«Толстому», видать, надоело, слова его начали звучать угрожающе, а после он и вовсе не выдержал, развернул её и дал сапогом увесистый пинок под зад. И летела моя Анастасия, ещё не успев остыть от спора, в одну сторону, а кастрюля в другую. На крыльце, держась за

...ты, кохотали немцы.

Уже по пути к дому, с подобранной кастрюлей, Анастасия тихо рыдала, не совсем понимая причину слёз. Ревела, конечно, не от боли, а от обиды. С другой стороны, опять же, было радостно. Кастрюлю-то привезла. Дома поревели вдвоём, уже с соседкой. Это уже были слёзы переживаемые «задним умом». Больше умывалась слезами.

— Как ты только могла, дура, сотворить такое, имея на руках дочь. Как ты пристрелили бы за милую душу. Кто им тут указ?

Теперь тёща рассказывает эту историю легко, как случившуюся с другим человеком, но всё ещё удивляясь своей наглости. Слова «жадность», «подвиг» она не говорит. Это была просто жизнь, а не просто лишь один эпизод из её жизни. А мне кажется, если сопоставить это с выходками «по бедителя» фельдфебеля Йогана, то тут, несомненно, подвиг.

3.

Дни стоят пасмурные, временами идёт дождь. Как говорится — куда ушёл, туда и пришёл. Виктор, старший сын тёщи, так и говорит: «Ты, Дима, привёз такую по году из своего Екагеринбурга. До тебя была жара». И действительно, искупаться за отпуск пришлось всего один раз. В основном колот для тёщи дрова, благо Виктор привёз их целых две тракторные тележки. По вечерам сумерничаем с тёщей, как обычно. В основном говорит она, дождалась слушателя, а то всё сама да одна. Водку или самогон выпить разрешает, но не более трёх-четырёх рюмок, а после куда-то уносит. Мне и самому не особенно охота. Когда я ложусь спать, она заходит в эту комнату и продолжает разговоры, протирая ноги спиртом. Болят у неё ноги. Болят, возможно, от галч вод брошенной землянки, а, возможно, от гледяной воды Ловати — следствием немецкого сплава леса.

Из-за погоды рыба не ловится, но я выхожу вечерами на берег полюбоваться рекой. Между берегов, заросших то полями и ивняком, мимо цветущих полей и деревень течёт замечательная река Ловати, несая свои воды в озеро Ильмень.

В прошлый приезд, о, как давно это было, я здесь ловил рыбу с деревенским мужиком Яковлевым. Ловили сакон, что ранее мне не приходилось. Для этого необходим пасмурный вечер, почти темень и как с огромной «мотнёй» из мелкой сети на огромном шесте. Сак

тихонько опускается на дно, чтобы не было шуму, прижимается ко дну и тянется на берег без ослабления нажима. Самой неосторожной рыбой оказываются плотва и щурята. Щука, такая юркая хищница, бывает такой неосторожной, что раз за разом попадает обязательно, хотя сак опускается совсем рядом с предыдущим местом. Тогда у нас улов получился очень даже неплохим.

Сейчас погоды нет и нет клёва, а для ловли саком время не подошло. Это делается не раньше сентября или конца августа.

Закусив рюмочку картошкой и свежей редиской, выпытываю у тещи о жизни Яковлева, которого так и не повстречал, хотя живу здесь уже три дня. Со слов тещи, он стал сильно материться и ругаться с соседями. Сознаюсь, мне непонятно, как можно материться ещё сильнее. Я-то ведь помню как он матерился. Неужто можно ещё сильнее? Здесь, правда, все матерятся, но как-то не злобно и обыденно, что привыкаешь быстро и перестаешь замечать. Но, если Яковлев стал «сильно» материться, значит, тому должна быть очень веская причина. Особенно он невзлюбил своего соседа Славина, в адрес которого берег и вынашивал самые смачные выражения.

Было удивительно: как можно жить в такой маленькой деревеньке на три семьи и трёх дачников, и не ладить между собой. Я помню свой первый приезд и помню, как мирно жили люди. Гнали самогон на печи, сложенной на улице, по очереди, угощались, но сильно не пили и расходились мирно. Когда это началось у Яковлева, объяснила теща. Начало заурядное.

Дорогу между Яковлевым и Славиным перешла кошка. Вернее – петух. А было это так. Был у Яковлева петух. Красивый петух. С ярким оперением, молодой и задиристый. И, видимо, перезнакомившись со всеми рябушками деревни, он остановил свой выбор на курицах Славина. Виданное ли дело, чтобы домашняя живность питалась у своих хозяев, а всё что умел и должен делать по обязанности, справлял на стороне. Вначале это не очень было заметно. Ну, нет петуха целый день во дворе и чёрт с ним. Вечером же появляется. На то он и петух. Но со временем выяснилось, что целыми днями он живёт, в буквальном смысле этого слова, с курицами Славина. Уходил он туда как в свой горем, и возвращался к Яковлеву, когда вздумается, чтобы поклевать зёрнышки и отдохнуть. К вечеру снова отправлялся к милым соседкам, дремал на одном с ними шесте, а рано утром, усталый и довольный, возвращался, чтобы лениво прокукарекать: «Вставай Яковлев, скоро угро». Даже жена Яковлева Зинаида не выдержала: «Да чем у них что намазано, как чуть что - хвост трубой и бежит к

Кобель!»

Славин же стал над этим подшучивать, намекал, дескать, вашли петух, если у меня живёт. Постепенно Яковлев стал раздражаться, а раздражаться при встрече перестал. Однажды его и вовсе застряло. В этот день он встал раньше прежнего, чтобы на вело-сипеде съездить за инструментами на лесопильню. Выйдя со двора и прикурив сигарету, Яковлев встретился со своим петухом нос к носу, а вернее нос к клюву. Петух шёл устало, но вальяжно, с чувством исполненного долга, и не ширинку на ходу застёгивал. Так Яковлеву стало обидно и досадно. Если бы этот петух топтал всех куриц деревни, то мог бы и не возвращаться и жить на вольных хлебах. В конце концов, он просто жигть. А в этот вечер полал в котел. Подвело бедолагу одиночество в любви.

Петух получил свое, но вот уже более пяти лет из-за этого Яковлев и Славиным враждуют. Славин, вроде, не прочь возобновить соседские отношения, но тот стоит на своём.

Позже, через пару дней, я сам стал свидетелем их разговора, если вообще можно считать разговором. Маг стоял крепкий, как кедр, на всю деревню, а потому излагать не стану, да и не всякая деревня этого выдержит. Когда расходились, Яковлев крикнул со селу: «Да ты ус...ся горячим дёттем!». Ответа при этом не последовало, потому что эти слова уже и не считались руганью, и прозвучали так непринуждённо, всё равно что «Будь здоров, завтра свидимся».

Тёща моя смеётся: «Знаешь, Димушка, сколько лет они уже жарятся! Поди, забыли уже, с чего все начало съ».

К вечеру полил дождь и на реку я не пошёл. Прикатила моя бабушка на велосипеде из соседнего посёлка и, немного поговорив, укатила обратно. Там у неё обнаружилось столько сестёр и братьев, с которыми раньше не была знакома, что сидеть и слушать наши разговоры ей совсем ни к чему, да и некогда. К тому же не все слова бабушки ей понятны. Здесь говор другой и много слов, которых на Урале никто не знает, да и сама тёща может переиначить любое слово. Дочь сама рассказала, вспоминая один разговор с бабушкой ещё с прошлого приезда. Она собиралась на дискотеку с двоюродной сестрой, и бабушка решила у неё поинтересоваться: «Какую округу-то оденешь на дискотеку?». Позже выяснилось, что округой тут называют одежду.

Я остаюсь у тёщи, немного выпиваю, слушаю её рассказы.

Освобождение. Оно, долгожданное, шло долго, как протяжная весна. Канонады гремели недалеко, но, видать, не хотелось гадам сдавать свои позиции. Бой длился несколько дней. Люди стали собираться в кучу и говорить громче. Между женщинами начались разговоры о мужьях.

В один из дней, когда у Анастасии собралось человек десять-двенадцать, начался артобстрел. У девочки, стоящей возле дальней стены, снесло пулей голову. Это было ужасно. Нужно же было переждать в погребе или в подполе. Но удержать людей не было никакой возможности. Хотелось, ох как хотелось, видеть освобождение самой, выйти навстречу к своим, потрогать и перецеловать каждого освободителя. Быть под оккупацией более трёх лет и прозевать своё освобождение никому не хотелось.

Через два дня у Анастасии поселились бойцы. Были они люди, как люди, но до чего же, господа, родные и долгожданные!

Старший лейтенант Вихарев распоряжался коротко и ясно. Команды так же исполнялись быстро, но как-то без спешки. Видать, освобождать свою землю для них стало привычным. Рядовой красноармеец Рахимов впервые видел колодец «с журавлём» и всё пел свои заунывные узбекские песни, а старшина Гаврилов, с перебинтованной головой, время от времени так томно поглядывал на Анастасию, что делалось томительно и как-то покойно. Господа, наконец-то.

Вихарев разговаривал с Анастасией не то шутя, не то с остраткой, называя её «пособницей».

-Ну что, пособница, сварганишь мне блинов?

-Так ведь нет муки-то.

-Найдётся мука. Найдётся.

Так он называл её из-за валенок, которые Анастасия отдала молодому немцу, дежурившему ночью по Дретёнке. Немец был совсем молоденьким, сопляк, одним словом. Ночи были холодные, но так получилось, что он не вернул валенки, драпать надо было. Бросили всё. Убежали. А может, был убит. Она уже пожалела, что рассказала об этом, вроде как хотела пожаловаться своему освободителю, а вышло совсем иное. Было и стыдно, и страшновато. Шёл освободитель, замерзая в окопах, от самой Москвы, а она здесь немцев снабжает тёплой обувью. Стыдно. Схлопотать за это, пожалуй, тоже можно. Опасения, правда, оказались напрасными. Вихарев называл её так в отсуствии бойцов, а когда заметил в её глазах мольбу с капельками

Он, вовсе прекратил эти разговоры. К тому же недолго отдыхали
Блины, ушли дальше на запад, добывать антихриста. Блинов Вихарев
же успел поесть. Ел один – муки было совсем немного, да таким
маленьким, что другим солдатикам так и не досталось. Ох, как он ел.
Возможно, что всю войну вспоминал мамины блины на масленицу. И
в такой случай подвернулся.

- Живой ли остался лейтенантик? Интересно бы знать. Старый,
мне уже, как я, у тёщи морщины собираются в кучу возле рта.
Ряду малась.

Отпуск, конечно, вещь хорошая, но если в первую неделю кажется,
что всё впереди, то вторая пролетает так непростительно быстро,
что заметно с каждым днем. Поражаюсь разительному отличию между
отпуском и демобилизацией. Дембель ждёшь и считаешь дни. И,
странное, чем ближе к дембелю, тем длиннее становятся дни. Время
становится тяжелее. А тут все наоборот. Чем ближе последний день
отпуска, тем быстрее и время летит.

Вот уже настал вечер, и мы с дочерью, попрощавшись с
родными, садимся в поезд, который из-за короткой остановки тут же
отбывает с места. Бежать в купе, заказывать бельё мы не торопимся
- скоро мы стечем через реку Ловать. Вот она, эта замечательная река темнеет
под нами, отражая огни деревень на мелкой ряби, несёт свои воды
к озеру Ильмень. А вот там, на том правом берегу, в крайнем доме
маленькой деревни Дретёнка готовится ко сну, уставшая от
воспоминаний и боли в ногах, не менее замечательная женщина -
Анастасия Васильевна Васильева. До свидания, тёща. Свидимся ли
ещё? А хотелось бы...

Рассказ был написан через два месяца после приезда домой, а
следом пришло известие: померла моя тёща. Нет её теперь с нами. Как
хорошо, что повидались напоследок. Под названием рассказа
пришлось вывести «светлой памяти». Светлая тебе память Анастасия
Васильевна, земля пухом.

*Дретёнка – Буланши
2004 год.*

ОТКРЫТИЕ ОХОТЫ

Звонок в дверь разбудил Алексева в семь утра, хотя в субботний день он намеревался поспать дольше обычного. Кто бы это мог быть? Никого он в это время не ждал, а потому, натянув спортивные брюки, зевая и стараясь стряхнуть остатки сна, подошёл к двери.

- Ты что? Спишь всё ещё? - Евгений без каких-либо объяснений прошёл в дом и, не снимая обувь, прошёл на кухню. Удивляться не приходилось: Женя он и есть Женя. Когда Алексей, умывшись, вошёл в кухню, тот стоял возле окна и курил, рассматривая лежащую на подоконнике газету:

- Ты что, забыл, что сегодня открытие охоты? Давай будем думать, сколько нас будет, и кто что возьмёт.

Алексей ничего не забыл. Он хоть и не был заядлым охотником, открытие не пропускал. Но в этот год открытие назначено на вечернюю зорьку, то есть с шести вечера.

- Куда торопиться? Успеем приехать на место, устроиться и занять свои номера.

- Нет уж, я вот с пяти утра уснуть не могу. Надо же за вами ходить, шевелить и напоминать вечно о чём-либо. Подпирать. Давай, одевайся.

Уговаривать не стоило. Этот день считался для Алексея праздничным, чуть ли не вторым после Нового года. Красные даты календаря объявлены официально, а потому касаются всех. А когда праздник объявляется по всей стране, он несёт опечаток обязательности, из-за чего теряет весь смак. Открытие охоты, по сравнению с другими датами, является чем-то вроде ритуала. Это долгожданный день единения с природой, без домашней суеты женщин, визга детей и праздно шатающихся выликов. Это встреча небольшого круга мужчин, которые в течение всего года никак не находят возможность посидеть вот так запросто возле костра, под звёздами, побалагурить, вспоминая разные истории на охоте и, обязательно, отмочить что-то новое, которое будет вспоминаться в следующий год. Разговоры охотников имеют свою направленность и только им понятные жаргоны. Большими категориями там не мыслят и житейские проблемы не решают. Острословие и непечатные слова становятся привычными. Любого начальника-чиношу, кто хочет сохранить свой кабинетный стиль, быстро ставят на место. Лидеров

...сь не выбирают и не назначают. ими становятся самые опытные. В этом никто не сможет впоследствии объяснить, как и по каким обстоятельствам у них стал лидером тот или иной охотник. Принимается и признается так, как будто всегда так было, «а как же иначе»...

Настоящие охотники в этот день добытчиками себя не считают. Особо не стремятся завладеть трофеями. Азарт при этом тоже отсутствует, но проявляется по-особенному, без каких-либо волнений, сдержанно. Пальба при наличии дичи, ведется отчаянная, патронов никто не жалеет, стреляют даже чувствуя невыгодность расстояния или положения стрелка. Кое-кто, а такие есть во всех группах, и вовсе отходит от костра. Благо, что охотники народ практичный, и занимаются всем необходимым загодя. Сальдо по количеству едоков и пищи с водкой решается на профессиональном уровне. В каждой бригаде находится человек, который проверяет и перепроверяет. Каждое осгальным: «Это взяли? А это не забыли?». К ним все привыкли, и такой нужен.

В труппе Петровича, куда последние шесть лет входил Алексей, таким человеком был Евгений:

- Всё приготовил? Ты в прошлый раз забыл плащ-палатку, вспомнил?

Алексей, конечно же, не помнил, но поливая кофе, решил не портить тому праздник:

- Помню. Как не помнить. Сейчас всё сделаем, - при этом подумал, что «интендант» мог бы начинать свой вояж с кого-либо другого.

Однако после кофе настроение улучшилось, и он пошел до ставить рюкзаки.

Евгений, убедившись лично в готовности Алексея, убежал к другим, предупредив, что место встречи в три часа дня у Петровича.

Петрович жил на окраине их небольшого городка, в своём доме с глухим обширным двором, огородом и, что немаловажно, баней.

Всех охотников на этот раз собралось шесть человек четверо из них, вместе с Петровичем, укладывали рюкзаки, ружья и другие необходимые вещи в «УАЗик», а Евгений с служачиной по прозвищу «Башка» поехали в магазин на мотоцикле «Урал» и к месту стоянки должны подбежать самостоятельно.

Петрович, коренастый, небольшого роста мужчина пятидесяти четырех лет, возглавил на заводе охотхозяйство, но никем из заводских в своей группе не держал. Поэтому в день открытия он провел среди заводчан небольшое собрание, после чего уехал домой, поручив остальное своему помощнику. В его же группе все мужчины были из

различных предприятий и организаций. Вот Сашко, высокого роста электрик со светлым, со следами оспы, лицом, тащил к «УАЗику» котёл и топоры, а Михаил вынес из сених Петровича ведро с мясом, приготовленным с вечера для шашлыков. Каждая группа охотников в день открытия, в смысле еды, имела свою гвоздь-программу. Кто-то (у кого места возле озёр) ел вечернюю уху, кто картошку с салом и гушенкой, а кто варил охотничий суп «кондёр». Группа Петровича, уже третий год баловалась шашлыками.

Почему мужчину звали «Башкой», мало кто помнил. Об этом из всей группы знали только Петрович и Евгений, которые охотились вместе давно, ходили на лося и кабана, не считая боровой дичи. Тогда, лет эдак восемь назад, во время открытия охоты, он уснул недалеко от костра сидя, прилонившись к огромной сосне. Охота с наступлением ночи прекратилась, необходимое количество водки было выпито, нужно было накопить сил для утренней канонады. Уток в тот год было много. Рано утром все охотники соскочили от дикого крика: «Башка!», «Башка!». Выяснилось, что кричал он, ещё не соображая, что с ним случилось, дико и в то же время жалостливо, сидя под той же сосной, разбросав ноги в разные стороны. Но его крик был перебит, тоже диким, но уже хохотом. Хохогал Евгений, который раньше других подбежал к кричащему. Выяснилось, что от температуры находящегося рядом костра, по стволу сосны потекла живица на голову сидящего, а когда костёр потух (уснули все), то волосы его прочно приклеились к сосне так, что оторвать его не было никаких сил. Волосы пришлось срезать охотничьим ножом.

Но, как это принято среди охотников, никто Володю, как его зовут на самом деле, в обычной жизни не называл «Башкой», а вот на охоте прозвище возвращалось само по себе, чтобы после охоты снова исчезнуть.

Весь смак открытия охоты состоялся в том, что каждый раз есть над чем поохотать, вспоминая «выдающиеся» случаи. Иногда немного прибавлялось отсебятины, приукрашивалось и, конечно же, сопровождалось таким лексиконом, что никто в обычной жизни не подумает, что этот вот дядя, который всегда ходит в галстук и выступает с трибун различных залов, может говорить на таком языке. И на самом деле, он только при открытии охоты говорит такие слова. Грешно это или нет, но тут существует язык другого «государства», где все равны, где нужна дисциплина вооружённых людей и где не принято врать. Шутки там тоже острые, но никогда не бывают обидными. Одним словом, отдыхают настоящие мужики, благодаря судьбу за этот лес,

под звёздами, любящие дружбу, туманы над рекой, оружие и шшую свободу.

Когда Евгений и «Башка» подъехали на мотоцикле, дрова уже были повлены, а на некотором расстоянии натаскано соломы для и Август ныне теплый, но земля под утро сыреет, а какой шший себя охотник не знает и не предохраняется от такой вещи, гатит?

До шести вечера времени ещё оставалось, а потому мужики и на грудь по маленькой» и распределяли места, где кому стать. лось на этот случай очень редко, когда есть время и совсем ногу, перед тем, как каждый пойдёт на указанное место.

Открытые охоты - это не добыча лося, а стрельба по уткам. И у мужики не стоят, как часовые, на своих номерах, часто, нет птицы, подходят друг к другу покурить или просто орить, чтобы скрасить одиночество.

Михаил, шестой из бригады, самый молодой из охотников, работал телеателе. Он, «на все руки мастер», с самого первого своего вания» в группу, каждый год занимался шашлыками, никому не рья это дело. Вечером он не охотился вовсе, готовил, накрывал ину», и даже наливал всем. Звали его «виночерпий». Звали любя. и нужный на охоте человек. Своё дело он знал досконально, делал не спеша, но всегда в срок, без напоминаний. Утром, на другой он исчезал первым и всегда приносил самых больших и жирных рикашей. Все шутили: «Не сам ли ты их, Виночерпий, тармливаешь?».

После принятого «на грудь», Петрович повея всех вдоль реки, чтобы уточнить, где и кто остаётся, а, распределив места, предупредил на всякий случай ещё раз: «Кто выстрелит хотя бы без одной минуты шсть, пусть прячет свой стакан, всё одно не нальём!». Распорядок он тил:

- Лёха, свою «поскотину» ты осмотрел, а теперь пойдём обратно. ходишь на ключик за водой.

Шли они обратно, с ружьями на плечах. Вдруг, из-за кустов тьника, прямо под ноги выскочил зайчик, но заметив людей, тут же отпрыгнул в сторону. Алексей не успел о чём-либо задуматься и, скинув ружьё, выстрелил. До открытия охоты ещё оставалось более пятнадцати минут, но сработала реакция, само по себе, непроизвольно.

Петрович и сам вздрогнул и схватился за ружьё, но опомнился. А вот Алексей не смог удержаться. Он посмотрел на Петровича, разводя руками, дескать, ну как тут удержишься. Дело сделано.

Раненный, как выяснилось потом - ещё зайчонок, закрутившись вокруг себя, сник и уставился на людей, припадая на раздробленную заднюю лапу. Время ещё не подошло, теперь это и Алексей понимал, а потому добивать новым выстрелом не хотелось. Но стоило чуть приблизиться к зайчонку, как он закричал, огилая всю округу так, что у Алексея мурашки по спине пробежали. Это был крик ребёнка! Крик человеческого детёныша! Алексей и думать не мог, что зайцы могут издавать такой крик. Стоило сделать ещё один шаг, как крик повторился. Этот крик раздирал ему душу, ведь это его рук дело. Это он, Алексей Новосёлов, убивает этот живой и дрожащий комочек, который как будто понимает, что его убивают, просит пощады, уставив на палача свои косые прослезившиеся глаза. Терпеть такое невозможно, стрелять нельзя и подойти не получается. Зайчик замолчал. Остановились и молчали Петрович с Алексеем. Что делать? Тут Петрович быстро подбежал к зайцу и резким ударом приклада заставил замолчать навсегда, поднял за задние лапы и уставился на Алексея, на глазах которого можно было прочитать упрёк за жестокость. Петрович, молча подошёл, подтолкнул Алексея вперёд себя:

- Пошли. Раньше нужно было думать. Он с этой раной не смог бы выжить в лесу.

Дальше шли молча, а навстречу к ним выбежал Михаил. Ему было непонятно, почему до открытия прозвучал выстрел на их участке, кто и в связи с чем сегодня будет лишён водки.

Алексея, правда, не лишили и, даже, напротив, заставили выпить гут же целых полстакана. Ему, правда, это мало помогло. По пути за водой и обратно он чувствовал себя опустошённым, а позже посидел возле костра и уже, с первыми сумерками зарылся в солому и уснул от выпитого без закуски дополнительного стакана.

Так закончился его охотничий азарт. Больше в бригаде он не появлялся. Только однажды, при случайной встрече, он объяснил Михаилу, что в семье родился второй ребёнок, и нет никакой возможности выбраться. О том, что продал свою «Тулку» шестнадцатого калибра, умолчал...

ПОПЫТКА

Случай, описанный в этом рассказе происходил, (если вообще происходил), ещё в добрые времена застоя, когда водка стоила 3 руб. 50 коп., а милиционеры не знали, что означает резиновая дубинка, но в том-то и образом умудрялись поддерживать правопорядок, опираясь одним лишь знаменитым приказом министра МВД СССР Щелокова Н.А. «О вежливом и внимательном отношении к гражданам».

У Валерьяна Малькова трое детей, и все трое – дочери. Сам по себе он с этим давно бы свылся, но ему постоянно напоминали и он, считая человеком легкоранимым, стал постепенно переживать. Сидимым это понравилось и они при каждой встрече не забывали напоминать за живое. Чего только не наговаривали! Возражать было нечем. Валерьян стал намекать жене, мол, вот вырастут дочери и разлетятся в разные стороны. Пора бы подумать и о продолжении рода. Но у неё были другие планы. Все разговоры обрывала на полуслове. Валерьян не сдавался, был уверен, что вода камень точит. Вскоре и жена нашла тактический выход. Стоило ему открыть рот, как она начинала перечислять, какие у неё есть вещи, о которых она может только мечтать. Мечтала всегда и очень долго. Так, за неделю Валерьян знал весь интерьер жителей своей деревни даже нескольких семейств соседнего посёлка. Казалось, что соседи вошли с женой в преступный сговор и покупали то одну, то другую вещь. Валерьян несколько дней молчал, переживал и мучился от отсутствия аргументов, которые могли бы изменить настрой жены. Пока не пришла блестящая мысль. Это была даже немысль, он лишьнул, не подумав, наобум, после повторил дважды и схватился как за соломинку: «А я выиграю и выиграю!». Да, именно так и сказал. Сначала он только оборонялся этой фразой, но постепенно осмелел и пошёл в наступление: «А я выиграю, выиграю, выиграю!». Галина смеялась, крутила пальцем у виска, но когда совсем стало невмоготу, сказала: «Хорошо. Но имей в виду, что родить сына менее чем за пять тысяч я не согласна». Это уже была победа!

Валерьян заставил её повторить услышанное ещё раз и приступил к осуществлению плана. План был прост и состоял из двух этапов. Первый этап состоял в скопении денег, а второй – воиж в областной центр. Играть он собирался только в «спринт», ждать результата не хотелось. При нынешнем аппетите жены, денег сколотить

не было никакой возможности, но он взял на работе ссуду. Терять время не хотелось.

Получилось так, что Валерьян действительно выиграл. На внутренней стороне билета красивыми буквами было выведено «Выигрыш десять тысяч рублей». Описывать его состояние я не берусь. «Есть же бог на свете!». Валерьян десятки раз доставал билет, целовал его и клал обратно в карман, но тут же доставал обратно. Ему казалось, что положил мимо и может потерять. Нет, грабителей в подворотнях областного центра он не боялся. Напротив, было жаль встречных, которые после тяжелого рабочего дня, отработав свои 8 часов, шлепелись по домам, толкались и лезли в трамвай. Он не заметил, как с блаженной улыбкой прошагал четыре остановки и оказался возле длинной мужской очереди. О записке жены насчёт покупок даже не вспомнил, нужно было обмыть удачу.

Через полтора часа молодой милиционер привёл его в медвытрезвитель. Милиционеру он хитро улыбался. Казалось, что ему все завидуют и от этого разбирал смех. Только во время обыска охватил дикий ужас. Из карманов доставали все вещи и заносили в акт. Валерьян долго не давался, а когда извлекли выигрышный билет, он пришёл в ярость. И даже пытался укунить дежурного за палец. Уходить от своих вещей не хотелось, но, несмотря на сопротивление, его затолкали в палату. Там он обошёл всех полуголых мужчин, что-то обещал и звал быть понятыми. Люди попались равнодушные и непонятливые. Только один, видимо более трезвый, проговорил: «Всё одно не отдадут. Нет. Обратно не получишь». До чего же стало обидно, хоть бери простынь и удавись. Он долго стучал в двери. После, собрав все силы, крикнул: «Учти, лейтенант, там на двойню!», и, весь в слезах, зарылся в подушку.

Утром его разбудили милиционеры, и было стыдно принимать от них поздравления, когда рассказывали о его буйствах.

В поезде Валерьян потихоньку успокоился. Если бы выиграл пять тысяч ровно, думал он, то не увидел бы сына как своих ушей. Аппетит жены на вещи разыгрался не на шутку. Но с десятью тысячами можно быть спокойным. Что не исполнил её заказы, тоже простит. Никуда не денется, она никогда не держала в руках такие деньги. Подумаешь, в вытрезвителе побывал. Не грех, думал он, по такому случаю. Такое бывает раз в жизни. Зато потом он пить не будет. Да и вообще он больше не будет пить. Всё. Баста!

Но Валерьян не сдержал данное себе слово и всё же напился. Было это девять с небольшим месяцев после описанного выше случая. Валерьян «обмывал» дочь.

ИВАН ДА МАРЬЯ

Что-то не клеилось в жизни у Ивана Данилинина в последнее время. Но он силится понять, откуда проросла эта полоса отчуждения между ним и женой Марией. Семнадцать лет прожили душа в душу и вместе... Конечно, были небольшие ссоры, размолвки. Но дулись то да сестра на друга недолго, а потом как-то само по себе всё входило в свою привычную колею и забывалось, как нечто ненужное и постыдное. Но сейчас, как в сказке, не по дням, а по часам. Вон какой вымахал! И с двумя детьми они не обзавелись, полагая, что нужно пожить и для себя. На работе всё шло нормально, а домой возвращаться уже не было такого желания, как раньше. Вроде, ничего такого не произошло, но всё взяло и остыло к человеку. Скапливались всякие мелочи, случайные высказанные слова: сводилось одно к другому. И было странно замечать, что может оборваться последняя нить их взаимоотношений. Идя с работы, он ел нехотя и не разбирая вкусности. Глядя на Марию, он вдруг обнаруживал, что она не так уж красива, что складки у губ вовсе не украшают её, скорее наоборот. «Как беднорошо, – думал он, – я уже сам начинаю искать в ней недостатки и изъяны. Всё же было нормально. Всё устраивало». Первоначально Иван выказывал мужскую гордость, не хотел заговорить первым, а отвечая ей, чувствовал, что говорит грубо. Она уходила в другую комнату и беззвучно плакала. Слезы Иван не переносил и не сколько раз пытался подойти и успокоить, но настраивался так долго, что она уже приходила в себя и отвечала тем же, намекая на некую забывчивость, стоящую между ними. Хотелось наговорить ещё больше грубостей и чтобы как-то сдержаться, он уходил на улицу. Пробовал Иван запить, но ничего не вышло. Не любил он это дело. К семье он привык, иной жизни не представлял. Когда уходил на улицу, то обнаруживалось, что продолжает любить её, но стоило вернуться домой, снова брала вверх гордость и непопуганность в подобных делах. Уже несколько дней спали отдельно и ложились поздно, чтобы не видеть сна. Спалось плохо. Снилось, что спит с ней. Просыпаясь, вздыхал. Мария тоже вздыхала на своей кровати, переворачиваясь с боку на бок. Хотелось подойти и нырнуть к ней под бок, но сдерживали высказанные за вечер слова.

Он однажды пытался сделать это, но Мария оттолкнула его с такой силой, что слетел с кровати на пол и быстро побежал к дивану, боясь

разбудить сына. Дела-а-а! А какие ноченьки были после свадьбы! Сейчас же – в разных углах, а днём и того хуже, в разных комнатах. «И откуда только у бабы столько сил взялось, - думал он. - Как бы сын не услышал». Засыпал далеко за полночь.

Проснулся Иван ещё до звонка будильника от бесконечного хождения жены. Мария, уже одетая, похлопывая, ставила подушки пирамидкой на заправленной постели. Она и раньше вставала рано, ставила чайник и открывала дверь на балкон. «Видимо, спит спокойно, - думал Иван, - а я дурак, переживаю. Ей, видать, всё равно. Ну-ну». Было обидно. Он притворился спящим и упорно дождался когда зазвонит будильник, затем поднялся, словно нехотя, и начал делать зарядку. В это время, зевая на ходу, вышел из другой комнаты сын, и увидев его, удивлённо остановился:

- Что это с тобой, пап? Вроде, ты раньше никогда не делал зарядку.

- Много ты знаешь! – Ивана заело. – Растёшь, как барчонок, никакой мускулатуры. Вот заплачешься в Армии.

Сын, усмехнувшись, прошёл в ванную. Неужто догадывается? Иван ещё больше обозлился, пошёл следом и стал торопить его:

- Быстрее давай. Мне тоже надо умыться. А ещё побриться надо успеть. Шляешься по ночам, разошёлся он, - всё на гитаре бренчишь. Хоть бы голос был, а то срам один.

Сын удивлённо посмотрел на отца, но заторопился. «Видать, не знает. Не догадывается»

За женой захлопнулась дверь.

Во дворе стояла приятная прохлада. Солнце ещё освещало не ниже четвёртого этажа и мостовая, не успевшая высохнуть после поливочных машин, ещё не издавала запах нагретого асфальта и пыли. Только на душе, как пыль на листочках придорожной акации, лежал осадок вчерашних слов и взаимных обид.

В обеденный перерыв к Ивану подсел его напарник Семён.

- Что-то не пойму я тебя, Иван, может что случилось? Да, ты можешь и не отвечать. Я, собственно, к тебе по делу. Подружка тут у меня, понимаешь? Словом, ждёт она меня сегодня вечером со своей подругой. Я пообещал, что не один буду. Может, пойдёшь за компанию?

- Нет. Ты что. Нет

- А что? Я видел её, баба - что надо. Да и не прочь, вроде... Может, пойдешь, а?

- Брось, Семён, ну какой я к чёрту хахаль.

- А что? Выпьем немного, потянуем немного, всё и сладится, и не заметишь, как получилось.

Но разговор не выходил из его головы до конца работы. И каждый раз, когда встречались их взгляды, Семён подмигивал и кивал головой, спрашивая: «Что, не надумал ещё?». Можно, конечно, и сходить. Но Семён не хотел. В всё одно упрекает несуществующей зазнобой. С кровати он оттолкнулся. Что он, монах или евнух какой. На кивки Семёна, он стал кивать, пожимая плечами, а под конец работы согласился.

Ты только того. Объясни мне, кто такая, да и как там?

Да ты что? Обыкновенная баба. Тебе, может, даже и понравится, если подмигнули добавил, - Система у них одна, разберешься.

Иван решил, что так оно и будет. Да и Мария пусть немного покрутится. Не такой уж он заваливающий, как она думает. Однако каким-то крошечком мозгового вещества он подумал и о другом, о чем не мог даже осознаться даже самому себе.

Ладно, поспотрим.

Дома никого не было. Иван помылся, переоделся и закурил. Ему, как и любому - то котелось, чтобы Мария видела, как он ухаживает. Подразнить её или надеялся, что она остановит, он и сам не понимал. Вроде даже и что согласился идти, но уже было поздно, обещал.

На столе лежала записка сына: «Мама, не теряй. Мы с ребятами на рыбалке с ночёвкой. Лёня». И что себе позволяет, паршивец, - подумал Иван. - совсем от рук отбился. Разве мог Иван в его годы вылезти из дома с подобным извещением. Главное - «мама». Словно не отца вовсе.

Подожди, приедешь, - проговорил он вслух, - я покажу тебе, как я ухаживаю. Тут пришла Мария с авоськой продуктов и сразу прошла на кухню, а Иван, который не успел придумать ничего путного, потерялся и, схватив чайник, стал пить, мысленно представляя, как она это и его смотрит.

Ты куда это нарядился? В её голо се не было ни удивления, ни улыбки. Иван не ожидал такого безразличия. Ответил, подражая её тону.

- Надень рождения пригласили. Может, вместе лойдём?

Как это выскочило, он и сам не успел заметить. А вдруг возьмёт и согласится.

- Нет. У вас там, поди, одни мужики.

- Да, мужики. В основном, - проговорил он, - Ну, я пошёл.

- Ты бы галстук завязал и денег не забудь, мало ли...

Эти слова были такими неожиданными, что Ивану хотелось крикнуть: «Ты что, дура? Я же к другой собрался!». Он сунул в карман галстук и выскочил из квартиры.

Всё в нем кипело. Он был готов растерзать себя. Перед глазами

стояло усталое лицо жены, её детская незащищённость. «Сам еш я паршивый. Дешёвка. Погань...» Шёл Иван долго, пока не опомнился. Он стоял возле городского сада. Идти к Семёну он передумал, отправился в магазин, где купил вина и вернулся домой.

Жена встретила удивлёнными и покрасневшими от слёз глазами.

- Не пошёл я. Буду дома поздравлять, - как бы подтверждая это, достал бутылку и прошёл на кухню. - Дай закуски. Будешь пить?

Можно было и не спрашивать. Мария вообще не употребляла, но он не думал об этом. А между тем хотелось говорить и говорить. Молчание пугало его.

- Записку читала? И что за мода пошла. Отпроситься не может как надо. Что-то не такой он у нас.

- А ты что хотел? Поговорил бы по-отцовски, сам бы с ним сходил на рыбалку, машину бы дал поводить, где движения нет. В выходные из-под машины глаза не высунешь. Никому дела до него нет. Вот уйдет в Армию ничейным, а вернётся - снова уедет куда-нибудь и носа не покажет.

- Да, надо с ним поговорить и вообще наладить контакт.

Пить уже не хотелось. Он стал в сухую закусывать.

Ночью он пришёл к Марии. Она лежала лицом к стене. Иван заметил резкое движение её головы и дрожащим голосом проговорил:

- Ты, того, не лягайся.

Мария не собиралась его прогонять, и он, удовлетворенно вытянув ноги, лёг рядом. У жены вздрагивали плечи, и он понял - Мария плакала.

- Не надо, Машутка. Прости. Ну, подлец я, подлец. - Он хотел погладить её волосы, но она резко отдернула голову. «Ни, конечно» - думал Иван, - будет она тебя ждать с распростертыми руками, чего только не наговорил. А ведь мог связаться через Семёна с какой-нибудь. И как только он согласился».

Незаметно он уснул, а когда проснулся под утро, то голова Марии лежала у него на плече, а тёплая её рука покоилась на груди. И так это было хорошо и желанно, что Иван почувствовал на своих ресницах скудное количество влаги.

ПИЯВКИ

Это озеро, как и многие другие, расположенные на Южном Урале, окружено камышиным пологом. В середине лета, в ветреную погоду трясина стебли зеленого свежего замыска, словно морской прибой, трещит уже пожелтевшие старые, но само озеро хранит величавое спокойствие. Водная гладь сплошь усыяна широкими, как блины, листьями кувшинок, и вода от этого не шелохнется даже в бури. Между листьями, как веснушки на детском лице, выплывают яркие кувшинки, в которые приземляются прозрачнокрылые стрекозы, перелетая с одной на другую. Временами между листьями мелькают чёрные комочки снующих карасей. Вода издает слабый запах ила вперемешку с запахом растений, и напоминает о незабываемом прошлом.

Марат прёб стоя, перекидывая вёсла то за один, то за другой борт лодки-плоскодонки, пелгая об убыстрить ход. Растения обвивались вокруг него, лодка шлатихо. На озере он не бывал уже шестнадцать лет, а оно за это время изменилось до неузнаваемости. Камышинный пояс расширился, отчего водоем стал меньше, а островок, имеющий раньше вид зыбь мёрки, растоптел, потерял «сталию» и превратился в овал. Озеро, без которого раньше немыслились, лежало сразу за отородами, в камыши и брошенным. Лет десять назад здесь брали питьевую воду. Марат ещё подростком приходил сюда в зимние морозные дни, рубил лёд большими глыбами и тащил на санках по переулку домой. Мешочками льда наполнялись много численные чугуники, хастрюли и чашки, которые ставились на печь или про сто в узлу прикожей. Лёд, стиреля, трескался, превращаясь во вкусную и ядрёную воду. От разрубленных прорубей лучше сохранялась рыба и очищалась поверхность озера. Теперь, когда появились водокачки, никто этим не занимался. Зимой на лёд стали заголять коров, чтобы поить прямо из проруби и от навоза чище не становилось. Наверное, думали, что вода теперь не попьезая, а значит можно и свиньячить. Вода засорялась, дохла рыба. Озеро умирало. А ведь оно не только поило людей, но и кормило. Рыбу хватало всем. Бывало, поставишь вежером две-три сети, а на заре сплавашь за неплохим уловом. Карась шел желтый, в кусныги. И рыбы от этого меньше не становилось.

Во wspomинания менялись одне за другими, а все вокруг изменилось. Что-то было иное... Да, уже не вернётся прошлое. Вдруг он вспомнил с улыбкой, как прятался в камышах в зимний вечер от

«муллы-бабая». Так звали приезжающего в деревню время от времени мужчину, который занимался обрезанием мальчишек. Каким-то образом Марат узнал об этом заранее - видимо, взрослые ждали и проговорились. Марат вспомнил, как сильно перепугался. Письку было жалко. Так-то маленький, а ещё отрежут, - думал он. - что останется. Да и больно, наверное. Он убежал к озеру и просидел в камышах до темноты. Возвращался весь замерзший, переулком и решил занести знакомому мальчику Кариму, проживающему сразу у переулка. Домой идти уже не хотелось, но из-за боязни перед отцом поплёлся. Как будто сидел, что, поди, искали его все домашние. Карим стоял возле сундука у зеркала и улыбался. Однако, был одет в женское платье, говорил, что в брюках больно. Ему пообещали много игрушек и усложняли. Когда он поднял подол, то Марат ничего не разобрал из-за обильных зеленки, но перепугался ещё больше. Не зря, значит, прятался. Дома пришлось честно рассказать отцу причину своего исчезновения. Ругани не было, а напротив, отец долго смеялся, и на том всё забылось. Да что только не связывало его с озером!

Сегодня нужно было для больной матери наловить пиявок. Сколько воспоминаний связано с этим ремеслом! Интересно, когда это началось? За много вёрст в округе мало кто мог опинчить лечебную пиявку от обыкновенной, а вот жители его деревни толк в этом знали. К ним даже из других областей приезжали старики и старухи, «купали» пиявку у местной ребятни по двадцать копеек за штуку старыми деньгами. Одна пиявка – булка хлеба. Неплохо. Подростки зарабатывали по тем временам немалые деньги. Доходило до того, что некоторые отцы ходили за сыном-подростком, слёзно выпрашивая денег на «белоголовую», а, получив желанное, прозили и не смуга сказать больше на озеро, если, не дай бог, он проговорится об этом матери.

Марат подгрёб к ондатровой кучке на дальнем конце озера, закатил штанины и, держась за борт лодки, встал на неё. Кучка пошла под воду, но скоро остановилась. Ждать пришлось недолго. Слабую боль зудит, а он почувствовал уже через несколько минут. Пиявка присасывалась к левой икре. Осторожно вытащил ногу из воды, оторвал пиявку и опустил в припасённую заранее бутылку с водой. Вторая плыла сама, напимная серо-коричневую ленту длиной около десяти сантиметров, с почти раздвоенным хвостом. Марат поддел её плоское гелле пальцем и также отправил в бутылку. Искать в других местах он не собирался. Штук восемь его вполне устраивало, а такое количество он надеялся наловить прямо здесь. Не торговать же ими, а матери и этим хватит на несколько лет. Да, и кто купит? Прошли те времена. Так быстро и навсегда

И они приутились от озера, что нынешние плащаны его и не замечают. Им это было знакомо. Неужто и старухи вымерли, которые понимали, что к чему. И они так не слышно, чтобы принимали. Нет, незаслуженно ты забыто, озеро! А помираешь ты от отсутствия взаимности и контактов с природою. Как хорошо прочищалась вода теми же сетями и вылавливаемым льдом. Но вот рыбу сетями стали запрещать, а на удочку ловить не шел. Видимо, к атакло, чем плататься. Да и баловство это стоять в эти дни с удочкой. Издревле считало сь, что это простительно только стародоспиги приездам, кому делать нечего. Такое бывовало мнение.

Мать ожидала с приготовленной по судой и мхом. Раньше ей помогала пиявка соседка, по имени Марата, но её нет в живых. Придётся самому самому. Мать взяла четыре граённых стакана: два больших и два маленьких. Большие стаканы, по три пиявки в каждом, она ставила на крышку вверхнюю, а на ноги чуть выше колен, а маленькие, по пиявке на каждую за уши. Проделала это уверенно. Видимо, хорошо помнила дело. Пиявки прикосались к телу и еле заметно пух сировали.

- Небольшо, мам?

- Нет, не очень. - она улыбалась. - Что, жалеешь мать? Не бойся. Мне нужно было сделать это раньше. Со всеми залустила болезнь. Ну, теперь можно ворать стаканы. Не бойся, не выпадут.

Пиявки о стали сь висеть свободно, впившись в кожу и продолжали пить кровь. Их пух оские тельца окружились от высосанной крови, а в комнате кубинские сигары. Вскоре, налившись досыта, отвалили сь на подстилку. Мать обкладывала крового чащие следы укусов мхом.

- Теперь, сынок, обмакни их в соль и смени в бутылке воду. Пусть они поплывут все. Марат не понимал и растерянно у ставился на мать.

- Нужно макать их морпояками в соль, и они опорожнятся. Сытими пиявки не держат. В воде они и пиявку найдут и прожуют несколько лет.

И выправду, стояло слежкам акнуть пиявку в соль, как она тут же с удивкой выстреливала в свою кровь обратно, превращаясь на глазах в белую пену. Только теперь они были несколько изможденные, как кируши после утомительно сложной операции. Очнувшись в подстилке, они снова прищипли в себя и залпавали.

К вечеру здоровье матеря заметно улучшило сь. В темных сенях, в бутылке отдыхали уже долобившиеся ему судиства, готовые при малейшем сие за прийтиса чело в еку на помощь.

Марат уезжал через два дни. До остановки терсти две он шел прижимком через огорды. Мать, как это уже заведено, провожала его до плетом до сего перелеска. За ебсикой виднеся камышпный по осям бытою о все м о зера.

БИЧ

В колодце теплотрассы, на пустыре с железнодорожной веткой между Резинотехническим и шинными заводами, спал сорокалетний мужчина, положив вместо топчана широкие доски на две параллельно идущие трубы. Рядом на вентиле висела его поношенная шапка, на которой лежали не первой свежести вязаные варежки. Под топчаном цементный пол усеян клочьями шлаковаты, пустыми бутылками и окурками. Колодец был размерами два на два метра, такой же глубины. В эту зимнюю ночь мужчина спал в одном пиджаке и брюках, подложив под себя фуфайку. Было жарко. Через открытый люк медленно падали редкие хлопья снега, но таяли, не долетая до ног спящего.

Проснулся мужчина посреди ночи от удара по ногам и долго силился понять, где находится и что это было. В колодце тихо и темно. Он постепенно пришёл в себя, нащупал на трубе окурки и стал прикуривать. Память восстанавливалась. Пили они втроём после «халтуры» на мясокомбинате. Работа была тяжёлая, на всю ночь, но выбирать не приходилось. К двенадцати часам выдавали деньги. На реквизиты паспорта внимания не обращали. Некоторые работали по военным билетам и старым пропускам. Набирали каждый вечер возле проходной комбината. Своих рабочих у комбината на разгрузку туш крупнорогатого скота не было. Костяком бригады каждую ночь были, как и он, бичи и алиментщики. Подрабатывали там регулярно и давно освоились. В следующую, после выдачи денег, ночь, «бригады» менялись. Отработавшая бригада уходила пропивать заработанные, а на их место записывались другие, такие же бичи и алиментщики, чтобы получить на следующий день деньги и идти пить. Пропившаяся уже группа набиралась снова. Быстрый заработок и невнимание к документам держали крепко. В ночь работы они наедались на два дня вперед. Девчата из колбасного цеха и полуфабрикатов попадались добрые. Варили суп, состоящий из одних крупных кусков мяса и картофеля. Отсыпались и пьянствовали в подвалах и теплотрассах. Вчера пили с Николаем и Витюхой. Вроде был ещё кто-то, но он сомневался в этом. За водкой ходили несколько раз, играли в карты, но как разошлись, не помнил.

Прикуривая затухший окурки, мужчина заметил на полу большой белеющий предмет, но никак не мог понять, что это могло быть. Чиркая

кой, поднялся и обнаружил на полу окоченевшее тело совершенно
женщины. На виске у неё среди сплехшихся кровью волос зияла
рана. Рядом валялся маграц, забрызганный кровью и коричневой
массой. По телу мужчины пробежала дрожь, во рту пересохло.
простонал. Никаких женщин с ними не было. Это он помнил. Да и
ей взяться. словно что-то вспомнив, соскочил с места, обошёл
колодец, чиркая спичкой. Одежды никакой не было. Значит
сила. Вот оно чем по ногам стукнуло. Сейчас бы выбраться и
уйти, но куда в такую пору? Сидеть с ней тут тоже не хотелось. А
быстро могут узнать, кто тут пьянствовал. Проверить залился в
комбинате дело нетрудное. На них милиция плевала до поры до
времени, а по данному случаю уж постараются. «Как пить дать!», -
ворилон в слух. Первую мысль, выгадить и закопать тело в снегу,
выбросил сразу. Не только догронуться, но и смотреть на нее не
хотелось. А что, если сообщить в милицию? Но, а как тогда доказать,
что это не твоих рук дело? Олять же и закапывать опасно, вдруг кто
зайдет, или собака какая обнаружит? Если узнают, что закапывал,
тогда, убили ты хотел освободиться от улик. Ещё хуже! Он выбрался
на улицу, чтобы не сидеть возле трупа. Шёл снег. Со стороны шинного
маста был виден едва заметный след волочения. Значит можно и
заявить, пока след есть. Ребята подтвердят, что с ними баб не
было. Решение принято, но задерживало ещё кое-что. Он почти год не
пил алкоголь, нигде на постоянной работе не числился. Да и уходил
от жены, наставив такое количество синяков... Их было больше, чем
известно откуда взявшиеся засосовна её шею. Может, уже ищут. «Олять
же, думал он, - всё равно найдут, если ищут. А тут захлещь сам. Может,
ищут». Он выругался, но решение менять не стал.

Лейтенант милиции Марков в засаде не участвовал и был выведен
из состава оперативной группы, хотя убийство совершено на его участке.
Преступник «вычислен». И в доме его соседа дежурили опера и
постовые. Надобность в Маркове отпала, к тому же ему предстояло
ехать в командировку, сопровождать двух человек в ЛТП. Нужно
было реализовать так трудно выделяемые путёвки в лечебно-трудовой
филиаторий. Путёвок было две. «Счастливыми» владельцем одной
был Тимонин Юрий, медицинская комиссия пройдена, решение
куда есть, но отправку отложили из-за Барзюкова. Последний тоже
не хотел ехать за пьянку и нанесение жене побоев, но около полугода
назад исчез. И вот объявился. Пришёл сам. Прибежишь тут. Сбрось-
шь среди ночи на сонного и о глубокого похмелья мёртвую бабу, х

тому же совершенно голую. Всё на свете забудешь. Тимонин давно ждал отправки, ходил за лейтенантом Марковым по пятам, надоедал «раньше сядешь – раньше выйдешь». С Барзунковым проходили комиссию, хотя подозрение полностью не было снято.

На Рыкова вышли по двум линиям. Помог давно проверенный подворный обход жителей Шинного посёлка с фотографией убитой. Её опознала продавщица пивного киоска, расположенного на улице Самолётной. «Да, видела её. Пиво брали с мужчиной. Когда это было? Да никак три дня назад. А может четыре». Мужчину она не знала, но описала хорошо. Началась работа по установлению завсегдатаев киоска. К вечеру было установлено шесть человек, которые ходили в киоск регулярно. Двое из них, с которых было решено начинать, не просто приходили покупать пиво. Деньги у них не водились, предлагали посуду, которую всегда имели при себе. К ним уже все привыкли. Болдин Геннадий, как звали одного из них, встретил оперуполномоченного и, посмотрев на фотографию убитой, заговорил тут же с особой охотой:

- Никак мокруха, начальник? Да, вижу. Ну-ка, ну-ка. Да это Анатолия Рыкова знакомая. Три дня назад пиво брали, её ни с кем не перепутаешь. Ох и стерва...

Рыкова он знал, как проживающего в Шинном посёлке, хотя и не знал адреса. А это уже не составляет особого труда. На то есть ЖКО и паспортная служба.

Кроме того, из-за множества татуировок на теле убитой (даже на ягодицах), стало ясно, что она судима. По отпечаткам пальцев установлена личность через информационный центр МВД. В колонию, откуда она недавно «откинулась», то есть освободилась, направлена телетайпограмма. Уже через два дня пришел ответ, что убитую зовут Алфёрова Светлана Ивановна, что сидела за квартирную кражу, а перед освобождением имела переписку с Рыковым, проживающим в городе Свердловске.

Взяли Рыкова через три дня, когда он всё-таки, решил вернуться домой. Причина убийства банальна и вполне в духе Алфёровой. Очень точная характеристика любителя халявного пива Болдина: «Ох и стерва». Рыкову, с одной стороны, совсем не жаль, что «замочил» её из-за её же оскорблений, с другой, наоборот - ужасно жаль, что из-за такой придётся мотать срок.

Зато это решило судьбу Барзункова, с него снято, как говорит Марков, уголовное преследование, и он уезжает в ЛТП от этого кошмара.

Поезд «Свердловск-Бокситы» отправлялся в полночь. Когда в вагон

Тимонин ввалился, но на него никто никакого внимания не обратил. Он напоминал великовозрастного пионера, отправляющегося в лагерь, шёл по проходу, размахивая рюкзаком. Появление Маркова с Барзунковым представляло иное зрелище. Барзунков одет в старую фуфайку, выдающую виды шапку. Небритое лицо – усталое и грубое. От него пахло стёртым запахом КПЗ. Картину завершал измученный к нему лейтенант милиции, и, когда они остановились на единственном свободном месте, старухи, сидящие внизу, стали оглядываться, шептаться. Тимонин тут же воспользовался этим и, выкинув бреху на натуре, стал рассказывать Барзунку страстные выписки о своём «преступном прошлом». Останавливать его не имело смысла. Когда старухи, боязливо оглядываясь, покинули свои места, он умолк сам, построился возле окна и стал доставать из рюкзака продукты. Ел он медленно, тщательно разжевывая пищу, а, кончившись, подвинул продукты Барзункову, у которого ничего съедобного не было, и пошёл курить. Во в своём вагоне укладывались спать. Марков с Барзунковым остались вдвоём.

- Не боишься, лейтенант, что сбежит твой Тимонин? Ох, и попадёт тебе начальства.

- Нет, не сбежит. Тем более это приравнивается к побегу и можно ипотать срок. Вот, например, ты бежал, и что? Понравилось? Даю слово, Барзунков, приедешь помолодевши и чистый перед законом. Пока там год будешь лить доски, алименты будут взыскивать.

Опять же задолженности не будет. Если бы не ЛТП, сел бы ты, душень, за алименты и за побои. Точняк! А Тимонин? Он сам за мной ходит уже с месяц.

- Да, - Барзунков провел рукой по щетине на подбородке, - может и к лучшему, что сбросили эту бабу именно на меня. Я уже и не знал, как жить дальше. Всё спуталось. Вот вернусь, поеду на работу и остроюсь в общагу. Только так она не сможет меня посадить, моя родилубезная, мать её... Быстрые мне поверили и нашли убийцу. Вечно ищут долго.

Матерился он не очень-то уж привычно, не умеючи, но, надо признаться, к месту.

Вернулся Тимонин, забросив куртку, поднялся на второй ярус и зашевелился, устрояясь поудобней. В отдалении от него, у Барзунова была уйма вопросов, и Марков, по мере своих знаний, рассказывал ему о порядках в ЛТП. Тема разговора постепенно менялась, и он вскоре знал почти всё о неудавшейся и исковерканной жизни «подопечного». Беседа продолжалась в тамбуре. Барзунков, глупо ко

затягиваясь, смотрел в угол и не мог наговориться. Смушение пропало. Сначала всё шло хорошо. После работы тянуло домой, а после рождения ребёнка и вовсе бегом возвращался. Пил тогда мало. Всё началось из-за бесконечных корпоративных вечеров у жены на работе. Приходить стала выпившей, не во время. Знаешь, лейтенант, лежу я с ней в такие ночи и словно не со своей. Не сплю, а в голове разные мысли. Ведь не зря говорят, что пьяная жена, когда без тебя, - уже не твоя жена. Так и случилось.... Как ушёл? Да мы тогда подрались не на шутку. Хватало у неё, я тебе скажу, медвежья. Как сцапает за волосы, не отодвигать. Словом, наставил ей синяков и ушёл. Детей вот жалко, скурвится совсем, а за ними глаз да глаз нужен. Двое их у меня, оба мальчики.

Тут Барзунков сматерился не умеючи, бросил окурочек, давал понять, что не стоит больше говорить об этом.

Проводница разбудила их на подходе к станции. На улице было морозно. Светало. Дорога до профилактория не близкая, снежные крупинки, как комары, набросились на них, и не было от них отбоя. На протяжении всего пути приходилось протирать поочерёдно, то нос, то уши. Закрывать нос было так же невозможно, они проникали сквозь перчатки и начинали жалить так, что руки сами ныряли в карманы.

Спецчасть ЛТП ещё была закрыта. С КПП вышел прапорщик и позвал их к себе, предупредив, что у него тоже прохладно, но нет ветра. Спас один из клиентов профилактория, работающий в кочегарке, который вышел посмотреть, не земляков ли привезли? Работа у него была бластная, жил, по сравнению с другими, припеваючи. Посещал процедуры, лекции и другие мероприятия, но не маялся под постоянным надзором в ДОКе, а сидел в тёплом помещении, чифирил и читал книги.

- Садись. Садись, мужики. Ну и холодрыга, - посмотрел на Маркова, - попей, лейтенант, чаю.

Чай - это было только название. Марков, обжигаясь, проглотил такую горькую массу, что на языке образовался налёт и свело скулы. Кочегар довольно засмеялся и добавил кипятку. От горячего чая в кочегарке потянуло ко сну.

Приняли Барзункова с Тимониным быстро, в специальной комнате, где ждали парикмахер и кастелянша. Осталось отметить командировку и можно ехать домой.

Уже на улице, когда курил с прапорщиком, к ним вышел Барзунков. Был он пострижен и в новеньких сапогах.

- Товарищ лейтенант, у меня к вам просьба. Пожалуйста, зайдите

домой, пришлите фотографию детей. Она есть дома... Я с
в парке фотографировался. Пришлите мне. Пожалуйста. И
рите с моей, пусть напишет на развод. Попробуйте. Чё ей
?, - вид у него был как у пацана.

Марков пообещал. Сделает. Он уже как-то привык к этому
Не всегда попадаются такие душевные попутчики.

ПОЕЗДКА

В здании автовокзала было тепло и уютно. В этот вечер, в канун нового года, у единственного окошечка кассы выстроилась очередь желающих, во что бы то стоило попасть к родному застолью, оказаться в кругу знакомых и родных. Очередь продвигалась медленно, и задние напирали на стоящих впереди, недовольные их медлительностью. Казалось, что чудо автосервиса способно через заснеженные поля и леса вывезти их к новому году, оставляя позади былые неудачи и невезения. Прошлое было в этом зале и на стоянке под открытым небом, а стоит выйти и сесть в салон стоящего там Икаруса, как твое безбилетное прошлое, где были неудачи, заплутает в снежной круговерти и уже никогда не сможет догнать тебя.

Остаться с прошлым наедине мне тоже не хотелось, хотя в прошлом году было много хорошего. Но пока живёт человек, он, бесспорно, верит, что новый год всегда лучше старого. Я так же был уверен в этом и уже подсчитывал стоящих впереди себя пассажиров, сравнивая с примерным количеством мест Икаруса. Оказалось, что нас даже на несколько человек меньше, чем он может вместить.

Чтобы скоротать время, я стал разглядывать людей, стараясь угадать: кто есть кто. Лет сто назад, пожалуй, без труда смог бы отличить студентов от крестьян, а последних от купцов по одному их разговору, не говоря об одежде. Сейчас же это крайне затруднительно, так как времена встречать людей по одежде прошли, а разговоры велись как-то тихо, на различных участках очереди сливались в один монотонный гул.

Тут моё внимание привлекла женщина около сорока лет в искусственной чёрной шубе и песцовой шапке. Войдя в здание, она не страшивая с себя прилипшие хлопья снега, подбежала к очереди, и стала пробираться к кассе с боку, но её тут же выпихнули обратно. Она, размахивая билетом, стала обращаться поочередно к стоящим людям.

- Да что же это, товарищи? Мне нужно сдать билеты на утренний рейс. Я не беру билеты, не еду я никуда!

Люди понимающе кивали головой, а как только она поворачивалась к кассе, очередь вновь уплотнялась, не оставляя никаких лазеек. Кто-то осторожно проговорил, что, коль не ехать, то можно бы было и подождать, куда спешить. Но женщина, видимо, спешила. Она снова и

снова насканивала, стараясь прорваться к кассе, но стоящие впереди тут же образовали полукруг, выставляя ей на обозрение свои спины и затылки. Всем думалось, что они отстояли своё не для того, чтобы у самой заветной цели очередь увеличивалась ещё на одного человека. Вот я возьму билет, - думалось им, - пусть сдаёт свои билеты. Однако на них стояли и думали такие же «сердобольные». У них также подходила очередь. Кто-то из дальних рядов прокричал:

- Да пропустите вы её. Что она, ваше возьмёт?

Ответ прозвучал без паузы и достаточно громко:

- Чего ради я должна ей уступать? Простояла целый час, а скоро отправление. Надо было думать раньше, когда брала билет.

Её поддерживали стоящие рядом.

Незнакомка в шубе поняла, что её больше понимают в задних рядах, но касса была впереди.

- Да что я, провожать вас всех должна?! - Она была в отчаянии. - Вас вот сколько...

Тут из задних рядов к ней подошёл солидный мужчина. По крайней мере, мне он показался вполне солидным, ведь я стоял и занимался изучением людей.

- Ну что, милая, билетики сдать не можем?, - толос у него был сочный и богатый, подстать толстым и розовым губам.

- И сколько выручить собираетесь?

- Да немного, двести сорок рублей.

Я уже был уверен, что «солидный» восстановит порядок, но он не спешил к кассе:

- А ты продай свой билет мне. Я страсть как хочу съездить в ваши края.

Проговорив это, он взял у женщины билет, отсчитал ей деньги. Дал ей двести пятьдесят рублей, от сдачи отказался. Проговорил и проделал всё это нарочито громко и, разорвав билет, бросил веером вверх. Проделал это как на сцене, и с достоинством олядев очередь, горделиво проследовал к своему месту. Он словно читал мои мысли: а вот вам и купец. Приближаясь к своему месту, он внимательно всмагривался в лица, стараясь уловить чье-либо восхищение. Эта казалась бы мелочь, испортила всё настроение, но через некоторое время я забыл об этом, подошла моя очередь. Мысли перенеслись в далёкий пункт прибытия, где в уютном доме сидит самая добрая в мире мать в ожидании, когда откроется калитка и завопит колченогая собака радостным лаем.

На улице темнело. Только возле столба у стоянки, словно светлячки,

носились под фонарём легкие снежинки. Войдя в салон, я сел и предался воспоминаниям, стараясь представить себе миг встречи. Настроение было приподнятое, я сидел и мечтал, пока рядом не приземлился мой сосед. Обернувшись, я увидел широкое лицо «супца», с толстыми и розовыми губами, тут же отвернулся, уставившись в окно. Снежинки под фонарём уже напоминали кусочки оборванного билета, и от этого у меня внутри всё смешалось. Вроде, ничего особенного мой сосед не сделал, но я очень на него обозлился. Возможно, что раньше никогда не видел такого самодовольства. Это напомнило, что нет никаких границ между старым годом и настоящим. Всё здесь и всё рядом. По всем правилам я не должен был въезжать в прекрасное будущее с таким соседом. Он, как полагал я, должен был остаться в снежной круговерти среди прошлогоднего людского порока. Уже ничего думать не котелось. Да и зачем думать и гадать, как тебя встретят. Ясное дело - хорошо встретят, были бы здоровы. Я решил вздремнуть. Соседу же похрапывал, причмокивая толстыми губами, и сладко улыбался. Ему, наверное, снились деньги Много денег.

Проснулся я измученный и долго не мог прийти в себя. пока за окном не замаячили знакомые населённые пункты и повороты. Я встал и, небрежно отбросив разбросанные ноги соседа, отправился к выходу. Скоро выходить. Настроение снова вернулось ко мне. Новый год – он все равно лучше старого и должен быть более счастливым. В это я продолжал верить.

УРОК В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Все трое: я, Серега Ярцев и Володя Семенов досхали до психиатрической больницы в одном автобусе. Другие однокурсники уже были уввода, ждали, когда нас пригласят для беседы с больными и знакомства с историей болезни некоторых из них.

У читателя с первых слов рассказа может создаться впечатление, что мы учимся на медиков. Это не так. Мы действительно учимся, но в специальной школе милиции по линии уголовного розыска. Наш филиал школы готовит оперуполномоченных для работы в уголовном розыске, а проще говоря – оперов. Мы с Володей работаем участковыми инспекторами, а Серега – помощником оперативного дежурного при РУВД. После трех лет заочного обучения нас ждет работа сыщика. Основным предметом у нас является оперативно-розыскная деятельность, но есть и множество других, по которым нужно сдать зачеты, чтобы быть допущенными к экзаменам. У нас двухнедельные межсессионные сборы. За это время мы должны повторить якобы изученные самостоятельно два предмета и сдать по ним зачеты, чтобы на сессии к ним уже не возвращаться.

Судебная психиатрия, по которой сегодня практическое занятие, может нам никогда не пригодится, но она включена в программу. Выяснить вменяемость и назначение психиатрических экспертиз по «злодеям» - это задача следов. Но ничего не поделаешь. Позавчера, например, мы ходили в морг по судебной медицине. Присутствовали на вскрытии группа. Как все происходило, о чем говорил патологоанатом, демонстрируя «учебное пособие», - говорить не буду. Тема не из приятных. Хорошо, что дядька был добрый и разрешил курить. Кроме всего прочего, по предмету я узнал, что все наши девушки курят (кроме одной, которая замужем). «Все девушки» - сказано не очень определенно. Их всего четверо. Сегодня же мы предвкушали занятие более веселое и занятное.

Встречаться с больными такого рода, пусть не очень часто, приходится и по моей работе. На участке, который я обслуживаю, таких людей, я полагаю, немало. Хотя лично знаком только с двумя. Пока курим и травим анекдоты, я вспоминаю про одну из них. Ребятам интересно.

Трушкова Анна жила в однокомнатной квартире и отличалась от других жильцов своей пятиэтажки только тем, что очень тучная, в зимнее время ходит всегда без верхней одежды, любит поговорить с участковым инспектором и держать мертвых кошек в своем холодильнике. Кроме этой тихой уединенной жизни она доставляла неприятности врачам. То ли от тучности (около полутора центнера), а может, по другой какой причине, у нее совершенно не прощупывался пульс и однажды, когда она уснула на скамейке возле дома, ее приняли за мертвую и увезли в морг. Пострадал от нее на этот раз студент, дежуривший в указанном заведении в ночное время. Трушкова проснулась ночью и, несмотря на то, что никогда не мерзнет, собрала простыни со всех трупов и, укрывшись ими, легла на свое место. Видимо, привыкла спать раздетой, но укрытой. Студенту было достаточно видеть, как все «обитатели» раскрыты, а одна, под несколькими простынями, ворочается с боку на бок...

Молодой рыжий санитар пригласил нас в помещение и привел в зал со множеством стульев, куда вскоре привели первую больную. Это была женщина лет сорока пяти. На вид обыкновенная больная, коих можно увидеть во всех лечебных учреждениях и отличалась, наверное, только тем, что за все время общения ни разу не улыбнулась. Вопросы разного рода ей задавали и врач, и мы. Она не отрицает, что больна, но жалуется, что очень плохо себя чувствует, когда приходит в себя после уколов. После ее ухода, врач прочитал небольшую лекцию, а после мы знакомимся с ее историей болезни. Татьяна Васильева, как звали больную, окончила с отличием физико-математический факультет, преподавала в школе и заболела всего три года назад. Вначале ее странное поведение никакой тревоги не вызывало, но постепенно так все осложнилось, что она была уволена и поставлена на учет. Впоследствии срывы участились, она стала заговариваться, бегать по соседям и стучать в двери. Когда вызвали службу газа из-за своеобразного запаха, выяснилось, что ее пребывание в обществе становится опасным. Кроме невыключенной газовой плиты, вся комната была усеяна пухом от распоротых подушек. Ее рассказ перед отправкой сводится к тому, что к ней пришел бывший муж, который во время чаепития стал уменьшаться в размерах и стал пятнадцатисантиметровым мужчиной. Когда она положила его на подушку, то муж провалился вовнутрь. Она искала его долго, распоролла все подушки, но так и не смогла обнаружить, а соседи помочь ей не захотели.

Доктор, отвечая на наши вопросы, объясняет отличия

или офрениии от идиотии, излагает признаки других форм душевной болелии. Мы стараемся успеть записать как можно полнее, поскольку наше самостоятельное заочное обучение предполагалось методистами учебной части, но только не нами. Все наши потуги между сессиями проявлялись и исчерпывались написанием контрольных и курсовых работ. Правда, во время сессий трудились как папа Карло, рвали подметки так, что даже выпить за встречу с курсантами из других городов было некогда. Наверно потому, что знали наверстаем после экзаменов. Мы так подгоняли самих себя и, после сдачи экзаменов обнаруживали, что действительно узнали очень и очень немало.

Писать о втором больном особой охоты нет. Он как бы считался учебным инвентарем по идиотии. Единственной его нормальной выходкой было то, что немного «отрезвев» и увидев наших девушек, стал показывать пошлые жесты и телодвижения, сопровождая такими же словами.

Приглашая третьего больного, доктор предупредил нас, что он экземпляр редкий и будет нам интересен.

«Редким экземпляром» оказался мужчина около сорока лет, бывший культпросветработник из небольшого уральского городка. Чем он знаменит, доктор знал хорошо, и вопросы задавал сам. «Экземпляр» это нравилось. Он быстро овладел аудиторией и говорил быстро, четко. Первая часть его тезисов, как он называл свое выступление, касалась красоты населенных пунктов. По его убеждению, дома каждой улицы должны быть окрашены в один определенный цвет, где одна из улиц должна состоять из красных зданий, другая только из зеленых, третья – желтых, и так далее. Представляя все это, я уже начал думать, что, наверное, это смотрелось бы очень красиво, даже вспомнились слова из песни Юрия Антонова: «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную и на Тенистой улице я постою в тени». Правда эта мысль владела мной недолго. Вспомнив огромное количество улиц нашего города, пришел к выводу, что они все-таки должны иметь названия. Где взять столько цветов, чтобы их отличать? Как бы выглядели наши города в окончательном варианте, мы не узнали. Доктору с огромным усилием удалось переключить «экземпляр» на другой его тезис, который касался человеческой сущности. Это был его «конек». Говорил он увлеченно, жестикулируя, а голос становится все громче и нетерпящим никаких возражений. Ничего особо ненормального на первый взгляд в его словах не было. Такое мог говорить любой сосед или знакомый за бутылочкой водочки и особых возражений в ответ не услышал бы. В наше время, особенно на эстраде, принято корчить из себя психов. Видимо, за

неименем особенного голоса, они пытаются создать отличающий их от других имидж или показать, что они ужасно индивидуальны и преданы своему искусству до сумасшествия. Наш «экземпляр» тоже чувствовал себя как не сцене, и выкладывался без остатка. Ведь так долго никто не хотел его слушать, прерывали, уходили, оставив одного с этими мыслями, и даже били. А тут сами доктора предоставили аудиторию, согнали молодую поросль, которую во что бы то ни стало нужно подковать относительно человеческой сущности. Он был в ударе. Я, хотя было жалко конспекты, записывал все его мысли, стараясь сохранить стиль и выражения. Вот они.

- Не верьте, когда говорят, что человек сам выбирает себе дорогу. Это чушь собачья! Гомо сапиенс - это разум полузверя на уровне приспособленчества. Он, уже имея ясное сознание, старается брать у природы то, чем можно набить момон, прикрыть срам и поднять камень, которым можно отбиться от себе подобных или при помощи которого можно отобрать у себе подобного то, чем можно набить момон и прикрыть срам. Всему этому виной – мясо. Принимая в пищу мясо, он не только поумнел, но и ожесточился. Допустим, кинулся на тебя саблезубый тигр с огромными, не в пример твоим, клыками, а ты его по башке камнем - тюк: «Получай, сука! Скотина поганая! Хрен моржовый...» (тут он начал терять контроль над собой, но доктор перебил: «ладно, ладно, что там дальше?»).

- Из святого у человека осталась только частная собственность. Это процветает. Человек - рвач по своей натуре, собственник, одним словом. Одни платят другим всю свою несчастную жизнь и, умирая, вздыхают, потому что детям так же надо будет платить, но уже больше. Другой всю жизнь живет за счет первых, но, умирая, тоже вздыхает, думая – останется ли моим детям что? Хватит ли? Этот зря вздыхает – собственность охраняется.

Говорил он много, но дальше марать конспекты не хотелось. То, что «экземпляр» болен, стало ясно только со временем. Он постепенно перешел на крик, стал обвинять человечество во всех грехах, стал ходить из стороны в сторону, насколько ему позволяли стоящие по обе стороны санитар с доктором. а после как-то набычился и смолк, уставившись на противоположную стену. Бедный «экземпляр». По истории болезни он не буйный. он сам боится людей из-за собственной к ним ненависти, но очень даже способный крушить имущество любого из них, ходить и кричать по улицам лозунги и доставлять обществу уйму неприятностей. Его «тезисы» были тем единственным, чем он живет. Он больше ничего не знал, а скорее всего, знал, но забыл.

За такой период я не собирался изучить всю медицинскую терминологию, тем более на латыни, а потому скажу одно – человек заикнулся. Мысль, единственная, и по каким-то причинам, ужасно устойчивая, стала навязчивой... А это уже мания.

Собственно и писать об этом, возможно, и не стоило, но с тех пор меня стали преследовать некоторые мысли. Меня очень путает научное понимание этого явления – психиатрия. Конечно же, я рад, что этот предмет у нас предусмотрен. Хотя бы для общего развития. Ведь мы, менги, действительно должны знать хотя бы что-то из любой области, иначе ничего не изменится, если вы даже назовете меня полицейским (или карабинером, как в Италии). Если участковый в Австрию, составляя протокол об административном правонарушении, пишет: «Иванов поссал возле дома такого-то (обязательно с двумя «с»), то, считаясь полицейскими, наверное, мы вряд ли заработаем очки у населения. Речь, правда, совсем не о том.

Вот живу я и совершенно не знаю, когда и кого можно объявить умасшедшими. Тем более мне не очень нравится слово «душевнобольной». Еще никто не знает что-либо о душе, а лечить её осрутся. Кто все же должен лечить это: психиатр, психолог, батюшка из храма или еще кто-то. Успокаивает одно – я человек не очень открытый, мне сто сдерживать эмоции, болтать зря не стану. Однако ж все это может быть истолковано совсем по-иному. Наверное, это единственная болезнь, где необходимо точно знать, кого лечить и стоит ли, поскольку мы все, в некоторой степени немного психи. Сегодня ни для кого не секрет, что психбольницы использовались в свое время, как место для изоляции инакомыслящих. А что, если это «инако» начнут понимать инако? А еще, не дай Бог, придумают устройство, которое бесспорно и в точности начнет указывать, кого действительно следует признавать душевнобольным? Тогда, пожалуй, труднее будет отыскать нормальных, чем ненормальных. Долго живет человек и всегда решает какие-то проблемы, чем только голова не забита... У меня бывали случаи, которые истолковать никак не могу. Паронормальные, можно сказать, явления. Тогда этого термина не было, но люди встречались с этим явлением и искали их объяснение. Например, для узкого круга было напечатано постановление об отказе в возбуждении уголовного дела Московского ГУВД г. Ленинграда, связанное с полтергейстом.

И вдруг мне стало как-то не по себе. Может я где то в полной степени псих? Хотелось, когда сжал обратно в трамвае, спрятаться за спиной других или стать невидимкой. Вдруг да увидят, кто я. Ужас!

После обседа уголовное право. Может, отвлекусь как-нибудь.

НЕ ДЕТЕКТИВ

1.

Захожу в кабинет Елены Степановны и, разговаривая на различные темы по работе, замечаю на стеллаже очередной иронический детектив Донцовой. Она это заметила и предлагает. Я отказываюсь. Шучу, что в последнее время даже свое написать некогда. Она намекает, что вообще-то пора мне самому приняться за детективы. Такой вопрос мне задавали и раньше и я много раз отшучивался. Действительно, имея, если можно так говорить, слабость к писанине, я ни разу не пытался создать что-либо детективное. Иногда мне и самому кажется странным такое отношение к своей бывшей работе участкового, оперуполномоченного уголовного розыска, следователя. Я теперь пенсионер МВД, работаю простым юрисконсультантом, но никак не могу сказать, что скучаю по своей бывшей работе. Наверное, тогда я любил свою работу, вернее, она мне нравилась. Временами я был уверен, что работа сыщика – это единственное, что мне нравится. Особое удовлетворение испытывал после каждого удачно раскрытого преступления или расследования сложного многотомного уголовного дела, которое проскочило через суд без сучка и залоринки. Качественная работа всегда радует. Радует, но, видимо, не до такой степени, чтобы начинать писать детективы. Я вообще отношусь к работе, как к работе. Если сказать проще, то я уверен, что настоящая работа не должна приносить постоянное удовольствие. Иначе, какая же это работа? За удовольствия нельзя вообще платить деньги. Работа, сама по себе, это кое-какое лишение свободы самовыражения и просто свободы, которая из-за этого вознаграждается два раза в месяц у банка. Она к тому же должна быть трудной, от неё нужно уставать, радоваться выходным дням и праздникам. А как же иначе? Работа сыщика такая же рутина, бесконечные проверки всяких версий, нудные опросы свидетелей, беготня, засады и многое другое, когда вдруг, закуривая сигарету, обнаруживаешь, что она последняя, хотя покупал пачку совсем недавно. Одним словом, воспоминания о ней совершенно не тянут, чтобы про это начинать писать, хотя сюжетов множество. При увольнении на «заслуженный отдых» в управлении кадров знакомили с личным делом сотрудника. Это такое досье, которое видишь только при увольнении, в первый и последний раз, которое после твоего знакомства уходит в архив, чтобы по истечении некоторого времени быть уничтоженным. В этом деле

есть раздел о поощрениях, где я вычитал и вспомнил некоторые громкие дела при раскрытии которых участвовал. Их вполне достаточно, хотя некоторые уже не помнил, а некоторые вообще не отмечены, хотя помнил, что участвовал при раскрытии этих дел и даже был поощрен. Тогда была своя практика поощрений. Например, во время дежурства мы втроем раскрыли убийство с особой жестокостью. Представление о поощрении троих уходило в управление и все трое получали премию по десять рублей (время было такое). Поэтому представление старались писать на одного. Тогда премия, как сейчас помню, составляла пятьдесят рублей. Отметить втроем это раскрытие на вторую сумму было, конечно же, приятнее. Как бы там ни было, воспоминания были, но не шло на их изложение в бумажном варианте. Меня волновали совершенно другие вещи, вернее другая сторона этой службы. Сама психология службы держит человека в какой-то прострации, что ты начинаешь мыслить иначе, делаешь не совсем понятные для других выводы или можешь начинать переживать из-за таких мелочей, позабыв, как кажется другим, более значительные события. Как бы там ни было, но в моей памяти игровой вариант не держится. Остается что-то другое, которое укладывается в обыкновенные устои. Другие, кто привыкает к этому розыскному, вечной подозрительности, ожесточаются. Теперь я знаю, что это значит. Я вижу и знаю людей, кто уже давно отработав своё, остались там... Тяжко им. Нельзя так. Не ментами родились и умирать ими совсем ни к чему. Писать об этом также не хочу. Правда, иронические детективы Марининой и Донцовой не в счет. Они просто молодцы. Даже удивляюсь: как можно читать детектив и так отдыхать. Мне и впрямь там делать нечего. Не умею. Не смогу.

То, что вспомнилось сегодня, тоже не игровой вариант работы сыщика. Что-то эпизодическое, что врезалось в память и не отпускает. Время, наверное, было тяжелое. Я сильно переживал это время. Это были времена борьбы с пьянством. Боролись мы, надо сказать так, что писать об этом стыдно даже сегодня, через столько лет. Даже временами кажется, что не патриотично поднимать эти воспоминания перед нынешней молодежью. Вдруг из них не все читают только Интернет, вдруг кто-то и книги рассматривает. И все-таки я вырос до такого возраста, когда патриотизм не означает: «А мы-то лучше!» Как говорит поэт: «Не пальцем деланы и те, кто на Луну летали». У них, правда, и позора своего хватает, но это уже их дело. В данном случае мой патриотизм – это обыкновенный стыд, который действительно адресован той молодежи, которой я не желаю таких дней и надеюсь, что они такое повторять не станут.

То, что вырубали весь виноград, а мужики в городах дохли, как мухи, от «синеглазки» (нитхинол для мытья окон), нас особо не волновало. Ко всему относились серьезно. В редкие дни, когда завозили настоящую водку для продажи по талонам, очередь устанавливали несколько милиционеров, которые сами побаивались толпу. Дубинок тогда не было, о феномен толпы – это не только свора, объединенная одной яростной целью, но и первые ряды, которые не имеют никакого выбора. На них сзади как напирают, что остается идти и только вперед. Хоть на цули. И вправду стыдно, что все это происходило с нами... Поэтому у нас сейчас культ на водку и пьянку, поскольку мы сами подняли на такую высоту эту гадость.

2.

Работа дежурного следователя днем стремительна, вечером тягостна, а под утро утомительна. Кому-то, может, было наоборот, а кому-то просто по фигу, но у меня остались такие ощущения. Днем, как сейчас помню, не успевал вылезти из УАЗика, а тем более побывать на всех совершенных преступлениях. Бывали, конечно, преступления, которые мы умудрялись раскрыть по горячим следам в день дежурства. Но это было редко. В основном, не успевали составить протоколы осмотра мест всех происшествий. Когда видишь, что тут сегодня ничего не светит, то остается одно: лучше осмотреть место происшествия и зафиксировать все следы, закрепить их и отразить, чтобы потом было над чем работать. Я, как помню, часто не успевал доехать до райотдела, чтобы выкурить, хотя б одну сигарету в нормальной обстановке. Как правило, заговаривала рация и сообщала очередной адрес, куда необходимо выезжать.

По вечерам наступало небольшое затишье, но у каждого следака хватало своих уголовных дел, которые находятся, как принято говорить, в его производстве. На самом деле они находятся в сейфе и их очень даже немало. По ним нужно работать каждый день. Там всегда подпирают сроки продления, окончания, приостановления и т.д. и т.п. Некоторые из них «светлые». Эти дела нужно окончить в срок и сдать в суд. По ним сидят задержанные злодеи, которых, если не успеешь допросить, провести очные ставки, выехать на место происшествия (да и мало ли что), то могут увезти по этапу. А это значит, что потом придется потратить целый день, чтобы ехать в тюрьму, писать бумаги и проделывать там все эти действия второпях и, боясь, что вот-вот придет надзиратель и уведет его обратно. Вот вам и детектив. Чего хорошего в

такой работе? Она, конечно, нужная и обязательная, как говорится, для всех стран и времен, но неблагодарная. Ужас - какая неблагодарная! Поэтому, наверное, и нравятся иронические детективы, что так, увы, не бывает. Когда был опером, то свобода действия была, а потому имела хоть какая-то романтика. Она так же имела свои границы и не все вольности прощались, поскольку на твоей «земле» преступления не прекращались совершаться, а их нужно было раскрывать. Одним словом, волка ноги кормят, но и башка нужна не только потому, что там расположен рот, которым ты жрешь и пьешь.

В это дежурство, около четырех часов ночи я успел сделать почти все и уже собирался лечь в кабинете поспать, приставив друг к другу четыре стула. Кровать, надо сказать, не ахти какая удобная, но сон на такой бывает даже более приятный. Уж я-то знаю. Поспать мне, однако, не пришлось, зазвонил телефон. Служебный телефон в это время суток звонит исключительно похабным и проигным звонком. Разбил бы...

- Не пугайся и не расстраивайся. Есть жмурик, но он мой. Я приглашаю тебя просто проветриться.- следовательно прокуратуры Гена Коноплянников, как я мысленно представил, рад, что не дал мне поспать и ему будет не одиноко рассматривать очередной труп. На вкоропостижно усопших он выезжает сам, где оставляет направление в морг и уезжает. Мне там делать нечего, - Погода такая хорошая, не пожалеешь.

Мне его жмурики, по правде говоря, в любую погоду не симпатичны. Своих хватает, хотя, тыфу-тыфу, у меня их меньше.

Тут и водитель заходит в кабинет:

- Ну что, едешь с нами?

- Да уж, уснешь тут с вами.

Погода действительно стояла замечательная. В это время суток она всегда особенная. Что-то вроде тепленькой выспавшейся женщины перед тем, как открыть глаза и так истомно-сладко потянуться. Ужасно чуткая и трепетная. Еще не все звезды исчезли, а до солнца еще далеко.

- ... Одним словом, один из друганов проснулся ночью попить холодной воды, но воду не нашел. А вот друга обнаружил уже холодного. Рядом на диване...

Ну не гад ли этот Коноплянников? Так грубо сдернуть меня на землю с такой мечтательной высоты. Эх, Гена, Гена. Беспардонный ты человек, Гена. Без стука врываешься в мой мир сплошной пирилки.... Да к тому же со своим жмуриком...

Мужчина ждал нас у самого въезда в поселок, расположенный в восьми километрах от города. И живет, как выяснилось, во втором доме

с краю. Ничего нового он сообщить не мог. Они с Геней вошли в дом а я хотел побыть во дворе, покурить с водителем, но меня так же позвали. Никаких следов насилия или других данных на наличие криминала не было. Дома был относительный порядок и то, что меня привело в ярость, так же было сложено вполне прилично. В правом углу от входа в дом аккуратно в несколько рядов выстроены флакончики из под одеколона «Сирень», а слева так же почти идеально сложена целая куча из хозяйственного мыла. Почти столько же нам в Армии выдавали старшины в банный день для целого батальона. Зачем хранить дома на видном месте одному человеку мыло на целых три роты солдат? К чему все это? Пояснить может только наш незадачливый заявитель.

Я, как человек пьющий, знал до какой крайности мы дошли в борьбе с пьянством. Стеклоочистители, лосьоны, одеколоны не были секретом. Сам я, правда, от этого не страдал. Благодаря своей службе, я имел возможность доставать вполне приличные напитки. Да и пил я тогда не очень часто. Об этом говорить сейчас так же неудобно, хотя ни у кого ничего не отбирал и никого не заставлял пить эти суррогаты. А все же появилось какое-то нехорошее чувство, которое не отпускало и держало меня в напряге. Вина чья-то все равно была. Пили в России-матушке во все времена. Я уже не молод и помню даже бутылки, запечатанные сургучом. Даже бывала поговорка: «Вышло солнце из-за туч, не пора ль сорвать сургуч». Тогда мужики пили на троих бутылочку и им хватало. Они становились слегка под хмельком, но никогда не дурили, как от нынешнего пойла. Государство от продажи водки содержало чуть ли не всю оборонку, выпускало водку качественную, и дураков в стране было меньше. И вдруг оно же объявило водке такую войну, что пепки летели... Уже никто не мог объяснить и тем более контролировать – в каких пределах необходимо с ней биться. На местах, как у нас заведено, как лебеда поднималась инициатива «кто кого переиллюнет». Одно дело, что Управление торговли города даст разрешение отпустить флакон одеколона только с нагрузкой с двумя кусками мыла. Гораздо страшнее другое. Одеколон был приравнен к спиртным напиткам и отпускался только после одиннадцати часов дня. То есть по стране гласно распространялось общее мнение, что одеколон - это спиртной напиток, а потому его нужно принимать вовнутрь и покупать, как всякий спиртной напиток только в положенное время. Закон есть закон. Нарушать его нельзя. Видимо, этот факт меня и поразил, что через столько лет вспомнил такой эпизод из жизни. Наверное, мужчина, который нас вызвал к мергвому другу, дождался одиннадцати часов, чтобы помянуть его. Люди его, наверняка, все понимали, поскольку

...остаться хоть нормальным жизненным явлением.

Ну, вот и вся история. Никакого детектива и никакой иронии. Я знаю, что не нытик по натуре, и в трамваях правительство не ругаю, а знаю, что было плохо, сохранилось в памяти и не дает покоя по сей день. Что тут поделаешь? Скучно, конечно, понимаю. Иронические рассказы читать легче, а писать их, поди, тяжело. Что не умею, то не умею. Простите, что такой скучный человек. Вот пишу я об этом и понимаю, что не совсем только из-за этого эпизода пишу перо. Нехорошо написать, перечитать и успокоится, когда сам кто-нибудь сказал то, что именно тебя гнетет. Чувство, прямо скажем, не очень сатирическое, мерзопакостное. Просто так написать о том, что тебе что-то стало известно, мне тоже прегрешение. Ради объема будущего романа? Да я, если говорить положая руку на сердце, вовсе не уверен, что когда-либо выпущу книжечку. Нет и еще раз нет! Написать все это можно, что прочту и выброшу. Действительно как-то не хочется начинать то, что собирался рассказать. А если не собираюсь, то как же начинать и бросать на полпути? Такое чувство, будто я надумал плюнуть в свою же хамскую рожу, а в то же время хочу остаться без хамства, поскольку об этом могут узнать другие.

Одним словом, было и кое-что другое, на эту же тему, что пережили много позже описанного случая. Моя младшая сестра работала в деревне из дальних деревень, куда я ездил на выходные дни. Вечером я пришел покурить во двор. Если кто деревенский, то знает, что в это время есть особый смак в тишине, слегка разведенной шумом дальней гулущей песни или редким пыхтением скотины, трущейся кусанными овощами боком о край амбара или ворот. Сюда же прилетает хор цикад. Однако же в этот день, вернее вечер, ничего такого не было. Кто-то из мужчин дрался, сопровождая свои действия изощренным матом, а по деревне стоял запах такого перегара, который возможен только от одеколона. Справляли день рождения, а по такому случаю в магазине отпускалось много флакончиков. Мы же все люди с понятием, как же в такой день без спиртных напитков? Одним словом, запаха в этот вечер я не обнаружил и пошел в дом. Зато дрались мужики остервенело, как можно драться только с таких вот «благородных» спиртных напитков. Спать не было никакой возможности, да и вся деревня, вроде как, не спала. Утром уезжал с таким чувством, что лучше промолчу. Можно было бы сказать, что меня наотмашь ударили по хамской рожу ещё и тем, что совсем недалеко проезжали другую, немецкую, деревню. Там нигде не валялись вырванные для драки

штукетники, все было ухожено, а дома – что мне особенно понравилось – побелены все до единого. Там действительно жили люди, и если бы кто-либо из них подошел ко мне и обзвал «русиш швайн», то возразить было бы нечем. Ну, до чего же, блин, обидно! Конечно же, захочу разорвать эту писанину на клочки, разбросать и никому не говорить, что там было написано. Но стану ли я от этого не быть свиньей? Ведь только войдя в свой городок, сразу увижу, что везде образованы свалки валяются пакеты с мусором, разорванные бродячими собаками, хотя мусоровозки приезжают регулярно по два раза в день три дня в неделю. Ну почему мы такие?! Почему?!

Извини, читатель, но здесь ничего придуманного нет. Здесь то, что никак не дает мне покоя и мешает жить нам всем. И забыть нет никакой возможности. Не изменились мы.

А если вдруг не разорву, то простите. Я заранее не зря предупреждал, что иронические детективы (да и никакие) писать не умею. Скучный я, хотя по жизни могу быть очень веселым человеком, но, простите, все время помню, что для веселья причин очень мало. Непростительно мало...

УРЯДНИК

1.

Бывают в жизни ужасно везучие люди. Кто-то вообще берется родиться сразу в генеральской семье или в семье профессора. При этом дети и сами могут получиться неплохими, развиваться по жизни сами, но все же преимущество они имеют не в себе. Партийные руководители не забывали повторять, что бесплатное образование дает равные права развиваться всей молодежи. Однако рядовой коммунист знал, что это не совсем так. Бизнес совсем не так. Он был членом партии только потому, что генеральная линия требовала, чтобы основная масса в партии состояла из рабочих. Вот и шла агитация в партийные ряды в цехах заводов и фабрик. На этом все заканчивалось. На верха, вплоть до ЦК, уходила отчетность, что в парторганизации состоит столько-то коммунистов, из них столько-то процентов рабочих. Партбилеты коммунистам были одни и те же, но права остались разные. Конечно же, не стоит говорить, что у детей руководителей партийных, комсомольских и хозяйственных органов была однообразная сладко-ириторная жизнь. Они, надо полагать, также имеют свои переживания, но несколько иного плана. Какого плана? А хрен его знает, речь то ведь не об этом. Речь о том, что кое-кто рождается в семье простого рабочего, колхозника, сельского учителя или актера единственного захудалого театра небольшого городка, которому администрация угрожает закрытием, поскольку театр этот для местного бюджета - «чирей на заднице». Таким вот детям, хотя открыты все дороги, приходится туговато. Основная их масса, после окончания восьми классов, прямиком отправляется в ПТУ. Маленьких или туповатых хватает и в той и в другой среде, но положение родителей в общественной иерархии значит очень многое. Хотим мы этого, или нет, но это факт. Ни родители, ни дети в этом не виноваты. Родители правы любые. Они обязаны думать о детях, каждый исходя из своих возможностей: накормить, одеть и дать образование; а дети — потому что родителей не выбирают.

Роман Сафронов родился в семье сельского учителя, служил в полку связи города Свердловска, где и решил обосноваться. До армии никаких попыток поступать в ВУЗ не предпринимал, звезд с неба не

хватал, знал, что может, а что – нет. И все же в последние месяцы службы неизвестно откуда взялись рвение и целеустремленность. Вновь проснулась и замаячила мечта стать сыщиком. К этому подтолкнуло случайное знакомство во время увольнительной с инспектором спецкомендантуры ГОВД. Конечно, Роман не собирался «воспитывать» отбывающих наказание на стройках народного хозяйства, то есть так называемых «химиков», но многое у него для себя выпытал. Уже и два месяца до дембеля он знал как поступит. Не учеба в ВУЗе была для него главной, а возможность попасть в угрозыск. Кое-какое воспитание он имел, романтизм читал выше карьеры и даже был уверен, что они всегда мешают друг другу. Поэтому, как-то по своему возмужав, был уверен, что счастье – это чисто субъективное восприятие жизни, а не показушное благополучие, когда все завидуют. Высшее образование, решил он, ничего не решает. «Можно быть полным идиотом и довольствоваться этим, – говорил он «молодому» из своего отделения, – а можно стать наблатьканным во всем, но маяться всю жизнь и быть похороненным рядом с этим же идиотом». Сначала ему самому понравилось это выражение, но потом понял, что высказал чушь собачью «Ну вот, вроде, уже становлюсь идиотом».

На дембель его отправляли с теми, кто увольнялся в первую очередь. Хотя несколько дней особой роли не играли, была одна особенность – первая партия, прощаясь с родной частью, была удостоена права целовать перед строем Знамя полка. Вроде бы тоже ничего особенного, но так думалось сначала. Опускаясь на одно колено, держа в одной руке фуражку и прижимая другой к губам край полотнища Знамени, он вдруг почувствовал, что увлажнились глаза. Ранее такого чувства он не испытывал, а потому вставал в строй с опущенной головой, с нарочитой улыбкой, чтобы слезы не заметили уже бывшие однополчане. «Да что это со мной? Как дева старая».

Особым службистом он не был, но в последние полгода дважды выезжал на штабные учения в местность Чебаркуль, где сумел обеспечить качественную связь генералам армии Соколову и Епишеву. Один из генштаба, другой из политуправления Армии, которые держали засекреченную связь со штабами «фронтов». Связь шла через аппаратную дальней связи отделения Сафронова. Эти учения были оценены очень высоко, а сержанту Сафронову послужили основанием для отправки домой с первой партией, попросившись со Знаменем полка.

Начальник N-ского районного отдела милиции города Летуновска, куда обратился Роман, едва съездив на неделю домой, оказался молоджавым подполковником, который, как было видно, в годах особо не нуждается. Разговаривал он полушутя, с иронией, но с глубоким пониманием и даже с чувствием.

Ну, что же ты, Роман Сергеевич, не устроился в милицию у себя в районе? В районах растут быстро, без этих ЧП, за которые бьют только раз по шапке. Стыби в скромное время начальником, а ты бы на рыбалку ездил. Знаю – края там озерные, рыбные.

Все же оказался он хорошим мужиком, похвалил стремление Романа и иги в сыщики. Оказалось, что сам когда-то был опером. Его должность тоже напласть – уходил на пенсию участковый инспектор. Только нужно было около двух недель походить помощником другого участкового в опорном пункте на добровольных началах, пока в управлении кадров не отправят одного на заслуженный отдых, а пока вы проведут спецпроверку, оформят приказ и найдут общежитие.

Настроение было приподнятое. Быть ему опером! Только вот надо поработать несколько лет на участке, поступить на учебу и благоприлично долбить управление кадров на случай вакансии.

Перекаптовавшись одну ночь в помещении опорного пункта, уже на другой день Роман был устроен в общежитие мяскокомбината. Дело это отметил скромно с участковым с опорного пункта, чисто символически, как начало ментовской жизни.

Начальник службы участковых инспекторов Летуновский Николай, тоже еще не старый капитан, был рассудительным и внимательным во всем. Все любил проверять досконально, хотя панирчивым назвать нельзя. Он сам всего семь лет назад вернулся из службы во Вьетнаме в качестве советника. Скорее он выполнял роль инструктора по ракегам «Земля-Воздух». В том, что вьетнамцы за короткий срок раздолбали столько самолетов американцев, есть и его заслуга. Иногда казалось, что он увалень и не расторопен. Но так казалось только в течение небольшого промежутка времени. Очень скоро всем становилось ясно, что это было проявление основательности и небольшой солидности, чтобы выделяться среди тех, кто являлись чуть ли не ровесниками, но находились у него в подчинении. Того требовала субординация, но по истечении времени он сам начинал обращаться ко всем почти по-дружески, хотя панибратства не допускал. Ребята и сами этого не допустили бы.

Как-то во время дружеского разговора в курилке, Роман решил спросить его о службе в армии.

- Товарищ капитан а во Вьетнаме были погери среди контингента Советских войск?

Спросил и тут же подумал, что возможно это военная тайна, о неразглашении которой тот давал подписку. «Чего это я как папан какой подумал он.

- Ну что ты, Рома Во-первых, контингента Советских войск там не было, а были советники и инструкторы. Не так уж много нас было, а к тому же перед каждой бомбежкой американцы сбрасывали листовки, где с ошибками, но на русском языке было написано: «Русские люци уходите, бутем бамбит». В состоянии войны мы с ними не находились, а потому никаких скандалов им тоже не хотелось. Они бомбили и обстреливали укрепления и скопления техники вьетнамцев. А вообще Рома, потери бывают везде. И даже в гражданских объектах. А у нас - Армия. Тут служат люди военные, которые имеют дело с оружием, а от несчастных случаев, да и что греха таить, даже от головотяпства никто не застрахован.

Говорил он непринужденно, как о чем-то обыденном. А вот при чтении документов, которые нужно подписать, был таким внимательным, что об этом знали все службы отдела. Роман сам столько раз переписывал свои постановления, протоколы и ответы в различные адреса, что порой начинал упрекать начальника в несправедливости. Редко проскакивало с первого захода, чтобы Летуновский ставил под этими документами свою подпись. Так он учил своих «архаровцев» грамотности при составлении официальных документов. Указывая на неточности и перечеркивая документ, он только улыбался: «А вот уйдл на другую службу, мне за вас стыдно не будет».

Старший участковый Кабалин Толя, у которого стажировался Роман, тоже оказался именно тем, кем был нужен. Со стороны нельзя было определить, какая из двух черт у него более развита: умение натаскивать или терпение к чужой тупости. Он мог разяснить день за днем одно и то же, пока тот не уяснит все окончательно и бесповоротно. И делал он это также с улыбкой, будто испытывал удовольствие. Другой бы давно возопил «Ну, зачем мне прислали такого тупорылого!», а этот улыбается да учит, учит да улыбается. Одним словом, везло Роману на хороших людей. Видно было, что они из него сделают участкового. Толк будет. Работники спецкомендатуры, с которыми он познакомился еще во время увольнительной в армии, при встрече в райотделе уже здоровались как со своим и называли не иначе, как урядником. С их

И руки, это прозвище так и прикрепило к нему. Урядник. К тому же стажировки Роман уже оформился как участковый. его уже считали в пример тем, кто проработал десять и более лет. Правда, он был «на ходу подметки», поскольку был молод и имел перед собой много работы. Молодые люди, получив свой участок, старались пробиваться дальше, а пожилые работники, получив свои участки, спокойно ждали пенсию, строили дома, дачи и покупали транспорт. Все были заняты полезным для себя делом и давно принятым всеми делом. Так было, так есть и так будет.

Со временем к Роману стали обращаться за советом «Урядник, подскажи, как лучше сделать», или «Слушай, Урядник, как ты считаешь, если...». Одним словом он рос и даже был в числе лучших работников района удостоен права подписать рапорт ленинского комсомола на двадцать пятому съезду КПСС, после чего был запечатлен у входа на обратном знамени района с героями Советского Союза и Союзтруда. В общем, можно сказать, был неплохой, пока не подставили подножку.

Обыкновенное бытовое убийство на почве неприязни вышло за рамки закона. На его участке мужчина застрелил соседа и неизвестно почему Рома получил за это выговор. Ружье «Белка», которым совершено преступление даже не было зарегистрировано у инспектора районной системы, а значит, участковый не знал и не обязан был проверять его хранение или поведение владельца. Но это никого не интересовало. Роман пытался пожаловаться Лесунцовскому, но тот отмахнулся от него на место:

- Знаешь, Урядник, у нас в ментяре действует давно отработанная система — есть труп, значит нужно докладывать наверх с указанием, кто за это наказан. Из УВД области об этом будут докладывать уже в Москву. Возможно, что в Министерстве и не обратили бы внимание, но наши всегда перестраховываются со временем. Мама, что там не скажешь. А вдруг да решат: «Что там у них в Свердловске делается. Труп пропал, а виновных нет. Хорошо устроились!». А вообще-то не надо расстраиваться. Система у нас дурная, но люди нормальные. Выговор объявили, а в личное дело он может и не попасть. Тоже ничего. Зачем мараить жизнь за то, что не совершил, и никакой вины нет».

Романа это не успокоило, он никак не мог забыть случившееся. Другое, конечно, давно забыли, но он все представлял, как он придёт в райотдел с рапортом о переводе в угрозыск, а там ему: «И куда это мы собирались с выговором, а?». Откуда ему знать, что перевод могли отменить уже сегодня, но в другой райотдел, поскольку здесь пока нет вакансий. Правда, он и сам не хотел бы уходить. Здесь кругом свои,

район известен до мелочей, и даже злодеи тут роднее, чем у них. Он дождется своего часа.

Как-то после оперативного совещания они с Летуновским вышли покурить, который поделился, что переводится в городское Управление на более высокую должность. Было жаль, что его с ними не будет, но в то же время за него можно было порадоваться. Николай, они давно перешли на «ты», мог управлять более солидным коллективом, чем районная участковая служба. Монотонность без новшеств приглушает и ведет к деградации. По крайней мере, так думал наш Урядник. Потихоньку настроение у обоих пришло в норму, и они стали вспоминать армейскую службу. У мужчин разговор на эту тему возникает часто, а для некоторых «вот у нас в роге был случай...» остается на всю жизнь и возникает каждый раз, сразу после четвертой рюмки. Роман поинтересовался, как обстояло дело во Вьетнаме с увольнительными и вообще насчет женского пола, а после смеялся долго и до слез от услышанного. История была рассказана такая. Однажды Николай со своим другом гуляли по вьетнамскому городку в какой-то Советский праздник. Праздник был не особо такой, чтобы об этом знали вьетнамцы или американцы, но командование решило отметить. На душе так же ощущалось небольшое праздничное настроение. Друг Николая, когда дошли до девушки, стоящей возле скамейки у сквера, похлопал её по мягкому месту и помахал ручкой. Жест, собственно, был безобидный, как полагал сам этот друг; однако последствия оказались непредсказуемыми. Вьетнамская девушка с небольшой, но выразительной попой, каким-то образом быстро успела передать о случившемся своим приятелям. Ругаться, а тем более драться с советскими друзьями те не собирались. И все же такое «внимание» у них, видимо, считалось чем-то очень оскорбительным, и наши друзья очень скоро поняли, как выражается вьетнамское «неодобрение». С удивительной точностью, через каждые семь секунд к ним на велосипеде подкатывал молодой человек, плевал приветливому другу Николаю в лицо и катил дальше. И подъезжало велосипедистов не менее шести человек. Вот таким образом, наверное, любвеобильный инструктор из СССР в один миг почувствовал себя оплеванным в полном смысле этого слова.

Когда решили покурить по второй сигарете, чтобы потом идти заниматься делами, лицо у Николая сделалось суровым и задумчивым. Таким он бывал редко.

- Рома, я там подписал тебе одну бумагу. Ты сначала ознакомься как следует, но прошу тебя, не бросайся исполнять сразу. Обговорим

— Ты меня пугаешь, Коля, — Роман был заинтригован, — что ты такое откопал?

И действительно, такое настроение у Летуновского бывало редко. Обычно задание из других отделов, городов или республик, хотя они были и раньше, но такой реакции не наблюдалось.

— Дело надзорное. Увидишь.

Но и поднадзорных у Романа бывало не мало. Они и сейчас есть. Особенно опасные рецидивисты; не ставшие на путь исправления за время отбывших от звонка до звонка: лица из их числа, систематически нарушающие порядок уже на воле сразу после освобождения. Именно они «делали погоду», а поэтому за ними был особый контроль. Нет. Тут дело не то. Не зря Коля смолчал об этом в курилке, наверное, хотел поговорить в спокойной обстановке, обстоятельно и не спеша. Роман появился в комнате участковых.

— Привет, Урядник. Ты что такой смурной? Бежишь и не видишь никого, аж губы сжал до синевы. Ты что, г... в рот набрали вылезать к тебе? — у Околоточного шутки всегда плоские и несобуданные. На всякий случай у него есть такого рода прибаутки, которыми пользуется при входе и налево, вернее сначала лицезрет, а после подумает — го ли он попал. Околоточным его прозвали не потому, что он чем-то особо выделялся. Просто патрульно-постовую службу стали сокращать и он одним из молодых милиционеров остался на единственном оставшемся посту — возле трамвайного круга, у последней станочки. Звали его Андреем, служит давно и исправно. Высокый, плотный и круглолицый, и ему шло звание старшины. В другом званні бы не смотрелся.

Подписанным Роману документом оказался судебный приговор с сопроводительным письмом, который он видел множество. Однако с первых строк лицо его сделалось таким же, как у Коли. К тому же его взгляд, бессмысленно направленном к противоположной стене, выступала какая-то отрешенность и беспомощность. Его вдруг опалато культурой страны и людей, среди которых он просто не мог быть. Такого непосредственного контакта с историей он ранее не испытывал, а тем более со страницей военного времени. Он прервался и решил покурить сначала еще раз. Коли в курилке не было, а о чем говорили другие сотрудники слышал плохо и, насlech затаившись несколько раз, пошел обратно.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

Гуманюк Богдан Леонидович, 1909 года рождения, родился в Днепропетровской области, украинец, образование 6 классов, беспартийный, перешел на сторону врага из лагеря для военнопленных оберлейтенант зондеркоманды СС, участвовал в карательных операциях на территории Могилевской области в течение 1942-1943 годов. Отступал с немцами, был ранен и, войдя в доверие населению, попал к партизанам на территории Белоруссии, где снова был ранен, вывезен на большую Землю, ампутация ноги, комиссован...

Согласно описательной части приговора, Гуманюк командовал «украинским взводом», участвовал в расстрелах жителей нескольких деревень, награжден медалью Рейха. Не надо быть особо догадливым чтобы понять недостаточность доказательного материала всех его злодеяний, поскольку возмездие настигло его только через четырнадцать лет после войны. Случайно был опознан в Сибири, в городе Прокопьевске Кемеровской области. Проживал недалеко отсюда в деревне, с женщиной в незарегистрированном браке, детей нет. Какую только работу не пришлось проделать доблестным органам! В приговоре этого, естественно, не видно, но установлен даже свидетель, который был доставлен сам из мест лишения свободы. Бывшего своего командира он разоблачает в судебном следствии с особым усердием:

- Деревню тогда оцепили наши с эсэсовцами, а по домам ходили прибывшие на двух бронетранспортерах солдаты СД. К ним выделили одно отделение из нашего взвода. Мы с Гуманюком и еще трое полицейев легли с двух сторон дороги, ведущей в сторону тракта, проходящей за опушкой леса. Гуманюк был полупьян, от него разило самогоном, и он старался не показываться немецким офицерам, а потому держался возле нас. Я и Щербак Степан с пулеметом устроились возле небольшого бугра, откуда хорошо просматривалась дорога. Слева, так же с пулеметом, устроились еще двое: первый и второй номер. Через некоторое время послышались стрельба, крики и плач жителей. Мы знали, что их расстреливали. Нам было разъяснено, что жители деревни помогают партизанам, хотя никто в это особо не верил. А возможно, что действительно помогали. Мы этого не могли знать. Когда на дорогу из деревни выбежали две женщины с ребенком, я отказался стрелять и стал пулять над их головами, но Гуманюк оттолкнул меня, лег за пулемет сам и расстрелял их.

Сам подсудимый не отрицает, что такой эпизод был, но упорно повгоряет одно: в женщин стреляли из другого пулемета, лежащие слева от них полицейя. Сам он не убивал и так же старался не попасть в бегущих, а стрелял - чтобы немцы их самих не расстреляли за саботаж. Однако

же свидетель помнит еще один случай, когда Гуманюк выстрелом в мор убил старуху, которая отказалась выйти из дома, когда жителей с другой деревни сгоняли в большой сарай в виде конюшни, чтобы выжечь. Этот эпизод он не отрицает – «выполняя команду, заставили».

В своем последнем слове предатель и изменник Гуманюк просит себе гуманное отношение. Он попал к немцам не по своей воле, а просто хотел жить. Тогда в лагере для военнопленных его сразу определили в тифозный барак, где пленные мерли, как мухи. Немцы там ничего не давали, был страшный холод, а к тифозным заглядывали только, чтобы пристрелить тех, кто уже был не жилец. У него всего лишь побегал инстинкт самосохранения. В плен попал с контузией, когда бомбили их эшелон, оказывать сопротивление был не в силах...

Свидетелей, как он попал в плен, нет, и он мог говорить что угодно. Презумпция невиновности распространяется даже на таких. Возможно, что он и вовсе не попал в барак, а перебежал с поднятыми руками через линию фронта. Кто его знает? А, возможно, что и не врёт, но что был там ни было, идти к нему очень не хотелось. Можно, конечно, после и не ходить, но один раз Роман просто обязан побывать там. Но как же все-таки не хотелось. Но Коля этого тоже требует:

- Ты должен его посетить, а он должен знать, что Урядник рядом и страна наша живет назло всем злодеяниям таких предателей. Только не выдумай, Урядник, пускаться в нравочения. Не марай себя

Роману даже стало немного обидно.

- Да на кой мне надо его воспитывать! Что я, совсем опозоумел? Даже не вооружусь, чтобы не пристрелить!

Стрелять бы он, конечно, не стал, но несколько дней ходил сам не свой. У него действительно появилась какая-то уверенность, что обязательно замарается только тем, что будет говорить с этим полицаем, который, пытаясь самогонным угаром, ловил на прицел женщин и детей. Многие хотели только одного – не быть заживо сожженными. Козлина!

Гуманюк жил на четвертом этаже пятиэтажного дома улицы Шипустина с младшей сестрой, которая была вывезена на Урал в годы войны. Она выбилась из сил, отыскивая родственников, и, обнаружив брата-предателя в лагере, уже не могла отказаться. Столько у неё ушло трудов, чтобы найти хотя бы одну родную душу! Все же брат.

Брат, уже в прогезе, встречал Романа на кухне, смоля «Беломор» на табуретке у открытой форточки. Ничего от полиция у него не просматривается, но морда слащаво-угодливая. Он готов поговорить по душам. Возможно, так же все давно уже разложил по полочкам: что говорить и каких струн касаться. Ох, как он жалеет все, что уготовила

ему судьба, как он долго мечтал попасть снова на волю. Он ведь за все уже отмаялся, наказан сполна и очень просит, чтобы гражданин начальник не распространялся о его «ошибках» соседям. Если соседи узнают, то жигья не будет.

Романа передернуло от слова «ошибки». За одно это стоило бы рассказать всем, кто живет рядом. Создать такие условия, чтобы ни в минуту ему не давали возможности забыть, кем он является! Чтобы земля под ногами горела, но жаль. Нельзя. Его счастье, что успел побывать в партизанах и поработать почти десять лет лесничим. Если бы поймали сразу, то за эти «ошибки» он бы отделался легко, заполучил свои девять граммов, а не «маялся» в лагерях, где его приходилось кормить и охранять. Неужто не снятся этому ублюдку заживо сожженные и расстрелянные им лично? «Быстрее на улицу, - рассуждал Роман, - и больше ни ногой!»

Там он действительно более не появлялся. Случай этот вскоре позабылся, утонул в бездне других дел, умножающихся с каждым днем требующих скорейшего их разрешения, но все же нет-нет напоминал о себе в минуты одинокого досуга, да и Роман после этого случая незаметно для себя как-то повзрослел на несколько лет. Он - сын ветерана войны, перенесшего ранение и контузию, не мог спокойно относиться и переносить такое. Нет. Он не должен был быть причастным ко всему этому. Такое не умещалось в голове. Однако ж это случилось, что он таким вот боком коснулся трагедии тех огненных лет, которые должен был знать только по кинофильмам и художественной литературе. У него даже на переносице обозначились две вертикальных морщины, которых ранее не было. Однако жизнь продолжалась и, как принято говорить, диктовала...

Учиться Роман поступил только через два года, не смог с первого раза одолеть конкурсные баллы. Инспектором угрозыска так же не стал. был назначен старшим участковым инспектором, а через год - начальником службы участковых инспекторов. Уже нужно было отвечать не только за себя, но и за других, кто в подчинении. Втянулся в новую должность легко, пытаясь походить на Колю Летуновского Романгика так же малость притупилась. Для всего райотдела он так и остался - Урядником.

СУД ИСТОРИИ

Вторая гвардейская армия генерала Малиновского спешно двинулась по степям и малочисленным населенным пунктам, преодолевая ни на какие трудности. Бойцы устали, но речи об отдыхе и еде не могло. Вся армия, как лавина, шла прямым ходом, проходя в том же марше до пятидесяти километров за сутки. Вопрос стоял: быть или не быть!

В эти декабрьские холодные дни под Сталинградом было жарко. Шестая армия Паулюса с остатками четвертой танковой армии оказалась в окружении. Это было доселе невиданным позором для Германии, которая привыкла брать целые государства как по мановению волшебной палочки, как говорил Цезарь «пришел, увидел, победил». Судьба была как злой рок, и все командование Вермахта было в шоке. Гитлер передавал по радио специально для Паулюса, что он сделает всё для снабжения и деблокирования». Однако советские войска не только сжимали кольцо, но и увеличивали ширину диаметра кольца, продвигаясь дальше на Запад. Вся надежда гитлеровцев теперь была на вновь подготовленную операцию «Зимняя гроза». Со стороны Ботельникова, на помощь к Паулюсу, двигалось войско генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Численность немцев перевесила советские войска сдерживания кольца в несколько раз. Они подтянули немецкие части из-под Воронежа, Орла, с Кавказа и Польши. Операция была подготовлена неплохая, и немцы верили в успех. Такая была уверенность. Генерал-полковник Паулюс так же выдвигал танковые части со стороны внутреннего диаметра кольца и через тридцать километров в район станции Тундутова они должны встретиться с Манштейном и выдвинуть всю армию, выгавив её из котла. Тридцать километров было рассчитано по расходу топлива танков Паулюса, поскольку возможность другого сценария даже не допускалась.

Сценарий советского командования был немного другой, где именно 2-ая армия Малиновского выступала главным действующим лицом. Против фельдмаршала Манштейна, названного гитлеровцам и «человек ледяного спокойствия», пока противостояли только бойцы 51-ой армии генерала Труфанова. Когда подошли силы второй гвардейской армии Малиновского, Манштейн потерял в боях более сотни орудий и ста пятидесяти танков. 24 декабря с новыми силами враг был разгромлен окончательно. Радион Яковлевич Малиновский

находился в этот день на КП армии. Приняв последний доклад, он как то просто и устало заметил:

- Ну что же, товарищи, задача нами выполнена и враг сломлен. Теперь наша очередь наступать.

Через пять дней, то есть 29 декабря 1942 года, фашисты были выбиты из Котельникова и отступали дальше.

Штабной полковой переводчик Муратов, которого при себе держали по настоянию командира 65-й армии Донского фронта Багоян П.И., прибыл в НП одной из дивизий для получения нового приказа. О чем будет приказ и где он может оказаться уже к сегодняшнему вечеру знать он не мог и даже не представлял. В последнее время младшего лейтенанта Муратова использовали лишь в конкретных и особых случаях. Для допросов и составления переводов трофейных немецких документов имелись и другие переводчики. Последнее, чем он занимался, было составлением короткой и многообещающей листовки, которые разбрасывались над позициями фашистов. Вернее составлением самой листовки занимались политработники, а Муратов проверял только их правильность, и доходчивость в смысле изложения. Сами листовки напечатали на разноцветных бумагах. На бумагах красного, синего, желтого и зеленого цветов на головы немцев сыпались листовки от имени «Советского командования», обещающие, в случае сдачи в плен, сохранить им жизнь, кормить, а после войны отпустить на родину.

Муратова Юлдаша, сына известного преподавателя Казанского университета, после окончания учебы ждала замечательная карьера, которая должна была начинаться за стенами посольства Германии. То, что ему придется выполнять почти ту же работу в окопных условиях, никто и предположить не мог. Теперь ему предстояло идти под белым флагом к самому логову немцев в Сталинграде и передать почти полное содержание той же самой листовки, но уже составленную лично для самого Паулюса от имени Ставки Главкомандующего. Советскому командованию нужно было во что бы то ни стало убрать эту кость, застрявшую в горле, которая держала возле себя целых семь армий, как необходимых для развития наступательных операции дальше. Гитлер в свою очередь так же понимал важность выиграть время, пока он предпримет новый поход против большевиков, но уже в другом месте. То, что операция «Зимняя гроза» провалена полностью, сомневаться не приходилось. Кроме того, ему донесли об уничтожении почти всей авиации Паулюса на аэродромах и эшелонах в районе станицы Тагинская. Множество самолетов, стоящих под охраной, готовых бить

радных на подступах к Сталинграду, ослабить нагнет колесца, бомбить
силу и технику советских войск, были уничтожены в одну ночь
известно откуда появившимся танковым корпусом красных. Станцла
далеко от советских дивизий и в расположении своих войск.
никто не мог ожидать такого глубокого танкового рейда. Танкисты
командованием генерала Баданова Василия Михайловича прошили
врага и рано утром выскочив, как призрак из тумана, уничтожили
авиабомб, горючего и более трехсот самолетов. Танки, как
кавалеры, неслись свободно по вражеским аэродромам и
станциям с эшелонами техники, описывая дуги, и поджигали
самолеты один за другим, свободно пользуясь своей отвагой.
Очумелые от такой смелости, граничащей с безумием, немцы ничего
не могли поделать. По всем правилам такого расположения на этом
танкисты и сами были обречены на окружение и уничтожение,
поскольку действовали по принципу «аггегит приходит во время еды»
врага, уже не думая о последствиях. Однако успех часто бывает
на стороне отважных. В результате корпус, блестяще выполнив
поставленную задачу, протаранил позиции врага, и выскочил к своим с
минимальными потерями. Теперь воздушное пространство над всей
шестой армией полностью и безраздельно принадлежало советским
войскам. Бывшему своему любимчику Паулюсу Гитлер ничем помочь
не сможет. Теперь и с других фронтов воздушная помощь обречена и
самолеты будут уничтожены на подступах к Сталинграду. Последнее,
что он сделал для своего генерала это то, что повысил того в звании.
Ему очень хотелось верить, что Паулюс (теперь уже генерал-
фельдмаршал) покажет всему миру, как умирают герои Рейха. Только
новоявленный фельдмаршал стреляться не собирается. Он так же не
думал о спасении большого количества бойцов. Но он очень хотел
спастись сам.

Последний доклад фюреру они составили с адъютантом Адамом,
который был в курсе всех дел и открыто высказывал свое мнение о
невозможности дальнейшего сопротивления. В подвале универсама,
где они организовали последний свой штаб, в одной из комнат работали
радисты и переводчики. Но передать, просто ставя Гитлера в
известность, о своей капитуляции прозвучало бы все о личной
инициативной снасти свою жизнь. Он понимал, что это должно звучать
как исторический документ, составленный в интересах погибавших
вря солдат, но от имени фельдмаршала, который никак не сложился, а
просто способен признать поражение. В этом Адам мог многое
подсказать. Например, то, что теперь солдаты мей неку уменьшен со ста

граммов хлеба в сутки до пятидесяти, именно Адам просил убрать из текста. Умалчивался, конечно, и тот факт, что съедены восемь тысяч лошадей румынской кавалерийской дивизии.

- Указывать все наши беды не следует, дабы доклад не походил на жалобу ефрейтора, - советовал Адам, улыбаясь на слове «ефрейтор». – Он должен быть кратким по-военному и содержать только то, что является фактором для капитуляции любому полководцу.

Слово «полководец» Паулюсу нравилось, он знал, что, несомненно, одним из них он является. Теперь у него было много времени обдумать свое поражение и будущее поражение всей Германии. Он подвергал к критике все планы Гитлера и даже время его нападения на Советский Союз. У фюрера была возможность остановиться после многих побед и перевести уже новую Германию на новые рельсы войны, но сначала заручившись поддержкой правительств Англии и Америки. Вместо этого фюрер стал преувеличивать роль астрологов и свою непобедимость. Начинать войну против обеих систем не следовало. Бомбить Англию и объявлять себя борцом с коммунистической заразой – это полный бред. Нужно было сначала разбить эту заразу вместе с Англией и Америкой, а уже после победы над советами поколотить самих союзников. Однако ефрейтор всегда останется ефрейтором, хотя такой гибкости нашлось бы и у него, если бы не поддержка некоторых самодовольных генералов. В своей значимости он не сомневался.

Доклад начинался со ссылкой на донесение всего своего генералитета, как командиров боевых единиц. Пусть фюрер видит, что это общее мнение высшего состава, а не одного Паулюса. Катастрофа им была изложена действительно кратко, как и любое военное донесение. Они с Адамом, даже лучше владеющим обстановкой, чем сам Паулюс, перечислили, что дивизии, ранее числящиеся под номерами 44, 76, 100, 305 и 384, полностью уничтожены и больше не существуют, что нет даже перевязочного материала более чем для 15-ти тысяч раненных, что управлять действиями армии из-за отсутствия связи практически невозможно. В конце донесения Паулюс просил разрешение на немедленную капитуляцию.

Ответ Гитлера был так же коротким и конкретным: «Капитуляцию запрещаю! Армии удерживать позиции до последнего солдата и последнего патрона!». Никаких слов поддержки или обещаний какой-либо помощи уже не было. Правда, Паулюс и не ждал никаких обещаний, но теперь был уверен, что история вернет ему его настоящее имя: он сражался до последнего и был пленён, как и многие полководцы в военное время.

Единственно чего не хотел – это идти самому под белым флагом. Это было бы не очень красивым фактом для будущей истории. Именно Адам нашел, как помочь ему избежать «суда истории». Они на самом деле не считали своего командира и тоже не жогел такой участи. Отношения у них были дружескими, и он, в отсутствие других, обращался к командиру по имени – Фридрих. Кроме того, их к последующим действиям подтолкнуло выступление по радио доктора Геббельса от 30 января, где рядом с его криками об оружии возмездия и о «доблестной германской армии», ни слова о шестой армии и о самом Паулюсе не прозвучало. Его уже как бы не существовало, а если нет командарма, то значил и адъютанта нет. Такая история Фридриха фон Паулюса не могла устроитъ, он считал себя личностью исторической, а в данном случае чуть ли не Наполеоном на острове Святой Елены. Драматичная судьба прославленного военнотого бы устроила. А тут его все забыли и теперь даже капитуляция шестой армии будет выглядеть его личным позором, как подписание без согласия на то фюрера.

Здрит не без полсказки Адама, фельдмаршалу стало плохо и он разделил остатки армии на две группы: Северную и Южную. Это внезапное озарение адъютанта спасло его положение. Приказом фельдмаршала командование Северной группой было передано генералу Штреккеру, а Южная группа отошла под командование генерала Росске. С собой он полностью командующего армисложил. Теперь можно было отдать себя в плен, будучи достигнутым капитуляцией своих генералов.

С Муратовым на вражеские позиции отправляли хорошего политработника Замятина Алексея Ильича, исполнявшего в последнее время должность замполита дивизии. На новом месте он только начинал привыкаться, но к приказу отнесся серьезно и обиденно, будто все время тем и занимался, что любил похаживать в гости к немецким фельдмаршалам.

- Алексей Ильич, ты случайно не знаком с ним? Уж больно ты спокоен, как погляжу, – шутит начальник дивизии, – Главное то, что ты ознакомлен со всем, что вокруг котла творится. Паулюс навряд ли владеет какой информацией. И, прошу тебя напоследок, Алексей Ильич, не проси и не дай бог умолять ему сдаться на милость победителю. Ты будешь представлять все вооруженные силы и говорить от имени С... Ставки, – проговорил он, – а потому говори там спокойно и уверенно. Олерируй цифрами, километрами, которые его отделяют от основных сил, а в конце напомни, что мы предлагаем им сдаться, и ты готов передать нам его желание.

- Если, конечно, ты к нему попадешь, - уточнил стоящий рядом офицер. - Но говори каждому, кто встретит, что намерен говорить только с ним самим. И, пожалуйста, берегите себя, действуйте по обстановке. Агония, она тоже у всех по-всякому может проявляться.

Если Муратова с Замятиным немцы сопровождали с завязанными глазами, то о местонахождении штаба 6-й армии стало известно и в 38-й бригаде Бурманова, который узнал об этом у плененного им румынского генерала.

- Это большое здание за красивой площадью вот в этом районе, - сказал генерал и ткнул на отметку, где значился площадь Павших бойцов.

Уже через некоторое время полковник Бурманов, заручившись своим начальством окружил после артподготовки здание универмага.

К Муратову с Замятиным вышел немецкий офицер, который молча и не перебивая, выслушал весь рассказ и предложение сдаться, ушел обратно через проем видимо оторванной от взрыва двери, не обращая внимания на слова о необходимости передать все лично командующему фон Паулюсу. С ними остались те два солдата, которые сопровождали их до подвала здания.

Вышел офицер минут через двадцать и сообщил, что есть приказ об уничтожении всех парламентариев, а потому сообщил, что они могут покурить перед расстрелом.

- Спроси у него, на каком основании издан такой приказ и как такое будет оценено международным правом, - проговорил Замятин засохшими губами.

- Вы, русские, очень не герпсливый народ и вы уже не первые, кто приходит с подобной просьбой. Мы еще вполне готовы драться, а нынешнее наше положение всего лишь видимость поражения. Это дело случая, или ошибки кое-каких военачальников, как вам это будет угодно. При некоторых обстоятельствах мы уже в прошлом году могли войти в Москву и стояли бы сейчас где-нибудь на Урале, - не совсем уверенно произнес офицер. - Вся западная Европа стоит перед нами вытянувшись, а чем вы лучше? Сверхчеловеки? Но их не бывает.

- Да нам вообще-то примерно известны все ваши факторы, которые вы приведете в оправдание вашего поражения. - говорил Замятин, улыбаясь. - и первый из них - это русская зима. Я ведь угадал? А расстрел парламентариев - это штука чисто ваша, эсэсовская. Солдаты ваши давно ждут приказа о капитуляции.

Фашист выслушал перевод из уст Муратова и показушно расхохотался, достал из кармана платочек, и, вытирая уголки губ, заговорил веселым голосом, смотря на Замятина с хитринками в глазах.

- Он говорит, что если нас расстреляют, то будет жалеть такого оптимиста, как вы. - переводил Мурагов слова фашиста, - Еще он хочет вспомнить, что стояли под Москвой, а потому может случиться так же и с нами, когда они, возможно, допустят нас до Берлина, а после погонят обратно, по уже до Сибири. Кроме того, он возлагает надежды на какое-то орудие возмездия, которое, якобы, все поставит на свои места. Немец говорит еще, что очень ему нас с вами жаль, что придется расстрелять.

- Спасибо, - нашел в себе силы ответить Замятин, и поклонился с улыбкой, - Благодарствуйте.

Вскоре подали непонятной бурды, скорее всего шнапса, который им обоним не понравился. «Могли бы чего получше найти, коль все равно расстрелять обещают. Однако не особенно в себе уверенные, хотя и смеются и улыбаются. - думал Мурагов. - Дела-а.

И мне почему-то не так их боязно, хотя расстрелять обещают. Видать, мы, обе стороны, чувствуем, что к чему. По сути, в плену находясь скорее они, чем - мы. А расстрелять, наверно, расстреляют. Немцы порядок любят и приказы выполняют. Гду по как-то, хоть бы кого успеть убить в этой войне. Хотя бы одного франца, хотя как не-то они человекоподобные и жалко их».

- Что скажешь, «солышевляжкий переводчик ты человек изрочной профессии и тяжело быть солдатом?» - спросил Мурагова немец.

- Да вас жалко стало, господин генерал, - вдруг неожиданно для себя ответил Юлдаш, подражая их наречию и непринужденно, чем сильно удивил всех фашистов. Он уже понял, что отсюда не выпустят. - Вот вы - военная кость, а ведь, наверно, не приходилось видеть, как советский солдат может закрыть своим телом амбразуру ДОТа, чтобы дать возможность товарищам продолжать атаку?

Фашист видел, что его не бояться, был задан, по вопросу на самом деле не сразу понял. Ему и действительно было непонятен смысл такого поступка. Накрыть своим телом амбразуру? Но ведь они устанавливаются не в коридорах, их всегда можно обойти, забросить гранатами, ударить по ним артиллерией или даже разбомбить с воздуха. «Русский фанатизм тут не причем, - думал немец - совершать такие действия этих солдат могут заставить только комиссары, в ком нет ничего человеческого. Уже одним этим, что заражены коммунистической целью комиссаров, они ползгают на медленном уничтожении».

- Мне жаль, что комиссары заставляют нас совершать такие необдуманные и негуманные поступки. Очень жаль, поверьте.

- Перестаньте. Юлдаш, - впервые Замятин назвал Мурагова по

имени,- только зря сведете с ума фашиста. Разве же он поймет какое Он же оккупант.

- Жаль, что я не увижу, как он умирать будет, «герой» этот,- сказал в ответ Муратов уже подталкиваемый шмайссером в сторону полутемного коридора подвального помещения.

Уже сдаваясь генерал-майору Лескину в присутствии других офицеров Донского фронта, начальник штаба Шмидт подтвердил, что фельдмаршал Паулюс не может что-либо подписать сам, поскольку не здоров и сложил с себя полномочия. Эта такая грязная негероическая задача была выполнена другими. Однако быть пленником номер один Паулюсу импонировало. Он чувствовал себя как перед кинокамерой и совершал только обдуманное и рассчитанное движение, запечатленное на лице вид усталого, но гордого полководца. Правда, Наполеоновская осанка ему, долговязому и худому с дергающимся глазом, была не к лицу. И все же он оправил к представителям со своего захлащенного «кабинета» Адама передать, что приводит себя в порядок и через 20 минут выйдет к русским. Последний его «героической» выходкой истинного арийца было то, что он шел к автомашине и ему предлагали спасти сотни тысяч немецких солдат и дать команду сдать по примеру его штаба. Чувствуя, что этот его жест обязательно станет достоянием истории, он артистично привстал и проговорил:

- Я являюсь пленником, и командовать войсками не имею права.

Конечно же, ИСТОРИЯ, как категория независимая от всяких идеологий и тем более дурных пристрастий перевела его слова иначе: Что мне жизни каких-то сотни и сотни тысяч жизни простых немцев, если я хочу остаться для истории великим полководцем.

К тому же это было не последним его появлением перед кинокамерами.

В последний раз его запомнили на Нюрнбергском процессе, дающим показания, как одного из военных преступников, всей душой желающим быть хорошим свидетелем по делу, только бы не болтаться на виселице рядом со вчерашними своими поделщиками.

Тела Муратова и Замятина были опознаны в подвальном помещении и преданы земле под винтовочный залп на Сталинградской земле. История это помнит. Там и по сей день цветы. А в праздники – Почетный караул.

КОНЕЦ СВЕТА

(декабрь 2012 года)

Сергей – когда к нему кто-то приходил, никогда навстречу не выидет, а уже привык, что его квартира давно превратилась в место встречи друзей-собутыльников. От этого он, как какой-нибудь приносодержатель, никакой выгоды не имеет. Его никто не поит, а даже наоборот частенько выходит так, что ему приходится охмелять оставшихся с утра больных друзей.

Тена на этот раз зашел к нему просто так, по случаю выходного дня, поскольку жена вечно ворчала и просто сидеть у телевизора и делать вид, что ничего не слышит, уже порядком надоело. У Серети было почти пусто. Сам он на кухне что-то варил, а в комнате, среди наполовину разобранных телевизоров, на единственном диване, спал Женя Самохвалов.

- Привет, Серега. Жена-то давно у тебя?

- Хочешь выпить? - отвечал ему Сергей вопросом на вопрос, - Женька-то? Он еще со вчерашнего. С бабой опять поругался. Надоели уже, блин.

Тена налил себе со стоящей на столе бутылки, выпил. На кухне был относительно порядок, а сам хозяин варил куриный суп в большой кастрюле.

- Заманати уже меня, эти Самохваловы. Напьются, блин, дома, а потом идут по одному сюда и разбираются. Будто я их напоил и перессорил. Мне уже тут надоело сидеть безвыходно, смотреть на них. Пойдем куда-нибудь, Тена. Только вот что предложить не знаю. Давай пошьем остатки водки, похаваем горяченького и уйдем, куда глаза глядят.

- С тобой, Серега, нельзя «куда глаза глядят». Они у тебя уже в разные стороны смотрят, как на перекрестке стоишь.

- А ты не умничай. О! Я, кажется, придумал. Давай пойдем к Юре Белонорову и баньку у него распоем, а? Как тебе мысль?

Сам он развелся с женой давно, оставил ей двухкомнатную квартиру, продал «Жигули» - копейку и купил себе эту однокомнатную на четвертом этаже. У него два паяна-двойняшки, которые часто захаживают. Глядя на Серету можно сказать с уверенностью, что он на дно не опустится. Сколько народу к нему ходило - многие спились, а он оставался таким же. Он всегда стоял на ногах, на кухне у него всегда

было что поесть и почти всегда – выпить. Он нигде не работал, но умудрялся иметь свой достаток. Когда-то давно бросил радиотехнический факультет в Москве, переехал сюда поближе к родным, и хотя семейная жизнь не состоялась, голова и руки были на месте и много кое-чего умели. Ремонтировал он не только теле- и радиоаппаратуру, но мог и автоэлектриком, сварным, а также умел много чего другого. Все были уверены, что после сокращения с завода, где он был наладчиком станков ЧПУ, сольется быстро, поскольку заказчиков уже находилось множество, и все пытались рассчитываться с «телемастером» кто водкой, кто самогоном, а кто и просто бражкой, проговаривая «пейте на здоровье, от дрожжей чирьев не будет». Чирьев и вправду не было, на том спасибо.

Жил Серега тихо и мирно, никогда на жизнь свою не жаловался, а когда намскали о его папанах, что не будут из тюрем вылезать, то только разводил руками и улыбался. Что внутри у него творилось, никого не интересовало. В первое время, сразу после развода с женой, пытался жить с одной из бывших заводских знакомых, но что-то не заладилось. После этого началось время, в течение которого в квартире побывало множество женщин, которых он называл не иначе, как «бабы», с которыми связывать себя и не собирался. Постепенно друзья также стали приводить «баб», но в нем всё-таки сидел стержень, иначе бы это был не Серега. Однажды, во время очередной выпивки с игрой в карты, он встал и заявил, что баб в этой квартире больше не будет.

- Здесь вам не публичный дом и никого больше водить не нужно, все равно выгоню на хрен. Всё постельное бельё я вывез на свалку, поменял на новое и обтрусил больше не дам. Все, мужики!

Несколько раз он действительно кое-кого выгнал, и хотя бельё вскоре исчезло за нежеланием всякий раз стирать и гладить, мебель вся была накрыта одними и теми же покрывалами непонятного серого цвета. Возле окна у него стоял телевизор, который работал без остановки круглосуточно, посреди комнаты единственный диван, а остальная площадь была заставлена различного рода телевизорами и радиоаппаратурой, хозяева которых приходили время от времени и забирали отремонтированные. Выпивали и играли в «бб» в основном на кухне, включив на всю громкость музыкальный центр с его коллекцией песен Высоцкого.

Серега разлил по тарелкам суп из куриного супового набора с крупными кусочками картошки и небольшим количеством ракушек. Кроме всего этого и лука он ничего больше не клал, а всегда получалось вкусно. Гена разлил остатки водки, и стол получился замечательный.

Из соседней комнаты был слышен веселый голос диктора о приближающемся конце света. Заявляли об этом сейчас все дикторы кому не лень, как о ничего не значащем событии, будто читали Указ Президента Путина

— Заявили уже с этим концом света, - проговорил Серега, выпившином почти подстакана водки, - с утра блин, и до вечера. Говорили таким же голосом месяца два назад, точно такие же слова повторяют каждый день, хотя по этому драному календарю осталось до конца света всего ничего. И главное, никак не пойму: то ли радуются они, то ли у него нервы кому треплют. А вдруг все это случится и на самом деле так тогда? Мой тезка Есенин говорил, что умирая не ново, как и жить, но он не радовался этому, не создавал такой, как сегодня, ажиотаж. Хотят хаос в стране создать или увеличить количество суицида и инновентов в психушках.

— Да, пошли они все, - буркнул Гена, - полный идиотизм телепрограмм. Раньше был один канал и несколько замечательных передач, которые мы все ждали, а теперь столько, блин, каналов и не одной стоящей программы. Одни эти ходят по подиумам, которые длинные и худые от всяких юдаствующих. Умира, блин, каких баб они считают эталонами. Идет такая цапля и слышен хруст газových костей. Фредди Крюгер бы импотентом стал, если был бы такой, не выпив хотя бы пару бутылок. Ха-ха. Лобок сощерешь до крошки и больше никакого эффекта.

— Ох, и любишь ты Гена выражаться и других оскорблять. Услышали бы они тебя, думаешь, слышно бы стало? Хрен! Эту всю чешую они называют уже империей, поскольку все поставлено на омнивейер, деньги к деньгам и уже никто не помнит, что все создано искусственно, к жизни нашей никакого отношения не имеет, но уже никто не прокричит, что король — голый. Этим Кутюрье (тьфу — слово какое) никогда ничего не сшить как моя тетя Маша из-под Тагила. Вот она сошьет — это да! А этим дали как-то сшить форму голидляментов, то ли для солдат и сразу стало понятно, что руки у них растут оттуда, откуда обычно ноги идут. И вправду не стоят они того, чтобы поворить даже что-то. Давай лучше возьмем себе выпить. После банкы все равно захочется.

Юра жил в частном секторе за спорткомплексом, имел свой дом и, что немаловажно, баньку. Друзей встретил у ворот внутри двора, где что-то мастерила из фанеры с лобзиком, но увидев их забросил свою заготовку куда-то под навес старого дома. Во дворе стояла старая его ки-бара, который служил временной ему и его подруге Милянке, которая

жила со своими детьми от первого брака в центре в своей квартире, но приходила к Юре на правах гостевой жены. Звали её как-то иначе, но Юра приучил, и она привыкла, что здесь её все так называют. Рядом так же во дворе, он строил другой добротный дом. Уже последний венец пристроен на место, а сначала лета собирался начать со стропил и закончить, разобрать хибару и поставить туда свои хоромы.

В хибарке было жарко натоплено, пахло жареной картошкой.

- Кажись, мы вовремя прибыли. Пахнет вкусно и хозяйки твоей не видно. Поди, еще и банька затоплена? - улыбался Серега, - это было бы неплохо.

- А вот тут, прости, не угадал. Ждать не ждал, но и не выгонош. хрен с вами, коль с бутылочкой пришли.

Мужики сети, налили выпить, и в это самое время что-то зашлепало под кроватью, и показалась голова гуся.

- Что это? - Гена даже соскочил от неожиданности, - Никак гусь.

- Гусыня, - подтвердил Юра, - видишь, погулять надумала, - Ну пойдем

Открыв дверь, он выпустил гусыню, которая осторожно спустилась с крыльца и пошла за угол дома.

- Подбери челюсть, - смеялся Юра, - там под кроватью у неё корзина с яйцами, которые высидивает. Вот погуляет малость и вернется. Время они знают четко, гнездо не застудят.

И вправду, через некоторое время, гусыня неуклюже поднялась на крыльцо и стала гоготать, прося, чтобы выпустили. Юра открыл двери, и она прошла под кровать, где долго приспосабливалась, устраниваясь поудобнее, и вскоре затихла.

- Во, блин, даёт. - удивлялся Гена, - я действительно впервые такое вижу. Думал, что они, как и курицы, где-нибудь в сарае да в летнее время. Однако...

- Ты бы видел, сколько их мой бывший тесть из Башкирии держал. Дом в три комнаты, прикинь. в каждой комнате по две кровати и под каждой – корзина. Вот и кумекай сколько получается, если в каждой семейке потом будет по пятнадцать-двадцать гусей. Быка держать не надо! Всю зиму с гусятиной живут. Приходите зимой, угощу, так уж и быть.

Мужики выпивали, вспоминали различные истории и уже, вроде, засобирались в картишки перед банькой перекинуться, как из телевизора послышались новые сообщения о конце света, Нострадамус, Ванга и все такое прочее.

- Да, блин, зае...мучили уже со своим концом света, -

Прогостовал Серега, - у себя пасмогрелся и наслушался, ан нет - ни глы. И у тебя то же самое.

- А ты случаем не приборзел, Серста? Пришел в баньке моёй попариться, а еще и требуешь, чтобы другое телевидение по заявкам рачилоало? - смеялся Юра. - Отошел за угол и хочешь попасть в другой мир?

- Нет, ну действительно достали уже с этим концом света.

Юравключил телевизор:

- А вот слушайте, мужики, какую притчу я вспомнил по этому поводу. Ужени не помню, от кого сам слышал, но как говорится - за что шунил. Одним словом, давненько было, что один молодой парень загулял с лесвой своей допоздна, а после еще и выпили, чтобы не будить своих, так же через окно в брошенный старый дом и уснул на голой сетке кровати. Дома кроме этой кровати и стола посредине помещения ничего и не было. Проснулся он ночью от какого-то предчувствия и не то услышат, не то почувствовал, что к дому со всех сторон неслышно подбираются непонятные существа. Вот они уже подошли к дверям и открывают их. Парень этот соскочил с испуга, накрыл стол единственной запялившейся шторой, накинутой на спинку кровати, а сам залез под стол. Сидит. Ждет. Вот он слышит, как к столу подбираются эти невидимые призраки, скрипят половицы, стали дзыгать неизвестно откуда взятые невидимые стулья. Было понятно, что расселись вокруг стола и начали свои неспешный разговор.

Первый голос: *Пора, братья мои, что-то предпринимать с людьми. Они забыли свое предназначение, погрязли в грехах и другой жизни уже не представляют. Моё мнение - настало время устроить потоп и все начинать с нового поколения, как и со времен Ноя. За это время и природа обновится, уж только они ее так палили. Дальше так продолжаться не может. Храмы превращены в танцевальные площадки и там шмь сатана вертит и шибит от всего целамудренного. Любость к ласбным себе несет лишь низменные чувства, без душевной основы. Она превращена в инстинкты. Люди уничтожают друг друга и, по сути, жизнь человеческую сама ни во что не ставяте, и стоить ли дорожить ею - мям?*

Второй голос: *Действительно так дальше продолжаться не может. Однако уничтожить все живое не хотелось бы. Я понимаю, повторять участь Содома и Гоморры тоже не получится. Теперь жь Земля - вертеп. Оттудаже не заметят исчезновение каких-то там двух городов. Однако мы и без того предвидим цивилизацию старли*

с лица Земли, но вновь созданные Адам с Евой и всё их стродье повторяет то же самое, они ничем не лучше тех. Нас Всевышнии учит ценить хотя бы ту толику добра, которую они все же совершили. Значит, что-то в них есть, и это что-то нужно попробовать поддержать, но напомнить при этом их настоящее место на этой Земле и предназначение.

Третий голос: *Ая, братья мои, предлагаю наслать на людей не искусственный мор, а войну. В любую эпоху, когда только не надумаешь проверить людей, населяющих Землю, они всегда живут на пределе. Войны у них идут всегда, но они привыкли говорить, что это «малые» или «незначительные» войны. Так говорят особенно те кто смотрит со стороны, когда отрывают головы не их детям и насилюют не их жен и матерей. Они очень легко относятся к чуждому горю. Им нужна снова мировая война, которая бы никого из них не оставила в стороне. Нужна такая война, которая бы унесла множество этих ничего не значащих для них жизней, и заставила бы задуматься. Если и после такой войны не задумаются, то остается одно – концы света. Мы семьдесят лет подождем, как они поведут себя после той войны, и если останутся такими же на Земле, сотворенной за семь дней, то будем считать, что не достойны более нашей милости.*

- Вот такая, мужики, притча. Мне рассказывали, я вспомнил, в поезде, когда ехали с Меланьей из Астрахани. Там у неё брат младший живет. Столько рыбы привез. Сейчас угощу.

- Да, подожди ты, Юра, со своей рыбой. Ты это к чему сейчас нагрузил нас? Какая связь всего этого с сегодняшним днем? Я тебя знаю, ты не из тех, кто зря брешет помелом своим, - проговорил Серега, - Хочешь сказать, что речь идет об этом обещанном конце света?

- Ну это ты сам решаешь. Только вот ещё что было сказано: весь этот случай, якобы, происходил с этим парнем, который под столом был в ночь на 22 июня 1941 года, а в прошлом году прошло семьдесят лет с начала этой войны. Ну, теперь понял, что к чему?

Гена, бедный, есть перестал и смотрел то на Юру, то на Серегу.

- Эй-эй, вы это что, ребята? Шутки у вас становятся какие-то несмешные совсем. Кто это всё тебе рассказал? – Гена соскочил со стула и стал ходить перед Юрой взад-вперед - Он просто пассажир или кто? Что такое притча я малость в курсе, а этот твой рассказ притчей назвать нельзя. Эта сказка из тех, которые рассказывают, чтобы детей перед сном напугать. Я не ребенок, но что-то неуютно стало и мне. Что-то задело. Однако я нашел, что не все так плохо. Вот, смотрите сюда,

и в словах этих – не знаю, как их назвать – выходит, что она должна ждать, чтобы посмотреть на наше поведение через семьдесят лет. Так? Так. То есть семьдесят лет, как мы будем вести себя с момента окончания войны. Так? А считать-то они начнут после наступления момента X, то есть после войны. Выходит рано еще об апокалипсисе думать.

Серга внимательно посмотрел на Гену, подумал, нахмурился брови и встал перед ним на колени:

- Ну, спасибо тебе, отец родной. Успокой, мать твою. Слышь, Юра, тут друг перший Гена для нас еще три года надыбал. – он поднялся в колени и видно было, шутка такая ему самому не нравилась, – Давай лучше еще выпьем. И в баню уже не хочется. Давай мы придем к тебе после двадцати первого декабря и растопим баньку. Причина будет что надо! Телепридумки доведут народ к тому дню, что вся страна бухать будет. Эти апостолы, или кто ещё там, сразу поймут, что такому человечеству, какие мы есть, такой большой срок давать не стоило. Небесам тошно станет. Отродье мы все, вот кто! Отродье, бл..! И сказка твоя, Юра, правильно составлена. Не стоишь нас шалить. Ой, не стоишь.

По слезной гиральде, он оделся и пошел к выходу.

- Эй, друг, ты куда это засобирался?

- Да, сейчас приду. До магазина я Юра, вроде кто-то рыбу обещал, не знаешь такого?

Друзья выпивали еще, но уже как-то нежогя и разговор не клеился, пока хозяин не предложил чайку испить.

- Домой надо идти, – сказал Гена, записывая водку горячим чаем. – Попробую еще раз наладить отношения. Генка обещалась прийти, может, что и выйдет путное.

- Ну, будем здоровы! – Серга чокнулся с Юрой и тоже выпил. – И комне могут пацаны заглянуть. И зря вы все заладили, что они у меня плохие и из тюрем вылезать не будут. Вобщем-то они очень даже ничего. Леша так вообще – нежный с рождения. Мы его младшим звали, потому что через два часа после брата родился. Шбутные, конечно.

СЕСТРЫ

Вид девушки, сидящей напротив Сергея особого внимания не привлекал. Скорее это молодая женщина, подумал Сергей, едущая и знакомым. С собой у неё только пакет не первой свежести и никаких других вещей. Видно было, что она не особо любила за собой ухаживать. Даже единственный след косметики – ярко накрашенные губы выдавали неумение или небрежность отношения к себе. Край мазков были неровные, а сама краска больно уж была крикливо-яркой, что Сергей представил её как героиню времен НЭП, торгующей марафетом. Нерадивость в одежде состояла не в том, что она одета в грязные или потрёпанные предметы. вполне чистая кофта в полоску и синяя юбка совершенно не гармонировали и висели на ней будто снятые с чужого плеча. Вернее с чужие плеч разных людей. И взгляд у неё какой-то отрешенный и становится осмысленным лишь на бесконечных стоянках пригородного поезда. Она начинала озиаться, словно хотела запомнить названия станций и при этом по лицу пробегала тень, похожая на испуг.

- Лариса Носова, -представилась она Сергею, протягивая руку, и снова замолчала вопросительно уставившись, будто умаляя продолжить разговор, который ей так необходим. Сама она молчала, как ученица у доски, но в то же время готовая подхватить любой разговор.

- И куда мы это едем, Лариса Носова? К бабушке или подруге? - Сергей и сам был не прочь скоротать время в разговорах. Быстрее и не так скучно будет ехать.

- Нет. Я еду к следователю прокуратуры. А вот, - она протянула, снова напоминая ученицу, небольшой листок бумаги, - Вызывают меня. Я сама этого хотела. Очень мне надо.

Эта была повестка следственного комитета города, где Сергей проживает. Что ж, подумал он, дорога обещает быть интересной, а может даже и полезной для общего развития. Но всё же он никак не мог предполагать, что в наше время возможно то, о чем она с такой легкостью рассказывает. Другой человек этого просто не смог бы вынести: повесилась или наговорила бы такие дела, что всё это замаялись бы разгрести этот следователь, доблестная полиция и сам прокурор вместе взятые. Вначале даже замаячила мысль, что Лариса Носова не совсем, как сейчас любят говорить, адекватная, поскольку рассказывает о своих мучениях так легко, иронизирует и даже смеется.

Сергей, как единственный сын своих родителей всегда завидовал, особенно будучи маленьким, товарищам, имеющим сестер и братьев. Теперь рассказ Ларисы перевернуло всё его отношение к данному вопросу. Какими все же могут оказаться родственники. Наверное, это очень тяжело должно быть испытать такое от родных тебе людей.

Лариса проживала в областном центре со своей матерью в двухкомнатной квартире недалеко от торгово-развлекательного центра «Парк Хаус» и работала реализатором в киоске у частного предпринимателя. Получала она по четыре процента от выручки и, учитывая ассортимент и место расположения точки, особо обделенной себя не считала. У других бывает хуже. Немало среди знакомых, кто завидует. Магь, являясь представителем своего времени, выказывать недовольство вообще не привыкла. Вот сократил ей эту малосущественную пенсию — промолчит и даже начнет оправдывать своих «благотенителей». Сестра Тамара с мужем и младшим сыном живут отдельно в районе Сиреневого бульвара. Один их сын уже стеллился и живет где-то под Тюменью.

В свои тридцать девять лет с замужеством у Ларисы ничего не получалось. С первым мужчиной по имени Василий, с кем поддерживала уже «свзрослые» отношения не вышло из-за, казалось бы, почти шуточного обмана. Она сама пыталась обмануть его по научению подруг, что беременна, а когда он догадался, то без того слабые отношения вообще прекратились. Перепутаться парень не на шутку. Ни себя, ни подруг она в этом не винила. Было видно, что Василий не собирался узаконивать свои отношения. Он, сын большого начальника из спичко-механического завода, привык к роскоши и с Ларисой, скорее всего, только «сгажировался» и любил повторять при этом «к чему нам комут. Киска-Ларика?». Второй, по имени Павел — человек женатый, но более устронный, как-то привык к ней и отношения тянули с уже около шести лет. Нет. Она бы, конечно, могла бы выйти замуж, но уже побаивалась этого, а, к тому же, привыкла к тому образу жизни, поддерживая тесные отношения со своими одноклассными подругами. Они все уже бывали семейными людьми и в один голос нахваливали, после случая с Василием, жизнь матерей-одиночек. Дело сталося за мамши. Родить для себя ребенка...

В тот сентябрьский день Лариса шла с работы не спеша. Паша звонил, что в доме коллективного сада еще появляться нельзя так работали жена с тещей. Они собирали последнее, что сохранялось на грядках. Лук и морковь можно было составить еще на пару недель, но боялись «помощников». Больше-много их развелось в последнее время.

Мать уже около недели гостила у сестры Тамары, которая с мужем заехали за ней в один из выходных дней. Видимо, она решила побыть там подольше, поскольку примерно через три-четыре дня приехала сестра и взяла некоторые теплые вещи. Похолодало. Купив свой любимый торт, Лариса пришла к себе и поставила чайник. Около семи вечера приехала Тамара, прошла за стол и, проговорив забитым кремом ртом «Надо поговорить», села пить чай.

Выяснилось, что мать надумала остаться жить у них и, они там приняли решение, что разменяют эту двухкомнатную и мать оставит у себя. Ларисе будет куплена отдельная однокомнатная квартира. Жить одной будет скучновато, но она не привыкла идти против своих. Все же немного было досадно, что узнать её мнение никто не удосужился хотя бы для приличия. Что ж, ладно. Мать теперь будет ездить в гости к ней — к Ларисе.

У Тамары с мужем объявилась ужасно деятельная знакомая — Поздняк Алевтина, которая за небольшую сумму готова все устроить. Выяснилось, что у неё есть подруга, работающая нотариусом. С Ларисы только и требовалось, подписать доверенность на имя Поздняк, что доверяет ей продать свою половину квартиры. Её устраивала сумма от половины квартиры, которую называли сестра с Алевтиной. За эту цену можно приобрести неплохую однокомнатную. Подписав доверенность у нотариуса, куда её привезли муж сестры с Алевтиной, Лариса стала прицениваться к жилью, которые предлагались в различных объявлениях. Планы на будущее постепенно становились более радужными, и Лариса уже чувствовала себя полноправной хозяйкой, покупала кое-какую бытовую мелочь. С помощью Поздняк все обойдется хорошо и в короткие сроки. думала она.

Уже в конце сентября к Ларисе постучали в квартиру незнакомые таджики и передали ей записку сестры, что мать временно на свою половину пускает квартирантов, а с ней вопрос решится не следующей неделе. Там же содержалось предложение подойти к Тамаре во вторник вечером. Наверное, нашли квартиру и будет решен вопрос о переезде, решила Лариса.

Вопрос действительно был разрешен во вторник, но совсем иначе. Ларису у подъезда встретили муж сестры с племянником Борей, которые завели её в «Газель» и повезли. «Да не рыпайся ты. На новое место жительства едешь!». Так Лариса оказалась в незнакомом поселке за сотни километров от места жительства, где ей вручили ключи, якобы, от купленной для неё квартиры в обшарпанном двухэтажном доме и уехали, оставив без документов и вещей.

- Подъедем уже. Где ты остановишься в нашем городе?, - Сергей снял сверху свой рюкзак с вещами и приготовился выходить.

- Дык привыкая. Сегодня же и поеду. Если не успею, то на вокзале переночую. Так частенько бывало. Хорошо, что Паша деньгами помогает. Сейчас я живу у него в коллективном саду, слежу за домом. Меня они с друзьями на рыбалку иногда берут.

На лице у неё опять улыбка.

- Ты что, блин, довольная такая!, - не выдержал Сергей, - Тебя подлая сестра опустила как лоха последнего, а ты улыбаешься! Ты сколько уже так бичуешь? Сколько-сколько?!

Сказал и тут же пожалел, увидев на глазах у попутчицы крупные капли слез, готовых вот-вот сорваться на грудь.

Въяснилось, что эта история продолжается третий год подряд. Или она что-то пугает или действительно «адекват» не хватает, - подумал Сергей. Не может столько времени продолжаться любой беспредел. Что тут разбираться, кругом известные люди и есть с кого спросить.

- Я что-то не вееду никак. Как третий год? Так же не бывает. Давай-ка я тебя с дядей познакомлю. Он, может, что и посоветует.

Сергей дал ей свой адрес и с вокзала отправился к себе домой, объяснив как нужно добираться до следственного комитета.

То, что она рассказала Сергею через три часа, заливая чай с бутербродом с колбасой, еще больше выбили Сергея из колеи. Он словно попал куда-то в тупиковую улицу безвыходного города в идиотском государстве.

- Не может такого быть!, - кричал он на Ларису. - У нас есть какая-никакая полиция, суд, прокуратура и даже специальные представители Президента по правам чело века, которые подучают немалые деньги, а ты третий год во круг одной сосны барагузишь.

Нет, не похожа Лариса на такую дуру. Неужели никто не мог подсказать. Хотя бы тот же Паша, которого тайком от жены содержит её у себя в саду или его друзья, которых она кормит на рыбалке и после бани в том же коллективном саду. Какая дикость! Так не бывает.

Однако, выслушав её полный рассказ и рассмотрев все находящиеся при ней бумаги, Сергей пригик, всё еще не веря в реальность таких событий.

Квартира под номером два, куда действительно подошел ключ, принадлежал Борису, являла собой жалкое зрелище. Стены обшарпаны, окрашены наполовину зеленой краской, как в обшарпанных, на потолке трещины и дыры прогнившие под ногами... В добавок никакой мебели, кроме железной кровати, стола и старей тумбочки, не было. В квартире

имелась холодная вода над ржавой коричневой раковиной, но к унитазу она не подведена, хотя сам унитаз к системе соединен. И то дело подумала Лариса, на улицу не бегать. Ведро для смывания находилось рядом.

Надо тут отметить, что действительно не очень нормальное поведение Ларисы ее и спасало. На учет у психиатра её, пожалуй, не поставят, но легкомыслие и некоторая заторможенность в оценке происходящего было налицо. Иначе бы не было этого рассказа и прототипа Ларисы, срисованного автором чуть ли не при помощи ксерокса. Любой нормальный человек не выжил бы в таких условиях. Она выжила. Тут, правда, нужно глубоко задуматься – кто более нормальный в такой ситуации: мы или она? Ибо сказано в писании «принять все со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля твоя». Поистине тяжело быть в наше время и в нашем государстве неверующим человеком. Именно она, эта вера, нас пока еще удерживает в человеческом облике. Убивать обидчиков – грешно, а какой бы был толк, если, скажем, за такое отношение облить сестру кислотой, а зятя с племянником подвесить за причиндалы? Никакого. Тебя же осудят быстро. В нашей стране зло имеет защиту восьмой степени тогда, как человеком оставаться ужасно тяжело. Большая часть всех суицидов, никому и в голову не придет оспаривать, совершается по вине всякого рода служб, которые своим бездействием бросают в беде человека, которому требуется социальная помощь и помощь именно этих служб. Жить в обществе и быть бесконечно одиноким – это основной признак современности. И только терпение, о котором говорится в молитве, может удержать от ответной реакции к этим явлениям, то есть от хаоса.

Первым делом Лариса обзвонила соседние квартиры, жители которых выручили всякого рода тряпьем, которую можно постелить на панцирь кровати. Дали кое-какую посуду и даже мелочь. «Народ-то у нас шибко хороший, -думала она, устраниваясь спать. Утро вечера мудренее».

Утром выяснилось, что народ бывает тоже всяким. Первая женщина, ранее работавшая юристом, к которой её направили, наобещала много, но очень быстро привыкла к тому, что Лариса хорошо справляется с её поросятами. Проработала у неё Лариса около недели, но хорошие люди отвезли в социальную службу, где оказывали бесплатную юридическую помощь. Однако и они, хотя и очень старались, ничем помочь не могли. Работники милиции района, где они проживали с матерью, а после и суд, отказали ей, поскольку

Лариса Поздняк с сестрой составили такую доверенность, где сказано, что Лариса доверяет ей продать свою половину квартиры на условиях суммы по их усмотрению. Ответ всегда был один: никакого мошенничества нет. Явное несоответствие суммы так же не имеет значения, поскольку де заявитель сама этого хотела. Как выразилась Лариса: «Вас же никто не пытал, вы же сами подписали» (она даже отшучивалась, самодовольная от меткости своих слов). Так-то вот, Лариса Александровна. Законность прежде всего! Вас не пытал и? Иголки под ногти вам вгоняли? Нет? Так что же ты тогда не даешь верить правосудию, а сама выманишь надоёдаешь!

От представителя по правам человека пришел ответ, что они юридическими лицами не занимаются, а проверяют работу юридических лиц хотя жалоба была на действия именно юридического лица – милиции и суда. Нет, не нужна ты гражданка Лариса Носова своему государству, и защищать тебя никто не желает. Ни милиция, ни суд, ни специальный орган, «защитная» её права, не удосужились проверить одну маленькую неточность в действиях Поздняк-Александровны. Ей было доверено продать часть жилья и не одного слова, чтобы она покупала для Ларисы новое жилище. Никаких денег она не получала, и уверенность на покупки жилья, а тем более таких «жоромов» не подписывала. Человек из областного центра без документов и одежды ночью вывезена в незнакомый ей поселок, якобы купленную для неё квартиру, о чем она никто не просила. Теперь она должна молчать в трипочку, ибо, как оказалось, нельзя верить всему, что написано в Законах. На заборах вон тоже кое-что написано. Иди потрогай, вдруг где правда...

Прошло еще около года, как получен ответ Генерального Прокурора, но снова крутовая бестолковщина и ноль внимания на гражданку Носову. Все документы высланы в областную прокуратуру, которая, в свою очередь, тоже имеет в своем подчинении нижестоящих. В результате все документы вернулись обратно прокурору района, где расположен этот поселок, куда Носова уже сбрасывалась около полутора лет назад. Теперь уже стало известно, что ей квартиру эту никто не покупал. Объявился хозяин и требует освободить свою пустующую жилплощадь. Сестра с подругой пообещали владельцу купить его обшарпанную колбачную квартиру, взяли ключ, куда выдвинулись сестричку. Впоследствии Тамара с Александринной Поздняк переругались из-за денег, а Ларису из квартиры выгнал настоящий хозяин. Всё. «Алле!» - как любил говорить Павел.

Как стало потом известно, свидетельство о праве собственности

на квартиру Ларисы и матери уже выписана регистрационной службой племяннику Борису. Она очень любила его маленького и часто покупала игрушки... Спасибо за благодарность.

Дядя Сергея, Алексей, работающий в юридической конторе, ознакомившись с копиями документов и послушав Ларису, тоже схватился за голову:

- Бардак! Ну ладно, будем считать, что ни суд, ни милиция не имели доказательств наличия мошенничества, хотя достаточно было бы и одного факта её вывоза ночью, удерживание документов и явное несоответствие жилищных условий. Будем считать, что они тупые, но теперь-то что? Теперь налицо такой факт: как оказалось, ей даже в этой деревне копеечная квартира и та не была куплена. Её вывезли в чужую квартиру, ключ от которой, так же обманным путем, брали как бы на время. Теперь есть конкретная доказательная база, и нет особой надобности рыть носом землю, чтобы усмотреть состав преступления – захват жилья путем обмана и злоупотребления доверием. Мошенничество чистой воды. Почему же тогда Лариса и после этого скоро уже год как продолжает жить между небом и землей?

Алексей долго не мог успокоиться. Он снова разложил перед собой множество ответов всех этих учреждений по порядку их получения и снова закурил, забыв, что только что потушил предыдущую сигарету.

- Да-а-а. Действительно порой становится невыносимо жить в таком обществе, когда ты не верующий и не псих. Любая элементарно думающая башка сама готова покрыть себя сединой и полысеть за один день от таких условий жизни. В монастырь надо! Или в психушку! И те и другие блаженны и живут по своим меркам. Но идея уже два года назад должны были привлечь сестру с подругой и мужа к уголовной ответственности, а квартиру отобрать. Интересно, о чем думают наши Правители, утверждающие, что построили капитализм так быстро и малой кровью. К бабке не ходи, чтобы назвать основную «окраску» капитализма. Любопытно скажет, что самое первое, о чем пекутся буржуи – это охрана частной собственности. Это основа основ. А тут что? Тьфу! Был, я помню, случай, когда осудили группу, занимающуюся аферами с квартирами. Там среди них одним из фигурантов проходил участковый инспектор с этого поселка, но он потом повесился, кажется, в ментовской зоне «Тагил-13». Они-то ладно, занимались чужими людьми, а тут – родную сестру. На что надеялись. Неужели именно такие люди лучше знают действия наших органов и этим пользуются. Плохи наши дела, если так.

Материалы проверки, как сообщили Ларисе, снова будут направлены в область по месту нахождения квартиры. Хотя и следователь всячески её успокаивал, в положительный исход дела Мосова ему уже не поверила. Слова продолжают нагнетать впечатления по посторонним людям, просить, унижаться и жаждать звонка. С такими чувствами она и уехала.

Так закончилась эта история для Сергея, а вскоре была полностью забыта. Он не знает и не мог знать, что буквально через несколько дней после их встречи, под мостом реки в областном центре обнаружат труп молодой женщины. Согласно акта судебно-медицинской экспертизы «признаков насильственных действий на труп не обнаружено». Лариса действительно не сопротивлялась, сохранила на лице свою глуповатую улыбку до конца, не желая верить, что её сестра способна на такое. Поэтому-то и значилось, что причиной смерти вполне могло быть падение с высоты моста. Выбавшийся труп молодой женщины по истечении времени был похоронен за счет казны города, как неизвестный в связи с тем, что никто в полицию о её пропаже не обращался.

“ВЕЗУНЧИК”

Пусть даже денег оказалось не так уж и много, но теперь Олег мог со спокойной душой приступить к осуществлению той мечты, которую целых три года вынашивал в лагере. Деньги, добытые при нападении на инкассаторов, должны были быть поделены на четверых, но так вышло, что Виктор со Степаном погибли, а Валерий не знал, что Олег «в деле». Если хорошо подумать - вдруг Олег сознался себе - то всё вышло совсем не так, как было задумано. Не скажешь, что они провернули особо дерзкое дело. Инкассаторами, в полном смысле этого слова, этих ребят назвать было нельзя. Это всего лишь наполовину вооруженная охрана самого ювелирного магазина. Жалко денег, видя же ли, этому зажавшемуся бугаю, чтобы нанять профессионалов Слишком большую сумму, как он считал, запросили (Олег недолюбливал хозяина магазина давно). Расчет строился с надеждой на скрытость перевозки денежной наличности на обыкновенной машине кого-либо из работников охраны. Случайную гибель нападавших тоже нельзя считать заслугой охраны. Нападение надо признать удалось, но Виктор, находящийся за рулем угнанной машины, толи перепугался сильно, толи по стечению обстоятельств, проехав достаточное расстояние и уже на другой улице, совершил наезд на стоящий у обочины КАМАЗ. Непонятно каким образом Валерий, сидевший сзади, остался жив. да к тому же ему удалось уйти с двумя инкассаторскими сумками, тогда как Степан вылетел через лобовое стекло, а Виктор, сидящий за рулем? наполовину был размят, а наполовину раздавлен рулевой колонкой. Шансов остаться живыми у них не было. Действительно не совсем получилось, думал Олег, но в то же время, как бы не хотел сознавать этого, был не очень расстроен из-за смерти приятелей. Ему в этот момент даже понравилось это слово - «приятель». Уж очень не хотелось обозначить погибших друзьями или даже товарищами. Кое-какая капля оставшейся ещё совести чуть успела пискнуть, как тут же была уничтожена им в качестве пережитка. Он воспринимал случившееся, как должное и с гордостью считал себя «мозгом» операции и никак не хотел признавать свою причастность к их гибели. «Надо же было думать, а не гнать с такой скоростью!». Не знал Олег и не мог знать, что стал владельцем денег только благодаря Валерию, которого друзья решили в последний момент высадить с деньгами уже за углом другой улицы. Им не хотелось в случае чего

Встретиться с полчищем. А Валерий в свою очередь, как и договорились, оставил деньги в общем гараже, где они обычно собирались. Олег пришел туда вечером и, обнаружив деньги, переложил в большой рюкзак и ушел к себе. «Всё очень просто», подумал он – Я это заслужил. Мне просто повезло и ничьей вины тут нет». В операции он не участвовал. Поскольку ранее так же работал охранником в этом магазине и его было трудно узнать. Вся идея и план нападения действительно придумал он и скорее всего от злости за свое, как считал, незаконное увольнение. И Валерий на всякий случай о нем не стали сообщать. Зачем ему знать о человеке, который не участвует в нападении. Он только был предупрежден, что есть еще один человек, чтобы не было «непонятки» при дележе бабла.

Валерий узнав о трагическом исходе операции для друзей, пришел в гараж только через два дня и денег не обнаружил. Он ходил туда ещё несколько дней и все надеялся, что «составитель плана», как его представляли Степан с Виктором, объявится и поделится честно отработанным им деньгами. Он даже устранивал приметы, по которым можно узнать о посещениях гаража, но после пропажи денег, туда никто не объявлялся. Все контрольные указатели на месте, двери не открывались. «Козёл драный! – крикнул он на весь гараж, – Ребята малко, из-за тебя, сука, погибли!». Было уже как-то все равно. От жалости к ребятам навернулись слезы, и жалел он только об одном, что не знает того ублюдка...

Олег тоже пообанался, что ребята могли ляпнуть про него, а поэтому несколько дней сидел дома и даже на похороны не ходил. Он даже не знал дату и время похорон. В редкие случаи, когда выходил вечером прогуляться, обходил этот магазин стороной, хотя он стоит на таком месте, что при любом направлении порывит выскочить навстречу и объявить, кто ты есть на самом деле. Проходя, он видел издали, что там до сих пор бывают работниками индия, заходят люди в штатском с кейсами и папками для бумаг. Проверять на причастность бывших работников, а тем более уволенные за прогулы наверняка будут. Надо что-то делать. Он слышал (а, вкост, читал), что преступники, чтобы не сесть на десятилетия за крупные преступления, совершают мелкие («идут в сознанию»). Он тоже решил воспользоваться этим. Конечно, тут надо сказать, что он еще не мог осознать значение слов: длинная или короткая «ходка». Не об этом думалось. Он просто боялся, что его начнут выисывать и проверять другим образом. Боялся, что не выдержит или сойдет с ума, поскольку уже слы и те стал видеть только со этом.

Хулиганство Олег устроил возле ДК после дискотеки, но издаль не

смог как следует спланировать. Молодежь оказалась такой «безбашенной», что пришлось защищаться самому, да так, что чуть не загремел лет на пять. Телесные повреждения, которые он нанес штакетиной оказались, как говорил адвокат, такой степени, что тянут на большой срок. Хорошо хоть не пять, подумал он, и три выше крыши. Поведение его в лагере было не особо прилежным. Можно было бы выскочить и раньше на условно-досрочно. Ему все казалось, что другие осужденные относятся к нему не по заслугам, а как к обыкновенному баклану. Имея на воле неплохое бабло, терпеть целых три года, а потом выйти на волю и там опять же иметь такое к себе отношение? Даже несколько раз порывался рассказать, какие вылающиеся операции придумывал на воле и его следует даже уважать. Однако каждый раз молчал. И дело тут было не в том, что он боялся возможной передачи об этом «куму». Он знал, что на половине рассказа не остановиться и придется сказать и про деньги. Этого-то он никак не хотел допустить. А еще он боялся, что могут узнать про смерть подельников и как он «кинул» одного из них. Этого-то никак нельзя допустить. Отношения, иначе, могут стать еще худшими.

Первое время, оказавшись на свободе, Олег не хотел обращать на себя особого внимания. Кутить по ресторанам не входило в его планы, но отметить все равно было нужно. Знакомые не поймут. «Однако же, - думал он, - надо как-то не очень шумно два-три человека, иначе хлявщиков налетит много».

Он решил позвать Шурика, как они привыкли звать Зимина ещё со школьной семьи. В одно время они были близкими друзьями, посещали кружок хоккея при школе. Шурик единственный человек, кто приходил в суд и попросился, когда Олега увели черным ходом.

- Привет, бродяга! - он открыл так быстро, как за дверью стоял. - Пойдем на кухню. Я сегодня один - мать на работе, а сестренка в училище.

Отца у них, как и у Олега, не было. Они вспомнили школьные годы, поговорили немного о всякого рода изменениях на воле, но Олег не хотел долго рассниживаться:

- Ладно, об этом пока не будем, иначе нечестно будет говорить потом, когда бухать будем. Я же по делу, отметить надо. Кого бы еще третьим позвать из общих знакомых. Но чтобы без этих кафе-ресторанов. Не хочется глаза мозолить. Я еще и паспорт не получил, а тут пьянка. Участковый уже приходил, будто я родной ему, блин. Родственник видать еле дождался, ночи не спал...

- Ну и проблему ты нашел. Сейчас. Нечаева Сергею помочишь?

Устроишь? - и тут же стал набирать по мобильному, - Алло, Серый, ты? Ты сегодня чё делаешь на...? Работаете? Нет? У тебя бухнем «на гамбузе»? А ты угадай на... Олежа откинулся! Да! Ну жди!

«На гамбузе» - означало в закуске, где работал Сергей Нечаев. Комнатка находилась задошагой стеной в кочегарке, вполне уютная и почти чистая, оборудована топчаном, столом со стульями, шкафом для одежды. На дальнем углу за синей фанерной ширмой висела душа. Серый тоже учился в их школе, но в параллельном классе. Судили его шле по малолетке за утоны, ограничили пень гем, что поставили на учет, много таскали по комиссиям, а после исполнения восемнадцати лет оставили в покое. Ужасная была тогда радость. Правда радовался не «Серый», которому всегда и все П.О. как Эдгару, а инспекторы по делам несовершеннолетних. Они бы тоже закатали и приоттакого счастья, если бы не знали, что подрастают новые придурки, более наглые и в большем количестве.

Пьянствовали всю ночь втроем, не считая Мишу-кочегара, который забегал время от времени, чтобы пропустить стопочку. Он был весь шумный, в такой же робе, и очень много знал всяких анекдотов. Как все закончилось Олег не помнил.

Строй выяснилось, что пропилил совсем немного, и такой результат его устраивал. «Надолго хватит. Не на один год». Но все же надо привести себя в порядок, опохмелиться пивком и сходить постричься. И вообще придется. А дальше что? Этого сн, как оказалось, не представляет. Там у «хозяина» он сколько раз представлял себя на свободе чуть ли не прищипывая, но вдруг оказалось, что жизнь на воле совсем не такая. Он все время чувствовал свою ненужность, какую-то непонятную обиду, что его никто не замечает. Его словно на кичу определяли в одной стране, а выпустили - в другой. Он бы не смог объяснить свое состояние, но ему время от времени хотелось немного поуревать «спригавшись» в таком «гамбузе», как у Серого. Такой мысли не было даже там («у хозяина»).

Помагавшись до вечера, Олег решил, что лужку повидаться с Наташкой. Хотя сестренка говорила, что она замужем и у нее ребенок. Олег решил обязательно встретиться с ней. Почему-то ему казалось, что побыв с ней, он обязательно вернет себя в те времена. Именно она казалась той соломинкой, которую он ищет. Казалось, что от встречи с ней он может вернуть что-то, казалось бы навсегда утраченное. Может быть, так оно и было. Но крайней мере, вспоминая о ней, Олег вдруг становился другим. Отношения у них тогда были вполне серьезные, взрослые в физиологическом отношении, но что-то еще ребяческое

удерживало. Будьте прокляты эти три года. Они столько дров наломали. Он прекрасно понимал, что для девушки в таком возрасте они бывают решающими...

Наташа и вправду была замужем и действительно от неё повеяло чем-то теплым и домашним. Она сразу предупредила, что мать осталась с ребенком и отпустила только на полчаса. Этим коротким сообщением было выложено все: тут было сообщение и о замужестве, и о ребенке, и о том, что встреча под контролем и возможно последняя. Пошли к той скамейке в скверике под акациями, где они любили целоваться. Он стал говорить, что готов взять её в жены с ребенком, что он купит дом, и деньги на это имеет. Говорил? Нет! Он умолял её, готовый стать на колени, сознавая, что эта минута решит всё. Сейчас он наконец-то обретет жизнь долгую и счастливую, или ... Лучше бы, как он понял, простоять так без ответа, чем услышать отрицательный.

Наташа, попав в такой вихрь эмоции, даже задумалась вначале, чем его и добивала окончательно. Неделю назад она могла бы податься к искушению поскольку поругались с мужем. Кричали друг на друга:

- Уходи!

- И уйду!

- И уходи!

Но после у них отношения наладились снова. И, опять же, разве Олег всегда таким будет? Конечно же нет. Стоит только начинать совместную жизнь найдутся и упреки, и ревность, и к ребенку отношения другие будут. А как её дочь любит отца. Такой любви к чужому дяде не может быть. Да и зачем, при живом то отце?

- Нет, Олег. Нет. Обратной дороги не будет. Видать так нам суждено.

– Наташа, положи руку на его плечо, и пошла проговорив напоследок такие банальные, избитые, но убийственные для него слова, - Ты еще найдешь себе красавицу. Все будет нормально.

Хотелось выть. Сжечь все купюры этих проклятых денег, или, став маленьким, уснуть, прижавшись к мамке и никогда потом не проснуться. Такие вот мысли его посетили в эти минуты. Позже, правда, он не раз будет смеяться и хохотать до слез, вспоминая такую «слабость».

Время, как говорят, лечит. Повторял эти слова и Олег. Лечило оно или калечило, но он потихоньку перестал чувствовать себя обделенным, а может просто привыкал способу времяпровождения, а когда бывал пьяным и вовсе чувствовал себя человеком, поймавшим за хвост птицу удачи. Пьянки участились, и никто просто не мог видеть его в ином состоянии. Он в основном болел с похмелья. Душевную боль заменили головная и всеобщая трясучка. Особо почувствовал себя человеком с

большой буквы после встречи со «Свояком», с которым сидели вместе. Откуда такое логонято, Олег не знал, но помнил, что тот очень любит судителей и к его мнению прислушивались многие.

Олег побоялся говорить ему про свои деньги, но подводил вопрос к тому, что один из его знакомых имеет такие деньги и он, то есть Олег, никак не может взять в толк, как он не боится жить на широкую ногу.

- Слушай, ну ведь любой мент может заинтересоваться, откуда у него такие деньги. Ты бы смог так, уж это точно, а «Свояк»? - Олег шулыбался, глядя ему в глаза, знал, насколько тот ладок налесть.

Это подействовало («Свояк») как бабьим на сердце и он расплылся в улыбке.

- Это не так уж и сложно. Один мой знакомый, например, купил квартиру на чужое имя, и оформил с ним долгосрочный договор с правом последующего выкупа. Но этот путь имеет свои минусы. - он расхохотался, - потом вполне возможно, что захочется, чтобы тот быстро превратился в жмурика. Ну это я так. Шуту. Главное приодеть человека, который готов на все за лишнюю копейку. Такой встает и все подлизает. Другой случай. Он же дал объявление от имени знакомого в Индеректе, что купит выигранные билеты. дорого. Это «дорого» всех подкупает. Действительно он покупает не на много дороже выигранные билеты и он - честный человек. Таким вот способом он умудрился купить билет, выигравший «Волгу», которую потом продал и купил «Жигуленка». Глядишь, он снова честный иезуитик человек, ездит на машине, а еще разницу в карман положил. Да и мало ли как можно. Я бы даже мог помочь любому, если кто обратится, но извини, уезжаю. Меня ждут теплые края. Если кто хочет ездить на авто, пусть покупает его на имя инвалида и называет от него доверенность на свое имя с правом продажи. Хочешь - продай, а хочешь - катайся. Ладно. Пока, братан.

Особо благополучным («Свояк») тоже не выглядит, может потому и отскандался так быстро. К тому же многие дельцы нашей огромной страны, в том числе и Олег, уже понимают, что показывать «большие деньги» не следуются и не бояться только те, у кого они действительно большие. Олегу такие деньги и не снились. То, что эти деньги невозможно честно заработать знают все, и все знают, что с ними никто ничего сделать не сможет. И не будет. А потому жить им - кто с Олегом, становилось еще хуже. С одной стороны бедняки счастливые оттого, что терять нечего, живущие с душевными понятиями, а с другой - богачи, спокойные знающие, что у них никто ничего не отберет. Большинству из них даже откупиться не нужно, поскольку и без того

имеют иммунитет. Олег уже знал, что по такой цене не стоило покупать такую жизнь. От сознания таких реалий пить ему хотелось еще чаще, видя убывание наличности, тоже перестал особо бояться, а мучило просто устал от своей тайны. Жить, однако, надо, и он жил. Купил себе два места работы и надеялся прожить долго, имея на старости хотя бы какую пенсию. Директоры овощебазы и химчистки с удовольствием устроили его сторожем и электриком, получали за него заработную плату и вели трудовые книжки со всеми отметками поощрений о выдаче премиальных. Делать начисления в Фонды и подоходного налога немного осложняли работу бухгалтерии, но и облагаемые доходы указывались меньше на сумму этих заработков.

По истечении таких «жизненных обстоятельств», он научился приспосабливаться ко всему незаконному. Они сами друг друга порождали: его жизненное обстоятельство и незаконность результатов любых его действий, поскольку теперь жить можно было только таким путем. Он уже жил почти как те толстосумы, не особо задумываясь о последствиях за одной лишь небольшой разницей – наша система его не охраняет. Таких, как он, сажают беспощадно. Они даже нужны системе в качестве показателя деятельности органов. Если уж воровать, то не такую сумму. Сумма в миллион рублей становится смешотворной и чтобы быть в числе неприкасаемых принято воровать миллиардами. Однако, Олег научился не принимать это близко к сердцу. Он оправдывал все и был всем доволен. Недостаток в ласках неплохо пополняли пуганки и совесть уже и не пищала. Такие как он ужасно и от души смеются, услышав слова типа «За державу обидно». Они не понимают вообще, как может быть нормальному человеку обидно за державу. И вообще, решил Олег, не стоит сильно задумываться. Можно и попасть туда, где тебя пленяют люди в белых халатах. Лучше выпить сегодня, огорчаться от этой неустрашенности на Земле. Пусть нам будет хорошо.

Последним его телодвижением пристроить остаток денег, было желание стать предпринимателем. Он встретил двоюродного брата Максима, который держал целых три киоска. Однако оказалось, что там не живут, а крутятся. Деньги там не твои. Они всегда в обороте. Нет. Такая жизнь не для него. Разве это благополучие? Начиная бизнес, Максим не нежился в постели до десяти часов утра, а уже в пять часов разогревал машину и свою задницу в холодном гараже, чтобы ехать на оптовку за товаром. И прежде чем начинать ездить семьей по другим странам превратил себя в какую-то машину и держал всегда нос по ветру. Никто не знал, какая сумма уходила на всякого рода взятки чиновникам из администрации, налоговой инспекции, СЭС, пожарных и

...остро на всех, кто хоть что-то пытался откусить с чужого куска. Ему специально подстранивали проблемы, зная, что разрешить их можно только с их помощью, тратя определенную сумму бабла.

Одним из заполоминающихся дней, жонк было мало, стал день смерти матери. Олег вдруг был взбудоражен, словно проснувшийся от зигмундизма животное и долго ходил по квартире матери, как сомнамбула почему-то не замечающими глазами. Дома было множество людей: знакомых и незнакомых. Среди них был и участковый, приходивший через день после освобождения. Это ещё больше сокивало столку. Сидя на кухне, уткнув голову в грудь тети Раи, маминной сестры, он (Олегов вдруг) осознает все происходящее. «Они её сегодня закопают, и я никогда-никогда свою маму больше не увижу?». Как все несправедливо. А ведь она и вправду была самой доброй мамой на свете. А сколько горя и орчений испытала из-за его выходов?

Тамара Николаевна после его ареста сильно изменилась, все три года жила одним его письмами и, а в последние годы, поняв, что сын потерян навсегда и ему ужасно в жизни не повезло, сделала совсем. Думая умирать было страшно, оставляя сыночка такого неустрашенного, беспутного и обделенного. Она часто в этом винила себя и долгими ночами тихо плакала, отвернувшись к стене.

После похорон Олег остался дома у матери и распивал спиртное с участковым Балакиным, как уже выяснилось – бывшим инспектором. Провидели они почти до утра среди всей посуды, оставленной на столе, после поминок. Гетья Рая и сестра решили вернуться назавтра, чтобы навести порядок. Часы остановились, на зеркалах черные штормы, а Сергееч, как звали Балакина, говорит и бубнит что-то себе под нос словно «трогунгый» эгипи интерьером, читал поминальную молитву. Оказалось, что их родители работали вместе, и Сергееч часто бывал у матери. («Наверное, даже чаще, чем я», - подумал Олег как-то устало и равнодушно. Стало тягостно и Сергееч престал бубнить).

- Сергееч, так ведь я не понял, ты что ли не работаешь теперь в ментаре?

- Господи, Олег... Я, учти – уж третий раз, объясняю, что страну нашу удовлетворяют, как работник милиции, понимаешь? Да? А вот на вслийского, выходит, не тяну. Хвалили, понимаешь, хвалили, медаль за безупречную службу вручали и вдруг - Раз! И... иди ты Сергееч на хрен Понимаешь? Вот-вот, а не понимаю. Времена, види гели, настали другие. А вернее сказать – моменты. Гельерь, Олег, вся страна живет моментами. Все! Времени – нет. Только моменты. Наверну обещают в три короба, но моментально забывают. Нет никакой службы, чтобы

проверяли выполнение или отчитывались. Не выгодно, Олег. Им выгодно. Лучше пообещать что-то ещё. Все равно никто исполнять не будет. Милицию... Ёффу ты. Полицию к этому тоже приучили очень быстро. Раньше требовали раскрытие старых преступлений, а сейчас засмеют. И главное...

- А может и меня не посадят, - перебил его уже изрядно выпивший Олег, - если, допустим, расскажу, что ограбил инкассаторов пять лет назад? Или тоже момент упущен?

Он даже малость протрезвел от своей смелости. А вдруг? Все говорят, что бывших ментов не бывает. Однако продолжал, поскольку надоело жить оглядываясь.

- Ну вот, приду я, допустим в полицию и скажу, что ограбил инкассатора, что тогда? Отпустят меня?

- Ну, это уже разбойное нападение, к тому же на инкассатора, а значит, кто-нибудь захочет отличиться. И в то же время: если окажется, что того хозяина нет (обанкротился, уехал и др.), то искать его никто не станет. Есть преступление, есть преступник, а неотвратимость наказания канул в вечность. Не наше это. Вот был случай, как раз перед аттестацией. Приходит в дежурную часть женщина и говорит, что она в магазине встретила бывшего мужа, который объявлен в розыск за неуплату алиментов пять лет назад. «Сколько-сколько? - переспрашивают её служивые люди, - теперь-то что вы от нас хотите?» И они действительно не могут врубиться, что по истечении времени преступление стало только опаснее, поскольку задолженность по алиментам составляет уже более полутора миллиона рублей. За прошлые годы о состоянии дел с разыскников никто не спрашивает. Лежит в райотделе розыскное дело, но заведено пять лет назад. А тут эта тетка встречает так усердно разыскиваемого мужа в магазине, поскольку оказалось, что он давно уже не скрывается, живет на соседней с ней улице и ходит в тот же магазин, куда и она. У них до этого дня просто расписания не совпадали. Однако работники милиции все равно не понимают - зачем этой тетки нужен бывший муж, если розыск объявляли целых пять лет назад. Вот по этой системе работаем все.

Если честно, уклонение от платы алиментов за преступление никто не считает. Крутым полицейским подавай крутые преступления! А нищета и беспризорность, поголовный тупизм основной части населения, а значит и огромные выделяемые на эту проблему государством деньги будут только расти. Вот с чем надо бороться, чтобы было благополучно.

- А что ему полагается?

• Кому?

• Ну, алиментщик у этому...

Оба уже стали терять ход мысли, но Сергееч вдруг вспомнил, о чем говорили.

• Что ему будет? А ничего же будет. По крайней мере, баба его все равно ничего не получит. Алиментщик а осудят по уголовной статье и будет сто двадцать часов принудительных работ. Знаешь что это такое?

• Нет? Заработок за этот период принудительных работ идет в доход государства, а его отпускают. Он снова бегает, потому как знает, что работа детей приятней, чем прокормить, учить и обихаживать. Да и денег? Все равно ему ничего не грозит. В нашем суде такая вот практика.

• Сколько таких штрафов... Вот гребет государство наше бабла - сразу развел руки по сторонам, стараясь поддержать разговор.

• Да ни хрена оно не получает. Миллионы дел, заведенных службой судебных приставов об их взыскании, также лежат без движения. Моментально не успеет взыскать - все! Время прошло, давят и напирают новые исполнительные листы. Момент утущен. Давай-ка лучше еще по одной драгине. Сейчас все работают - одно расстройство.

Выпив еще немного, стали уже говорить одновременно. Олег о своем везении, что ему подфартило занять предназначенное для четверых, а Балакин уже сквозь слезы жаловался на свою судьбу.

• Сейчас, блин, ни одна программа не выполняется. Один Никита Сергеевич сказал, что обеспечит всех жильем и обеспечивал. Понимаешь? Он тогда митая эту программу и если бы не остановили эти рикши-звонячки, все было бы иначе. Понимаешь? Хреновый я не си, понимаешь? - ок обнял Олега за плечи, - Хреновый. У меня две дочери в зрелости, а я их даже жильем обеспечить не могу. Невозможно это, понимаешь? За что им любить такого отца? А Олег? За что! Они у меня не появляются годами, живут на съемных квартирах, понимаешь, Сергееч? Я забыл, когда по последний раз и звали ПАПОЙ...

Дальше и вовсе разговор стал напоминать братанье. Они начинались, лезли целоваться, и Олег все обещал купить обеим дочкам шикарные квартиры. Теперь уже им хорошо. Им нравится, как все хорошо на свете, каковы ваега, бы ваеги какие они сами, как пить дать, хорошие люди.

Утром, немного спохватившись, вспомнили, что должны прийти к Рая с сестрой Олега, чтобы навести порядок. Что вчера произошло и где что помнили, но давно привыкшие к такому состоянию особого беспокойства, а тем более неудобства не испытывали. Выпил мужики,

бывает. Только пытаюсь привести в какой-то порядок свои мысли и осматрившись вокруг себя, Олег вспомнил -- померла мама. Вспомнил и заревел. Он так никогда не ревел -- громко, с надрывом и причитаниями «Везунчик б...! Баловень судьбы б...!» - орал он, бился головой о край стола, не замечая, что разбил бровь, переносицу и залил кровью скатерть и брюки.

Они пришли к нему через два дня ночью - Степан с Виктором и всё происходило как наяву: разговаривали и даже шутили. «Неужто не догадываются, что деньги все у меня», - думал Олег, отвечая тем же и как пытаюсь увести разговор в другое русло. Валеры с ними не было «Валера потом придёт к тебе. Он сам тебя найдет,- говорил Виктор, будто угадав его мысли, - пошли лучше с нами».

Олег соскочил с постели в холодном поту не сразу сознавая, где явь, а где -- сон.

Немного придя в себя, пошел в ночной магазин, сиюсь вспомнить по пути, что еще во сне видел. Кажется со Степаном и Виктором они были в «гамбузе» у Серого, но не смог вспомнить, как и что там происходило. Заснул и не помнил. «Как хорошо, что в наше время есть ночные магазинь», думал он. Иначе бы совсем плохо было.

Эта пьянка, как он чувствовал, продлится долго и может плохо кончиться. Да и какая на хрен разница!

РОМАНЫЧ

И вдруг захотелось мне на сенокос. Откуда? Почему? Не знаю. Просто захотелось и все тут! Развернуть плечи литовкой, да так, как делало раньше, чтобы на обратном пути быть до такой степени усталым, когда даже искупиться не хочется. Правда через пару дней и проходит, волдыри на ладонях полопаются, застынут твёрдыми пузырями и работа становится вполне сносною, что ты с удовольствием идешь уже остывшее тело в вечернее озеро. В этот час, после заката, поверхность воды действительно напоминает зеркало, которое готово поранить все части тела разлетевшимися от твоего падения вон все стороны осколками. А каким бывает сладким сон эти ночи. Благодать Божья! Сновидений не бывает совсем. Полная «отключка». Только первые ночи, как только закроешь глаза, видишь прекрасный дуг, усеянный клевером, иван-чаем и цветочками разных мотыльков. Они заявляются такими гостевыми, что ощущаются даже в шлехе, и стоят перед глазами, как заставка компьютерного монитора. Пока не проваливаешься в царство Морфея. Каким, выходит, я бывал счастливым в эти дни, что вспоминаю по сей день с такой любовью. А ведь, наверное, мы тогда и не прочь был улизнуть. Вспоминается именно то время, когда ещё был пацаном и исполнял роль косяря, так сказать, не совсем добровольно и особого энтузиазма не проявлял. Отец подолгу засиживаться не давал. Чуть успеешь приесть, чтобы отдохнуть малость, уже поднимает. Стыдно теперь признаться, но я тогда жалел, что он был некурящим. Одыкал бы почаще, да подольше. И теперь захотелось вспомнить былое. Тряхнуть старинной Надо.

Деревня за микрорайоном немаленькая, но предложить свою мускульную силу некому. Если скажу, что народ обленился, будет неправильно. Наверное, так и должно быть. Все стали нанимать соседей и знакомых, у кого есть косилки. К тому же и скотину стали держать меньше. Поконов хватает всем. Раньше приходилось ехать далеко, искать не занятые никем места, которые представляли собой небольшие островки среди деревьев, и косилкам там нечего было делать. Только вручную. Да и не было никаких косилок.

В конце концов, пове зло. Одна из коллег познакомила со своим отцом Власом Романовичем. Он бывший шахтер, нынче пенсионер и очень был рад знакомству.

- Скучно, знаешь, одному. Сколько можно разговаривать с самим

собой? Кукушка же отъедет, правильно? Да и управимся вдвоем быстро, дожди не за горами. Надо успеть высушить, собрать и выдать на гора неплохой зародец.

«Выдать на гора» - это было его любимым словом. Что бы он ни делал, конечный результат называл шахтерским устоявшимся словом - «А что, не плохую на гора выдали штуkenцию, а?». Романыч, как все величали все, имел большую тягу порассуждать вслух и в то же время, пустобрехом назвать его было нельзя. На все вещи в природе он имел свое собственное и твердо устоявшееся мнение. Его жена, Галина Петровна, и дочери с зятьями, живущие отдельно, никогда с ним не спорили. Я тоже не собирался. Спорить с ним, в нормальном понимании этого действия, было и невозможно. Он излагал своё мнение в виде мыслей вслух и до того они звучали убежденно, что не терпели никаких возражений. Что-то типа «Я сказал, Шарапов!». Был он небольшого роста, коренастый и шустрый. О таких принято говорить -- «живчик». Впоследствии мне было суждено узнать секрет его семьи, что меня сильно взволновало. Надо же, думал я, оказывается и такое бывает. Ещё в самом начале об этом чуть не проговорила Галина Петровна, но Романыч, видимо, успел подать какой-то знак своего «неодобрения», что она замолкла на полуслове, а после стала говорить совсем на другие темы. Я тоже делал вид, что не интересуюсь и действительно вскоре позабыл.

Сенокосное угодье Романыча находилась в километрах шести от поселка и представляла собой наружное кольцо-ободок вокруг почти до конца высохшего водоема. Небольшое количество воды посередине ещё сохранилось, но на неё со всех сторон наступала бесчисленная камышовая орда, а перед камышами широким слоем разрослась высокая трава. Такая трава представляет собой что-то среднее между камышом и осокой. Она высокая, сочная и очень даже годится для крупнорогатого скота. Овцы её не любят.

Обедаем под тенью тальника, разросшегося небольшим семейством посреди лужайки. До кромки леса идти далековато, а к тому же там комары. С собой Романыч взял вареную свежую картошку, сметану, колбасы, яйца, огурцы с помидорами и зеленый лук. Чай кипятим на месте в котелке. Такой он вкуснее. Пока едим Романыч молчит и мне вспоминаются обеды на совхозном сенокосе.

Совхоз у нас был богатым, говорили «совхоз-миллионер». Косили вручную, наверное, от нехватки рабочих рук. Вернее надо сказать, что косилки тоже этим занимались, но хотя трактористов было много, но техника подводила часто. Кроме того, у механизаторов и своей работы

достаточно. Многие женщины и мужчины, кто не относился к колхозникам и водителям, приглашались косить некоторые участки. Было даже возможно, что совхоз просто обеспечивал своих людей бесплатной и заработной платой, а кроме того заготавливал корма впрок, поскольку числился откормочным совхозом. Овец в нашем отделении вообще не было. Не было и свиней. Их просто не могло быть, кроме как в двух отделениях, состоящих из русских деревень, где были свиноводы. В казахских и татарских деревнях в вопрос об этом даже не поднимался. Было сено с соломой, кукуруза и подсолнух на елос и корневые культуры вроде турнепса, свеклы и другие. Пшеницу и овес сеяли тоже в достаточном количестве. Держали ещё лошадей, был свой конный двор. Имелось небольшое стадо кобыл для кумыса, а кроме того обязательно держали пару лошадей для скачек на сабантуях. Так приятно было жить в чем от других не отставать!

Вместе с мужиками и женщинами в бригаде косарей нас было всего семеро семиклассников. У троих моих друзей отцов не было. Они были вынуждены косить рано, поскольку жить без коровы считалось не приемлемым только одиноким старухам, которые уже переживались с помощью хлопки или сидели на завалинках, обутые в валенки. Меня тоже натаскивали косить сывзальста, поскольку имел особые виды. Уже в детстве перед службой в армии узнал, что я должен был остаться в отпуском. Такое у него было решение... Прости папа... Не оправдал мои планы. Свои были.

Обедали мы там также в тени деревьев, но ели как в столовой. Двое из женщин, а иногда и двух, после десяти часов освобождали для другой цели. Они варили наваристый суп из выделенного совхозом мяса и вод палачим солищем молли съез стьяж по несколько тарелок. Перед этим проезжающий трактор оставлял маленькую шестерку с кумысом. В каких раньше продавали квас и пиво. Бабы и мужики (да простится мне — они так сами себя называли), после сытного супа и кумыса любили вздремнуть часок. После кумыса всегда хочется уснуть, по себе знаю, но мы были обыкновенные пацаны и работу воспринимали не как способ зарабатывать деньги, а как чуть ли не по принуждению проделывать это тогда, когда другие одноклассники купаются и отдыхают в свое удовольствие. Сидеть и слушать кто и как коптит мы тоже не могли. Аспать не хотелось. Довинку, как-то надедали множество крестов из голых веток и вняка. Сами ветки с обожранной корой (кору в то время связывающим материалом) белели как голые и незагорелые тела. Эти кресты, высокие и низкие издали казались как напрогиб ляток и валога спящего, а сами отошли в тень и играли в подкидного.

Проснулись наши колхозники от хохота прибывшего верхом учетчика. Если бы не он - нам бы не поздоровилось. Особенно женщинам шум не понравился. Двое вообще накиннулись с дубинами и немного отталяли только после слов учетчика:

- У меня аж конь застыл на скаку от увиденного. И сам я не сразу мог понять, куда попал. С утра вроде здесь выделил участок для сенокоса и оставил бригаду, а после обеда прискакал на русское кладбище. Так можно и заикой остаться.

Больше мы так не шутили.

Романыч не так скор, каким был мой отец, но и спать, как после кумыса тоже не ложится. Неспешно поев, стал убирать наши миски и заворачивать их в тряпочку:

- Не будешь больше есть?

Спросил он не потому, что захотелось поговорить. Ответа и не ждал. Наверное, думал я, подтапливает мои уши к восприятию его монологов. Сегодня начал с бензина, поскольку рядом в тени стоял его мотоцикл «Урал», на котором приехали.

- Знаешь, Маратик (они с Галиной Петровной сразу так меня окрестили) мысль тут одна покоя мне не даёт. Бьём себя в грудь, что богаты нефтью и газом. Кричим на весь мир. Уже землю-матушку разрыли и пробурили настолько, что она начинает мстить. Мы шахтеры ничто по сравнению с нефтяниками и газовиками. А все равно, сколько было случаев аварий у нас в шахтах? Го-то же! Обвал или взрыв метана – это тоже месть. Зачем ты, человек, лезешь, куда не просят. Мало тебе таких явлений, как свет, ветер или просто воздух. Все они исходят без дела и при их использовании, земля не страдает ни колечко. Бери, человек, пользуйся. Умных мужиков у нас хвагает. Вот пообещай им тройную Нобелевскую премию, и они тут же найдут способ собирать ветер или свет в одном месте, усилить их во благо человека. Энергии было бы предостаточно. Но нет же, блин, не выгодно так монополистам. Всё их благосостояние измеряется в баррелях. Они обкрадывают людей, обманывая, что земля и ее богатство принадлежат всем, но в то же время ужасно боятся поделиться с остальными. Квоты, разрешения, лицензии и ещё черт знает что напридумано для узаконивания этого грабежа. То, что они гробят и ускоряют смерть земли-матушки, молчат. Они если думают о праправнуках, то только о своих: «я накоплю столько, что хватит и праправнукам». Ну, скажи, Маратик, разве же он не дурак? Разве может земля улететь, потеряв гравитацию в безвоздушное пространство, поубив всех, кроме его отпрысков? Или же станет земля непригодной для житья от глобального потепления или атомной зимы

...вед кроме его отпрысков? Вот этот губитель земли сидит у себя
...нибудь в Думе и готовует за запрет оборгов. И, знаешь, при этом у
... такая умная морда — ужас! Ты, козы морда, гробишь землю, а сам
... растерзать какого-нибудь гилеколога! Тыфу на тебя!

Здесь должен сказать, что автор не вынашивает задачу показать
... свою «недоделанность» в плане грамоты. Ох, лапрогиа, не прочь
... это, но оставляет всё как есть в лексиконе Романыча, который
... натуры своей добознателен, интересуется всем, но выгиывает как-
... то со своей направленности. Кроме того, его речь подкупает такими
... брызгами и даже порой может прозвучать ужасно поэтично. Очень
... можно, и даже, скорее всего, так, что он привык преподавать таким
... образом себя слушателям. Возможно, подумает я, он таким образом
... своим образом главы семейства, его судили эфирные роты, хотя поточ-
... перестали обращать внимание, образ остался, превратившись в
... человеческую натуру. Не хорошо, конечно, думать так о человеке,
... который доверяет тебе свои мысли. Но ты я не привык недоговаривать.
... тогда излагаю их на бумаге. Бумаге я очень даже доверяю.

Особо запомнились слова Романыча, которые он выдал утром.
... Речь шла о том, что косяк когда роса — одно удовольствие. Он сравнил
... тогда траву с девушкой. «Да, трава утром как девушка спроеонья. Даже
... под косяк визжит по другому, как бы с удовольствием, дескать,
... нормалёк, никто не насилует и всё происходит по обоюдному
... согласию». Сказать, что это поэзия не могу, знаю, что какой-нибудь
... интконсультант сразу выдавит «сие от лукавого». Но я тогда громко
... рассмеялся и сказал Романычу, что он выражается временами ужасно
... «ротично». Обычное, вроде как, слово, а он вслышал. Ему не нравилось,
... что это слово в последнее время говорят слишком часто. Например,
... дикторы на телевизору, говорит Романыч, забыли другие слова
... сравнения и всё, что красиво называют не иначе, как «эротично»,
... «сехспильно».

Знаешь, Маратик, я начинаю догадываться, каким местом они
... думают, прежде чем сказать. Смотрел как-то передачу, посвященную
... ко дню рождения Утесова. Я очень люблю его творчество. Он ведь

принадлежал не только Одессе, а весь Союз им гордился. Даже память о нём и то успели опоганить своим языком. Какая-то поп-дива, — знаю, как они там называются, выразилась, что все женщины Советского Союза мечтали о нём, поскольку де Утесом был ужасно сексопильным. Каково? Зачем марать память о других и судить их по своим меркам? Знаешь, Марагик, я долго не мог объяснить значение этого слова. Думаю, что сексопильным может назвать только кобель сучку, когда у последней течка. Ладно, что он - зверь и чувствует это обонянием. А дикторша (эта, извиняюсь, сучка) чем мужиков чует. Да, ничем. Просто думая все время только об этом, отупела до такой степени. Телезригелей особо не уважают. Сожрёт всё, что дадут! Куда он денется! Что-то тоже вроде монополии. Как будто на телевидении выбирают ведущих, у кого мозги и то расположены где-то в районе промежности.

Понесло Романыча, но я поберегу ваши уши, излагать все не стану. Особо он выделял снимающихся в программах типа «Дом-1,2», «Каникулы в Мексике». Говорил, что эта самые дешёвые из всех проституток и ему стыдно, поскольку имеет такой же внешний облик, как эти тупые «самцы» и «самки». Были и другие слова...

Всё-таки, проблема о потребительском отношении к Земле для Романыча была главной. Какне бы он не выдавал «переборы», было видно, что человек действительно переживает и говорит о том, что его тревожит в действительности. Даже патриотизм в нынешнем его понятии, считает Романыч, придуман в ущерб всей планеты. Люди замыкаются в границах своей норы или, как кулики, хвалят только своё болото в ущерб общего дома — Земли.

- Она-то в чём виновата, если вы как нерадивые дети стали чертить границы и норовите обжираться друг друга, не глядя на седеющую и больную мать? Нет, не понимаю я всё это, Мараг.

Когда я назвал его космополитом, обиделся не на шутку, но после объяснений успокоился и был удивлен, что сделали чуть ли не ругательством такое хорошее слово. Я также вспомнил, что во времена их молодости действительно кого-то ругали космополитами. Да и мало ли кого мы тогда ругали. Теперь же других ругаем...

Секрет семьи Романыча я узнал в последний день нашей общей страды. Зарод, как он говорит, уже был «выдан на гора» и ждал своего часа прибыть к его дому по первому санному пути.

Роман Большаков, как объяснил мой «работодатель», приходится ему отцом, хотя таковым не является. Этот его очередной «перебор» типа четырёхугольного треугольника, меня ошарашил совсем.

- Да, да. Так и есть. Он мой отец, хотя никогда им не был.

Рассказ его был длинным, то и дело прерываемый Галиной Пеговой. Романых ставил её «на место» и начинал всё сначала. Мне так же стоит изложить это с самого начала, как я все это воспринимал и представлял.

Молодой новоиспеченный летчик Роман Большаков прошел ускоренные курсы в конце июля 1943 года и прощался с родным городом. Уже завтра их отправят в областной пункт мобилизации, а оттуда, наверное, на фронт. Все курсанты спешили попасть туда. Все казалось им, что война вдруг кончится и даже порой думалось, что до их прибытия будут сбиты все фашистские самолеты. К тому же на последнем и прощальном построении курсантов предупредили, что их распределят в разные авиаполки и дивизии, где будут так же обучать в качестве ведомых в отдельных эскадрильях и группах. А время идет. Как еще всё сложится, думал он, а вдруг да капитуляция. Капитан Рогов, инструктор по материальной части не раз им говорил, что война будет продолжаться, пока не будет капитуляции, а после всегда добавлял «наверно уже и недолго осталось».

Город уже спал, а он по пути домой встретил воле почты соседку Варю, которая училась классом ниже. Варя очень обрадовалась и готова была расцеловать:

- Как ты кстати, Рома. Ты ведь мне помогаешь, правда? Я так и знала, что кого-нибудь обязательно встречу. А это ты оказался. Здорово повезло!

Они встречались часто и не только в школе, но никогда особых отношений не поддерживали. А вдруг да такое внимание. Знает, что я на фронт?

Все оказалось гораздо проще.

Это уже сам представил, что примерно такая встреча состоялась у Романа Большакова с Варей. Вполне возможно, что именно такой встреча и была. Она, конечно же, могла происходить совсем иначе, но встреча состоялась – это факт. И на этой встрече Варя попросила Рому сходить к Евгению, от которого ждала ребенка, но сказать побоялась.

- Женю завтра тоже забирают на войну, представляешь? Я сама виновата, что дотянула до этого дня, в каждый раз откладывала не завтра. Как думаешь, простит он меня? Наверно простит, а вот его родители... Давай-ка на всякий случай напишу записку, если что – передашь ли он выскочит.

Знать, не суждено. Евгения дома не было. У них вообще ничего не оказалось.

Соседи рассказали, что они всей семьей уехали в область к дяде

Евгения, откуда и собирались проводить всей семьей.

На обратном пути Роман, как мог, успокаивал Варю и проводил до дома учительницы по истории Людмилы Валентиновны, где пили чай, говорили о войне, о близких. Но про Евгения промолчали.

Романыч выпивает немного, но так прогивного пьёт, что я каждый раз незаметно отворачиваюсь. Он словно заставляет себя глотать горькую микстуру. Весь сморщится, закроет глаза и водит острым кадыком вверх-вниз, будто она лезет обратно. А самогон у Пестровны хороший, настоящий на травах с кориандром, на шоколаде с кофе. под вид коньяка. Смак!

- Одним словом, Маратик, очень быстро пришла похоронная на Романа, а Евгений был арестован своими же и сидел в лагерях. Что он сделал, были ли в чем виноват – я не знаю. Сам, поди, читал, какое было время. Солженицына тоже арестовали на фронте, хотя Евгений и вправду мог оказаться и дезертиром. Мне, правда, не хочется так думать. Не должно так быть. Плакали обе бабушки, но все тогда были уверены, что я являюсь сыном Романа и Вари. Записка была обнаружена среди страниц его записной книжке на комод: «Я всё тянула время, но собиралась сказать. У нас будет ребенок. Ты вой и не беспокойся. Я буду хорошей мамой, и мы тебя дождемся с войны. Целую. Варя». Одним словом, настоящими бабушками были мамы Вари и Евгения. Мать Евгения ни слухом, ни духом, а ревела больше всех мать Романа. За записку она ухватилась обеими руками, ей очень хотелось иметь продолжение любимого сына. Она была бесконечно благодарно судьбе, что сын оставил ей такого внука. Но!

Но имеется и другая версия... Отец, вернее Роман, который впоследствии оказался жив, вернулся и продолжал платить алименты на моё содержание все восемнадцать лет, зная, что отцом и не является. Он жил с другой женщиной в Нижнем Новгороде. Я жил у бабы Лизы. Она, чтоб тебе было понятно, мать Вари, то есть настоящая бабушка.

Роман Алексеевич мне сам после рассказывал, что отцом его, якобы, решили сделать все эти три женщины вместе, а подтолкнула их к этому та же учительница истории Людмила Валентиновна. Зная, что мать Вари, вырастившая дочь одна, является инвалидом, а офицерский состав имеет возможность лучше содержать свою семью, они втроем решили, что отцом являлся офицер Большаков Роман, который героически погиб, выполняя долг перед Родиной. Свидетельством этого послужили показания учительницы, других соседей, видевших их вместе перед отправкой на фронт и, конечно же, записка. Плохо бы пришлось бабушке без офицерского содержания. А так получилось, что есть на

что содержать ребенка и к тому же, на мое счастье, я вырос не сыном врага народа, а героя войны. Вот такая, Марат, история. Отец, вернее, Пыльшаков Роман, на чье содержание вырос, умер лет тридцать назад. Я его хорошо помню, но сама история держалась втайне от меня очень долго. Какова судьба и даже какая была фамилия настоящего отца, я не знаю. Бабушка (которая Большакова) приезжала часто, но прожила недолго.

От рассказа Романыча я даже протрезвел, заболелась голова, правда не от поправившегося мне самогона. Он хорош, слов нет! Я сильно нагрузил остатки мозгов, запоминая, кто и кем является и кто из бабушек настоящая, а которая – нет. Толи от услышанного, то ли от самогола душа размячилась, что мне стало жаль Романыча. Всё казалось, что ему было плохо. Он рос без отца, а его к тому же почти всю жизнь обманывали, а когда рассказали, то сделали еще больнее. Из огня да в полымя почувствовать себя вдруг под старую задницу сыном дезертира или и того хуже – предателя... Галина Петровна, видимо, заметила мое состояние. Наверное, потому, что когда-то сама тоже переживала за мужа, испытывая такие чувства.

- Конечно, случай этот очень даже печальный. Однако же, согласишься, Марат, чего только не наделала эта война. В те времена, наверное, бывали случаи и не такие! Так же ведь?..

Домой я шел слегка ослепшими глазами и малость печальный. В руке нес пакет с трехлитровой банкой молока и, что немаловажно, бутылочкой замечательного самогона. А, что? Заработал я честно.

СЛУЧАЙ В АРМИИ

1.

- Слушай, Володя. мы тут не оккупанты и не мародеры, чтобы так поступать с населением! Мы – солдаты Российской армии, а ты что вытворяешь? Это кража, понимаешь? Кража! Они же подумают, что вся армия такая.

Младший сержант Капустин Михаил отслужил полгода в учебной роте, ещё около полугода в полку, а теперь ехал в отдельном товарном вагоне в качестве старшего группы в сторону Белокаменной. Еще с грехом солдатами они должны получить на складе одного из воинских частей кое-какую военную технику и сопровождать этот груз обратно в свой полк, расположенный на Северном Урале. В группе были: уже упомянутый Володя Степняк, которого называли старослужащим или просто делом, вместе с ним находился ефрейтор Голубев Саша, который так же дослуживал последние месяцы и молодой военнотружаший Сережа Трухин. Техника, за которой они ехали, находилась на вооружении ещё с советских времён, но, как и многое другое в армии, считалась все еще чуть ли не секретным оружием. Парадоксы в таком деле могли, как говорил ротный Белоногов. «иметь место, и может оказаться в деле такой боеприпас, который использовался еще в первую отечественную, но до сих пор плохо изучен врагом».

Обычный, ничем не оборудованный пустой вагон они получили уже после обеда на станции Свердловск-Сортировочная и вечером уже выехали. Кроме вагона им дали кое-какие инструменты, старые использованные доски с торчащими гвоздями, печь-буржуйку. В углу совершенно пустого длинного вагона за наспех сколоченными досками возвышалась куча каменного угля. На всех были белые полушубки, валенки и рюкзаки с нехитрой посудой, ложками, белой материей для подворотничков и, конечно же, сухой паек в коробках. Кроме всего имелся на всех один тулуп, который должны были надевать попеременно и стоять на обратном пути на тормозной площадке по два часа каждый. Технику предстояло охранять. Его требовал Устав караульной службы.

Миша Капустин в данный момент выговаривал Степняк Володе, который за полчаса стоянки на неизвестной станции успел реквизировать стол, два стула и диван.

- Какое там мародерство, Миша? Ты что, вообще? – казалось, что Вовка и вправду ужасно удивлен его словам, - Этот их закуток даже треснутым уголкем назвать язык не повернется. Закуток такой, закрытый на одну лишь щеколду, видимо заходят покурить кому не лень. Вон, видишь, на ножке стола окурки тушили.

- И вправду, Миша,- поддержал его Голубев,- какой толк теперь говорить, если мы уже отъехали и все равно обратно не вернемся, чтобы вернуть эту труху. Вот я еще кое-что прихватил.

Сага достализ-затопчана новенькое ведро:

- Там ещё был бак с водой и алюминиевая кружка, но она, зараза, так прикручена к стене, что не оторвать было.

В вагоне, рядом с их кое-как сколоченными нарами, появились теперь вполне цивилизные вещи. Стало как-то веселее и по-домашнему уютно. Кроме того, с Саней Голубевым никто спорить не хотел. Он, как выяснилось, уже побывал в такой командировке, а потому с ним все делалось будто по давно принятым обычаям, а действия их считались допустимыми. Кроме всего, одним путем буржуйку топить не будешь. Для растопки требовался и древесный материал. Благо, что товарняк очень часто останавливался и стоялиногда сутками. Они могли приехать к месту назначения и через два месяца, хотя на пассажирском поезде можно было бы за двое суток. Их вагон бесконечно отцепляли с хвоста состава, пускали с гор, прицепляли к другому эшелону, и вели снова, но уже в другую сторону. Ребята, вооружившись, выбегали с угрозами приставали ко всем, но ответ был один:

- Вам, служивые, нужно на другую ветку, а переформировка совершается только на том железнодорожном узле. Это неизбежно. Там вас прицепят уже к другому составу, который пойдет по Горьковской железной дороге. Конечный путь нам известен и мы вас просто перецаем друг другу.

Только один выдавший виды машинист, который тоже торчал вторые сутки, успокоил их, объяснив место каждого в этой кутерьме под названием железная дорога.

- Вы что, бойцы, горло дерете? Солдат спит, а служба идет. Не знаете разве? Меня вот старуха ждет, дети, а вам зачем торопиться? На дембель не опоздаете и ладно. Командиры ваши, как и пионервожатые в лагерях, выпустят одну партию и получают новую. И так в каждые полгода: то весенний призыв, то осенний. Им, ребятки, до фени сколько вы проездите. Меньше народу в казармах, тем лучше. Все знает про проходимость товарняков. Это, ребята, вещь сложная и точная. Все эти поставки, отгрузки различных стройматериалов, железных заготовок,

деталей и запчастей для сборки на завод в другом городе имеют свои сроки. Слова Богу, нет войны, чтобы бросить всех и подчиниться только вам – военным. Было так в войну, но больше не нужно. Теперь все подчинено труду и связям между всеми заводами, строителями, нефтяными складами и черт знает, чем ещё. Они ведь, если что, свяжут себя для порядка со штрафами за простой вагонов. Так-то вот, ребята! В этом царстве-государстве вы приравнены всем этим деталям и запчастям. К тому же, я точно уверен, за ваш простой никто не пострадает. Поэтому вас повезут, когда полностью наберется весь состав. Вozить пустые вагоны или в малом их количестве уже нас железнодорожников - по голове не поглядят. Железная дорога не позволяет такую роскошь. Отдыхайте, солдатики.

То, что Вова Степняк с Саней Голубевым успевают найти и выпить спиртное, Мишу Капустина мало волновало. Пару раз он сам разрешил сходить в избушку не то смотрителя, не то спешника вагонов распложенной в этой снежной степи с продуктами из набора сухого пайка. Степняк очень даже удачно сумел поменять все это у хозяина этой избушки на приличное количество самогона. Однако же состояние Сережи Трухина его волновало не на шутку. «Молодой», как выяснилось, получил перед самой командировкой письмо от девчонки которая извнилась и сообщала, что выходит замуж. Очень даже жалко, что в той спешной подготовке к отбытию, так мало обратил внимание на каждого из ребят. С Вовой и Саней все было ясно. Им уже подсчитывающим количество дней, оставшихся до дембеля, было только на руку поменять обстановку. Вон Саня Голубев даже девку нашел среди этих вагонов и эшелонов, где и мужиков-то мало где встретишь. Миша поискал и нашел Саню в тельгушке у хохлов, которые везли живых свиней. Их было трое: муж с женой и девушка с ними.

Видно было, что они хорошо выпили, и семейная пара в шутку называли Саню «зятем». Молодайка отказывалась идти с ним до того вагона, где ехали свиньи, все говорила «Нет, не пиду. Что-нибудь сделаешь и пид рельсы кинешь».

Саня зашлетающимся языком отвечал: «Что-нибудь сделаю, но пид рельсы кидать не буду». Все смеялись, и Миша еле уволок Саню в свой вагон. Гот смеялся, шевелил ногами, стараясь помочь сержанту тащить самого себя.

- Тоже мне, кавалер хреновё- ворчал Капустин, - тебе такому не то что бабу пид рельсы, ничего другого уже не кинуть при всем желании.

- Ты что, салага, из-за девки слюни распускаешь? А кого из нас не

«и орчали» эти мокрошелки? Вышла замуж, так хрен с ней. Армия выходит не только нас проверяет, но и их – на вшивость. Полгода не смогла подождать, а значит, слаба на передок и потом бы кому-нибудь подставила. Не будешь же ходить за юбку держаться. Я помню, еще до армии у нас соседка такая была. Проводила, б... парня в армию, потом выскочила за другого и ходила хвасталась, что тот придурок стрелялся из-за нее и остался инвалидом.

- Да хватит тебе, заладил, - остановил Степняка Миша, - хотя прав ты, конечно. Трижды прав. Давай-ка лучше поесдим чего. Саня, сбегал бы к своей хохлушке, а? Сальца бы попросил мороженого.

Однако с салом ничего не вышло. Когда Голубев переполз под вагоном последнего эшелона, то состав своей «невесты» не обнаружил. Их отправили на переформировку. Он и сам сразу не мог бы ответить на за что опечален: толи потому, что она уехала: толи потому, что без сала остались. «Любовь, мать вашу, - проговорил про себя и почему-то подумал – стоило ли из-за сала стреляться?», а потом понял – какую чернуху спороти – расхохотался.

Миша и вправду очень беспокоился за Сережу Трухина. Только ЧП им не хваляло! Вот-вот отправят дальше, а ты сиди и бойся за него. А вот возьмет и кинется на полном ходу из вагона, а как ему помешаешь. Не связывать же. Автоматы стоят на месте, да и вряд ли он стреляться будет. Всегда перед нашими глазами. Ну, что за молодежь пошла? И вправду – салабол!

В полку у них никто молодых особо не обижал, и дедовщины никакой не было. Были, конечно, кое-какие выкрутасы, отличающие старослужащих от молодых, но это приветствовалось даже самими салагами. Все же у нас принято везде соблюдать всякие обычаи, чтобы жить не скучно было. К тому же молодые знали, что со временем сами станут дедками, а потому больше всех напускали таинственность в эти обряды.

Весна и на самом деле замечательная пора. Одно пробуждение букашек чего стоит. Автору таких строк, может и стоит высыпать, как следует за такую кудную и формацию, но если подумать хорошенько – не это ли самостоятельное в весне. Ой (автор), кроме всего прочего, вполне согласен с описанием сложения мультяшного героя Маугли, когда тот однажды весной вдруг стал томиться непонятным ему

чувством. Ну, возможно, что он, как и его воспитатели – звери, просто взял и созрел в половом отношении. Весна. Как говорится, щелка и щелку... Однако же человек прежде всего влюбляется в красоту и желаемый образ, которого сам дорисовывает в свою угоду, совершенно не думая о половом влечении.

Даже автор сам, будучи совершенно, можно сказать, маленьким, узнал где-то о прелюдиях к деторождению и как-то ночью давал себе клятву, что когда вырастет никогда, чтобы иметь детей, как эти взрослые, обижать свою жену не станет. Смешно? Конечно. Но хочется этим сказать, что полудетскую любовь и половое влечение отождествлять не нужно. Маньяка – тоже влечет.

Алену Сережа повстречал зимой, но чувство в нем проснулось огромное. Наверное, повстречайся они весной, еще большим оно не стало бы. Больше и не бывает. Встретились совершенно случайно на улице, хотя потом выяснилось, что учатся в одной школе. В первый раз он увидел её выходящую из ворот детской спортивной школы с коньками через плечо. Поравнявшись, они повернули одновременно головы и улыбнулись друг другу совершенно машинально, как это порой бывает. Она была не очень большого роста, скуластая, с огромными коричневыми глазами. «Что-то от наших и кочевников. Очень красивая», – успел подумать Сережа. За зданием спортшколы, перед тем как обогнуть забор, которым огорожен наружный каток, Сережа оглянулся снова. Девочка объясняла что-то подошедшей к ней пожилой женщине, и пришлось малость постоять, поскольку, обогнув забор, он уже потеряет ее из виду. Тут ему пришла шальная мысль, которая обрадовала его и даже немного напугала своей смелостью. Он поднял валяющуюся неподалеку палку и крупными буквами написал на снегу «Ты красивая и мне нравишься. Давай дружить». Рисуя буквы, он оглянулся снова и видел, что девочка тоже смотрит в его сторону. Дописав свое послание, он повернул и пошел в сторону дома. Однако стало интересно, и Сережа вернулся назад и посмотрел за угол. Девочка стояла на том месте и читала послание. Он повернулся и такой счастливый побежал в сторону дома, хотя совершенно не знал, что дальше предпринять – где, о чем и как с ней заговорить. Дома его ждал двоюродный брат Рома, с которым они мастерили различную военную технику из картонных заготовок, которые прилагались к специальному журналу. Их привозил из зарубежных поездок папа Ромы, который что-то помогал строить одной из дальних стран.

На другой день в школе Сережа так сильно обрадовался, увидев эту девчонку с другими подругами, выходящей из кабинета химии на

втором этаже. Выяснилось, что она учится в 9-«а» классе, расположенном на правом крыле школы – возле входа в буфет. Она его не знала.

Встретил он её только через день и она была возле спортивной школы и снова с коньками. Одетая была также, как и в прошлый раз: в короткое и широкое светло-зеленое пальто, почти детскую, вязаную шапочку; а на ногах белые валенки. Ну, словно шестиклассница какая. Вблизи правда, оказалось, что она вполне взрослая – как и девочки из их десятого класса, но только гораздо красивее. Звали её Алёной, и была она очень даже простая и совсем даже не вышндривалась, как его одноклассники. Подошла и просто сказала, улыбаясь на всю ширь красивого лица, образуя ямочки на щеках «Я не против с Вами дружить. Меня Алёной зовут».

Так родилось то, что со временем переросло в то огромное и светлое чувство, которое изменило всю его жизнь. Сережа понял – он влюблен! Сколько бессонных ночей проведено с мыслями о ней, одна другой сладостней и томительней. Чувство этого его ученью не особенно мешало, хотя ничем и не помогало. Уже даже медленно шли последние уроки.

Если бы их дружба была сопряжена с посещениями семьи друг друга – как это бывает у некоторых мальчишек, то они бы имели как минимум бытовые обязанности перед друг другом и «спредками», что мешало бы им напосовину ещё совсем детской любви. Они старались встречаться на стороне, просколюбывая друг другом без посторонних. И влюбленность их была такая же чистая и белая, как из снега вдали от толпы людей.

Впервые поцеловались у праздник Нового года, когда притались к её докучливый подруг, спрятавшись за партами, которые вынесли из Сережиного класса, где установили ещё одну, только для их класса, скамью. Они гордились своей елкой, говорили «В спортзале школьная классная елка, а у нас – десятиклассная!».

Поцелуй был не совсем обдуманным, будто совершали обыкновенную необходимую вещь, но так казалось только в начале порыва, а когда соприкоснулись их губы, то они, как Алиса, будто оказались в стране чудес. Это было и таинством и сопровождалось головокружительным достижением чего-то ужасно важного, что раньше было для них недоступно. Если Алёна, счастливой улыбкой опускала голову, то Сереже это таинство понравилось так, что с этого дня ему только и хотелось – целоваться! Она бедная, уже прятала свои губы у него на груди, поскольку сама, как выразилась, любила

«разжевывать» каждый поцелуй, млея и дожидаясь исчезновения головокружения.

3.

На кухне за столом, накрытым спиртным и закусками, сидели трое мужчин. Рядом с тарелкой с солеными огурцами стояла трехлитровая банка из-под них, металлическая миска с квашенной капустой, хлеб и нелопигая бутылка водки.

- Все мужики. Все на мази. Профессор наш дело своё знает туго, и все предусмотрел. Поезд трогается завтра перед обедом и будет на месте примерно в девятом часу вечера. Мы выезжаем с Валстом на его машине во втором часу, и будем ждать на месте. Валет место знает, уже трассу проверял, как он это всегда делает. Все наши остальные, кому надо, подъедут вслед за нами буквально минут через пять. Только они выедут на «фуре» с противоположной стороны. Все обойдется, как и в прошлый раз.

Мужчина лет сорока с огромным крючковатым носом, желая показать, что и он тут не последний человек, проговорил, закусывая хрустящим огурцом:

- Место-то ништяк? Не проколемся?

- Ты что, Батый, профессору не доверяешь? Может сам план-схему какую набросает? – смеялся главный из них, сухопарый мужчина, которого называли Гончаком. – Место там, как говорил Крапленый, идеальное. Железная дорога огибает вправо небольшой сосновый бор, за которым есть переезд на пересечении с шоссе. Небольшая авария на переезде продержится до прибытия ментов достаточно время, а хвост состава, где наш объект, будет находиться от места аварии за ширмой этой сосновой роши в невидимом месте и на достаточном расстоянии. Нас не будет видно со всех сторон, и при такой метелице, на таком расстоянии, да работающем локомотиве и слышно не будет совершенно. Открывая двери контейнера хоть атомным взрывом.

Ехать действительно пришлось долго. К тому же в этих четырех стенах с бесконечным сжиганием угля, они стали походить на кочегаров. Тогда Голубев сходил и узнал, что почти на каждой стоянке можно найти душевые кабины для рабочих «железки». Расположены они тоже близко от путей, что помыться всегда можно успеть. Первыми туда отправились он сам с Володей Степняк. С таким важным видом, он --

гда теперь шутя звали «хохляцкий зять» - снял с себя все верхнее и укатился под шубой, как говорится, в одном исподнем.

- Пока, славяне. Я буду сегодня спать с чистыми причиндалами, - под общий хохлогонит выпли и лобезалик зданию дело, расположенный совсем рядом с дорогой.

Однако в расписании, видимо, что-то изменило съ, хотя ребята заранее все узнавали у машиниста, дяди Егора. Буквально через минутнадцать состав тронулся и стал набирать скорость. Миша с Сережей, выйдя от переживаний за друзей на тормозную площадку, видели, как те успели запрыгнуть на такую же тормозную площадку последнего вагона. Только у них ватона под боком не было. Простояли ребята, правда, не очень долго. Остановка была минут через сорок. Когда они вернулись, Миша Калустин мохотал на диване, держась за живот:

- Ой, не могу, ребята! Ой, не могу! - он выпал с дивана весь в слезах от хохого и уже смеялся стоя на коленях, положив почему-то голову на стол.

Такая его неестественная поза сама вызвала смех, что смеялись даже все четверо. К тому же, Миша продолжал доводить их:

- Не знаю, самды, как в счет причиндалов. Может они у вас и белые, не морды у вас посинели от мореза, это точно! Ой, не могу. Давайте я хоть НЗ в вас утощу.

Остатки самогона пригодились как нельзя лучше.

Было также смешно, когда на другой день Миша с Сережей сходили и помылись не спеша, - все время другой стоянки. Сережу разбирали смех, и он притал лпню, но подучалось плохо.

- Что, салага, хочешь сказать, что у тебя морда тоже осталась не синей, как и причиндалы?

На последнем пункте, где вагон сцепили и отвели в гузик, Миша с Саней пошли, оставив ребят возле депо, к коменданту вокзала. Комендантский взвод, сидевший подобранные крепкие ребята, подехали на всенном грузовике и быстро заставили вернуть их в вагон: загрузить туда четыре длинных ящика, оббитые блестящим металлом и опечатаанные множеством железных пломб.

- Понимаю, зяттики, что вам бы хотелось выспаться хотя бы одну ночь на постельке нашей казармы, но не получается. Москвичи проверку затели, сами казармы освобождаем - четверть уж на «убу» определили. Так что вы извиняйте нас. Единственно, что смогу, так это накормлю досыта и с собой карчей подкину. Мои ребята а пола пестоят на охране груза.

Покорили их на салом деле славже и с собой дали большущую

кастрюлю с варенной картошкой, завернутую в тряпье, несколько рыбных консервов, сухофруктов и квашеной капусты.

Стоять в тулупе, валенках и любоваться деревьями в снегу и инее одно удовольствие. Было свежо, но не холодно. К тому же особой необходимости в этом во время движения не было. Груз находится внутри вагона, как говорится, перед ясными взорами группы, а потому выходили на тормозную площадку редко, чтобы покурить и полюбоваться величественной природой. Было удивительно и красиво видеть, как длинный, наподобие змеи состав ползёт по ущелью и сосны растут высоко над вагонами по отвесной стене из плитняка. то поднимается на насыпь, что деревья растут далеко внизу, едва выставив свои верхушки. Кроме того, впереди их вагона находился красивый вагон-контейнер с иностранной надписью. Сережа изучал в школе немецкий, а тут видимо на английском, и он ничего так и не смог прочитывать. Стоять на площадке последнего вагона на поворотах и видеть впереди, как эта змея меняет своим туловищем первоначальное свое направление и ползет за холмы, было интересно. Как затемнеет, выходить «на улицу» и вовсе необязательно. Однако, едва наступили сумерки, как поезд стал замечать ход и крививший на площадке Сережа, посмотрев вперед, увидел, как начало состава, изогнувшись вправо, с едва заметным огоньком локомотива заползло и спрягалось за темнеющий лес. Состав остановился. Во время стоянок пост никогда не пустовал. Это было нерушимым правилом группы. Сережа вошел внутрь вагона, вышел оттуда уже с автоматом и занял пост.

- Что там, молодой, делается?- вышедший до ветру Степняк посмотрел из-за угла вагона вперед, но ничего не увидел, - Наверное, встречный пропускаем. Дай, зобну пару раз, уши пухнут.

- На встречный не похож. - отвечал Сережа, - уж больно место загибулистое.

- Какое-какое место? - засмеялся Володя,- За-ги-бу-лис-тое? Хорошо, что язык у тебя, салага, загибулистый, а то бы сломался от такого слова.

Оставшись один, Сережа снова задумался об Алёне. Уже который раз, представляя огромные, как омут, коричневые глаза, ямочки на щечках и привычку замирать после каждого поцелуя, он никак не мог поверить, что она способна на такое. Однако же и шутить так дико, тоже не могла. Ужас! За какие-то полгода! Кому теперь верить-то, своей ведь считал. Обещали друг другу вечную любовь, верность «по гроб жизни». А вдруг Степняк прав. Неужели такой слабой на передок оказалась? Нет же, блин, нет! Не про неё всё это! Кто угодно, но только не она!

Однако же письмо огнѣ, и почерк...

Крутом уже было достаточно темно, когда Сережа увидел троих мужчин приближающихся к вагону. Здесь в лесу и к их вагону? Непроста такое. Если бы на посту в это время стоял, кто-либо из «ледов», то они бы наверно крикнули матом и коротенькой очередью положили бы их мордой в снег, а потом кепере совапсь. Сережа, как молодой боец, сразу представил врагов, охотящихся за их секретным оружием и действия его строго соответствовали Уставу караульной службы, которую заставляли зубрить наизусть.

- Стой, кто идёт!

Неизвестные остановились, но видно было, что не особо испугались. И все же команда была неожиданной, а потому они посоветались о чем-то и направились уже прямо в сторону Сережи.

- Стой, стрелять буду!

Едва Сережа успел перелернуть заговор, как прозвучал выстрел, и ему обожгло бок. Он понял, что ранили, не особо делаясь, дал короткую очередь, да что выбежали еще не одетые в полушубки Миша с Саней. Миша при этом только успел подумать о несчастной любви Трухина. И уже хватался за голову, предполагая, что ЧП, которого он так боялся — случилось. Однако, Сережа сидел, прислонившись к стене и показывая в дальний угол вагона.

- Они там. Оттуда стрелили.

В это время прозвучали еще два одиночных выстрела, и Миша быстро выдернул автомат из-за спины и тоже дал ответный выстрел. в горьчке не заметив, что предохранитель находится в положении одиночных выстрелов.

- Раненого - в вагон, занять оборону по обе стороны площадки. Без надобности не высовываться, но и не подпускать. Могут кидуть что-нибудь и учинить пожар.

Никто бы раньше не подумал, что Капустин так командовать умел, однако теперь не до того было. Сережу занесли в вагон и положили на диван, а на посту остался Галубев.

- Что будем делать, ребята?

По слышалась еще одна короткая очередь и в вагон ворвался Сани.
- Похоже, ребята, они думают, что мы груз везем в соседнем вагоне. Пытались открыть контейнер, но выстрелил, и они спрятались за вагоном. Надо что-то сделать, совсем темно становится.

Миша хотел было что-то сказать, но в это время постучали по вагону и раздался крик:

- Эй, вы там, бойды! Наступ иноро, а вам ждать помощи не откуда!

Вы нам не мешаете, и мы вас не трогаем! Мы заберем свой товар из контейнера и уезжаем! Вам ясно! Можем ящик коньяка оставить! Куда вам такой расклад?!

Всем сразу стало ясно, что против них противостоят всего лишь бандюги, а не какие-нибудь спецагенты по захвату оружия.

- Ни хрена себе, - проговорил Саня, - я думал, что на поезда нападают только на диком Западе и только в прошлом веке.

Гут Степняк проверил свой автомат и, подойдя к двери вагона, открыл его и крикнул:

- Хрена тебе лысого, бандюга! За Сережку я тебе башку откручу, а ты жди и не вздумай убежать, понял!

Но успел Миша ничего сказать, как Степняк исчез за дверью.

Ладно, - сказал Миша, - Володя не пропадет, а нам надо глубоко задуматься. Отпускать их мы никакого морального права не имеем. Тем более они ранили Сережу. Открыть контейнер им не дадим и наше положение лучше, чем у них. Мы в безопасности и можем напасть сами, когда надумаем. Минус только в одном – нам неизвестна их численность. Вернее у нас два минуса. С Сережу нужно отправлять в больницу и чем раньше, тем лучше.

Тут послышалась автоматная очередь, и появился Степняк.

Ну, что там, Володя? Сколько их ты видел?

- Короче так, - он расстегивал пуговицы полушубка, - Гут было их двое, а может и трое, но я, кажись, пристрелил одного. Скатился с насыпи. Но параллельно с нами проходит шоссе и там у них стоит фура, видимо, для вывоза товара из контейнера. Их там еще три-четыре человека, но автоматов ни у кого не заметил. Наверное, у них одни пистолеты.

- Я предлагаю такой вариант, командир...

Все вздрогнули и оглянулись на диван, где лежал Сережа. Был он сначала без памяти, а после бредил и вот вдруг заговорил так внятно. Однако, было видно, что ему тяжело и долго он не протянет. Это были не бойцы, опаленные войной в Афгане или Чечне. Временами даже казалось, что все это им снится, но делать нечего, надо – значит надо. Сережа только едва шевелил губами, но его поняли.

- Нужно напасть самим.

- Все, ребята, решено. С Сережа прав. Нападаем на фуру вдвоем, а один остается тут. Подходим поближе, один стреляет по передним колесам и лобовому стеклу. Второй – по задним колесам и бензобаку. Дальше по обстоятельствам. Ты, Саня, прикрывашь наши задницы и блокируешь вход в вагон. Эти двое тоже твои.

Получилось, правда, немного иначе, но тоже неплохо. Колеса фуры остались целыми, и бензобак тоже не взорвался, хотя потекла струйка бензина. Этого Миша видел сам. Сопротивления никакого им не оказали, и прыгнули все трое в машину, и уехали. «Профессору», который руководил налетом, лишней головной боли не хотелось.

Да, план его был замечательным, продуманным до последнего штриха, но кто мог предвидеть, что именно в этот день, к этому вагону прицелят солдат, да к тому же с автоматическим оружием.

- Ну что ж, - проговорил он в слух, - выдасть груз этих солдат не мне дороже, чем тот, который был нужен нам. Придется пока залечь на дно.

Время и место бандитами были и вправду выбраны очень удачно. Здесь можно сказать, проходила бой местного значения, но на переезде, где находился локомотив, работники ГАИ и вызванная навеской случай «скорая помощь» ничего даже не слышали. Они даже могли растащить машины с места аварии – переезда, и состав продолжил бы свой путь дальше с умирающим Сережей. Миша сам ступенчат все рожки из автомата и бежал к локомотиву вдоль вагонов, стреляя время от времени вверх. Работники ГАИ увидели его и тоже сквастились за кобуры, но их остановил машинист:

Эти солдаты сопровождения груза.

Сережу увозили по той же дороге, где раньше стояла фура. гапшники вызвали дежурную часть, а на месте обнаружили двоих бандитов, один из которых еще дышал.

Трое оставшихся солдат копчили свою уже слегка остывшую «буржуйку» и были готовы ехать дальше.

- А как звали его девочку, - дочему-то спросил Саня, будто она была виновной в случившемся несчастье.

- Алёной, вроде называл. А что это ты вдруг её вспомнил?

- Да хрен его знает. Сам не знаю, почему. Да и черт с ней. Серега – парень что надо. Еще позстреляет своею. А, выдасть, любил здорово, - проговорил Миша задумчиво.

ДЕТСТВО

- Смирнова! Вы Смирнова? - из двери кабинета на втором этаже администрации выглянула девушка.

- Да, это я, - со скамейки, стоящей у противоположной стены, поднялась молодая женщина около 30 лет в черной куртке из кожзаменителя.

- Проходите.

В кабинете за столом сидели председатель комиссии по делам несовершеннолетних Прохоров Александр Иванович, девушка в форме полицейского и ещё две женщины. Девушку в форменной одежде она уже встречала в инспекции по делам несовершеннолетних в здании горотдела милиции, а женщин видела впервые.

- Итак, - начала одна из женщин, как позже выяснилось, представитель Управления социальной защиты, - вы, Смирнова Галина Владимировна, проживаете по улице Клары Цеткиной шестнадцать, квартира сорок два, нигде не работаете, муж в местах лишения свободы, дочке три годика. Всё правильно?

- Да. Всё правильно.

Так началось заседание комиссии по делам несовершеннолетних но из трёх приглашённых прибыла только одна Смирнова. Докладывала инспектор полиции по делам несовершеннолетних Калугина Раиса Николаевна:

- Смирнова Галина, двадцать восемь лет, дочери три года, нигде не работает, пьянствует, водит к себе посторонних мужчин. Часто оставляла девочку одну, голодную, а сама уходила к знакомым, где могла остаться с ночевкой. Поставлена на учет, как неблагополучная семья. В последний раз проверяли неделю назад, была дома, но пьяная, девочка неухоженная, у неё педикулез. Дома из продуктов только хлеб и макароны. Даже молока в холодильнике нет. Пусто. Составлен акт о жилищно-бытовых условиях. Моё мнение - лишить Смирнову родительских прав, поскольку девочка находится в опасных условиях и с ней в любое время может случиться несчастный случай. Её следует изъять из семьи и поместить в социальное учреждение, а позже, исходя из дальнейшего поведения Смирновой и возраста девочки, передать под опеку или в интернат.

- Я не была пьяной, а выпила только бутылку пива. И на ночь я уходила только один раз. Смирнова заревела как старшеклассница

громко и с надрывом. - Не надо меня лишать родительских прав. Я устраиваюсь на работу! Я закодируюсь у нарколога! Дайте мне ещё один срок!

- И когда это ты собираешься кодироваться, ка какие шиши? Хотя ведь на пиво находишь...

- Я уже всё решила. После пятнадцатого числа, как получу детское пособие сразу и закодируюсь.

Саму Галину попросили выйти в коридор и начали совещаться. Девочку действительно было опасно оставлять у такой мамы. Она уже начинает отставать в развитии, совершенно не ухожена. А как же сцены она наблюдает при таком образе жизни матери. В это же время все посматривали на представителя социальной защиты. В таких случаях за ней осталось решающее слово. В последний месяц из областного министерства социальной политики ясно дали понять, что показатели по лишению родительских прав в области явно выше среднероссийских. А потому в таких случаях все представители этого учреждения привыкли повторять давно сложившиеся фразы: «Не надо забывать, товарищи, что основная задача социальной службы - это сохранение семьи. Только от такой жизни мечтает каждый ребенок в наших интернатах». Хотя слова эти заучены, как дежурные, но они отражают действительность. Возражать было нечем. Когда пришли к общему мнению - дать последний месячный срок на устройство на работу и кодировку, позвали Галину в кабинет.

Она, слезно поблагодарив членов комиссии, ушла домой, где её дочь по договоренности находилась с соседкой.

Другие приглашенные нарушители не явились, и было решено разойтись.

- Пожалуйста, Раиса Николаевна, к следующему заседанию обеспечьте явку всех, кого не было сегодня. Габуркины уже второй раз не являются. Им, видимо, наплевать. Пусть на дежурной машине полиции задерживают, но чтобы были. Если надо, я позволю начальнику полиции, чтобы дал такую команду.

Порядок в квартире у Галины Смирновой проределся почти два месяца. После истечения данного срока у неё побывали работники службы опеки и составили нормальный акт. Она повеселела. Дочь Алёнка в эти дни ходила с коротко постриженными волосами, пахущими химикатами от выпаривания вшей, и почти в новом платье, которое дала одна из соседок. Она частенько отдавала уже тесную одежду быстро подрастающих своих дочерей.

В швейном цехе, куда Галина устроилась уборщицей, платили.

как и везде, особо не загуляешь. Так принято у нас говорить, хотя слово «особо» - явно лишнее. Если учесть её долги перед коммунальными службами, накопленные за зиму, то не гулять требуется, а работать хотя бы ещё в двух местах. Её соседка Наташа со второго этажа, например тоже одна с тремя детьми и умом не блещет, но умудряется после такой же, как у неё работы, убирать в двух подъездах дома. Дети у неё всегда ухожены, мужиков, вроде, тоже не водит. Галина её недолюбливала, хотя Наталья, наверное, единственная из соседей, кто относится к Галине одинаково, как и ко всем другим. И денег у неё, если есть, можно занять.

Аленку с горем пополам с помощью той же комиссии удалось устроить в садик. Она быстро догоняла своих сверстников и после своего одиночества стала очень общительной девочкой, что все воспитатели только разводили руками. Галина тоже стала следить за собой, что соседи удивлялись и говорили ей:

- Ну и характер у тебя, Галя. Другая бы давно заболела от таких проблем.

Было трудно понять: из-за неустроенности у неё родился такой пофигизм, как ответная реакция или же родилась такой пофигисткой, из-за чего впоследствии создала себе такую жизненную неустроенность. Никто при этом не отмечал, что за этой неленой характеристикой скрывалась обыкновенная безответственность. Хорошо что об этом не знали члены комиссии, иначе разговор состоялся бы совсем другой. Ей удалось скрыть один факт – она была снова беременна и все сроки уже упустила, что придется родить. Отец ребенка, как помнила, был мужчиной по имени Юрий, с которым она познакомилась поздно вечером на остановке, когда ездил к подруге в поселок. Он прожил у неё два дня, пока не кончились деньги, заработанные им случайной халтурой на вокзале. Где он работал, жил, местный или приезжий, Галина не знала. Ей уже было все равно. Однако было и кое-что, чего она действительно побаивалась - через пять месяцев освободится муж. Что произойдет, когда он вернется, она не знала, но чувствовала, что снова будет бить. И без нагулянного ребёнка бил до своей судимости, а теперь, пожалуй, и вовсе убьет. Раньше она ходила с синяками различного срока давности, а потому и разных цветов. Рядом со свежим синяком под глазом красовался багряный кровоподтёк, а возле разбитой переносицы выделялась фиолетового цвета гематома. Соседи за глаза звали её «Уральские самоцветы». К мужу она ни разу на свиданку не ездила. Он так часто нарушал там режим, что был лишен всех маломальских удовольствий вплоть до ларька, где другие могли отовариться. Пожалуй, еще больше начнет звереть, когда напьется.

Господи, – проговорила совсем неверующая Галина, – ребенку уже два месяца будет, когда он прилетит. Да уж, тут ничего не поделаешь. Придется терпеть. Можете обойдется как-нибудь».

Однако ещё через месяц она снова стала пьянствовать, и соседи позвонили в Управление соцзащиты в выходной день, что дочка оставлена одна в открытой для всех квартире, а мать дома не ночевала. Явилась она только в понедельник и дочь дома не обнаружила, её и звали и поместили в детское специализированное учреждение соцзащиты. Впоследствии её лишили родительских прав. В суде она также плакала, но соглашалась с тем, что скоро родит ещё одного ребенка и сама не будет в состоянии их прокормить.

- Я позже восстанавлиюсь в правах и заберу дочку обратно.

Судья, помощник прокурора и другие участники суда все согласно кивали головами, хотя никто из них ей не поверил. Так всегда говорят, но ещё не было ни одного случая, чтобы кто-то из лишенных родительских прав обращался в суд о восстановлении, хотя, возможно, что в других судах такие дела слушались. Все сразу почувствуют необъяснимую свободу и пускаются во все тяжкие, оправдывая себя тем, что их детям так будет лучше – там свеженьки, жареная еда и уход. Бывало, что обращались в суд и восстанавливались в родительских правах, но это были не совсем ещё конечные родители, а те кто были лишь ограничены в правах на полгода.

Когда Николая освободили, то Алёна была в специализированном учреждении соцзащиты, а малышка Игорька определили в дом мамочки. Галя была дома одна, договорилась с уборщицей офиса и коридоров, что та за неё два дня до выходных будет убирать и в цехе. Все четыре дня прошли, как в тумане, в пьяном угаре. Галя о рождении сыночка не успела даже сказать. Николай её и не слышал, требовал правды, кричал «Гывидишь, я на понтах к тебе приехал! Все дела попом! Я там намаялся без ласки!». Особых ласк он тоже не проявлял, поскольку был пьян с утра и до вечера. «Только мучил за зря!» – горевала Галина. Пил почти не вставая. Вкус хорошей колбасы и селедочки успел оценить в первый день, а уже потом ему было все равно чем закусывать разбавленный спирт. Галине уже надоело его небригая рожа и нецензурная брань, переиешанные соскорбленными, но уйти на диван он не давал, силой укладывал рядом и в облику засыпал, едва коснувшись головой подушки. Уже через пару дней ему вернулась ранняя привычка – он стал подвигаться с мокрыми штанами, похмелялся и падал снова. Убрать и высушить белье никакой возможности не было. Квартира пропахла мочой и табаком.

Бить Галину он начал только через два дня, но избил зверски, пинал в грудь и по животу, обзывая самыми последними словами, на какие только был способен. Соседка Наталья вызвала скорую помощь, обнаружив её в таком состоянии. Другие соседи заходить боялись, хотя именно кто-то из них успел шепнуть ему про ребёночка, когда он выходил за сигаретами в ближайший киоск. Галина жалела, что не сама сообщила Николаю о сыночке, но быстро вошла в ритм прошлых лет, когда он так же избивал её, а потому даже порадовалась, что всё так легко обошлось. Мог и зашибить... Ну, подумаешь, побил малость. Уже через неделю она вышла на работу, заgrimировав всё же замечное начало «Уральских самоцветов». Евгений Иванович, заместитель начальника цеха (он же и мастер смены), пытался дослушать её сбивчивый рассказ, но махнул рукой, поставив на вид, что она сегодня получила последнее китайское предупреждение. Почему китайское? А кто его знает. У нас много чего принято говорить, когда творится что-то ужасное, что нигде более как у нас происходить не может. Давать какие-то предупреждения, пусть даже кампучийские, после длительного прогула и появления с такими побоями, наверное, могут только у нас. Потому и назвать всё это можно всяко. Дурусть, она и есть дурусть.

Вечером в семье Смирновых состоялся такой разговор, что Галина сначала отказывалась верить своим ушам. Николай отработал первый день в частном бюро ритуальных услуг. Рыли могилу на кладбище, и он пообещал владельцу бюро, что уж он точно задержится и всегда будет в состоянии работать. Работники долго не выдерживали и напились в тот же день. Часто было невозможно их собрать, если снова рыть надо.

Теперь Николай, даже побритый, дождался её с двумя «полторашками» пива и давал обещания уже ей. В кои веки! А обещания какие?! Если бы просто набросился и избил, и то было бы как-то понятно. А тут такое! Он, Николай, устроился на работу, и собирается вести здоровый образ жизни, поскольку он намерен забрать обоих детей обратно в дом. Игоря, как пообещал, завтра же готов записать на своё имя. Нельзя, чтобы ребенок жил в семье и, носил погоняло «безотцовщина». Попив пиво, она уже начала верить, что Николай он тоже человек, и вполне может одуматься. Он, если подумать, ничем не хуже других. Вон какие из зоны письма нежные писал. В эту ночь он даже был ласков, как и обещал все эти дни. «Ну, почти ласков» - подумала она, засыпая.

Дело как выяснилось, было в том, что пока Галина находилась в больнице, работники полиции успели проверить много работы. По

сообщению из приемного покоя, опрошены все соседи и даже проведена судебно-медицинская экспертиза по документам лечащего врача. Объяснение у Галины брали ещё в больнице, а теперь настала очередь Николая. Участковый, который брал с него объяснение, ты слушал осыночке, рождённом в его отсутствие, проявил настоящую мужскую солидарность.

- Ты уже побывал у «хозяина» и тебя учить не надо. По юридическим понятиям тебе корячится статья за нанесение побоев. Вроде ничего серьезного, но будет у тебя судимость или нет, зависит только от твоей любимой. Это дело частного обвинения: захочет - обвинит, а захочет - помирится. Моё дело направить материалы в суд. Помирись. И скажи спасибо, что она не ушла на больничный. Следующий раз пойдет и будет лечиться весь срок. Тут статья зависит от тяжести побоев и срока лечения, можешь затрепетать обратно туда, откуда пришел. Жена у тебя, Коля, терпеливая, убежала из больницы прямо на работу, чтобы не выгнали. Других случаев, хотя бы в течение года, не должно быть. Имей в виду.

Нет, не только судимость Николая пугала, он знал, что при таком раскладе вполне может оказаться на улице. Квартира досталась Гале от родителей и приватизирована ею ещё до замужества. Всё это он продумал ещё на кладбище, оспервенево работая лопатой под дождем.

Мировой судья Ангелина Добрынина уже по давню заведенному обычаю, едва огласив состав суда и предмет рассматриваемого дела, задала Галине первый и единственный вопрос:

- Желае ли привлечь Смирнова Николая Степановича к уголовной ответственности за нанесение вам побоев?

- Нет. Не желаю.

Действительно такой вопрос последнее время в этих стенах звучал очень часто. Били своих жен мужья и сожители почему-то, по поводу и без повода. А последние всё им прощали, а если степень нанесенных здоровью повреждений оказалась тяжелой и «тяжелых» отправляли по закону, тащились к ним через определенное время с огромным количеством съестных припасов, отрывая последнее от детей.

- Ну, слова Богу, обошлось, - Николай уехал от мировых судей, не дождав шись Галину, которая пошла в канцелярию суда подписывать бумагу.

Наталья Георгиевна, воспитатель группы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, спознала их вряд, чтобы вести на первый этаж в столовую. Первые, уже держась за руки по двое, отлядали ались назад и ждали, когда, наконец, к ним присоединится

Настя-копуша. Её всегда приходилось ждать. Хотя её никак нельзя отнести к соседней группе, где собраны дети-инвалиды и дети, отстающие в своем развитии, но была Настенька не в меру рассеяна. Всегда в нужный момент её рядом не оказывалось. Она могла забиться за стулья или оказаться в туалете. Нагальня, помощник воспитателя, как всегда смеялась, и, взяв за руки, подводила её к остальным: «Гюльчатая ты наша».

Алёна Смирнова, как всегда общительная, разговаривала с соседкой Кариной:

- Я очень сильно кушать хотела, а мамы не было и не было. Потом я покушала очень много соли, которая на столе была, и у меня болел ротик. А потом я долго не кушала, было больно кушать, и я плакала.

Её в этот день забирали потенциальные опекуны - муж с женой, которые скоро должны подъехать. Директор Центра, Татьяна Евгеньевна ждала их с минуты на минуту. Они, проживают в соседнем районе. Документы об их семейном положении, о бытовых условиях и все другие необходимые данные уже собраны, но совместно с Управлением социальной защиты было решено отдать их для начала этой семейной паре не под опеку, а по составлению договора и передачей девочки на первые три месяца в «семейную группу». Женщина (будущая приемная мама), должна была в это время исполнять обязанности воспитателя за неполную часть воспитательского оклада. Это было вызвано тем, что отец девочки, Смирнов Николай, был лишен родительских прав после магери. О нём в Центре тоже всё было известно. После освобождения из мест лишения свободы он какое-то время вел нормальный образ жизни и даже однажды звонил и интересовался здоровьем дочери. Впоследствии его снова судили, но оставили на свободе. С тех пор он ни разу не звонил, не появлялся и будучи обязан платить на дочь алименты, ни где не работал и тоже был лишен родительских прав. Однако срок был ещё небольшой, а потому решили, что девочка только по истечению ещё трёх месяцев будет передана этой же семье из соседнего района, но уже под опеку в приемную семью. Не хотела Татьяна Евгеньевна упускать такую возможность, поскольку эти потенциальные опекуны хотели бы позже забрать и мальчика Игоря и оформить в эту же приемную семью. «Все равно скоро и мальчик к нам поступит. Всё же мать общая, незачем разлучать их» - думала Татьяна Евгеньевна. Тем более что новые приемные родители не собирались усыновлять и не имели какие-либо другие права на обоих детей. Они собирались просто подарить им детство и объяснить то, что они брат с сестрой. Потом.

когда пойдут, они узнают всё и примут своё решение. Пока что им нужна уют и действительно родительская опека. Первоначальное знакомство их просто ошеломило. Девочка была такая общительная и доверчивая, словно ждала этого момента, а потому уже сейчас не хотела отпускать их от себя. А вдруг эти дядя с тетей уйдут и забудут взять её к себе. Её огромные глаза смотрели так доверчиво, но с небольшой тревогой, и взгляд она устремляла то на Наталью Евгеньевну, то на них, всё ещё боясь, что могут забыть обещанное. Слова дяди, сказанные им у входа в группу «Теперь мы будем у тебя мама с папой» действовали, как волшебные. Об этом в их маленьком детском обществе принято говорить всегда. Каждый из них старался переспорить другого – какие у них хорошие мама с папой, которые обязательно придут и заберут, вот только пройдут ещё одно лето и ещё одна зима, когда совсем-совсем холодно будет. Потом они заберут, потом купят маленький велосипед, такой же мячик, как у Вовы, а потом, а потом... И, конечно же, они тут же начинали верить тому, что только что приду малы сами и засыпали по вечерам, чтобы видеть такие же волшебные и цветные сны. Детство не жгло думать иначе, и нет худшего на свете воровства, чем украсть у них эти радужные надежды и желания. Однако это стало одним из явных признаков больного общества и ни одна статистика Министратва социальной политики, хоть как её изложи, не может оправдать нас, взрослых. Мы – воры! Наши родители у нас детство не воровали, хотя и жили в трудные времена. Так прикинь думали опекуны, приемные родители и те, кто старались раздать этих детей именно им, а не в интернаты. Татьяна Евгеньевна, Наталья Георгиевна и её помощник Наталья также были рады тому, что ещё один ребенок обрел свою новую семью.

В Управление социальной защиты в это время тоже шло заседание: нужно было что-то решать ещё шестью семьями, где росли голодные и неухоженные дети. Эти семьи уже никак невозможно сохранить, а если и не разъединять детей от родителей, то вырастут дебилы и дети или маленькие волчага, исполненные четырнадцати лет, которых будут гонять работники полиции. Сколько их подрастает, маленьких преступников, которых после исполнения этого возраста можно будет осудить и направить в воспитательные колонии. Будто можно их так воспитать. Тут ещё надо подумать – кого надо судить и воспитывать. Нам эти дети, похоже, мешают за исключением у них детство.

Пусть хотя бы у тебя, Алёнушка, будет все нормально.

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

Остатки говорухинского батальона во главе со старшим политруком Звягинцевым Павлом отсыпались в тылу. Сам комбат, Говорухин Иван Георгиевич, убит немецким снайпером и похоронен в населенном пункте в восьмидесяти километрах от озера Ильмень на Старорусской земле. Стояло лето 1943 года. Победа давалась тяжело и требовала большие силы. Шла Рабоче-крестьянская Красная Армия, теряя сынов и оставляя после себя множество братских могил.

Звягинцев Павел Семенович вывел остатки батальона к месту «передышки», приняв командование по требованию командира дивизионной разведки. Последнюю операцию по уничтожению огневой точки и моста через речку его группа выполнила, но на обратном пути напоролась на эсесовскую колонну. Уйти без боя не удалось. Более половины группы было потеряно. Теперь Павлу предстояло не только набраться сил, но и подобрать и обучить в короткие сроки новых разведчиков. Затевалось что-то серьезное. И появление здесь эсесовской колонны для штаба дивизии было полной неожиданностью. Дважды группы Звягинцева взвода пешен разведки ходили за языками и возвращались не с пустыми руками, велась воздушная разведка, но немцы умудрились просочиться незамеченными. Особого нагоняя со штаба армии не было, но предупредили о необходимости подготовиться к большой и секретной операции силами разведки. Срок был дан четыре дня.

«Откуда взялась такая мобильность у фрицев» – думал Павел. Тут предстояло поломать голову. «Ладно», – решил он – «В штабах разберутся. Там связь с партизанами, подпольем и фронтовые сводки, а к тому же головы у половины штабистов лысые и лбы высокие. Наше дело – тактика скрытого боя на передовой противника или в его тылу глубиной не более пяти - десяти километров. Стратегия – удел штабистов».

Красноармейцы устроились в школьных классах и в актовом зале колхозной конторы, прозванной старшиной Саттаровым «ленинской комнатой». Одно лишь название, говорил он Павлу, должно дисциплинировать бойцов и даже немного обиделся на его критику.

- В ленинских комнатах храм не должен быть слышен, там положено изучать труды марксизма-ленинизма и тактико-технические данные вооружения. Яволь, Саттаров?

- Яволь, яволь, – передразнил его Саттаров.

Ему просто не терпелось приступить снова к своим обязанностям старшины. Теперь, с прибытием нового командира взвода, он с удовольствием мельтешил среди бойцов, восстанавливая устои бывшего ланибратства. За командира взвода он любил всего несколько часов и уже тяготился некоторыми требованиями. У него «своей работы» всегда было больше, чем у командира взвода. Так, по крайней мере, считал он сам, и к тому же ужасно боялся ответственности. Это у него осталось еще с гражданки, когда он отвечал в МТМ за горюче-смазочные материалы. Теперь он «воспитывал» бойцов, поправлял скачки, сложешные в углу помещения:

- Подождите, придет новый взводный, он вам покажет, где раки свистят. Нашли, понимаете, няньку.

Он любил повторять услышанные когда-то приказы из прибаулки, хотя часто путался, вызывая смех своих товарищей. Некоторые командиры догадывались, что он уже специально начинает веселить их, но делает вид, что все всерьез, боюсь – как бы совсем не распустился.

В дом одинокого старика, где квартировался Павел, не постучавшись, ворвался вселовой наштаба Бранин:

- Привет, разведка! Картошкой в мушкетере угостишь?

- У нас все есть - отвечает Павел - только надо подождать часик. Каким ветром тебя занесло в наши края?

Они были знакомы с самого начала войны. К тому же, за эти два года Звягинцев успел стать почти легендой. Его знали многие, а кое-кто и завидовал, говорили: «Удачлив, Челябин! Ему всегда везет!». Звягинцев пошел на фронт в составе стрелковой бригады, едва окончив первый курс военного училища в городе Челябинске. Теперь, уже за Новгородом, бригада была переименована в семидесятую стрелковую дивизию. Он воевал все это время под этим знаменем скачала командиром отделения, а после – взвода пешей разведки и за все время «схалнул» всего одну легкую контузию. С этим утверждением – что везуч, он и сам готов был согласиться, но начальник дивизионной разведки, ставя его в пример, часто выговаривал другим, что «Звягинцевская удача не случайность, а законмерность». Он любит её заманивать к себе, как девушку, и сам заранее подготавливается, да так, что не одна не откажет».

Был еще такой случай. К Звягинцеву подошли и, поздравившись за руку, разговаривали минут двадцать два неизвестных командира, которых сопровождал сам помощник наштаба и оказывал им всяческое знаки внимания.

- Это большое начальство, - объяснил потом Звягинцев

любопытным бойцам. – Новая служба. И скажу я вам, господа красноармейцы, по секрету, что у них ужасно большие полномочия.

Секрета, конечно, никакого не было. Уже на другой день до всех было доведено о необходимости оказывать всяческую помощь представителям СМЕРШа. Служба эта очень быстро вошла в курс дела и за короткое время завоевала настоящий авторитет.

- Это военная контрразведка, - объяснял Павел радисту Егорову. Слышал когда про такую службу?

- А как же, - ответил Егоров, - читал про контрразведку Колчака. Они вырезали ремни со спинок красноармейцев во время допросов, на кол сажали.

- Вот-вот. Эти самые, - подхватил Павел утирая слезы, наворачиваемые от смеха, - только эти на кол будут сажать наших коллег с той стороны передовой, что говорят не по-нашему. И ремни с них вырежут для строп наших парашютов. Одним словом, это служба - смерть всей разведки, но немецкой.

Егоров так же заразительно расхохотался, выставив к солнцу свое широкое с веснушками лицо. Он, вроде как, даже испытал гордость за своего командира. Знай, наших! У нас и с людьми СМЕРШа есть чем поделиться!

Зная о заслугах Звягинцевской службы, многие бы хотели туда попасть, но как хотелось поспать досыта. Ой, как хотелось. Вот вернут снова на передовую, и попробуй тогда выснаться, свернувшись в сырой землянке, под грохот и бесконечные хождения. Спалось здесь как в детстве у мамы. Было порой жалко поднимать солдатика, почти мальчика, который спросонья вертит головой, не соображая где находится, и никак не может понасть ногой в штанину.

По Звягинцев уже к концу второго дня сдал полномочия комбата, набрал бойцов и начал свою «учебу». Комсостав и интендантская служба ему ни в чем не отказывала. Этого требовал и Брагин, прибывший с полномочиями представителя штаба. Он умел передавать любые требования штаба, как просьбу. Только эта просьба сама будто кричала «Попробуй - не выполни меня!».

Павел отобрал себе еще 14 человек и обучал их азам разведки. Уже через два дня они должны быть в штабе дивизии, где выслушают приказ о новой задаче.

- Прошу сразу учесть, мы считаемся пешей разведкой не потому, что все время будем ходить, сеять неразбериху, уничтожать огневые точки и таскать «языки». Мы глаза и уши штаба. Именно анализ добытых нами данных служит подтверждением правильности операций, которые

там разрабатываются или о ненужности таковых. Мы, кроме того служим первопроходцами, когда мало этой информации, а атака уже назначена. Это уже будет называться разведкой боем. Поэтому я всегда толдичил и буду толдичить, что успех разведки в основном достигается непрерывностью её ведения, умноженной на терпение и внимательность разведчиков. Мелочей при добывании информации не бывает. Мы находимся на вражеской территории должны обследовать даже, извиваясь, бумаги, которыми они подтерлись. Это могут быть письма, рапорта, инструкции и другие документы. Все они несут какую-нибудь информацию. Через нас командование узнаёт, какие части противостоят против нас на этом участке фронта, какая глубина вражеского укрепления, где расположены наблюдательные пункты, какие есть огневые точки, минные поля, как зовут командиров, когда у них ужин. Одним словом тут ничего лишнего не бывает.

Вечером при изучении материальной части вновь поступивших на вооружение автоматов в ППС забежал Братин, который собирался отбыть обратно в штаб.

- Скажу тебе одну новость, Челябинска. Скоро мы с тобой будем носить погоны со звездочками. У тебя на плечах будут погоны с полосой и тремя звездочками. Указ принят не вчера и не позавчера, так что есть наметки, что Октябрьским праздникам уже в сек. переданы.

Павел даже не сразу понял, что тот сказал. Услышав такое даже во сне, он бы соскочил и проснулся в холодном поту.

- Подожди-ка, погоды. Не понял. Это мы что?... Мы будем ходить как белогвардейские офицеры-золотопогонники? Бресь городить. Саня. Скажи, что попутит. Ну, скажи... дуй в свой штаб. Только штабные могут до такой хреновины додуматься. Да нас никто не поймет. нас наред даже не поймет.

Однако Братин и не собирался шутить:

- Именно так, Челябинска. Ты все правильно понял. И называться мы будем тоже офицерами. У красноармейцев тоже будут погоны, представляешь? Мы уже офицеры красной армии, а не просто комсостав. Представляешь?

Конечно, он не предлагая. Идовольца тоже не поверит, а потому ставить в известность бойцов не собирался. Есть да то комиссары, они говорить умеют: «Чтобыя сам да такое шлоул! Нетуж! - думал Павел. - Что делается, однако».

В командирском блиндаже, расположенном на расстоянии 25 метров от НП Звятинцева и нового командира Багальсона Гуськова встречали начальник разведки и дивизии, его помощник, начальник штаба

дивизии и еще один представительный товарищ, которого Павел окрестил «дядькой». Помощник начальника штаба между делом успел сообщить ему, что «дядька» является кем-то вроде помощника члена военсовета. Идут слухи, что якобы САМ издал директиву, чтобы они не протирали штаны в кабинетах и чаще бывали на передовой. Раньше Павлу приказы в таком составе не объявлялись. Начальник разведки выглядел усталым и озабоченным, говорил вкрадчиво и не спеша, глядя в глаза Звягинцеву:

- От этой операции зависит очень многое, поэтому кроме тебя задействованы разведгруппы ещё двух полков, но у них своя задача. От тебя скрывать не имеет смысла, Павел. Ты должен знать и проникнуться какое ответственное задание ложится на плечи твоих орлов. Твои действия на этот раз не рейд за «языком», а начало войсковой операции, а поэтому исполнение приказа находится под контролем штаба Армии Фронта, а это что будет значить? Правильно, Павел! Это будет значить, что в случае чего наши с тобой головы полетят в первую очередь. Как говорится: или голова в кустах, или грудь в крестах. Что касается крестов, говорю с полной ответственностью, что наградим всех. Никого не забудем.

Представитель члена военсовета, грузный человек в очках в роговой оправе, сидевший до поры молча, церемониться не стал.

- Такие дела, политрук, выбери какую дырку тебе иметь в конце операции на своей груди: от пули или от шила для ордена «Красной Знамени». Выбирать тебе, но без дырки даже и не думай остаться. Это решено.

Все, опустив головы, промолчали. Было видно, что за ним всегда последнее слово, и не стоит перебивать.

Целью группы разведчиков был захват сразу двух вражеских ДЗОТов на безымянной высоте и обеспечение беспрепятственной туда переброски минометной роты с саперами. Никакой бронетехники или поддержки артиллерии не будет. Все должно пройти без особого шума. За высотой в восемнадцать километров железнодорожный узел, который нужен обеим сторонам, а потому враг намерен его удержать в своих руках, а мы во что бы то ни было – отобрать. Авиация применена быть не может. Станция и узел нужны действующими, а не в руинах. Но в случае отхода, немцы могут его взорвать. Возможно, что уже все замшировано. Нужно захватить и удержать любой ценой. Обход с левой стороны невозможен, или почти невозможен из-за болот. С правой стороны высоты в километрах десяти от лесного массива - оперативный

простор до самого узла. Там враг хорошо окопался и ждал «гостей». Наши не хотели их разочаровывать, а потому усиленно, в открытую подтягивали туда технику и действительно собирались начинать «артподготовку». Артиллерия должна «начинать говорить» именно в то время, когда Звягинцев бросит свои гробы на уничтожение или, лучше всего, захвата ДЗОТов и обеспечения подхода основных сил.

Вся сложность, как понял Павел, заключалась в том, что хорошо разведать немецкий тыл за высотой будет сложно. Или там очень хорошо оснащенное подразделение по охране ДЗОТов или сплошное минное поле. Пару танков КВ и разведка боем могли разрешить проблему без особых усилий, но шум разрешался только ручного стрелкового оружия и, на крайний случай, пара не очень громких взрывов гранат РГ-42 и то только в момент артподготовки. Разрешение гранат (на крайний случай) прозвучат из уст начальника разведки не очень убедительно. Все они понимали, что без этого, скорее всего, не обойтись. К тому же возможны случаи срабатывания вражеских мин. Звягинцев и сам знал, что шум кое-какой будет, но не имеет право командиры говорить об этом открыто. «Им только разрешаю, – думает он – беды не оберетесь». И даже, надо полагать, есть запасной вариант на случай обнаружения более крупной хорошо замаскированной вражеской силы. Об этом обычно исполнителям не сообщается.

Ровно в два часа сорок минут ночи в сторону нейтральной полосы поползла первая группа бойцов из пяти человек с задачей оборудовать за ночь два наблюдательных пункта напротив ДЗОТов, находящихся на расстегании около ста пятидесяти метров друг от друга. Ребята были вооружены автоматами, имели по две гранаты. Переллний был с минискателем, а замыкающий тащил катушку кдевого телефона. Сам телефонный аппарат был у среднего. Инструктируя группу перед отправкой, Звягинцев еще раз напомнил о необходимости крайней осторожности.

– Себя не обнаруживать ни в коем случае в течение всех двадцати четырех часов: ранен – не ори и не стоишь, не продусай ни одно маломальское движение фрицев. Все отражать в формулярах (это уже для нас – на случай вашей гибели) точные места нахождения ДЗОТов, пути подхода к ним, время смены часовых, пулеметчиков, время ужина. Все излагать письменно, привязывая местности и с указанием расстояния. Все, ребята, с Богом. Повторяю еще раз – полное горизонтальное положение. Надеюсь, за эти дни научились писать лежа на боку?

Бойцы заулыбались.

«Старые» разведчики знали такую черту Звягинцева. Любил Павел в конце своего напутствия «вставить шуточный запал». Вроде как провожает на серьезное дело, но дает знать, что ничего особенного не случилось, жизнь продолжается, и их ждут обратно. Да и неспроста внедрилась эта привычка в его обиход. Немало было случаев, когда ребята не возвращались вообще или притаскивались волоком раненные или уже мертвые. Вначале он чувствовал если не вину, то хотя бы причастность и полагал, что это, наверняка сам организм выработал такую защитную реакцию — успокаивать нервы посредством языка. Штурмовую группу он поведем сам, но очень много зависело от наблюдателей.

Группа разделилась на две уже «под боком» ДЗОТов и наполовину окопались, оборудовав оба «секрета» в бурьянах. Под цвет масхлатов местность была выбрана правильно. Это они успевали заметить пока горели «фонари», выстреливаемые с парашютами. К тому же ребята надеялись, что внимание фрицев будут отвлекать опрокинутые останки самоходки и кусты справа. Если немцы будут ждать «пакости», то, скорее всего, оттуда, а потому основное свое внимание будут сосредотачивать на этом участке. Они окопались на некотором расстоянии от них. Стояла тихая ночь с редкими шальными трассирующими пулями, на которые никто внимания не обращал. За время операции «работа» снайперов прекращена особым приказом и немцы ходили по высоте хоть редко, но во весь рост, что рядовой Баграмов, осторожно вытягивая затекшие ноги, что-то прошептал в их сторону и заулыбался, вспомнив слова товарищей: «ты так хорошо по-русски материшься, а когда будешь учиться говорить?».

Нужно было малость поспать по очереди, пока темно. Впереди целый день слежки и заполнение формуляров.

День прошел в тягучем ожидании. Звягинцев часто подбегал к НП переднего края, прикладывался к стереотрубе, направленной в сторону, где должны были находиться наблюдатели. Маскировка опасней не вызывала, и было тихо. Сам он готовил еще две группы бойцов по шесть человек, и ждал наступления темноты. Ожидалось возвращение двух наблюдателей с формулярами, которые будут изучены во вновь построенной времянке помощника начальника ливизионной разведки. План должен был быть принят после их изучения, но в основном он уже был составлен. Некоторые незначительные корректировки, как это бывает всегда в таких случаях, могут быть внесены после изучения схемы наблюдателей и уже на месте захвата огневых точек

непосредственно Звягинцевым. Без этого не обходилось. По прибытии наблюдателей после часа ночи (мог быть изменен до 30 минут) Звягинцев должен полностью подготовить две штурмовые группы, которые выходят на расстояние броска под утро, а поначалу разведки дивизии с командирами готовят две роты, которые пойдут по сигналу зеленой ракеты. Как запасной вариант предусмотрена телефонная связь. Радиосвязь запрещена. Время захвата группами Звягинцева ДЗОТов и начала выдвигения основных сил – четыре часа пятнадцать минут. Это время начала артподготовки на участках сосредоточения основных сил противника в двенадцати километрах спрва. Далее шли вопросы вооружения, условия марш-броска, кто захватит и обязанности каждого из младшего состава. Осталось ждать наблюдателей. Только бы формуляры с планами были понятно составлены. Времени для обучения было маловато, но двое из них герых, кто будет их заполнять, разведчики бывалые и не должны подвести.

Началась операция слаженно, но не совсем так, как было намечено. Часовых, идущих по направлению друг другу пришлось ликвидировать передразвиткой, а не их траншеи соединяться в одну. Такой случай Звягинцев не хотел упускать. «Хомутать» их по отдельности было бы сложнее, а бойцов было не так много. Основную часть Павел сосредоточил против возможной оналадения со стороны предполагаемой роты охраны врага. Он забьюкировал пути возможного нападения со стороны вражеского тыла. Получилось так, что ликвидация часовых произошла за несколько минут до начала артподготовки. «Первая нестыковка уже есть, - с досадой подумал Павел, - теперь останавливаться нельзя». Кроме того, один из часовых успел нажать на спусковой крючок своего «шмайссер»а, что уже совсем нежелательно. Очередь, правда, была короткой, и огнее как-то отдалело то, что именно в это время начата канонада на правом стыке с соседней дивизией. Канонада, конечно же, было понятно, звучит там, а выстрел произошёл рядом. Хотя внутри ДЗОТов слышать это не могли но на том конце высоты это могло прослужить сигналом для атаки по защите своих отневых точек. Однако нецель защищать свои ДЗОТы не бросились. Возможно, что охрану, боясь обстрела артиллерии, расположили далеко в тылу. Также у них тоже приняло. Бывали случаи, когда ДЗОТы, ставшие как косяк в горле, обстреливали из всех видов оружия и даже бомбили. Кому нужна такая охрана, которую перелопачивают до наступления? А тут вполне возможно, что рота охраны должна добираться бегом с дальнего расгояния по единственной траншее до своих ДЗОТов, по которой вообще становится разведка

часовых. В таком случае они менее недоступны при желании их уничтожить, но сейчас на руку группе Павла. Однако размышлять об этом времени не было. Вот-вот станет видно наступление минометной роты с саперами, и «заработают» ДЗОТы. В проем двери одного из ДЗОТов, которую так легкомысленно открыли фрицы из-за беспардонного стука каской, полетели сразу две гранаты. Времени выбирать не было. «Нормально! Не языков берем!», - крикнул Звягинцев, подбегая к другому ДЗОТУ со стороны тыла. Сидевшие там немцы, в отличии от первых, гостеприимство не проявляли и выходить с поднятыми руками не торопились. Слышать пароль на том расстоянии, где были секреты наблюдателей, было невозможно, хотя несколько человек, владеющих языками, Звягинцев имел всегда. Нанести особый вред наступающим ротам ДЗОТ уже не мог. Пулеметчик был лишен всякого обзора. Окуривать немцев никто не собирався, но чем только не забросали его амбразуру. В основном это были плащ-палатки и старый дёрн, видимо оставшийся после земляных работ по устройству ДЗОТА. Пулять в белый свет, а вернее сказать, в черную неизвестность, им так же надоело. Пулемет смолк, но вход немцы не открывали. Видимо, совещались или решили покончить с собой. Встречались Звягинцеву и такие.

В это время со стороны группы прикрытия послышались звуки отчаянной перестрелки. Был слышан приглушенный мягкий «говорок» ППШ, сухая барабанная дробь шмайссеров и одиночные винтовочные выстрелы. Павел, оставив несколько бойцов для встречи наступающих рот, повёл остальных туда. «Нужно дождаться. Нужно продержаться. Там минометы, с ними мы все выполним», - стучала в мозг, но он не успел сделать несколько шагов, как почувствовал острую боль в груди. Его, как пьяного, повело в сторону и, последнее, что он запомнил – к нему неслась земля и мягко уперлась в скулу. Он только и успел подумать «А почему так мягко-то, больно же должно быть?».

В этот день, по истечении более шестидесяти лет со дня Великой Победы, сидя среди ветеранов, приглашенных в заводскую столовую, Павел Семенович рассказывал об этом эпизоде смеясь, и немного приукрашивая.

- Вот так мне дядя из военсовета накаркал дырку на левой стороне груди. А я привык исполнять приказы. Нельзя без дырки? Сделаем. В чем дело-то. А орден нашел меня уже после войны – бумаги затерялись где-то. И вот еще в чем дело... Я-то приказ выполнил в точности, а дядя обманул. Орден-то дали Красной Звезды, а не Знамени.

К СЛОВУ ПРИШЛОСЬ...

Нашим филиалом учреждения командует женщина, но все же мой сосед-оператор Коля зря предсказывает, что из-за этого идет чехарда, и мы часто меняем кабинеты, мол, женщины любят перемены. То что Галина Сергеевна является женщиной, спорить не приходится. Если просто скажу «это замечко», прозвучит более чем скромно. Она женщина видная. Красивая женщина. Имеет вид строгий и в то же время щедро награждена всем тем, что в первую очередь бросается на глаза мужчинам. Вид действительно строгий, но не официальный, а потому не «самодура», как выражались Новосельцев и может до говорить по душам с людьми из своих подчиненных. С любовью, кроме сантехника Сани-бородавки. Тут особый разговор, но я не об этом.

То, что женщины любят менять обстановку, мы мужчины знаем и терпим. Знаем, поскольку уже позабыли, где в своей квартире первоначально стояли те или иные предметы мебели, которых в основном передвигаем в одиночку сами. А терпим мы их передвигаем молча, поскольку это их успокаивает и достигается экономия семейного бюджета. Для женщины очень важно менять обстановку. Если интерьер зафиксировался в одном положении надолго, то она начнет требовать менять мебель на новую. Это их тоже успокаивает, но мы мужчины предпочитаем первый вариант, а потому, несмотря на боли в спине, частенько сжуем молча покартине из угла в угол как муравьи сзойной ношей.

На этот раз перестановка связана с расширением площадей. Старые холыева здания банкротились долго и мучительно. Сдавали вначале невыгодную часть площадей под аренду, поскольку содержать было невыгодно, а после уступили большую часть, из аренды стала основным источником их дохода. А вот теперь все здание будет наше. Того, кто раньше сидел на моем месте, мне бесконечно жаль, но потому, что сам попал в струю, поступив восемь лет назад в это госучреждение, я рад тоже бесконечно. Времена такие. Времена для многих действительны, как говорил сатирик, мерзопакостные.

В связи с этими событиями, рядом с моим кабинетом, через стенку, организованная раздевалка строителей. Эта шумливая женская бригада из пяти человек ворвалась туда со всеми инструментами, рабочей одеждой и посудой для обедов и просто не знали, что их («залуток») раньше представлял собой общую залу с моим кабинетом. Впоследствии зато была раздевалка на месте перегородки сольной в себе

в полкирничка, а потому и слышимость стоипроцентная.

Сознаюсь, мужики, вначале было дико. Они штукатурили, а после красили и оклеивали несколько новоиспеченных наших кабинетов. Свой «закуток» оставили напоследок, а потому наслушался досыта. Может быть, надо было идти к Галине Сергеевне и попросить, чтобы штукатуры-маляры выбрали себе другой угол, но как-то неудобно было. И, конечно же, может даже и проявляя некоторый интерес к из разговорам, я не оправдываю себя словами типа «имеющий уши, да услышит». Просто я никогда не ходил просить или жаловаться. Не привык. А потом, что за нежности? Я и сам – народ, могу и покруче чем они загнуть... Правда я не думал, что среди них тоже бывают такие, кто уже не способен перелавать любую информацию без «связки слов». Сантехник наш, Саня-бородавка повадился к ним ходить. Часто слышу, как он смеется. Вернее догадываюсь, поскольку смеется он, я бы сказал, своеобразно – скрывается и мотает головой, будто подкашливает. Не сразу поймешь – что с человеком? Словно собачка косточкой подавилась. Работает он у нас давно и незаменим тем, что на все руки мастер и хотя всегда пьяный, безотказный. Живет он рядом, что можно вызвать из дому, случись какая авария, в любое время суток. К тому же, что делает его особо ценным кадром, он оформлен на полную ставку, но половину этой ставки получают те, кто не держится из специалистов. У этих специалистов – большая текучесть кадров. Кто-то решил, что они недорабатывают и урезал оклады. Саня-бородавка (бородавка у него на носу) уже старенький, чем-то напоминает актера Милляра и, глядя на него, думаешь, что мотор у него работает на спирту. Не пил бы – давно помер. Потому-то и отношения к нему со стороны Галины Сергеевны очень даже лояльные.

Я, надо отметить, тоже не представляю из себя нецелованного ни разу прышавого парнишку, стесняющегося заговорить первым. Отслужил в армии, проживал в общежитии, а потому какие ведутся разговоры в однополых коллективах, знаю. Строители, как выяснилось, тоже не оказались из института благородных девиц и от слова, извиняюсь, «ЧЛЕН» в обморок не падали. И все-таки бывали моменты, когда уже хотелось постучать по стене, уgomонить. Женские разговоры по тематике, как выяснилось, имеют более обширный круг, чем мужские. Тем более, это слово, от которого в обморок не падали, звучало из их уст частенько. Да и разговоры у них очень часто велись вокруг этого, с дозволения сказать, предмета.

Все проблемы, которые их волнуют, а так же каким разговорным жанром они излагаются, описывать не буду. Иначе действительно

получится, будто специально остался поледушивать и не просил Галину Сергеевну переселить меня временно в другое место. К тому же разговоры в основном ведутся в обеденное время, когда меня почти не бывает, но сегодня в связи с опозданием полведуть раствор, они все находились все ещё за стеной, и шел «обычный» разговор. Должен сказать, что слова Христа «Имеющий уши, да услышит», хотя я ими не руководствуюсь, актуальность свою никогда не теряли. Конечно же, я слышал. Специально не вслушивался, но некоторые обрывки разговоров нашли себе и в моем мозгу пристанище.

- Вам хорошо, девки! Вы успели обустроить детей вовремя, а мне предстоит сына женить. А она вон как... Работать начал - без года неделя, а свадьбу справляют в кафе. Да и самой сильно отставать от других стыдно. Дороге! Ой, как дорого, девки...

Это Ириша - женщина лет сорока пяти, вечное с грустными зелеными глазами, которая всегда в синем комбинезоне ходит. Мужа она, по разговорам, похоронила совсем недавно. Плакалась на днях, что «помощница» водка погубила, его уже не поднять, что на дух даже стеснялась идти поступать свидетельство о смерти с такой справкой «Асфиксия. Показались рвотными массами».

- Кредит возьми! А как иначе-то? Все так делают, - это уже Евгения, - Пока огород покормит. Дальше шли слова, которые не привожу.

Ирину словно прорвало:

- Какой нахрен огород? Чтоб его моль трахнул без презерватива, этот огород. Соседка рядом сажает, че рез между: что же воткнет - всё прёт из-под земли как напояк. Что я только не делала, а выходит - хрен! Взять кредит - это одно, а чеи отдавать, когда жрать нечё...

- А что, хрен тоже овощ в хозяйстве нужкин!

Слышится смех, а после толка Сани-бородавки, но я выхожу из кабинета и иду отпраивать в Главксо отчеты.

Сознаюсь, не было у меня желания поледушивать, но специально, чтобы их не слышать, из кабинета слюня голову тоже не убегал. Возвращаясь, слышу по мерически кохот и «каш ель» Сани-бородавки. Речь там уже идет о составлении расписания очередности за вибратором. Вот где чего уже дошли разговорами. Похоже, что они просят, чтобы сейгагратим подарил Салтыка-бородавка. Только тот уже давно чувствует себя, как в своей тарелке:

- Мне дит вас девочки ничего не жалко. Только вы сначала подарите мне больше роста надувную куку, а то моя Изергиль деньги из харианов в вымет ает - не успеваю засуриковать.

Я, да и все яипи служащие знаем, что Изергилью он зовет свою

старуху. Объясняет это тем, что когда-то слышал про такую старуху у Горького и сразу навечно представил её такой, какой облик имеет жена. Сколько раз потом силился, чтобы переменить этот образ, но перед глазами снова стояла она. «Девочки», слушая этот рассказ, снова хохочут. Дают различные советы, как нужно менять образы, но он стоит на своём:

- Да, какой там . Сколько можно маяться, пусть так и останется Ирина, якобы, переживая за него, качает головой:

- Бедный Санька. замучился, пытаюсь изменить образ своей жены, а кивает на какую-то Изергиль. Замучился?

Саня-бородавка, начиная понимать, что задевают уже образ жены, а потому недолго думая выкрикивает:

- Да, блин, замаялся! Замаялся как ты, наверно, каждый раз маешься в туалете со своим комбинезоном.

Снова хохот и набор таких слов, что не выдерживаю и стучу в стенку. Могут прийти с вопросами по составленным мной отчетам, а тут такое...

Надо, наверное, подсказать, чтобы разговоры вели потише и желательно, когда ведутся работы в других «отсеках». Действительно, не могу же я идти к начальству, стоять там с опущенной башкой и гундеть, как мальчик в детсаде («тетеньки там нехорошие слова говорят»). А ведь кое-кто обязательно подумает: «А долго, однако, он сидел слушал. Неделя, как ремонт идет». Ну и положеньице.

Я за чистоту русского языка и совершенно не согласен с утверждениями некоторых, что мат – чуть ли не основной признак, характеризующий россиянина. Неправда это. Не должно так быть. Не надо преподносить нецензурщину, как национальную особенность. Такое утверждение унижает. С другой стороны что-то такое в нас, мягко говоря, присутствует. Если задуматься, то эти штукатуры никакой общественной порядок не нарушали, друг друга так же не оскорбляли. А если я и постучал по стене, то сознаюсь, потому что боялся случайного появления в своем кабинете нежелательных сотрудников. Надо полагать, слух мой слова эти так же не опоганили. Просто не надо этими выражениями соединять слова в сложных предложениях, а тем более вслух и в общественных местах. Я уже не говорю про письменную речь. Тут их вообще не должно быть, слов этих, а потому, ежель что, простите великодушно.

Однако же, должен сказать вот что. Уже дня три, как строители уехали и мне чего-то не хватает. Целыми днями находиться в четырех стенах и извиняться после каждого чиха, надоедает. Серо как-то. Скучновато живем, товарищи. Скучновато.

ЧЕРТОВЫ ДЕНЬГИ

1.

Когда мама Максима решила отстоять сына от службы в армии, то он ничего против этого не имел. Он только что окончил ветеринарный факультет сельскохозяйственного института, но совхозы ликвидировались, как говорил дед Антон, «теперешними врагами народа». Дед Антон, сосед по лестничной клетке, больше всех «пользовался гласностью» и с удовольствием ругал всех подряд, видимо в молодости ментал говорил и не боялся стать самому «врагом народа». Теперь он говорил все, что ему вздумается, но ругал в основном тех же демохратов, которые «устроили дурацкую говорильню и теперь ждут, когда от этой болтовни хлеб расти начнет». Однако же он так или иначе доживает свой век и имеет за спиной пенсию, а вот Максиму будет тяжело устроить свою жизнь. Надо было срочно начинать искать работу, ибо так быстро вокруг всё менялось, как кажется, к худшему. Пускай даже после института служить нужно всего годик, но после службы уже вернуться точно к разбитому корыту. Кроме того, сестра Максима переехала жить отдельно, а мать и вправду стала бояться за сына. Но темнику в это время шли передачи о дедовщине, одна другой страшнее, со смертельными исходами и о нелегкой работе общества «солдатских матерей». Всё можно понять.

Максим уже не очень помнил, как все происходило. Вроде и не было такого, чтобы он особо задумывался о деловщине, боялся чего-то. Просто многие его друзья не хотели служить, и тогда считалось, что такие вопросы актуальны, но легко решаемы. «Если родители друзей Максима удастся разрешить такой вопрос, — думала его мама, — то и я сумею с помощью Анастасия». Дядя Толя — мамин младший брат, служит в милиции, ему более тридцати лет, конечно же, он не из тех, кто бы ходил и занимался разрешением таких вопросов. Просто его друг и одноклассник Виктор Горюхов оставался после службы в армии, окончил училище, а когда начались сокращения, сумел вернуться в свой поселок и устроиться начальником одного отделения военкомата.

Дядя Толя с Горюховым должны подъехать к маме домой после шести вечера, а потому мама Максима пригласила хорошей закуски, купила спиртное, а его отправила на улицу. Сама она, так же едва поговорившись с прибывшим братом и Виктором Горюховым, тоже

уехала к бабушке. «Пусть друзья посидят немного у неё, вспомнят свою молодость и решат кое-какие вопросы». Что уж там происходило, но друзья то ли перепились, тол и сами испытывали к армейской службе особую нежность, но взяли и решили, что «парню надо отслужить». Каким образом дяде Толе потом удалось убедить в этом маму, для Максима как же осталось секретом. На неё не похоже, чтобы кто у неё же дома выпил и закусил за её же счет, а вопрос разрешил таким вот способом. Потом и дядя Толя признался сам, что тоже рисковал в этом случае.

- А вдруг бы с тобой действительно что-нибудь случилось в армии. Даже если и по твоей личной вине. Я бы себе никогда этого не простил. Да и сестре в глаза не посмел бы смотреть. А все же в интересное время мы живем - никому ничего не надо. В стране недобор в службу, и все болтают про свою молодежь, что она никудышная, все колются и все дистрофики. Никто проверять и не будет, почему такое положение. Это же исправить надо. Ведь очень легко заметить и без проверок, что все дистрофики – это сыновья обеспеченных людей. Каково? Им, бедным, жрать нечѐ!

И Горохов, со слов дяди Толи, тоже не стал бы решать такие «проблемы» и, скорее всего, призывников освобождал председатель медкомиссии с кем-нибудь из медиков. За хорошие деньги (все же их несколько человек) призывник нести срочную службу по состоянию здоровья оказывался непригодным. Максим интересовался у дяди, какие меры к взяточникам принял Горохов, но устыщал ответ, который и вовсе его озадачил.

- Думаю, что никаких мер он не предпринял. Он сам и не имеет таких полномочий, только военному доложить может. А вдруг военком тоже в доле? Что тогда Горохову делать? Увольняться? Так-то, брат.

- Но, дядя Толя, ты же милиционер. Вы что, взрослые, такие практичные, что такое понятие, как долг, уже по боку?

- Ну, что ты скѐшь раньше времени? Попридержи коней, сразу нельзя бросаться на людей с обвинениями. Я ведь и обидеться могу, - глаза у него смеялись, и обижаться он бы не стал, - Не так все это делается, и не всё так просто, Максим. Чтобы оспорить решение мелика нужно заключение другого мелика, но уже независимого, с лицензией на такой вид деятельности. Да и это ничего не даст. Сошлются на врачебную ошибку, а кто докажет, что взятка была? Ты не поймѐшь. Так что давай-ка ты, отслужи и иди ко мне работать. Долг свой исполнять будем.

Отслужил Максим на Дальнем Востоке. Погранзастава

расположена далеко от населенных пунктов, а потому в свободное время занимался тем, к чему его призывал дядя Толя — «Читай литературу и качай мускулы, эти вещи мужикам никогда не мешали. Только читай классику и только серьезных авторов. Детективы и любовные романы с элементами секса лучше и не начинай. Ничего жизненного там нет».

Для Максима он считался непрекрасным авторитетом. Отца он помнил плохо, разошлись, когда был маленьким. Потому мама всегда ставила дядю Толю в пример и старалась, чтобы они встречались как можно чаще.

В милицию, правда, Максим не пошел. Он устроился в частное окраинное предприятие в областном центре. Там было множество знакомых из числа тех, кто отслужили. Тех, кто «закосядил» от армии — не брали. Уже за это можно было поблагодарить дядю. Работа, конечно, если подумать, не для молодых. Молли там сидеть или ходить по периметру и бывшие офицеры, которые так рано уходят на пенсию и вполне могут выполнить всё, что требуется. Молодежи нужно реализовать себя, стремиться найти именно то, к чему тянет и постараться не только соответствовать этому, а стремиться сделать карьеру в хорошем смысле этого слова. Конечно, работа по специальности ветеринара в сельском хозяйстве его бы со временем увлекла. Все же направление давали в родном совхозе, где он был бы в своем коллективе и, естественно стараясь бы соответствовать. В одно время, он ещё в школе учился, совхоз разрастался, строили двухквартирные коттеджи для молодых специалистов, и в Доме культуры по вечерам было весело. И вот надо же было так придумать, обмануть, что капитализм лучше, что там в седьмизева раздавать заучеры и хапнуть все народное небольшим количеством банды дельцов от политики. Кто-кто, а дед Антон говорил об этом часто. Могут спорить или не спорить на эту тему всякого рода демократы, но Максим знал, что теперь он должен будет работать только за деньги без какого-либо налета романтики и стремлений, да и то могут «попросить», когда хозяину вздумается. Полюбил такую работу могла бы какая-нибудь тетя Глаша, которая любит вязать. Она бы так жесидела на посту возле телефона, занималась любимым делом, а если еще приплачивать начнут, надо полагать, не стала бы артничиться. Иметь любимую работу для некоторых считалось извращением — надо просто иметь работу. Максим понимал, что времена нынче такие, что без денег — никуда. Оди ако же должна зависимость от них улетала. Он, как и все вокруг, вдруг стал иметь свою пену. Хотел он этого, или не хотел, но его теперь все

оценивали. Обидно быть человеком и иметь свой денежный эквивалент. Максим почувствовал себя мелким и ничтожным не из-за того, что денег мало, а потому что его самого оценивают. Он сам и подумать не мог, что такой мизерный в денежном отношении. Вспомнились слова песни «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой». Вот о чем песня-то была. А он всё думал, что речь идет о росте ввысь в физиологическом смысле. Как бы не так. Кричать: «У меня бесценная Душа и сам бесценен!», бесполезно. Скажут, что и другие не хуже тебя. И всё. Так что ходи с ценником во лбу и помалкивай! Такие понятия, как Душа, Совесть и Сострадание и вовсе обесценились.

Можно было бы и успокоиться. Тем более что тебе ничего не изменить. Иди куда-нибудь в другое место и делай сказку былью, но не ной. Без того тошно. «И вправду, становлюсь хуже деда Антона, все ною и ною». Налю бы поговорить с лядей Толей. Он вроде не ноет никогда, а может и вправду всем на свете доволен. Счастливчик!

- Это, конечно же, хорошо, что такие думы у тебя в башке крутятся. Уже можно сказать, что не зря портишь воздух. Кому-то все пофиг, ему бы родиться, много заработать, вкусно жрать, одеваться во все дорогое и лечь в красиво инкрустированный гроб. Я, брат, тоже так не хочу. Только ты должен разобраться до конца и не ожесточаться. Не так все просто. Судишь ты черно-бело, хотя прав в одном: лозунг «Деньги – это Бог», ничем не лучше лозунга «Бога нет!». Первые даже хуже вторых. Они не только безбожники, а вовсе от лукавого. Скажу тебе по секрету, - дядя Толя тут заулыбался, - Бог есть. Если я скажу, что живем в государстве безбожников, наверное, будет не совсем верно. Верующих много и раньше было немало. Бог и вправду знает и помнит каждого, кто с ним. Вот это и называют верующие – жить в согласии с самим собой. А ждать от государства, что оно задумается о каждом гражданине и что-то для тебя сделает, смысла нет. Да и само государство не что иное, как наша же организация, где, увы, не совсем компетентные (или совсем не компетентные) люди пытаются – внушить нам, что они управляют нашими делами с учетом наших же общих интересов и преуспевают в этом. Им выгодно так говорить. А когда коррумпированные государственные мужи пытаются убедить нас, что борются с коррупцией, то в это и вовсе не хочется верить. Да и не верит никто. Конечно, я не могу уподобляться твоему соседу деду Антону, и думаю, что правители, в большинстве своем приходят во власть, действительно имея виды сделать для Родины только хорошее. Наверное, хотят чтобы о них остались одни лишь благодарные воспоминания. Но сам знаешь: хотеть – не вредно. Однако ж получается

так, что он становится не слугой народа, а орудием тех, у кого денег всегда в десятки раз больше, чем даже в казне. Полу чаегиа, что не ол указывает, а ему указывают. Вот и ждем мы, коллатипоирет тот или иной правитель, чтобы снова начинать хаять его, смещивать с грязью. Даже жить как они не захочешь, подумав – как потом вертеться в трубу надо будет.

- А как всё же быть хотя бы с понятиями «справедливость», «гуманизм» и другими?

- Ладно, племянник, особо не расстраивайся. Эти понятия никола не отменял. Они были, есть и будут. Только говорю тебе еще раз – не ожесточайся. Такой справедливости, которую имеешь в виду ты, никола не было и не будет. Ты её понимаешь как идиллию в отношениях между людьми. Конечно же, это было бы здорово. Но так не бывает и не надо тебе даже надеяться на это. Иначе всегда будет надуше мугорло.

- Я не о том, дядя. А как же все-таки с другими, кто живет рядом и обделен всем в этой жизни? Где же тогда мой гуманизм по отношению к ним?

- Однако, молодой человек, я должен был так рассуждать, а не ты. Я рос и воспитывался в коммунистическом прошлом, а не ты. Тебя-то кто успел так испортить? – казалось, что дядя Толя и вправду был обскуражен, но улыбался – ты случаем не из Северной Кореи? Нет?

- Ладно тебе, дядя Толя. Я ведь вполне серьезно. Я, если хочешь, успокоения от себя ждал, а ты накручиваешь, что ещё хуже становится.

- Ну, тогда другое дело. Только полного покоя у тебя и не должно никола быть. Сам знаешь, кому покойно бывает. Потому-то их и называют покойниками. А вопрос твой... Как бы это тебе объяснить, дорогой мой человек. Давай возьмем, к примеру, вегетарианцев. Эти люди не едят мяса не только потому, что стареть не хотят, а в большинстве своем потому, что не желают питаться братьями меньшими. Однако они знают, что из-за их желания больше не есть мяса никто в мире не стал колоть и резать живность в меньших количествах. Наоборот открывают новые откормочные деа и мясокомбинаты с их бойнями. Однако же вегетарианцы не побежали крушить мясокомбинаты или выпустить быков и свиной на вольные хлеба. Они знают себя, и хотят жить в мире хотя бы с самим собой. Если бы они мыслили и мучили себя как ты, то подумали бы примерно так: «а почему я должен отказываться от бифштекса с кровью, если скотину будут резать в том же количестве и ни одной скотины все равно не спасу». Пример, конечно, грубый, и не совсем, может, удачный, но все-таки я лично думаю, что у них в башке поддерживается порядок. Они живут по

совести, независимо поддержат ли их остальные. У тебя этого порядка ещё нет. Именно вот из-за таких как у тебя умозаключений, кое-кто прочитал «Капитал» и кинулся крошить и убивать людей во имя людей. Вот что бывает, когда в башке порядка нет. У меня тоже внутри закипает, когда кто-то из-за нехватки денег не может съездить даже на похороны единственного родственника, проживающего, скажем, во Владивостоке. Да и жизнь это развс. Но если ты хочешь быть справедливым и гуманным – пожалуйста, никто не запрещал. Ты люби людей, не обижай никого. Коль ты уже рожден, то найди силы жить и умереть человеком, даже среди волков. Приведи свои мысли в порядок, следуй этому, не навязывая другим. А если кто не следует твоим мыслям, то пожалей его, но не вздумай только по головке гладить. Этого они действительно не заслуживают. Я думаю, что жалость по отношению к таким лишь должен выражать, что они жалкие. И ничего более.

- Ну не знаю... Смогу ли я когда-либо вообще принять такую философию?

- Придет со временем, но чем раньше, тем лучше. Вот сегодня, например. Ты сегодня впервые, да с бутылочкой хорошей водочки зашел к дяде своему родному. А это уже признак того, что ты растешь! - улыбался снова дядя, - Водка, конечно, не показатель внимания, но, поверь, мне и вправду приятно. Следующий раз можно без бутылочки. Кстати, жениться ещё не собираешься? Нег ещё такой задумки? Ладно, ладно, знаю – сам разберешься, но если что, обращайся. А насчет денег, ты, братец, прав! Если кто обогащается, как в Газпроме или нефтяных компаниях за счет недр, принадлежащих всем, или если твой работодатель получает в двадцать и более раз больше твоего – это уже ни в какие ворота! Я не предлагаю как Полиграф Полиграфович «отобрать и поделить», должны же быть какие-то разумные пределы и в капитализме драном. В первую очередь Российский капитализм, ещё даже не успев нам стать, объявил, что зарплата будущих буржуев должна составлять коммерческую тайну. Потом это же государство по их указке ужесточает законодательство по митингам, чтобы меньше вякали принародно, а теперь вопрос решается об уголовной ответственности за клевету в СМИ и Интернете. А что же делать? Этот неугомонный народ, он ведь ещё и грамотный. Запретишь ему вякать, он писать начнет. Я, знаешь ли, и сам иногда не выдерживаю, хотя среди недовольных дерьма тоже хватает. Такую ахинею несут, а другим из-за них нормально права свои не отстают. Сами хотели капитализма, а теперь выступать надумали. «Правыми» в одно время себя называли, теперь горчат на митингах, орут всякую ахинею, хотя к народу тоже

никакого отношения не имеют. Ладно, черт с ними и их деньгами. Давай не опускаться до их уровня, давай не паршиветь

В охранном предприятии Максим проработал два с лишним года, и появилась возможность вернуться. Отец одного из его друзей – Валеры, ранее работавший в их совхозе главным механиком, решил спасти это некогда крупное хозяйство. Ии колбай Николаевич, как звали отца Валеры, человек латышвидный, уже в самом начале банкротства не ждал наравне с другими появления возможности денежной наличности и не отказывался брать зарплату техникой. Кое-что даже прикупил через погн вышшеюся потом конкурсного управляющего через суд и заделался фермером. Хотя многие, кто разбазаривал остатки хозяйства на металлолом, звали его за глаза хапугой, он разворачивался не на шутку. Хватка его многим понравилась, и Сбербанк открыл кредитную линию. Казалось, что это первые два года прибыль никакая не интересовала, он работал на расширение. Все, кто говорили, что скоро сбросит свое хозяйство и запьет, остались на бобах. Он действительно бросил, но выпивать, хотя раньше такая слабость за ним вошла, не начал. Уже на третий год он засеял кормовые, и ввел в аренду молодняк крупнорогатого скота из соседнего совхоза. Совхоз тот завалил план по севу, кормить скот было печем, а сдавать молодняк в мясокомбинат было себе в убыток. Это означало для них обрубить свое будущее, да и не разрешало сельхозуправление. Ожаккой в иручке можегитги речь, когда этой осенью мяса сдавали очень многие. Почки Нииколая Николаевича поддержали, хотя многие смеялись, что в его коровник как живут скелегы чужих бычков, а сам Ник-Ник, так звали его сельтаке, ходит вокруг этих коровников и ждет, когда эти чужие кости начнут зарастать его мясом.

Привес оказался таким, что никто не ожидал. Вопрос о нем был поднят на уровне в новь образования этого областного Министерства сельского хозяйства и мясомолочной промышленности. Министр, бывший ранее заместителем Управления, дело знал, а потому захотел выслушать Николая Николаевича лично и остался доволен. Ему были переданы активы соседнего совхоза и выделен льготный кредит.

Таким вот образом, на месте вышедшего совхоза появился новый, как его назвали, Производственный сельхозкооператив – ПСХК Коломенский с гендиректором Николаем Николаевичем Гризновым.

Снова нашлись люди, кто никак не мог спокойно смотреть на этот свершившейся факт, кто, сидя возле телевизора, подсчитывал, что мог иметь Ник-Ник, получая оклад гендиректора и сдавая в аренду своему предприятию свою же технику, собственником которой был на самом деле. Однако в селе стало веселее, потянулся народ, завели дойных коров, построили теплицы, а сам Николай Николаевич уже носился с задумкой открыть на дальних деревнях два отделения в виде откормочных ферм Скотники были.

Максим возвращался гуда «совсем немолодым и не совсем специалистом». Однако бывший зоотехник Усманов, хоть и на пенсии, дай Бог ему здоровья, хорошо его натаскивавший вовремя практики, не отказался помочь и сейчас. Мама, видать, хорошо похлопотала. А, может, дядя Толя. Что ж, надо отрабатывать свою учебу. Пусть нет совхоза, который платил ему «стипуху», но есть то, для чего его готовили.

Однако же уйти со старой работы нормально, как это положено, не получилось. Дело касалось, конечно же, денег. Снова эти чертовы деньги. То ли действительно мы создали такое общество, где нельзя прожить никого не обманывая, то ли мы рождены вечно обманывать себя и других, а потому и общество у нас такое корявое? Кто бы знал. Сами запутались и осложняем себе жизнь. Деньги, вправду, будто и не причем, но ведь из-за них столько страстей, будь они неладны.

Максим, как и все охранники, получал двенадцать тысяч рублей официальных, переводимых бухгалтерией на банковскую карту и восемь тысяч в конвертах. Но в последнее время их охранное предприятие стало расширяться. Хозяину с его «штабом» (окружение состояло из офицеров армии и милиции) это было событием весьма радостным. Долго они строили планы, как прибрать к рукам огромные площади, сдаваемые в аренду множеству различных фирм. Это пятиэтажное здание бывшего НИИ, купленное для сдачи под аренду множеству мелких офисов. Хозяину здания незачем работать, имея такое количество арендной платы, а теперь всю охрану, множества постов, установку и содержание сигнализационного оборудования этих фирм, приобрело их охранное предприятие. Кроме того, удаюсь оформить договоры на охране ещё двух объектов. Все это потребовало дополнительные финансовые расходы, а потому всем было объявлено, чтобы в течение трех месяцев заработной платы в конвертах не ждали, но эта сумма будет возмещена, начиная с четвертого месяца, в увеличенном размере.

И надо же было так случиться, что Максиму нужно было увольняться именно в начале четвертого месяца. Мать его торопила,

что в ПСХК его, как специалиста, долго ждать не будут. За это время Николай Николаевич может найти себе ветеринара более опытного, со стажем. Упустить такое никак нельзя. «Ну что за несвезуха такая!».

Начальник караула, уже после оперативки, особо разговаривать с ним не стал:

- Нет, Максим. Ничего не выходит. Если проработает еще полгода, то за это время будешь получать «конвертируемую сумму» и то по частям. Прямо сейчас эти двадцать четыре тысячи рублей никто тебе не выложит. Ты знаешь об этих изменениях? Знаю. Такое даже невозможно по бухгалтерским документам оформить. Даже слышать не хотим. А данные о том, что ты получал зарплату за это время, имеются, так что не ходи, не надоедай.

«Да пропади они пропадом, эти чертёвы деньги!». Максим уволился и приехал домой, где сразу подключился к делам фермы. «Работает на фирму, - лишуניתс, - а теперь на ферме». Особой разницы нет, но здесь первоначальный оклад семь тысяч и придется поясок загнать потуже.

- Дык, надо выцарапать твои денежки. - дядя Толя был вполне серьезен. - ты их заработал, в конце-концов! Но бухгалтеры, видители, нельзя провести такую операцию. Вранье это всё! Можно подумать, что их «конвертируемая валюта» по бухгалтерии проходила. Отстаивали работникам чуть-чуть из сокрытой прибыли. И то не потому, что гуманисты какие, а так - чтобы вы в другие ЧОПы не убежали.

Если бы все это проходило по бухгалтерским документам, приходилось бы подоходный налог платить из этой же суммы. Как бы не так! Жалко, что документально не доказуемо. Может у тебя хоть где-то отражалось это, Максим? Нет? Это плохо, брат. Никто в твою пользу тоже не выступит. Крутая пора катаких же полностью зависимых от денег людей. У многих, наверное, семьи, родители престарелые. Хуже нет, когда ты зависишь и вынужден помалкивать. Да, жаль. Жаль. Очень жаль. Хоть бы купил что-нибудь, скоро, может, женишься. Мог холодильник там, стиральную машину... Тут на них копить и копить. Нет, брат, тебя такого в мужья не возьмут.

Максиму тоже было жаль такую сумму. Когда еще ПСХК разбогатеет. Ник-Ник обещает, но сроки такие расплывчатые и далекие, как горизонт: поближе, а они от тебя.

- Да, дядя Толя, была у меня мысль - в кредит купить всю бытовую технику и приехать к маме, да испугался. Когда «бывалши о приостановке конвертируемых». Вдруг бы совсем пере статьи в конвертах давать -

сидел бы тогда в должниках.

- Вот она – ещё одна прелесть капитализма. Раньше, работая на госпредприятии и на государство, о таком и подумать никто не мог. Государство дает тебе заказ, а после купит у тебя твой товар и вычтет подоходный налог. Всё! Никаких непоняток. А теперь что? Буржуй – он сам хозяин и каждую копейку у него приходится взять чуть ли не с боем. Он сам себе Президент и ни во что государство не ставит. Если бы не нефть и газ – нам бы крышка! Поскольку налогоплательщик у нас воспитания никакого не имеет. Тоже, кстати, вина государства. Думают. Земля вечно нас кормить будет. Казна пополняется только за счет природного богатства, а потому работа налоговой службы пущена на самотек. Когда мы всё за бесценок, в ущерб своему народу, раздадим богатства недр в зарубежье, то и вправду будем самыми последними нищими. Нам в лицо будет плевать любой из стран третьего мира. Да какого там третьего мира, тридцать третьего...

- Хватит, может, - Людмила, жена дяди Толи. не выдержала, - людей с пути сбивашь. Как чуть выпьешь, начинаешь. Ты случаем не сын деду Антону. Почти одинаково мыслить начинаешь?

Смех у неё открытый, звонкий, как у ребенка. Жаль редко смеется.

- А что? Я могу поговорить с племянником? Могу. Вот знакомый у меня – Вова Бражников. Он работает начальником отделения налоговой службы, и ты думаешь, доволен таким положением? Как бы не так! Их сократили и соединили три района в одну межрайонную службу. Как ты думаешь, будут тут в нашем поселке сидеть и решать вопрос о взыскиваемости местных налогов в соседнем районе? Нет, конечно. У себя-то не могут. Здесь налоговые инспекторы заняты тем, что составляют общий отчет для трех районов и отправляют его в область. А ты пойди, проверь, как они обучены работать? Даже наши участковые инспекторы из дальних деревень возмущаются, что их заставляют раздавать налоговые уведомления о необходимости уплаты налога за землю и имущество за текущий год жителям, которые выехали или даже умерли лет пять назад, а то и больше. А в нашем поселке даже среди моих знакомых найдутся три-четыре человека, которые меняют вторую машину, а налог ни разу не платили. Вот вы мне теперь и скажите – можно ли приучить к налоговой дисциплине людей с такой вот базой данных в компьютере налоговиков? К тому же раньше было заведено, когда налоговики бесспорно снимали долги предприятий с их счетов. Ясное дело. Сбербанк государственный и почему бы ему не направлять деньги клиентов в казну государства? Но теперь-то банки разные и кругом конкуренция. Им никак нельзя терять денежного клиента, а

поэтому они и не заинтересованы обижать их и снимать деньги без спроса. Они же обидятся, эти предприятия, и уйдут в другой банк. Так-то вот. Это в Ватикане неуплату налогов приравнивали к большому греху и записали в катехизис, а у нас никто этих налоговиков теперь и не боится. Они же не могут и внебюджетные деньги собрать, то есть в те же пенсионные фонды, а государство не в порядке их учил, а намерено пенсионный возраст поднять. Тако своим народе правители не пугают! Эти будут в пробу вертеться, как пролетарии. Они сюсюкаются перед Западом, и почему-то увережны, что те помогут, когда очень скоро будем стоять перцем с протянутой рукой. Как бы не так! А ты говоришь – дед Аягон. Он если бы только ругал выжешнюю млодежь, то было бы попятно – проблема отцов и детей. Но они, старые, все в один голос ругают государство. Им повышают пенсии, а они ругают снова. Неужто все наши старики такие все дебилы? А, может, есть какая-нибудь доля правды. Я согласен, они проибли уже то время, когда дедер вья большими была и чущь прекрасную несли. может и зависть какая-то, но не верю, что только в этом дело. Не верю.

- Да ладно тебе, задарила «не верю», го же мне, Сталинславский, – Людмила обратилась к Максиму, – а ты ешь, и не слушаешь его.

- Ну, почему же? Мне интересно, как дядя Голя мысли свои излагает. Я вот немного если что и понимаю, то никак объяснить не могу. В институте ужасно страдаю от этого, прямо, как заяц какой. А потом мне интересно, какую систему мой дядя больше любит: капиталистическую или социалистическую.

- Ну, ты и сказала, Максим. – выпившему Анастасию понравится, как оценили его изложения. он даже прибавил звуку – И, главное, «который строй больше нравится». Ха! Ни одному из этих двух систем я предпочтения не давал, поскольку не нравится оба. Капитализм вообще людей не признает, кроме богатых. Кому-то «Безерли Хилл», а кому-то гетто. Можно, конечно, посадить и в клетку в зоопарке, но стальной мир против будет, хотя и никак не лезать. Обожествлять деньги я никогда не стану! У меня есть Бог. К тому же я сам пару раз был ущемлен одним богатым и ужасно гупым («товарищем»), а стоящие рядом люди хихикали, соглашаясь с его издевательствами, только голову, что у него кормились. Я видел, что они в этот момент выглядели жалкими людскими, а обсмеянными уходил я. Тыфу! Даже говорить и вспоминать об этом не хочется. Расскажу я тебе, племянник, одну историю. Ты ещё даже предложить не можешь, что приходится и слышать людям из-за этой зависимости от денег. Как-то мне пришлось ехать на зону попрашивать осужденного ЗК. Это было лечебно-исправительное учреждение. Так и

называется ЛИУ. Там отбывают наказание сплошь одни туберкулезники. Вот и представь себе, как следователь с повязкой на морде допрашивает человека с такой же повязкой, которого доставил контролер с повязкой. Ну, дело не в этом. Уже потом, на выходе из корпуса колонии сняв повязку, меня узнали и окликнули. Оказалось, что заместителем хозяина по режиму там служит мой однокурсник Саня Блохин. В юридическом вместе учились. Ну, мы, естественно, выпили потом у него дома, вспоминали годы учебы, и все хорошо было...

- Ну, а как же, конечно, хорошо тебе было. Выпить - разве может плохо быть? -

Людмила успевала вставить слово, нарезая помидоры.

- Да-да-да! Бью хорошо, - подыграл ей Анатолий, будто облизывает пальцы. - Вот Саня-то мне и рассказал про одного из осужденных. Словом, жили, как их назовем, Алексей и Наталья со своей малолетней больной дочерью. Дочери их нужно было срочно делать очень дорогую операцию в зарубежной клинике. Они обращались ко всем родным, богатым знакомым, писали в СМИ, Интернет, но никак не получалось. Конечно, бедные готовы были отдать свое последнее, но эта была совсем не та сумма. Те, у кого эти деньги есть, у них и менталитет другой. Тьфу, блин, слово-то какое. Одним словом, они тоже правы, поскольку добивались своего положения годами упорной работы, а не просто так, деньги - к деньгам. Им действительно есть что терять, а с протянутыми руками много кто ходит: фонды всякие, общественные организации и даже госучреждения, которых мы создали множество, а содержать нормально не можем. Нет. Конечно, со временем деньги может, и нашлись бы, но девочка умирала, и ждать было нельзя. Алексей от бессилия напился и пошел крошить здание Минздрава и попал в милицию. Там с сокамерниками разговаривал долго, ругал государство, бил себя кулаками в грудь, что готов продать свой скелет завтра же в мединститут в качестве учебного пособия. Когда наутро его выпустили, объявив сумму штрафа, то подошли два незнакомца из авторитетного преступного сообщества, и вопрос с деньгами тут же был решен. Одного из их боевиков задержали за убийство, и если он разговорится, то могла начаться цепная реакция. Договор заключили такой: Алексея везут с подельником задержанного к месту совершения убийства, где рассказывают в подробностях, как произошло убийство и тут же перечисляют деньги посредникам, отвечающим за отправку девочки за рубеж в клинику. Алексей прямиком оттуда отправляется домой, но едва предупредив жену, идет в милицию и пишет явку с повинной, что убийство его рук дело. Подумать времени не было: с одной стороны

задержанный за это время может «колонтуться», а с другой – девочка может помереть. Если же Алексей когда-нибудь, пока не отсидит весь срок, даст показания, что себя оговаривает, то потеряет еще и жену. Вроде, предусмотрено все. Он согласился, но парню снова не повезло. В лагере, уже через полтора года заразился туберкулезом, а отбывать ему еще восемь лет осталось. Какими-то образом получилось, что в лагерной администрации об этом знают, но молчат все. Алексей так же не намерен терять жену. Сам он намерен, если доживет, снимать отдельное жилье недалеко от своих и любоваться дочерью на расстоянии. Если будет жив, то наверняка будет иметь открытую форму, а рисковать семьей не хотел. Такая вот, племянник, история.

- Значит, есть к социализму како-е-то пристрастие? - Максим уже горопителся домой, - Вещь так, дядя Толя?

- Упаси Боже, племянник. Единственное, за что меня обзывают коммунистом в сталинском - это то, что я не лгую на свою историю и храню память о тех жертвах, что пали в борьбе за это. И жалкомие как тех, так и других. Коммунистом я тоже никогда не был, но заслугой это не считаю. Мой папа им был, а таких как он мало осталось. Людей там, кстати, пытались хоть как-то переломать. Придумали, представь или прикинь, как выговарите, такую вещь. Взяли из Евангелия, что человек человеку - брат, друг и товарищ и внесли такое положение в Моральный кодекс строителя коммунизма. Был, знаешь ли, раньше такой кодекс. И в программе у них, вместе с электрификацией всей страны, был пункт о воспитании строителя коммунизма. Потом, правда, позабыли. Поскольку Маркс сказал, что это все-таки лишь настройка, а надо в первую очередь Базис создавать. Одним словом и буржуи, и коммунисты важнейшим органом человека почитали желудок. О Душе забыли и вообще объявили, что ее нет. Вот теперь мы с тобой и страдаем. И, помнишь, и раньше, и теперь я частенько встречаю тех, кто и вправду её не имеет и думает только о желудке. Одним словом, братец, мой Бог - не деньги, а потому помогает жить в ладу с самим собой. А у тех, у кого денег много, они по-своему несчастны. В следующий раз, когда так же забьешь с бутылочкой, я их тебе разложу по полочкам.

- Я тебе разложу! Ишь, по нравилось ему выпивать. - негодовала Людмила. - Макс,у домой пора, а ты тут со своей философией. Готовишь на свое место, а сам светишь из чьего-то соседа - деду Антоки? О-о-о, ты будешь ещё больше брызгать, чем он. Тебе с ним надо выпивать, с дедушкой Антоном. Два сапога - пара.

- Вот-вот. Все вы жёггы также. Не горюйся, Максим, желаться. Прием отринь сначала. Вышь, какие они, эти женщины!

О том, что невеста уже есть и они намерены пожениться, Максим так же в первую очередь решил сообщить дяде Анатолию. Подкопипи денег за полгода получилось бы разве что на скромную вечеринку в любимившемся молодежи кафе «У Игоря» с небольшим количеством близких знакомых и родных. Однако же они, а особенно Светлана, налялись на родственников, которые уже не первый год подгоняют их к семейной жизни, обещая всяческую помощь. Правда, по отдельности. Кто невеста и кто жених действительно мало кто догадывался. Максим, постоянно переживавший за свою материальную неустроенность, испытывал особый дискомфорт, поскольку Светлана была младшей дочерью Николая Николасвича. Например, Стас, водитель Грязнова, уже успел узнать и не преминул намекнуть, что, дескать, Максим, как оказалось, разбирается не только в крупно-рогатой скотине, но и девчатах, имеющих хорошее приданое. Выяснилось после, что он сам имел виды и был когда-то влюблен в Светлану. Но она все же выбрала Максима.

Светлана училась в той же школе, что и Максим, но классом ниже, а потому он ранее её как-то не замечал. Встретились они в Доме культуры, когда Максим после окончания учебы «решал вопрос» со службой в армии, а она проходила практику в той же школе, где они учились, перед окончанием педагогического колледжа. Светлана за эти годы стала настоящей красавицей. Её большие голубые глаза отражали особый виноватый блеск, словно она продолжала «выпендриваться» перед первоклашками, стараясь показаться настоящей учительницей, а те её никак воспринимать, как учительку не хотели. А когда она вдруг приходила в себя и понимала, что находится не в классе во время стажировки, а с парнем, который ей очень нравится, то эти глаза излучали такой свет, что Максиму все время хотелось их целовать и говорить ласковые слова. В армию она писала часто, и среди воспоминаний о минувших радостных днях проскакивало едва понимаемое лишь ими обоими слово «Дождусь». Первая встреча после армии происходила вечером возле детского сада, откуда Светлана забирала свою племянницу, дочку сестры. Она встала как вкопанная, хотя сама писала, что целый месяц будет туда ходить забирать ребенка, пока однажды туда не заявит молодой демобилизованный солдатик. Максим был в форме, подтянутый, родной до ужаса и до ужаса желанный. Однако язык у неё присох к небу и единственное, что она смогла, это схватиться за штатетину и прислониться к ограде детсада, держа за ручку маленькую племянницу. Они молча смотрели друг на друга минуты три, а после обнялись несмело, словно впервые это делали, что задрawsая свои веснушки малышка не сразу смогла понять –

радуются они или нет. Не поймешь этих взрослых – вроде рады, а не закричали даже.

Так они продолжали встречаться по выходным, когда Максим приезжал со своей работы в охрану, а после чуть ли не каждый день, хотя ни перед кем особо не открывались. В этой игре был особый смак иметь свой секрет, целоваться в засос и почти доходить до последнего тайнства, но при других делах вид, что взрослые откоплены им совершенно незнакомы и они не представляют что это такое. Но жизнь – есть жизнь: объятия становились более крепкими, с менее осторожными соприкосновениями, с испытанием чего-то нежного, желанного и загадочного. Эти желания испытать, принадлежать полностью, дошли однажды до неистовства и – свершилось. Вопрос стоял о женитьбе.

- Ну, Максим, молодец! Мила, слыш, иди сюда! – дядя Толя достал из холодильника сало и стал резать на дощечке, – Иди, говорю тебе!

- Да слышу я. Слышу. Очень рада за тебя, Максим, – она была одета под плащом в яркий народный костюм, – Так, Анатолий, я на репетицию, но прошу, хоть повод особый, ко за вторые бежать.

Она пела соло и в ансамбле «Зарянка» и имела голос, как и смех, звонкий и в то же время с замечательным тембром. Селянам нравилось, и в соседние районы ансамбль выезжал часто.

- А знаешь, Максим. Ничего такого нет, что она дочь Николая Николаевича. И этого не стесняться надо, а гордиться. Породиться с таким человеком – одно удовольствие. Быв, конечно, люди, которые сидят на чертовых деньгах, словно фараоны, которых после похоронят с этим богатством. Ник-Ник район поднимает и людям работу дает. Побольше бы таких. У него чертовых денег нет. Он их не знает, кому служить. Вот тебя, например, прогнем на эти деньги, ха-ха. Это, брат, считай, именно тот случай, когда деньги идут в дело. Ох, и прогнем тебя, ха-ха. Погуляем.

ПЕРВОЙ ПОБЕДЫ БОЕЦ

Коренному москвичу Игорю Круликову было больно смотреть на город. Он рвался на фронт. Ему надоели бесконечные прогивотанковые «сжи», аэростаты с их прожекторами в ночное время пулеметы на крышах и зажигательные бомбы. Никто особо не верил что Москву сдадут, но кем-то упорно распространялся слух, что немцы уже не остановить, что Правительство эвакуировано за Урал. Везде на стенах домов, на заборах пестрели листовки, призывающие не поддаваться слухам, но было невыносимо дальше терпеть это въевшееся в лексикон москвичей слово – «захватчики». «Готовиться к встрече с захватчиками», «дать достойный отпор захватчикам», «немецкие захватчики на подступах Москвы». Ведь знал Игорь, что захватчиками фашисты были для стран Европы, где не было достойного отпора, а здесь за три месяца фашист со скрипом подходит, как и Наполеон в свое время, чтобы ретироваться, получив по морде. Однако москвичи ждали этого дня, а он пока все не наступал.

В военкомате на этот раз его встретил уже немолодой военный без знаков отличия на петлицах, но в форменной одежде.

- Нет, Игорь Васильевич, пока вопрос идет не об отправке на фронт, хотя мы Вас призываем на службу. Фронт от Вас тоже не уйдет, поскольку вы отныне будете красноармейцем, и выполнять приказы. Вы в прошлый раз оставляли анкету, где указано, что сдали экзамены и получили удостоверение шофера? Так? Ну, я уже не говорю, что любите лыжные походы, имеее грамоты и даже стали «ворошиловским стрелком». Однако в данный отрезок времени Родине Вы нужны как шофер. Вот Вам направление, адрес, куда прибыть, там указан, завтра утром милости просим. Все.

Таким образом, семнадцатилетний москвич Круликов Игорь призывался на сборы во временный учебный центр броневзвода отдельной мотострелковой дивизии особого назначения НКВД. Курсы прошли ускоренные и был зачислен водителем броневедомобиля. Кроме боевой и политической подготовки, им преподавали кое-что из Устава НКВД по охране правопорядка, объектов и физических лиц. В Москву умудрились проникнуть вражеские лазутчики, распространители пораженческих слухов, а кроме того, им частенько приходилось охранять объекты и даже членов семей «ответственных товарищей». Хотя вначале он и обрадовался, что стал красноармейцем,

но постепенно стал унывать. Он вдруг понял, что теперь является боинцом и связанный наски железной присягой, будет тянуть эту службу до конца войны. Даже находясь по увольнительной, стыдился перед своей подругой Татьяной, чувствовал себя как старик, имеющий бронь и негодный для ратных дел. В любое выпавшее свободное время не забывал посещать военкомат. Там его уже все знали, здоровались при встречах, поскольку никакая ругань уже не помогала. Командир взвода Останин Денис Денисович, который сам обращался с подобными рапортами в штаб дивизии, отбил всякую его охоту ходить и надоедать всем, самыми грубыми словами. Быде даже странно от него такое услышать. Правда, командир после этого так же быстро сменил тон «разговора».

— Не ты один, боец, на фронт стремишься! Думаешь, мне нравится сидеть в тылу, как бык-производитель, оставленный для осеменения, пока другие немца бить будут? Нет, брат. И вообще, скажу тебе по секрету, Игорь, сказал я мне в дивизии, что чуть погонят немцев от Москвы, так сразу нас с тобой отправят под город Клин, где сосредоточена особая дивизия НКВД и до Берлина. Пошел теперь? Все же надоедал больше! Исчезни с глаз моих!

Однако повезло Игорю больше, чем Останкину. Попасть на фронт раньше ему помог случай.

Приближался праздник Великого Октября и перед Ставкой стоял вопрос о проведении военного парада на Красной площади. Вопрос вылащивался давно, а с октября месяца потихоньку и в гайно соннианиял обретать конкретные контуры и материализоваться. Значение ежегодного военного парада именно в это время, переоденить было яельзя. Сталин это понимал и готовилсью юречь, хотя в мирное время выступление было делом командующего. Патристическое и патриотическое значения парада удваивались еще и тем, что фашист подходил к Москве так ближо, что не хватало каких-то десяти километров, чтобы дальность их артиллерии достигала столицы. Кроме того, в столице было множество гостей и корреспондентов, готовых прогрезвонить такую новость на весь мир. Что греха таить, новость многие из них ждали в любом случае, поскольку немцы изначально кричали, что лосбольшее вистекий праздник на Красной площади будут отмечать они. Именно стмепив здесь свой праздник, они собирались сравнить Москву с землей, а самим идти дальше, что унычто жать всех, кроме небольшого до стачного количества слуг для вышней в мире расы. Неизвестно, сколько было газетчиков, собравшихся освещать праздник Гитлера на Красной площади, но они, несомненно, были.

Мало кто верил в победу Советского Союза, но, главное, верил в это он сам - народ СССР. Верил и не сомневался.

Фашисты, привыкшие брать столицы наскоками уже накануне, 6 ноября, вторглись в небо Москвы на 250 бомбардировщиках, чтобы разбомбить центр, где расположены важные объекты. То, что их парад не состоится, стало известно сразу, когда они уже с окраин города повернули обратно, потеряв сбитыми 34 бомбардировщика.

Вечером того же дня, под землей, на платформе станции метро «Маяковская» открылось заседание горкома. Делегаты спускались по эскалатору, а члены Правительства подъехали на электричке и выходили из вагона сразу в зал заседания, оборудованный стульями, трибуной и даже с обязательным графином с водой. Речь Сталина на этом заседании транслировалась по радио. Он отметил о видах вооружения, по которым СССР пока отстает от врага, но выражал огромный оптимизм и героизмом советских воинов и работников тыла. Уже расходясь, около 23 часов, он сам лично предупредил секретарей райкомов и тайно вовлеченных в устройства парада ответственных лиц, что начало парада переносится на два часа раньше, то есть с 10 на 8 часов утра.

Все это происходило под землей, а наверху недалеко от станции дежурил броневедомитель с нарядом Игоря Круликова с ними не было уже неделю.

Устройство парада забирало столько сил и народа, но среди военных распространялось мнение, что это будет первой победой и великой битвой, за которой последуют другие победы наступательных операций. Народа было задействовано много, но большинство из них не знали и не догадывались для чего вдруг, например, нужно теперь отправлять на фронт с обязательным строевым смотром, или почему с эшелона снимают танки, готовят их уже второй день, хотя они так нужны фронту. А ведь на площади должны проходить многочисленные «коробки» из разных рядов войск, которых не так уж много в Москве. Должны были пройти конные, тачанки, танки, артиллерия и пехота. Всем должно быть видно, какие силы Советский Союз может выставить еще для своей победы. Парад не должен быть хуже тех, которые проходили в мирное время. Артиллерию даже с фронта пришлось снимать.

Игорь, на его счастье, был сам вызван в военкомат, где сообщили, что его просьба удовлетворена, и он направляется на фронт. Его вновь направили на недельные курсы, которые проходили при Московской объединенной военной школе имени «ВЦИК». Подготовка батальона лыжников-автоматчиков в основном велась для парада, и особое внимание уделялось строевой подготовке. Никто из них не догадывался

обэгом. В то же время они действительно после парада направлялись на фронт в качестве пополнения 360-й стрелковой дивизии. Все красноармейцы были убеждены, что готовятся к строевому смотру перед отправкой на фронт, им выдали одинаковые новые полушубки, лыжи и автоматы ППСШ.

Ночью была морозная погода, мелкая метель, в небе густые облака и особых волнений, что немцы могут повторить воздушную атаку, не было, хотя на этот случай на аэродромах дежурили более 500 истребителей. На Волоколамском и Можайском направлениях и на других некоторых участках были завязаны отвлекающие бои, больше имеющие цель вывить готовность врага. Хотелось пощупать готовность фашиста именно на тех участках, откуда, по мнению Генштаба, он мог начать наступление.

- Враг выдохся, товарищ Сталин, - докладывал Жуков Г.К., - нам серьезно помешать он не в состоянии в ближайшие два-три дня.

Ночь проходила спокойно, но с утра летянулись во все концы специальные посыльные созывать народ на парад по случаю праздника Великого Октября. Мнение было роздано за отовлеченных заранее приглашений. Жители столицы готовы были обнять и расцеловать этих волонтеров. Поверить в такое сообщение действительно было трудно, и поверили они все не потому, что почувствовали вдруг окрепший боевой дух, а потому, что Страна и Великий Сталин (слова не автора) мыслили одинаково, знали самое заветное желание народа — доказать всему миру непобедимость Родины Октября. Некоторые, однако, продолжали сомневаться даже по пути к Главной площади столицы, пока вочию не увидели убранный от камуфляжа мавзолей, расчеленные горящие звезды Кремля и веселые лица людей. Из плазбу квалыне брызали слезы радости, что страна жива, и будет жить давно заведенным порядком. Указывать ей, как жить — никто не посмеет. В них словно брызнули сказочной живой водою. Все ожило и впитало окончательно.

Специально приглашенные или странные госпужене имели такой скептический вид, а когда начался парад, то были ужасно удивлены его полнотой и устройством в таких тяжелых для страны условиях. Парад принимал, выезжающий из Кремля верхом, Семен Буденный. Командовал парадом генерал П.А. Артемьев. Оркестром руководил сам автор «Прощание славянки», которого после парада совсем замаршего, но счастливого, увезли под руки.

Игорь шел третьим с краю («коробки»), влиял шее, чтобы видеть всегда и членов политбюро» но никак не выходило. Он так же

изрядно замерз, даже в полушубке, пока ждали своей команды тронуться с места. Бойцы старались вытянуть ноги как можно выше, от чего и качало, и было не совсем удобно в такой одежде.

На другом конце площади их ждали сто граммов водки на каждого участника. Правда, Игорю было как-то не совсем удобно пить, он застеснялся. Это был действительно как первый бой, и первые наркомовские сто граммов, и сосед по строю протворил «Пей, Сталин угощает». Он выпил.

Так Родина провожала Игоря Крутлюкова на ратные дела в качестве бойца РККА.

А фашистам, которые никак не могли ожидать такой «выходки», стало не по себе. Нужно было глубоко, очень глубоко задуматься. Таков и вправду нашелся, но он был в единственном числе, а, может, другие просто побоялись опалы своего фюрера. Этим единственным был командующий резервной армии Вермахта генерал Фромм, который раньше всех понял, что весь план Барбароссы - это утопия. Он предложил подписать с Советским Союзом мирное соглашение. Наверное, он был действительно настоящим стратегом и великим полководцем, но спасти столько жизней такого близкого ему немецкого народа ему не дали более мелкие шавки. Историю вспять не повернешь.

Главное наступление, где проходил службу Игорь, началось рано утром 6 декабря. Немцы, по данным разведки, никакими резервными силами не обладали и были сильно измотаны. Чтобы помощь не могла прийти из соседних фронтов, одновременно начались наступления против группы армии «Север» в районе Тихвина и в районе Ростова - против группы «Юг». И так, группа «Центр», наступающая на Москву, осталась одна против наших войск, и хотя ещё продолжала наступать, уже по инерции, уставшая от обязательных бесконечных контратак русских и от их безжалостной зимы.

В некоторой степени прав был пленный немецкий связист, доставленный в качестве «языка».

- Во всем у нас порядок, а вы порядки не любите. Понять, каким будет ваш следующий шаг, невозможно.

Самого «языка», как говорит сержант Бадретдинов, взяли «играючи». Уж действительно очень быстро его доставили. Разведчики проползли по стыку двух вражеских линий и заметили телефонный кабель, который, недолго думая, прокусили кусачками. «Язык» прибежал к ним сам буквально через десять минут, а гокнутый по кумполу, затих и молчал до самого нашего штаба. Такое бывало очень редко.

Что же вы, такая любящая порядок нация, не могли как следует замаскировать кабель связи? — отвечал замначштаба через переводчика. — Это такой порядок у немцев? Под трибунал за это надо.

«Таким вот образом, — отметил просебя переводчик, — вся немецкая нация с легкой руки командира стала виновной, что под Москвой кабель плохо спрятали».

— А ты что улыбаешься? — напустился замначштаба на переводчика, — Спроси-ка лучше номера подразделений, фамилии командиров, огневые точки, глубину линии фронта. Одним словом спроси все, что надо, тебя учить не надо — сам знаешь.

Действительно, немцы были очень плохо обмундированы и чаще старались бывать в теплых блиндажах, а еще лучше в деревнях. Частые и бессмысленные атаки рали атак, по нажиму командиров, стали происходить теперь реже. Немцы продвигались большими потерями не более сотни метров, не тут же отступали снова на насыженные уже места. Этим нужно было воспользоваться.

Жуков Георгий Константинович понимал это, как никто другой, и даже вынашивал план устроить «небольшой котел». Однако, с этим не выходило.

— На авиацию из моего резерва можете рассчитывать, товарищ Жуков, — звонил Сталин, — но танки дать не могу. Они нужны в другом месте.

Окружить врага без такой мобильной силы, как бронетехника, было невозможно, а время упускать тоже нельзя. Немца нужно начинать бить уже сегодня, иначе он начнет готовить сложные укрепления, а еще хуже: дождетя помощи, и будет терзать, как коготь в горле, под Москвой, дожидаясь весны. Зима нашла и работает на нас.

Конечно же, не стоит страдать, что немцы порядок любят, но и советские люди его любят, хопи не терпят, когда этот порядок начинает косячить и мешать доброму началу. К тому же такую «любовь», применив небольшую хитрость, можно использовать против них самих.

Никакой, как бы обязательной для всех, аргподготовки в 6 часов утра декабря не было. Не было предварительной бомбежки передовых линий и огневых точек. Не было ни какой шквальной атаки скриками «Ура!». Ни один фашистский генерал, любящий порядок и тепло, не мог бы догадаться, что можно так качинать такие крупные операции по освобождению столицы. Современная военная история таких случаев не знала. Однако, именно в это время тысячи льжников и просто пешех автом агчиков, прорвав оборону врага, тихонько обошли его со всех сторон и углубились в их тыл. Со стороны казал ось, что идет разведка

боем, а в глубине за первой линией обороны уже пошли в ход гранаты, горели один за другим вражеские танки или сдавались в исправном состоянии. Команды орудий поднимали руки, не понимая – куда нужно стрелять. Кругом был «русский беспорядок». Под шумок этого беспорядка было захвачено 32 исправных танка, десятки орудий с боеприпасами и первое, сначала войны, боевое полковое знамя 36-й немецкой дивизии.

Игорь уже побывал в нескольких контратаках, но в таком наступлении участвовал впервые. Первоначальные свои действия, в пылу горячности момента, он не успевал осознать. Ошеломленные немцы выскакивали из окопов, стреляли, падали с искаженными гримасами на лицах, прятались. Игорь стрелял в них, видел, как немцы падают, но не понимал: он убил того или другого немца, или кто другой, бегущий рядом в цепи.

Уже через час, оставив немецкие траншеи, они ворвались в деревню, где засели офицеры. Фашисты выскакивали из домов, но заскакивали обратно или бежали огородами, отстреливаясь из малодейственных в таких случаях пистолетов. Так казалось Игорю, который бежал за коротеньким и толстым немцем, который так шустро перепрыгнул через шлетень и юркнул за угол дома. Скорость его бега удивляла и смешила Игоря. Бежать так быстро и вприпрыжку с такой комплекцией смог бы не всякий. Немец, не оглядываясь назад, выстрелил на бегу, и Игорь услышал звук удара и острую боль в руке. Только тут до него дошло, что не надо на войне так поддаваться азарту, забыв обо всем на свете. На то пуля и дура, что может прилететь без спроса, выпущенная даже неприцельной.

Бегущий рядом красноармеец Смольников понял, что товарищ ранен и дал длинную очередь по немцу из ППШ.

Выяснилось, что звук, испугавший Игоря, издала фашистская пуля, попавшая о диск его автомата, которая от этого улетела рикошетом, зацепив ему руку. На диске осталась небольшая, еле заметная вмятина. Сама рана оказалась незначительной, что они быстро перевязали ее вдвоем. Немного саднило, и было чуть больно, когда он одевал снятый для перевязки полшубок.

Обойдя деревню за огородами слева, они наткнулись на застрявшие в сугробе немецкую легковушку, перевернутый мотоцикл сопровождения и трупы гитлеровцев. Игорь подошел сначала к мотоциклу, чтобы снять с коляски крупнокалиберный пулемет, но вдруг зашвелился лежащий рядом немец и потянулся за автоматом. Его успокоил выстрел Смольникова.

- Ну ты сегодня и в правду как ангел-хранитель, - проговорила Игорь, еще не успев опомниться, - Спасибо, Коля.

- А тебе и в правду нужен ангел-хранитель, сопливый еще больно, - улыбался Смольников, - я, брат, дважды выходил из окружения, где много таких пережоронил. И мой тебе совет, москвич, громко молчи про свое ранение. Не вздумай в санчасть идти или доклачивать рапортом. Уж больно рана твоя напоминает неудачный самострел.

- Дать что, Коля! Ты же сам видел все, ну скажи, видел же?

- Видел. Видел. Только уж больно неправподобный рикошет получится. Шуга, между делом, поменяешь после боя перевязку у санитарки и сразу уходи. Молчи, москвич, слышь, молчи. Меня не влутывай.

Вернулись они в расположение своего батальона на немецкой летковушке, которая тоже оказалась исправной с пулеметом. Такой машинкой Игорь еще не управлял.

Привыкнуть к войне, наверное, невозможно совсем, и все же каждый боец не раз задумывался о своем положении, о друзьях-товарищах и о тех или иных условиях выживания в различных родах войск. Игорю нравилось, что их пехоту называли «царицей полей». Если артиллерия считалась «богом войны» и вечно грохотала как Марс на небесах, то от «царицы полей» веяло романтической, покоем мирного времени. Однако он считал, что трагического в его службе больше, чем где-либо. На транспорте ему приходилось ездить очень редко в качестве пассажира, на небольшие расстояния, а пешком за три года прошагал сотни километров. Он месил землю, износил множество пар сапогов, или мял снег на лыжах, пока на территории Польши случайно не прознали о его начале службы на броневтомобиле. Теперь Игорь возит командный состав из штаба в полк и имеет возможность, задумавшись, оглянуться назад.

Самыми тяжелыми из всего, так он считал, были лыжные атаки. В отличие от наступлений при освобождении крупных городов, их посылали на маленькие населенные пункты. Из артиллерии применяли очень редко, а самолеты могли разбомбить разве что по ошибке или, когда выловешь огонь на себя. Дважды он расстреливал немцев, уже готовых сдаваться в плен. Жаль об этом ужасно, но знал, что не сдержится и в третий раз. Уж больно зверообразовали фашисты, покидая деревни и села. Деревни с одним лишь горчащим печками видели и пожество раз и привыкли. Но нередко приходилось врываться в деревни, где на выселках и просто на деревьях качались еще не остывшие трупы тех жителей. Фашисты, когда спешили, сбрасывали всех в одно место,

расстреливали и забивали трупам колотцы. И не было для них никакой разницы кто перед ними: старуха или двухлетний ребенок.

Часто вспоминал Колю Смольникова, которого тяжелораненого отправили в тыл на территории Белоруссии. Сам окончил войну в Чехословакии, имея на счету семь легких пулевых ран. Все смеялись что пули к нему «липнут», поскольку ни одного осколочного ранения не имел, и все ранения были легкими.

Когда интересовались его военным прошлым, Игорь, подражая Смольникову, отвечал с ухмылкой: «Я – боец самой первой Победы над Гитлером», имея в виду Парад 1941 года. А когда спрашивали «Под Москвой что ли начинал», то отвечал важно «А что? И там пришлось участвовать».

КУЛЬТ

Владимир пришел в лоне Церкви уже в пятидесятилетнем возрасте из-за боязни смерти. Приобщиться к Богу из таких побуждений он полагал, наверное, не хорошо, но допускал, что он не один такой. С этим дуплерадирующим чувством он облизился еще в детском возрасте, а когда самые родные ему люди с грустной улыбкой отвечали «Что делать, все умирают», то не мог понять, как можно жить, понимая свою обреченность. «Как эти взрослые, – думал маленький Володя, – могут сознавать свою временность и не обращать на это внимания!». Сам он так же забывал в свои двенадцать лет ни чем от других ребят не отличаться. И играя целыми днями или сидя в классе, об этом думать не будешь. Но все же приходили порой такие вечера, когда не спишь, и он начинал думать и представлять, как расстроятся родители, когда вдруг это совсем-совсем не станет. Теперь он с улыбкой вспоминал, как в одну прекрасную ночь научился переизвращать это чувство, и оно покинуло его на долгие годы. В такие тихие минуты он научился представлять себя пионером, которого вели на расстрел враги. Тогда он не задумывается, какие это были враги (беляки или фашисты), но представлял, как он поёт по пути к оврагу, где должна состояться казнь: «Орлёнок, орлёнок, товарищи крылатый!» и в этот момент сам замечал на своих глазах слёзы, но это уже были не слезы страха, а что-то другое. Страх действительно уходил. Володя понял, что они врагов боятся. Страх пор он научился петь же вслух, но громко, и уже знал – его больше ничем не затуманит!

Теперь чувство страха вернулось, но уже в таком снутом виде, что порой не давало закрывать глаза. По ночам, прежде чем заснуть, часто приходилось вздрагивать и открывать их вновь и вновь, чтобы увидеть предметы быта и засыпать себя думать о другом. Сотворить собой что-либо или съехать в эти минуты («качусь»), думал Владимир, ничего не стоит. Конечно, не одно это позвало его в Храм, были и другие причины. Оставшись себеблем в свои пятьдесят лет, он испытывал ужасные угрызения совести. Даже маломальские, случившиеся когда-то неурядицы в семье он начинал вменять себе в вину, искусственно воспринимал в увеличенном виде. Он, хоть и понимал это сам, но продолжал во всем укорять себя и говорил вслух «тут мелочей быть не может».

Знакомство с собой ей и первые медитативность его усло каивати,

он подумал, что это был не акт выражения особых чувств к человеку, а скорее напоминал мастурбацию при помощи другого лица, пусть даже женского пола. Была, конечно, мысль покончить со всем этим, однако природа человеческого самца ещё держала его крепко. «Этим надо гордиться, а не убивать данное Богом чувство, - думал Владимир. - Я же не в монастыре. Я - мирянин». А ещё он почему-то был уверен, что батюшка посоветовал бы ему именно то же самое. Встречалось об этом кое-что и в религиозной литературе. Но как к батюшке обратиться? После он убедился, что был прав, но пока не получалось к нему подступиться. А вдруг тот подумает иначе «Вот старый хрыч, поди, только об этом и думает. В его-то годы...» Но, как говорится. Богу - Богово... Не может быть, чтобы всё мирское грешно было...

Спросить батюшку действительно хотелось о многом. Как в его положении воспринимается все это, насколько глубоко такое грехопадение и какова действительность покаяния? Бывали случаи, когда батюшка оставался и без старух, но тогда Владимира удерживал больно молодой возраст батюшки. Ну откуда ему об этом знать, разве учат этому? Пока не встретит кого постарше или не обнаружит что в книгах. Владимир решил вести себя, как мирянин, но при этом не забывал одно: если бы ещё иметь какие-нибудь чувства к женщине, то их проявление ничего бы скотского не содержало.

Вопрос о сексе, конечно же, имел место, но были и другие вопросы, требующие иного, как он полагал, теперь отношения к себе. Поэтому, в один из дней, проезжая мимо церквушки и увидев батюшку одного, он обратился к нему. Разговаривать с ним оказалось совсем даже легко. Возраст при этом не особо ощущался. Выслушав Владимира, он улыбнулся почти детской улыбкой, но глаза его при этом выдавали настоящее участие. Вопросы о сексе, Владимир, конечно же, едва коснулся, рассказал о своем образе жизни начинающего прихожанина и интересовался, какие требования ему предстоит выполнять.

- А Вы зря так решили ограничить себя во всем. Вы не монахи-схимники. Нельзя так в особых крайностях себе всё представлять. Церковь не требует от людей, чтобы они отказывались от всех мирских удовольствий. Вы просто приходите почаще, не забывайте каяться. То, что вы молитесь один - это очень хорошо, Господь ценит это в своих детях, потому что некоторые любят, наоборот, молигся показательно. В этом ничего хорошего нет. Однако Храм Божий помогает единению верующих, это дом Отца нашего, здесь особый мир, здесь мы все ближе к Нему. Приходите почаще. Я после службы всегда объявляю о днях

Великих праздников верующих. Старайтесь их не пропускать. И, пожалуй, обращайтесь и не забывайте, что грехи можно смыть покаянием. Тяжело в миру без них обходиться, но нужно стараться совершать их как можно меньше.

Одним из наиболее часто совершаемых им грехов, как полагают Владимир, был гнев. Он действительно очень часто гневался на других и про себя («наградил») их такими словами, что впоследствии самому было стыдно. К тому же в порыве гнева столько трапилось сил и нервов, что приходило счасами себя успокаивать. Скверно словить мог редко и только в небольшой компании, среди давно знакомых ему людей, а вот в состоянии гнева собой не управлял. Конечно, он не выражал это вслух, но человек верующий не должен допускать такого. Вспомнил бы гневные случайно выскользнувшие слова, которые он когда-либо употреблял даже вслух: «Чтоб ты содох!», «Чтоб ты перевернулся!» и другие. Он при жизни должен бояться не только кары за уже совершенные им деяния, за сказанные слова, но даже одной лишь мысли, что он мог допустить такое. Что он мог хоть кому-то пожелать зла. Помыслы божьего человека должны быть чисты. Не стоит о верующем человеке судить только с точки зрения, был ли он судим за уголовные преступления или наказывался ли за административные проступки? Это всего лишь верхняя часть айсберга, который по решению светского мира не соответствует общепринятым нормам и карается законами. Для них ты можешь остаться таким же, как все, вполне хорошим человеком, если вдруг твои мерзкие планы кто-то изменил и помешал совершить, или даже если ты совершил самое низменное преступление, но не понес наказание, поскольку никто это своевременно не заметил и не сообщил куда следует. Владимир хотел иметь чистые помыслы. К этому спускобровало вся его вера в Бога, где все постулаты поддерживали только благжелательные отношения к ближним. Со временем он даже стал забывать, что всё начиналось с целью только лишь приучить себя верить в бессмертие своей души. Правда, и это его не совсем устраивало, поскольку было жалко «себя». Он еще тогда не научился представлять свою душу без той оболочки, к которой так привык. Ему хотелось иметь бессмертие именно в человеческом облике, пока сам не понял абсурдность этих желаний.

Владимир знал, что гнев ему удастся сдерживать, лишь научившись управлять эмоциями в конкретном месте, где он чаще всего бывает не сдержанным. Лучшим «учебным полигоном» для этого он считал очередь в магазине на подходе к кассе, когда он сильно спешил. Почему-то казалось, что именно там нужно научиться гасить вскипающую

волну гнева. Он в последние годы ходил в магазины сам, и терпеть не мог женщины, которые стояли перед ним и подходили к кассе не спеша, обязательно беседуя с соседкой, стоящей между ними. Только увидев продавца уже возле кассы и услышав их слова «Расплачиваться будем», эти женщины начинали доставать свои деньги. Деньги обязательно находились в портмоне, состоящем из множества отделений. Все эти женщины, как по кем-то специально написанному сценарию, начинали доставать в первую очередь мелочь, которая всегда находилась во всех кармашках. Всегда выяснялось, что эти покупатели забыли дома свои очки. Сосчитав мелочь, они перекладывали одну к другой доставаемые купюры, громко интересуясь, когда у них в магазине следует ожидать поступление какого-либо продукта. Рассчитавшись, они так же не спешили отойти тут же, а находили еще что-нибудь. Это ужасно бесило. Видимо частенько он спешил и терпел такую нерасторопность. Вот при таком раскладе событий Владимир должен был стоять за этой мадам и наблюдать, проявляя к ней огромную любовь, как своему ближнему Бр-р-р-р!

Было смешно, но кое-чего он достиг, хотя это требовало огромных усилий и терпения. Слова «от этого бесит» выговаривались неспроста. Видимо, в них вложено большое смысловое выражение. Коль бесит, значит, ты пошел на поводу у бесов... Нельзя гневаться. Постепенно он научился разговаривать с людьми, глядя в глаза с довольно теплой улыбкой, но все же несколько раз срывался. Для начала нужно было изжить приевшуюся насквозь давнишнюю привычку. Он ужасно любил поспорить, а теперь приходилось стоять ждать, когда тот выговорится, а его как назло всё время подмывало громко оперируя железными аргументами, доказать всю тупость этого, мягко говоря, собеседника.

Кроме всего этого, Владимир пытался изменить свои привычки по отношению к различным программам телевидения. Не надо особо много перечитывать религиозной литературы и даже можно вовсе не читать, дабы понять, что дерьма там выше крыши. Нужно быть хотя бы малость культурным человеком, чтобы понять полное бескультурье товарищей из министерства культуры. Повторив этот случайный оброненный каламбур, он совсем недолго думая выдал еще одно, как подумал, крылатое изречение: «Не Масляков виноват в том, что Галустян стал тем, кем он стал». Одним словом, он понимал - большие по должности дяди делают вид, что не зря зарабатывают свой кусок хлеба в поисках пошлятины и жестокости в детских мультиках, а сами совершенно не владеют обстановкой и ни на что повлиять уже не в состоянии. С экранов льются такие помои, но что дядям делать, когда в

современном шоу-бизнесе дерьмо и деньги зависимы прямо пропорционально. больше дерьма – больше денег. А деньги дядя и попят. «Ну, шуг с ними», – решил Владимир, – воздастся каждому по делам его, меня же не заставляют, пока что, обязательно включать эти программы». В то же время он сам никак не мог и, кажется, не особо желал, распрощаться с боевиками, а время от времени и легкой эротикой. Свои слабости (а может грехи) он оправдывал тем, что время его созревания и становления давно прошло, а потому ничего жестокого и пошлого уже перенять не в состоянии. Это не «Дом два», другие программы ТНТ или какие-то там хаизискулы, где стоял хохот, рождаемый пошлыми движениями и выражениями. Конечно, встречаются и в его фильмах такие места, но он же понимает и отмечает, что здесь имеет место тупость, жестокость, нереальность событий или восхваление клубнички действиями и словами, трагичными вульгарностью. Так получалось каждый раз, что он только после просмотра этих фильмов соглашался с самим собой об их влиянии на подсознание человека. Ясное дело, что он после просмотра этих фильмов в больших количествах убивать и насиловать не побежит. Не лацан, чтобы поддаться всякого рода демонстрациям, но уж встретившись со всем этим в словесных жизни, точно не будет вздрагивать, как раньше, протестовать, а тем более кинуться ког-либо выручать, подлавливая к лучшим эмоциям. Он, пожалуй, автоматически найдет в подсознании ещё худшие варианты и останется невозмутимым. Подумаешь, убил кто-то. Бывает двойные и даже тройные убийства. Вот, например, вчерашний фильм... Его понимание вредности, однако, хватало ненадолго. Иной сюжет захватывал с самого начала и не отступал до конца фильма.

Интерес к легкой эротике он проявлял редко, может быть один раз в течение полугода, но проявлял. Это он аргументировал, а может просто оправдывался тем, что отнюдь не эротике все лишь, как одному из видов искусства. Он, в некоторой степени, действительно мог созерцать красоту женского тела как художник и грубую порнографию не мог терпеть. Смотреть один и те же бесконечно повторяющиеся телодвижения просто невозможно и надедало быстро. Это все равно, что читать маркиза де Сада. Там действительно все от лукавого, и вряд ли найдется хоть один человек, который бы мог прочесть хотя бы одну его книгу до конца.

Все эти проявления кизменных страстей, Владимир собирает в себя с помощью молитв и покаяний. Повстречавшись с бабушкой еще пару раз и поддаваясь к его манере предостерегать, он

перестал истязать себя постоянным самоконтролем. Однако очень глубоко в нем сидело пропитанное молоком матери отношение к марксизму. Здесь ему было тяжело даже охарактеризовать свои мысли. Он не мог и не сказал бы никогда, что пришел в разногласие со своей верой. Противопоставлять теологию и марксизм и в мыслях не было. И всё же он продолжает бороться с самим собой, с болью сознавая наличие неведь откуда появляющегося маленького желания оправдать хотя бы какие-то початки ненавистного для теологии учения. Марксисты-материалисты именно из-за неверия в существование царства небесного. А раз они заблуждаются, - думал Владимир, - то достойны только жалости. Временное пребывание на земле, в отсутствие небесного царства (если считать с их точки зрения), может действительно требовало бы переустройства. Сколько можно из поколения в поколение терпеть скотское отношения одних к другим тогда, как жизнь без того такая короткая и не имеет продолжения. Они ведь тоже не жалели жизни свои для другого уже поколения, которое придет после них. Ведь если хорошо подумать, то сам Господь распял тоже именно теми, кто готов был истязать любого, кто бы мог навредить их существующим порядкам. Даже сам прокуратор не желал допустить этого распятия, видя творящегося на земле безобразия. Однако же, хамло выгородило своего, и именно хам был освобожден от распятия, вместо сына Божьего. «Распни его! Распни!». И, наверное, - думал он, - не стоит из-за того, что ты человек верующий, отрицать наличие различных классов и гот антагонизм, существовавший во все времена. Надо полагать, что Господь наш страдал одинаково для всех детей своих и ненависть верующих к большевикам нужно объяснять совсем не тем, что белое движение им было более любимо, чем красное. И Гитлер, вынашивая свои планы об истреблении людей, любил повторять: «С нами Бог».

Такое отношение к себе красное движение заработало само, отрицая Господа нашего, и, как падшие ангелы, считая себя наивысшим созданием природы. К тому же методы достижения своих целей им выбраны действительно сатанинские. Думая об этом, Владимир вспомнил случай, когда он сам участвовал в убийстве двух собак. Их об этом попросил, казалось бы, уважаемый человек Петр Васильевич. Обратился он, вроде как, тоже по адресу – в отдел милиции. Владимир пошел к коллективному саду вместе со своим знакомым, инспектором разрешительной системы Данилычем, у которого в это время случайно оказался. Им разъяснили, что две большие овчарки в давно сколоченном вольере у входа в сад отжили свой век, что их уже не только нельзя

использовать для охраны коллективных садов, но и невозможно кормить, а тем более выгуливать. Они оштрали, а возможно и взбесились, и никто подойти к ним близко не может. Собак надо было ликвидировать. Они могли как-нибудь выскочить и покусать людей. Теперь Владимиру никак не хотелось признаваться, что это было убийство. Данилыч по своей должности фактически владея всем оружием отдела, взял с собой пистолеты Макарова и Марголина с боеприпасами. Стреляли через широкие щели дощатой боковой стенки вольера. Сколько было потрачено пуль в ходе стрельбы из пистолета Макарова, но обе собаки продолжали истошно лаять до хрипоты, бегать кругами и прыгать. Наверху сам вольер доходил не до самой крыши. Было оставлено расстояние на всю длину помещения для свободного доступа воздуха. Через это пространство могли пролезть разве что кошки, но собакам никак. Однако ни эта щель, видимо, казалась возможным вариантом выбраться из этого ада. Они после каждого ранения прыгали в надежде выскочить оттуда. Наверное, собаки уже поняли, что их убивают, а потому продолжали прыгать и бегать по кровавому полу, и уже нужно было что-то делать. Нельзя было смотреть на это без жалости. Ещё вчера служившие людям собаки жаднокровно расстреливались, находясь в замкнутом пространстве, не имея возможности вырваться, полностью зависящие от своих убийц. Иногда эта картина возникала в памяти Владимира, и он долго не мог отключиться, упоминал это в молитвах, но освободиться так и не смог. Пускай бы шел кто другой тогда с Данилычем. Зачем он-то поперся?

Тогда им удалось добить собак выстрелами в ухо из Марголинского. Теперь, по истечении немалого времени, когда речь заходила о расстреле членов царской семьи, он приходил в ярость. Большой грех убивать собак, а здесь людей таким же способом... А потом еще писать свои воспоминания, как добывал из собственного маузера... Такого прощать нельзя! Владимир знал, что такую мученическую смерть принимали в те времена многие. Возможно, что и более мучительные бывали казни, но убивать людей огнем (не «во имя») народа только за то, что их отец был царем... Этого понять, а тем более оправдать, невозможно! Перебить лучших людей, натравив сыновей на отцов, чтобы через семьдесят с небольшим лет вдруг взять и объявить: «Извините, товарищи, так получилось. Ошиблись мы»?! Поистине терзали в седьмом небе Господь пал!

Кроме того, понимал Владимир, что верующий в Господа народ ничто плохого пролив большевиков не совершал. Карать их и десятилетиями преследовать Церковь за убеждения никогда и никогда

не сможет заставить полюбить такую власть. На что только надеялись? Белое движение, впрочем, Владимир тоже не собирался считать заступником верующего народа. Иная была у них цель, и бились они тоже не выбирая средств, и не грозили в случае победы пальцем, попавшим в плен бойцам красной армии. Лютая ненависть застилала глаза, и кромсал человек острой саблей себе подобно на кусочки, потому как он привык жрать и сладко спать за счет других, а его вдруг решили лишит такого удовольствия. Прости нас, Господь, неразумных сынов твоих.

Как-то на работе, в день несостоявшегося из-за непогоды субботника, к нему подошла Алевтина:

- Привет. Ну что. Володя, скажешь? Не жалеешь, что покрестился? Она улыбалась непонятной вымученной улыбкой, словно приготавливаясь начинать извиняться.- Может, сердишься за то, что посоветовала тебе. Все замечаю, что ты изменился и стал каким-то другим. Может, ты болен? Не постишься случаем?

- Да нет. Не получается у меня поститься. Не могу, понимаешь, без мяса. У меня уже было как-то... Одним словом было время, когда я отказывался от мяса... Ну, я тебе потом расскажу. И вообще надо бы поговорить.

- А кто нам мешает? Давай приходи сегодня, я такой холодец сварила, всю ночь не спала. Целую голову пороссячку покупала. С чесночком, да с перчиком. Семус!

Холодец у Алевтины действительно удался. Едва коснувшись поверхности кусочка с ядреной горчицей и заедая с черным хлебом с перышками зеленого лука, Владимир долго не мог приступить к разговорам. Только слушал, кивая и соглашаясь с её монологами, и мычал, с набитым до отказа ртом. Могут ведь, женщины! Сам он тоже брал иногда в магазине, но тот холодец был совсем иного качества. Правда, он не в таком виде его употреблял. Владимир обычно резал его небольшими кусочками и бросал в быстрорастворимый суп, прозванный в народе «Бичпакет» и «Бомжовка». Тогда суп имел не только аромат куриного супа, но и мясной привкус. Порой даже была нужна зубочистка. Во как!

- Знаешь, ты зря сегодня спросила – не сержусь ли я. Зря. Я благодарен тебе за то, что подтолкнула креститься. Я бы сам никогда не решился, - начал Владимир.- Я раньше даже заходить в церковь стеснялся. Правда-правда. Я не смог бы сам, а тут как-то решился. Я и вправду совсем другим стал. Сам чувствую. Представляешь? Я раньше даже думал иначе.

Да. Ладно тебе, Заладил туг... Ты лучше скажи, что тебя так тревожит, что захогелось поговорить? Что-нибудь случилось? Напросился на разговор, напугал меня своим видом, а тут набросился и жрешь без остановки. Пожени вот на поварихе какой-нибудь...

Посмеявшись немного, Владимир, решил изложить обстоятельство, которое открылось ему совсем недавно и теперь сильно беспокоило. Он и раньше не говорил ей скрыто, что хочет обратиться в религию из-за боязни смерти, хотя полагал, что она без того об этом догадывается. Ему нравился образ жизни, который вел в настоящее время, словно принимал её такую сложную с различными неудобствами и горестями через какой-то фильтр, доводя до спокойного для себя состояния. Он говорил, что теперь воспринимает всё как первые советские телевизоры через стабилизатор, который уменьшает напряжение, когда его мало и снижает лишнее, когда начинаются опасные скачки. Однако в последние время всё больше и больше стал склоняться к мысли, что душа его хотя и бессмертная, но весьма эфемерная. Она, вылетев уже из состарившегося, да и Бог, его тела, не будет помнить всё, чем он так дорожил в человеческом облике, думая и оценивая посредством мозгов. Он не верил другим концепциям, говорящим о переселении душ к различным животным, но видимо это тоже сыграло свою роль. Впоследствии Владимир стал думать, что, оставляя гнить мозг, кончик думал, и сердце, которое болело от реакции к болям нервных окончаний его любимого тела, душа уже не будет управляемо им самим. Это будет не он. Ей не нужна память ни о сладостях жизни на Земле, ни о твоём красивом образе с такими почтительно вздернутым носом. Человек живёт воспоминаниями: о прошлом и это прошлое не нужно гоним, что увидит, оставив тебя. Было невыносимо больно, пройдя через столько испытаний, снова обнаруживать себя с теми детскими ощущениями: будет Земля, будет солнышко, будут люди, а тебя совсем и тле не будет. Есть мир людей, где живёт они мир для душ. Тебе там и кто места не приготовил. Там не живут физические тела. Там вообще не живут, а обитают концепции. Ужас! Вот бы где пригодились монастырские старцы.

Объяснить всё это было сложно. Почти невозможно. Девчина тоже врубалась долго, пока не поняла, что он хотел ей сказать, а потом громко рассмелась. Владимир и не напелся, что она заменит ему монастырских старцев, но даже от одного смеха ему стало легче. «Ну уж ты она убедил меня в другом», — думал Владимир. — Ведь и вправду не должно чтобы так несправедливо всё было устроено».

- Да-а-а. Нет, Володя, тебе не повариха нужна. Ты и без того так

спокойно жил со своим стабилизатором, что мозги жиром заплыви. Пойми ты, обжора, душа – это твой внутренний мир. Чувства не могут жить ни в голове, ни в сердце, ни ... Ладно помолчу. Голова помогла подумать и отключилась, сердце переволновалось и успокоилось, но они никогда тебя ни к чему не побуждали и не воспринимали. Сердце не может радоваться или огорчаться, хотя и реагирует на это до боли, оно болит от сердечной недостаточности или другой болезни, а не от обиды по конкретному случаю. Это только говорится так. Голова не заставляет тебя поступать каким-то образом, хотя может анализировать и вычислять. Пойми, амбразуры телами закрывали не по команде головы или сердца. Человек так устроен, что голова, скорее всего, посоветовала бы побережись. Сердце вообще занято тем, лишь бы кислород по крови бегал... Геройство, допустим, или наитие. Понимаешь, о чём я? Нет? Ладно, как я поняла, люди с заплывшими мозгами нуждаются в других формах объяснений. Геперь послушай такую вещь.

- Дело было давно. Жила я тогда, молодая да интересная, в Свердловске в общежитии камвольного комбината по улице Агропомической. Однажды в праздник крещения мы решили с девчонками погадать. Теперь не скажу, кто из них посоветовала, но мы разговаривали с духами различных великих людей посредством тарелки с нарисованной стрелкой, которая от легкого прикосновения кончиков наших пальцев стала вертеться внутри нарисованного с буквами круга. Она вертелась сама, поскольку прикосновения были такими легкими и двигать мы могли разве что пушинку. К тому же при приложении силы мы бы могли только вытолкнуть её из круга, поскольку тоже сидели вокруг стола напротив друг друга. Тарелка тихо крутилась, ненадолго приостанавливаясь стрелкой на различных буквах после заданного духу вопроса. Кто-то из нас громко спрашивал, посоветовавшись с остальными, а дух отвечал. Мы вслух повторяли буквы, где останавливалась стрелка, и выходило предложение, совсем не лишённое смысла. Например, дух Пушкина на вопрос, какое стихотворение ему самому дороже остальных, отвечал - «Орион». Никто даже подсознательно, клянусь тебе, не мог влиять на «писанину» духов. Бывали такие длинные предложения, тарелка начинала крутиться быстрее, а мы, думая, что ничего на этот раз не получилось, успевали только буквы писать вслед за стрелкой, ни о чём не думая, а после обнаруживали, что вышло вполне грамотно составленное предложение. Вот так-то, дорогой Вовчик. Ты говоришь, что душа лишь субстанция, которая уже не ты? Что она не может сохранить память о твоём прошлом? А вот дух Пушкина свои стихи помнил. Усёк? Пойми, Володя,

человек такой, увлекающийся. Например, если ты займешься собирательством, допустим марок или значков каких-то ты не просто количеством будешь интересоваться, но и всей предысторией каждой из них. Но к религии так относиться нельзя. Это неки-ра, не объект для изучения и ведения поисков. Тут, Володя, все предельно ясно. Были тут до тебя кое-какие искатели типа Горького, Луначарского. Все пытались создать «истинно гуманный веру». Тут не надо умничать, а просто выполнять заповеди. И всё. Володя! Все! Ничего больше! А то от тебя прёт чем-то ужасно совковым.

- Ну, ты это... Не шибко-то заговаривайся. Из-за двух кусочков холодна готова человека оскорбить? Можно сказать служителя культа.

- Во-о-о-о. Сам открылся. Не было такого выражения до Советов - «Служители культа». Культ личности был, служителей культа не было. А вот ты, Володя, сделал из веры в Бога свой культ. Ты её превозносишь не с целью служения и почитания, а с целью изучения, как тему кандидатской. Ты не можешь считать себя верующим. Попробуй написать всё сначала. Расскажи все это бабюшке и причастись. Это я уже вполне серьезно. По сути, ты ещё не верующий. Тебе просто кажется так.

И вправду, - думал Володя, по пути домой, - решил обратиться к Богу, чтобы найти лекарство от страха перед смертью. Учил ведь его культ как единственно возможное избавление от этого позорного чувства. Разве ОН нуждается в культе, Сам, являясь всем, что есть во круг нас. И вообще, что за дурость в моей голове последнее время? Надо действительно начинать снова. И насчет бабы пора подумать. Может, я и смерти-то боюсь, потому что так неустроен, одинокий и не чувствую, как твердят, чувства локтя, не говоря уже о грехо сновеннях несколько другого порядка. Какую только ахинею не передумал за всё это время. Ужас.

А в Бога я верую! Зря она так.

В ПЛЕНУ КОРОТКОМ

Летчик пикирующего бомбардировщика Пе-2 Наум Борисов вел звено из трех экипажей в качестве ведущего, что для него было делом привычным. Объектом на этот раз, поздней осенью 1942 года, был участок железнодорожного полотна недалеко от города Шахты, в немецком тылу. На участке по причине непонятной аварии остановился фашистский эшелон с бронетехникой и горючим, следующий со стороны Ростова. В качестве прикрытия звено Наума сопровождали три истребителя ЛаГГ-3, по одному на каждый бомбардировщик. Для такого лакомого кусочка, которым был эшелон, можно было и по больше техники найти, но операция подготовлена в спешном порядке по горячим данным последней разведки. Была ли это диверсия партизан, обычный сход локомотива, в сводке не указывалось, но случай подвернулся удобный, чтобы вывести из строя фашистскую технику в сорока километрах от линии фронта. Эшелон пока охранялся двумя зенитными установками, расположенные на самих платформах, но за это время могли подтянуть и дополнительные силы. Видимо для быстрого оповещения своих истребителей, фашисты подняли в воздух самолет-разведчик «раму» «Фокке-Вульф-139», который пролетал в этом районе несколько раз. Он мог передать о появлении советских самолетов, чтобы поднять «мессершмиты». Немцы могли держать их в ближайшем аэродроме, чтобы не привлекать внимание своими облетами к «застывшей и удобной мишени для атак русских самолетов. На двух мощных грузовиках подвозили обрубки деревьев и маскировали эшелон, чтобы не было видно с воздуха. Как бы там не было, угускать такой случай не хотелось, и нужно было спешить.

Штурмана Лёху Анисимова Наум знал давно и доверял ему полностью. Воевали вместе давненько, и Леха нравился ему тем, что становился таким спокойным в момент бомбометания. Сначала это же качество его раздражало, но позже приновились и стали единым целым. При своем полном спокойствии при бомбометании с горизонтального полета или пикирования, он очень быстро находит необходимую наводку и выводил самолет на нужный угол прицеливания. В этот момент Наум слушал его команды, а не доверял своей интуиции. Это тоже далось не сразу. Как летчик ведущего экипажа, он был старше всех по должности и ему подчинялись всё звено из трех самолетов. Однако при подходе к «объекту» эта субординация не

соблюдалась. Они со штурманом, по командам по следному, становились как одно целое и старались за лару заходов сбросить весь «груз» прицельно. При этом у них не было никакой возможности пользоваться борговыми пулеметами. В этом отношении, в момент бомбометания они полностью прикрывались стрелком-радистом Пашей Бихбулатовым. Имя этого башкирского паренька было совсем другим, но все звали Пашкой, и он привык к этому. Парнем он был молодым, но дельным. Паша служил недавно и ходил в звании сержанта, но вроде не замечал этого, ко всем обращался на «ты». Исключенне не составлял даже командир эскадрильи, хотя другие с ним все говорили на «вы». У него не счесть уже есть сбитый истребитель, хотя такое бывало редко, чтобы бомбардировщики сбивали «ме ссера». Бывало, конечно, но не так, чтобы в первый свой вылет. Сейчас оба других самолета исполняли роль ведомого, хотя имели те же задачи, но повторяли действия Наума и старались держаться на хвосте. При нормальном стечении обстоятельств они тоже имели большую самостоятельность, но был всегда риск внезапного пожелания «ме ссеров». Немецкие асы старались запастись на истребители прикрытия даже меньшим составом, чтобы отсечь их от бомбардировщиков. На бомбардировщиков набрасывались большее количество истребителей, чтобы «разогнать» их от цели и уничтожить по отдельности. Особо усердствовали немецкие истребители «Me-109» и «Me-110». Они превосходили наилучших истребителей по многим показателям, и приходилось держать «нос по ветру».

С лета 1942 года за выход к кавказским нефтяным промыслам шли интенсивные бои. Фашист тихо, но уверенно шел вперед. Однако наступление осени драться стало тяжелее. Командующего группы армии «Юг» фельдмаршала Листа эта ранняя осень совершенно не радовала. Как один из грамотных военачальников он прекрасно понимал, что война, скорее всего, будет проиграна. Широка Россия, и потоги немецких войск, во всех направлениях, наперолись на невиданное во всей Европе сопротивление. На Севере одной блокадой Ленинграда хватиться уже не было сил. Дальше продвинуться тоже получаются плохо. Сосед между ними, группа «Центр» получила по зубам под Москвой, а рядом командующий Чаулюс заперт в такое кольцо, что ему уже ничем не поможешь. Гитлер метал молнии и обрушился на свой генералитет. Освобождены от должностей командующие всех групп «Центр», «Север» и «Юг» фельдмаршалы фон Бска, Лесбаи Рундштедт. Неприбыл наказаний и любимец фюрера Гудериан за то, что не сумел взять Тулу и отступил. Знал фельдмаршал

и чувствовал всей кожей, что впереди к соседям, кто воюет севернее его, подходит еще один русский боец - Зима. Эта будет последней зимой на их земле. Первую зиму они едва пережили и очень часто повторяли: «Вот наступит весна и русским придется туго». Однако весна наступила и прошла, прошло и лето, а впереди снова зима. И придется ему, как южному соседу принять на себя усиленные удары. Пожалуй, как говорят русские, пора собирать пожитки. Ростову пока нечего не угрожаю, но это «пока» было столь не надежной, впрочем, как и все – «пока».

Штурман Анисимов вывел бомбардировщики с тыла немцев, следуя для начала по линии фронта к Югу, а далее повернув строго на Запад и удар оказался неожиданным для зениток. Особого вреда с такого положения они не могли нанести. Несколько прямых попаданий подняли зарево факелов над цистернами с горючим. Поднимался густой черный дым, который тоже мог служить прикрытием для отхода. «Набитая» для подобных ударов рука штурмана не подвела, а два других самолета, пока не было угрозы, пикировали над платформами с танками, как было намечено заранее. Танки горели. Некоторая техника сползала с насыпи от искореженной платформы ударной волной, срывая башни, выставив на советских летчиков свои гусеницы. Удар получился очень даже удачным, но в горячности порыва ведомый Духонин подпустил внезапно появившегося «мессера», который повторял его движения, чуть отставая и находясь повыше с солнечной стороны, шел уже выпуская очередь и было видно, что с такого положения не промахнется. Истребители, как наши, так и фашистские кружились вокруг друг друга. Показалось даже, что немецкие машины не особо старались. Эшелону помочь они уже не могли и видели это. Кроме того, их оказалось всего четыре Me-109, которые вплотную переключились к нашим истребителям. Их устраивало то, что мы уходим и один из нас сбит. Духонинский самолет, выпуская длинный дымный хвост, устремился по прямой в сторону линии фронта, но было уже понятно, что ему недотянуть. От самолета отделились только два парашюта. На земле движений никаких не наблюдалось, и Наум принял решение спикировать и подобрать их. Было это рискованно, но возможно.

Не получилось. Хотя местность позволяла сесть и подняться без особой трудности, Наум увидел, как вдруг внизу появился немецкий истребитель, который не решился напасть на двойку бомбардировщиков с прикрытием, но не спеша пошел на бреющем, и хладнокровно расстреливал наших парашютистов. Спасать было некого,

но оказалось, что пытаясь спасти экипаж Духонина, они отклонились от курса, за что были наказаны и попали под обстрел единственного замаскированного зенитного орудия, охраняющего какой-то небольшой объект на кромке леса. Кабину стало заполнять дымом, и Алексей проговорил:

- Приехали, командир. Горит масляный бак, сейчас огонь перекинется сюда и нам не добраться. Попробуем сесть вон на том участке, может, удастся в пешем порядке до своих добраться.

Сесть им удалось, слегка повредив одно крыло, но беда одна не ходит. Уйти далеко не получилось. Объект, как оказалось, охранялся хорошо и по ним стали бить минометы. Бити точно, и уже четвертым выстрелом ранило осколком Алексея. Рана была на шее, откуда лилась кровь. Спасти его не получилось. Алексей долго не мучился, зажать рану в таком месте было не возможно, а к тому же в их сторону ехала автомашинка полная фашистских автоматчиков. «Похеронить и то не получается»,- с горестью подумал Наум.

Шли вторые сутки как они находились в плену, и Наума вызвали впервые из непонятной ему комнаты без окон с едва пробивающимся светом со стороны узкой ниши над дверью без стекла. Пол был деревянным из узких длинных досок окрашенных по-домашнему в светло-коричневой краской, не испорченный и исчерканный черной резиной обуви. Высокий немецкий солдат с винтовкой с прикрученными штыком вывел его и повел по узкому коридору с окрашенными в зеленоватый цвет стенами и ввел в кабинет с единственным зарешеченным окном. На улице было или еще не совсем светло, или не совсем темно. После всего случившегося, Наум никак не мог сосредоточиться и понять, что можно предпринимать в таком положении. Единственно о чем они успели переговорить с Пашей – это то, что просто будет молчать, ибо первое слово обязательно потянет за собой и остальных. Окно выходило во двор, окруженный забором из свежих досок. Проходящих не было видно, а потому он так и не смог отгадать – утро это раннее или вечернее.

За единственным столом в углу помещения сидел такой же худощавый немецкий офицер с сильно выдающимся лбом. Этот он напоминал какого-то зверя или даже птицу. Рядом с ним стояла обыкновенная школьная парта с графинчиком и телефоном. Тут Наум заметил на противоположной стене доску со следами выскобленного. «Эта бывшая школа»,- догадался он.

Вопросы, которые перевел один пошедший следом мужичка в галифе и гражданском пиджаке, особой секретной информации не требовали.

Немца интересовали пока его анкетные данные и дальность расположения их части от линии фронта. «Наверное, это такие навоящие вопросы, развязывающие язык, - подумал Наум, - чтобы после продолжить и углубиться в частности». Пока вопросы касались таких данных, которые можно установить любой разведкой. Даже обыкновенные «крамы» могли произвести облет линии фронта и прифронтной территории. Аэрофотосъемки немецкой работы см приходилось видеть. Работали они на совесть. При всем желании, Наум не мог бы добавить этому что-либо, кроме мелких частности.

Били его тоже как-то нехотя и неспешно с остановками, хотя несколько ударов сапогом попали в бок и, похоже, сломали пару ребер. В животе стояла тупая боль, переходящая во что-то саднящее. «Падил, лопнул какой-нибудь орган». Обратил он шел сам, хотя частенько приходилось упирается о стенку, чтобы не упасть. Ложиться на долгожданный пол в углу не получалось, каждое движение отдавалось болью ребер. Падил прислонил его полусидящего, и хотел было наложить тугую повязку из одежды, чтобы умерить боль, но его самого повели на допрос. Он обернулся у двери с улыбкой, махнул рукой, попрощавшись на всякий случай.

Привели Пашу сильно избитого. Лицо состояло из одних кровоподтеков синюшно-красного цвета, правый глаз едва выглядывал через узенькую щелочку, а левый заплыл и в этом кровавом сустеке было непонятно цел ли он или уже вытек совсем. Несмотря на это, он старался держаться молодцом и даже пыгался улыбнуться, но это было невозможно. Каждая мимика давалась с трудом. Все же Паша был уверен, что на улице вечерет и скоро наступит ночь.

- Может хоть поспать дадут, а если бы было утро, пожалуй, вызвали бы ещё раз, чтобы отвести свою фашистскую душонку. Больно бьют гады, и главное молча. Наш бы при этом приговаривал матом, - засмеялся он, - ой, блин как больно-то. Цельзя мне смеяться.

Примерно через полтора-два часа к ним волоком затащили сильно избитого инвалида, мужчину около пятидесяти пяти лет. Вместо левой ноги у него был деревянный протез под вид перевернутой бутылки грубой тонорной работы. Говорить он не мог, но вскоре пришел в сознание и начал стонать изредка и протяжно.

- Господи, добили бы уж сразу, - простонал он вдруг внятно, - совсем мочи нет. Помру я, падил, не мучили бы уж больше.

Вошедший следом другой солдат с красным конусным ведерком из пожарного инвентаря окатил его водой и молча вышел. Мужчина как-то встрепенулся, не понимая происходящее, но постепенно задыхался

ровно и даже, кажется, задремал. Пришел он в себя часа через четыре, а может и два, а то и три. Время протекло вне их сознания, и было утрачено это понятие в его обычном понятии. Они даже не совсем понимали, в каком состоянии пребывают: то вроде засыпали, то начинали стонать от неосторожного телодвижения. Теперь не спали все, и им было интересно знать, где находятся, далеко ли до фронта и кто их сосед, которого приволокли немцы последним.

Богдан Стасюк жил в Крыму и работал в одной из шахт долины Бабуган-яйлы.

- Не слышали такого? Это рядом с горой Кискин-таш. Шахты в наших краях старые и уже готовились к закрытию, как у нас говорят «гуляли» уже. Вот нас и придавило шестерых. Мне, надо сказать, повезло, а тех доставали веревками из-под такого слоя земли, что их согнуло пополам и чуть не разорвало, пока вытаскивали. Я тоже был в болевом шоке и очнулся уже без одной ноги в больнице. Боль адскую я тоже почувствовал, но слова Богу, потерял сознание. И как только сердце от такой боли не лопнуло. Удивительно.

Из его длинного с остановками рассказа выходило следующее:

Богдан перед самой войной выехал к себе в стрелца, проживающей в одной из деревень недалеко от города Ростова, но поезд попал под бомбежку, и оставшиеся в живых пассажиры добирались пешком. От деревни тоже мало что осталось, и пришлось ему остаться здесь в городе Шахты. В одно время у него была неплохая работа помощника киномеханика, с которым они ездили по деревням содними и теми же фильмами в алюминевых восьмиугольных коробочках по две больших бобины с узкой пленкой. Рядом с ними были и маленькие круглые кассеты с киножурналами, где слыты рассказы о пионерской здравнице, о коннице буденовцев, соколак Ворошилова или лесня в исполнении Утесова и Руслановой. Когда пришли немцы, то они стали крутить свои фильмы. Киномеханик у них тоже был свой. В этом здании, где они содержатся сейчас, была школа, а теперь расположена комсигатура. Отсюда его однажды чуть было не отправили в Германию, хотя смеялись и тыкали носом ради смеха по деревянной ноге, но выяснив, что он бывший шахтер оставили. Муж гетизансе также проживавший в Крыму по соседству с их колхозом тоже был шахтером, но позже переехали под Ростов.

В то время в Шахты приехали саперный немецкий батальон, который должен был восстанавливать Аргем-ГРЭС и несколько шахт. Им нужны были рабочие, а тем более шахтеры специалисты. Работа по восстановлению шахт шла плохо, и вот по последнему в ведительству

диверсию их небольшой группы списать на несчастный случай не удалось. Несколько человек расстреляли на месте и бросили в шахты, а из него трясли явки и имена связанных подполья. Им всё казалось, что проклятые большевики, пользуясь инвалидностью оставили его для партизанской работы, надеясь что не вызовет подозрение.

- Не верят мне фашисты и , скажу я вам, было бы не обидно умереть, если бы это было так. Жаль, что действительно не партизан. Не напрасной была бы смертушка.

Через несколько часов их вывели, погрузили в автомашину и повезли. Мужчины, на всякий случай, попрощались друг с другом, ведь их могли напрямик привезти тоже к одной из старых шахт и «привести к исполнению».

Согласно «Инструкции по борьбе с партизанами на Востоке» к уничтожению подпадали все, кто подозревался хотя бы в сочувствии к ним. Эта Инструкция была наклеена везде, где только можно.

Когда заехали во двор, обнесенный невысокой кирпичной стеной, стало ясно, что пока не расстреляют. Здание напоминало небольшое отделение милиции, и внутри действительно оказалась настоящая камера, но просторная с длинными на всю ширину помещения нарами. Здесь их впервые за эти трое суток накормили баландой. Было непонятно, для чего они нужны немцам. За это время и на фронте обстановка должна была измениться, и они уже никакой полезной информацией не располагают. Такая неясность угнетало.

- Вам завтра Вермахт окажет большую честь умереть смертью героя на главной площади города, вы будете повешены, - смеялся дежурный надзиратель, - будет киносъемка, и вы попадете в историю. Будет у вас и ужин, мы немцы – нация великодушная.

Ужина, однако, не было, наверное, пожалели, хотя такого великодушия никто и не хотел. Каждый думал о своем, и главной общей темой была – как держать себя в момент казни, чтобы не радовать врага? Если будет много народу, пожалуй, будет легче. Совесть, как и надежда, у настоящего человека умирала тоже последней.

- А, может, стоит выплакаться здесь? Как думаешь, Папа? Ничего ведь постыдного нет пустить слезу перед товарищами, чем бздеть перед такой нечестью? Как ты думаешь?

- Да, я думал тоже об этом, но не получается что-то. Разве, что попробовать вспомнить очень дорогое, что действительно вышибло бы слезу, - Паша говорил как-то чеканя слова, почти без акцента. У него открывался и второй глаз. - Целый, однако. На последок буду смотреть на небо обоими глазами.

Стасюк Богдан молчал, отвернувшись к стенке, и мешать ему не хотелось. Пусть человек попрощается мысленно со всеми кого любит, и по кому будет скучать даже мертвым.

На другой день их вывели и усадили в кузов грузовика с двумя фашистскими автоматчиками и выехали из Шахт, как пояснил Богдан, в сторону Ростова. Через некоторое время, когда уже начался лесной массив, прогремел взрыв, автомашина подпрыгнула как на ухабе и остановилась, накренившись в одну сторону. Оба немецких автоматчика выпрыгнули через борт и стали подгонять их : «Шнейль, шнейль». Впереди автомашины от взрыва образовалась большая воронка, лобовое стекло было разбито, а водитель с офицером застыли в неестественных позах.

Оба немецких автоматчика, увидев бегущих к ним со стороны леса партизан, пустились наутек. Про штыковых словно и забыли. Пристрелить тоже не додумались, наверное, от испуга, что могут не дотнаг, а тогда нужно будет ответить за убийство пленных.

Однако пленники не успели порадоваться освобождению, увидели еще одну автомашину едущую следом, с автоматчиками и с мотоциклом сопровождения впереди неё. Мотоциклист понял, что партизаны напали на их грузовик, и открыл огонь с дальнего расстояния по ним в сторону леса. Партизаны, видимо не ожидавшие такой помощи, скрылись обратно среди деревьев. Фашист в кювете выпустил еще одну длинную очередь из крупнокалиберного пулемета, и автомашина снова набирала обороты. Нужно было бежать, пока они не оглоумились, и расстояние было приличное. Наум, привыкший воевать под прикрытием, сообразил быстро и побежал, обойдя аварийную автомашину, под её прикрытием в передпокурку. Совторой машины их было не видно, они бежали по дороге, а немцы еще не совсем понимали, кого вез грузовик, на которого пытались напасть партизаны. Уже пробежав большое расстояние, пленные повернули в сторону леса и ползати по высокой траве.

Немцы остановились и стали совещаться. Четверо автоматчиков, выстроившись в ряд, дали еще одну очередь по кустам, где исчезли партизаны. На этом их работы закончатся. Никого преследовать не собирались. На войне каждый выполнял свой приказ. Наум знал, что даже особо отличившиеся асы выходили на свободу охоту тоже только с разрешения высшего начальства. Немцы могли иметь не менее важный приказ.

Когда до леса осталось всего несколько метров мужчины поднялись на ноги и пустились бегом. Похоже, их даже и не заметили. Выяснилось,

что Богдан, несмотря на свою инвалидность, может бежать не так уж и плохо, а ползать умеет гораздо быстрее их. Только вот партизан в лесу тоже не было.

- Ничего удивительного, - проговорил Паша, - они же не нас выручать шли. Про нас им даже неизвестно. Видимо увидели еще одну машину, подумали, что придется сражаться против автоматчиков из двух автомашин, и решили отменить операцию.

- А, может, это и ключшему, - отозвался Наум, - партизаны мужики свои, но у них нет бомбардировщиков. Надо пробираться к линии фронта. Придем к своим и нам дадут нового «петлякова». Так называли по-свойски самолет Пе-2.

Шутка улыбок со стороны Паши не вызвала, он думал об этом же. Расстояние не такое уж большое, за двое суток можно дойти. Правда они слабоваты и голодны, но ночи были холодные и они прошли хорошее расстояние, чтобы согреться. Богдан вел их уверенно, поскольку объездил эти места вместе с киномехаником. Однако канонады и звуков выстрелов все еще не было слышно. С одной стороны затишье указывало, что нет опасности, но любой фронтовик знал, что тишина ничему хорошему не приведет. Значит, обострены чувства осторожности и поиска. Было гораздо удобнее и привычнее, когда бухало, взрывалось, и по небу неслись трассы пуль. Но только стоило наступить долгой тишине, солдаты говорили вполне тревожно и серьезно:

- Тихо что-то. Ни к добру это.

Говорят, что беда одна не ходит, а ещё есть поговорка, что если начало почина было неудачным то, вопреки нормальному прогнозу, всё пойдет наперекосяк. По всем показателям и уровню подготовки, они должны были разгромить этот эшелон и вернуться в эскадрилью без потерь. А вышло, что потеряли два самолета и экипажа. Пусть они сожгли несколько цистерн горючего, уничтожили около восьми танков, но эта была не та удача, на которую они рассчитывали. Наум считал, что они не стоили членом тех экипажей. Особенно перед глазами стоял и не хотел уходить образ штурмана Лехи Анисимова. Непростительная и невосполнимая потеря.

Был случай, когда они летели бомбить танковую колонну врага как же под охраной истребителей и лоб в лоб повстречались с немецкими «юнкерсами», идущих бомбить наши передовые позиции под прикрытием своих «мессеров». Тогда бой был неравным, ряды сбились в кучу. Хотя по три истребителя поднялись выше бомбардировщиков и «выясняли отношения», покидать их совсем не могли. Два наших

истребителя и четыре немецких остались возле своих бомбардировщиков, и началось такое кружение, что молодой и неопытный Паша, в своем первом бою находясь в бомбардировщике, умудрился сбить истребитель. Тогда их тоже подбили, но именно усилиями Лехи Анисимова удалось дотянуть и опрокинуть самолет на подбитое крыло на своей территории. И вообще теперь казалось, что именно он всегда приносил удачу. «Плохо без него будет», - сделал вывод Наум.

Несчастье долгу ждать не заставило. Нужно же было такому случиться, что в пухом лесу, вдали от фронта напороться, надо полагать, на единственную мину, оставшуюся неизвестно после кого. Расскажешь кому - не поверят. Но, видимо, на войне действуют совсем другие правила. Наум с Пашей остались невредимы, не считая маленькой царапины Пашиного правого бедра, а Богдану досталось сильно. Думать о переходе через фронт с таким раненным было нереально. Единственную ногу почти до конца оторвали, раздробило всю кость и на протезе торчали впившиеся осколки. Богдан понял, что умирает, но взгляд его был совсем другой. Ему перегибали бедро ремнем, чтобы остановить кровь, а он смотрел вперед, и никак нельзя было понять, чего он хочет. Конечно, все понимали, что от быстрой потери всей крови, которая так обильно хлестала, он бы и умер быстрее и меньше мучался. Он бы почувствовал слабое головокружение, терял силу и отошел бы не позже двух часов, самое большее. Но смотреть, как обильно она течет и ничего не делать, они не могли. Кровь остановлена и теперь он будет умирать долго, поскольку через некоторое время нужно освобождать «жгут», а после затягивать снова, чтобы кровь не перестала курсировать и выполнять свою жизнедеятельную роль. Они затащили Богдана в глубокую яму, оставшуюся ни то от старой шахты, ни те от бывшего блиндажа. Возможно, что это был КП наших войск при отступлении, а Богдан мог подорваться на нашей же mine. Война.

Он начал говорить о чем-то неслышным безостановочно и буквально заставлял их слушать свой рассказ, матерясь и выкрикивая слова угрозы. Рассказ вверх Наума с Пашей в шок. Тому что рассказывал Стасюк невозможно было поверить, но они слушали не особо веря ушам своим и зная в то же время, что умирающий такого выдумывать не стал бы.

Офицер абвера Рудель числился служащим полевой жандармерии, хотя был оперработником службы Канариса в прифронтовой полосе. Он в последнее время наведывался в город Шахты частенько и хорошо подружился с начальником комендатуры майором Марвицем.

Марвицу тоже было в этом городе скучно. Постоянные требования формировать все новые и новые команды для отправки в Германию жителей города, расквартировка вновь прибывших частей занимали очень много времени. Кроме всего этого у него были еще «тысячи и одно обязанностей». Слушая его бесконечные жалобы, Рудель интересовался пленными, которые до отправления в гестапо или в другое место содержались в его распоряжении и заносились в два различных списка по своей принадлежности.

Шеф Руделя, глава местного отделения Хельцер был отозван в Берлин и наконец-то передал ему своего агента «Ивана», которого ценил и связь поддерживал только сам. Теперь у Руделя руки развязаны и в голове рождались различные планы внедрения агента в партизанский отряд. Передача «Источника» происходила в конспиративной квартире, которым служила лаборатория фотографа Баранова. Сам фотограф отправлен на рынок и оба фашиста прибыли туда в гражданских одеждах и пропикли своим ключом через задние двери. Агент подошел во время, уселся под красными фонарями и слушал шефа молча. Места встречи оставлены те же, сигналы, подаваемые для экстренных встреч, так же не изменили. Изменили только псевдоним агента. Вместо Ивана, он стал «Вороновым». Это удовлетворяло всех троих. Кличка «Иван», видимо, придуман кем-либо из преподавателей Варшавской разведшколы, а может и приклеился с легкой руки кого-нибудь курсанта.

- Что-то тупое американское, - проговорил Хельцер, - видимо из учебников по оперативной работе. Где-то читал, вроде. Сам хотел поменять, да все некогда было.

«Воронов» был почти единственным агентом в городе Шахты, которого можно было использовать для особых целей. Никакому резиденту он не подчинялся, и Хельцер возил его с собой вместе со своим адъютантом, но скрытно, согласно тайной директиве. Однако «Воронов» годился только для прифронтовой работы и в Берлине он не нужен.

Филиппенко Богдан Тарасович 1989 года рождения попал в Варшавскую разведшколу, который напрямую подчинялся к штабу «Валли», из лагеря военнопленных под Винницей. В мирное время он жил, нещадно эксплуатируя земляков, и часто гостил у своих братьев, которые оба проживали на территории Польши, держали мастерские по выделке кожи и небольшую обувную фабрику. Сдался он сам с оружием, как изъявивший желание «бить москалей, пока ни одного не останется». Он уже отмечен фашистами за усердие медалью Рейха за первую операцию, когда «работал» в качестве нищего на большой

железнодорожной станции. Владея с удивительной памятью, он был незаменимым разведчиком и передавал о всех эшелонах с вооружением и живой силой, сам же был и радиостом на коротковолновой радиовышке, которая хранилась в развалинах часовни возле кладбища. На кладбище он «подкармливался» сердобольными родственниками представившихся, как инвалид.

Крым и вся новая легенда Стасюка была придумана самими Руделем. Такой агент как никто подходил для претворения в жизнь его грандиозной операции. По документам гестапо, такой человек был на самом деле, приехал к родственникам из Крыма, но расстрелян и брошен в одну из шахт. Он был хромой, но проходил, если переводить, как одноногий. «СМЕРША» тут нег, - улыбнулся Рудель своей удаче. Так была начата новая серая кожаная папка с имперским орлом, куда легли первые два листа, заполненные его каллиграфическим почерком: «Дело агентурной разработки» и «План внедрения агента «Воронова».

На огромной территории близлежащих районов действовал неуловимый партизанский отряд «Троиза» с командиром Филаговым. Они поддерживаемые населением и подпольем, контролировали плесу Багайск-Ростов-Новочеркасск-Шахты, совершали диверсии, спасали молодежь от отправки в Германию, взрывали значимые объекты и уничтожали живую силу. В случае приближения советских войск партизаны доставят непоправимые сложности и полный разлад в тылу. Иметь своего человека в отряде и пропихнуть его поближе к большевистскому штабу при помощи легчиков - вот чего собирался добиться Рудель. Все было осуществимо. «Побег» он подготовил тщательно, но вторая автомашина не предусматривалась, хотя и помогла объяснить спешный побег группы диверсантов.

Теперь этот матерьяк враг умирал, мучался, и прикончить его как собаку, было бы оправдано. Пусть бы замолчал совсем. Его оскорбления и старание выговориться сменили просьба не покидать его или придушить. Он уже через стоны начинал шептать, что раскрыл зрительство шахтеров, куда был подослан, по данным проговорившейся подружки одного из них. Что по его соображению расстреляно множество москалей. Временами он орал и ревел от жадности к себе, но снова сыпал угрозы. Он неистовствовал и готов был забрать с собой весь белый свет. Понятие жалости даже такому сословию, как дети и старики, у него отсутствовало. Никто не имел право жить, когда его на земле не станет. Придушить гада, пожалуй, следовало, но даже это казалось легчикам непристойным. Они молча отвернулись и почти бежали некоторое расстояние, словно пытаясь

стряхнуть с себя это поганое чувство бывшего знакомства с этим чудовищем.

Ничем они врагу не пособничали, но понимали, что помешала этому всего лишь случайная мина, а они здоровались с ним, обнимались и вполне могли услужить и вывести к партизанам, а потому переплывая Северный Донец, булькались и так тщательно отмывали себя, словно от чего-то большого и поганого.

Уже в феврале месяце 1943 года они летели бомбить фрицев дальше за город Шахты. Новый штурман лейтенант Розанов не заметил, как пролетая над этой местностью ведущий звена Наум Борисов переглянулись с неунывающим стрелком-радистом Пашей. Прикрытием их тройки шли шесть истребителей МиГ-3. А для жителей России летело, но уже во все концы, новое радостное сообщение Совинформбюро: «Сегодня войсками генерал-лейтенанта Цветасва освобожден город Шахты».

СКАЗКА

Вот так бы ехал и ехал, лежа на верхнем ярусе, слушая монотонный стук колес. Нет, просто слушая стук колес. Иначе больно по-песенному получается: «стук монотонных колес». Взял себе за правило не повторять ничего чужого. Правда, не всегда так получается. Не будешь же на иностранном языке говорить и писать. Да и не в этом дело. Этот стук, если говорить честно, он – не монотонный. Он меняется в зависимости от скорости поезда или даже от моего настроения. Вот он сбросит скорость, обгоняя небольшие горы, и стук колес поменялся. Теперь я слышу: «это не существенно», «это не существенно», «это не существенно». Почему именно такие слова, я уже не знаю, наверное, так переключаюсь с одной мысли на другую. Вот мы снова выезжаем, как любит выражаться Вадим «на оперативный простор», поезд набирает скорость, и я уже слышу «ну и что с того», «ну и что с того», «ну и что с того».

Вадим сидит возле «Почталыонши» и они очей-то спорят. Он любит поспорить.

Тут стоит все же объяснить, кто есть кто. Вадим Нагимов, руководитель нашего литобъединения «Перо Пегаса» работает в нашей районной газете корреспондентом, ведет криминальную страницу. Никого, как в кино, он в коррупции не обвиняет, начальство полицией кое не ругает, а описывает особо изощренные и жестокие преступления, которые у нас тоже случаются, поскольку и мы живем в России. Когда особо нечего смаковать, или уже есть большая статья на эту тему, то ограничивается отделом «криминальные новости». Такие странички тоже стали в последнее время писать легко, с применением новомодных слов типа «умыкнул», «смертоубийство», «любовный акт, с применением силы» и другие. Будто погоду объявляют. Наше литобъединение – этого детище, хотя родились мы как клуб любителей поэзии, а он пишет исключительно прозу. Но он играет на гитаре и неплохо поет. Видимо, как стала газета официальным органом местной власти, ему негласно поручена связь с управлением культуры. Хотя справедливости ради надо сказать, что к этому он тяготел сам. Еще будучи студентом журфака он числился страшным книголюбом, возглавлял (или участвовал) в издании институтской малотиражки и еще в чем-то там участвовал. Он говорил, но я уже не помню

«Почталыоншей» мы зовем Настю Балашихину, которая пишет не

совсем понятные для меня стихи. Мне всё кажется, что её стихи - это всего лишь набор красивых слов, но Вадим её всегда хвалит и говорит, что молодежь так заявляет свое несогласие с современными устоями, что они обязательно приходят к серьезным вещам именно через это. А через что именно они приходят к серьезным вещам. так и не объяснил. Очень часто в их стихах встречаются одни и те же слова типа «мироздание», «фламинго», «параллельные миры», «сжигать мосты». Слова, как слова, конечно, но они так затюканы, что для меня стали бульварными. Читал я, какие они пишут друг другу в Интернете хвалебные речи: «Светлана, вы на этот раз превзошли себя. Отличное СТИХО!». Каково? Нет, конечно, сеть всемирная, все с одинаковыми правами, а я, может, просто брюзжу, как старый пень, а сам действительно не хочу понять их. Но эти СТИХО я действительно не могу понять.

Концовки каких стихов такие вигиваты, что превращают само стихо в импрессионизм - додумай, мол, сам. Как назовешь, так и будет. Наверное, я действительно что-то недопонимаю. Вот Вадим - понимает. Иногда я и вправду начинаю считать, что сам не стихи пишу, а рифмованную прозу. Уж больно у меня всё понятно, люди пожилого возраста хвалят. Им нравятся. Никакого подтекста, подводных течений. А может и вправду, чего-то недопонимаю. Ведь ясно же - лучше писать белые стихи, чем прозу в рифмах. В первом случае это даже звучит: «белые стихи!». Аристократично даже. Во втором, это - сущее графоманство. Сказал об этом как-то Вадиму, но он только улыбнулся:

- А ты что, хотел, чтобы все писали одинаковые стихи? Это наоборот хорошо, что вы пишете по-разному. От тебя не ожидал такую чушь устывать. Слушай, может, ты хочешь, чтобы тебя похвалили? Или Настю по критиковали в угоде тебе?

- Ты что, Вадим? Обидеть меня сейчас хотел или действительно так думаешь?

- Успокойся, я и не подумал, что просишь себя похвалить.

- Ну, тогда спасибо, что только обидеть хотел.

На том и остановились.

Вообще в этих вопросах Вадим сечёт здорово. В стихосложении он так же разбирается лучше нас обоих. Слух у него вообще музыкальный, заметит любую фальшь. Как Штирлиц в кино. Вроде, сидит и думает о своём, а ты талдычишь свои стихи обиженный. что тебя не слушают. А он посидит немного и выскажет где и что хромает. Я как-то спрашивал его, дескать, чего ты не перейдешь из теории в практику:

- Твои стихи были бы идеального сложения, как французенка без одежды.

На это он ответил, чтобы я не юродствовал, и что у него нет такого замечательного зуда, без которого не стоит начинать. И вообще он будет писать сказку. Особого внимания к его словам я тогда не придал. Сказку, так сказку.

Настя вообще-то девушка коропшая, у неё есть очень даже хорошие вещи. Вель кто пишет много, у того обязательно получится, а она работает за троих. В личной жизни ей не очень везёт, но это уже не моё дело. Да. Забыл сказать, что Настя работает художником-оформителем на железной дороге, а никакая не почтальонша. Зачем так прозвали, я даже и не знаю.

И, наконец, ваш покорный судья, то бишь - я. Эти слова я специально включил, чтобы почитать, как эта дрянь будет смириться со стороны. Не люблю оба этих слова: «ваш покорный слуга» и «то бишь». Это уже мой близ и не совсем замечательный. Вот не люблю какие-то слова и всё тут. Строго судить меня не стоит, возможно, что кто-нибудь из моих близких очень уж часто повторялся, и у меня началась аллергия. Все последние годы упорно стараюсь исключать из своей писанины часто встречающиеся слова. От этого испытываю большие трудности, но ничего с собой поделать не могу. Я пишу стихи, временами печатаюсь, выпустил книгу. Начал поздно, хотя одно время и в детстве баловался. Уже после Советской Армии (так у нас принято писать про службу) вдруг понял, что испытываю постоянную потребность писать. Большую поддержку мне в этом оказал Лев Сорокин, тогда, кажется, возглавлял Свердловский союз писателей. Лично знаком с ним не был, а просто поехал со своего городка на встречу, прихватив с собой небольшую тетрадку своих стихов. Много времени утекло и очень жаль, что ничего не сохранилось. Мне, видимо, нужны были его советы и, наверное, жаловался, что тяжело молодым печататься, а потому не никакого стимула. Все это я, на случай если его на месте не окажется, изложил в той же тетрадке. Дом писателя находился по тому же адресу, где и сейчас, на улице Пушкина. Там они и по сей день на личных правах, в арендном помещении ютятся уже сколько десятилетий. Могут и оттуда выбросить. Какая дикость! Надо, не отом...

Льва Ивановича, царство ему небесное, на месте действительного тог день не оказалось, но зато он ответил мне письмом сам лично. Трудно переосмыслить (не хороще какое-то слово, хотя и правильное)... Одним словом, я считаю его единственным наставником, хотя так и не

повидался ни разу. «Не можешь не писать – пиши, а обучать тебя этому не надо, у тебя неплохо получается, но очень тебя прошу, бойся лёгкости. Если легко и хорошо стал писать четверостишье за четверостишьем – лучше бросай. Отдохни. Посмотри. Перечитай. Вокруг нас вигают множество чужих стихов, слов, сравнений, которые мы слышали или читали, а теперь сидим и пользуемся. Потому-то и легко. Не надо тебе чужого. Легко, а значит не твоё!». Взял всё это изложение в кавычки, хотя и не дословно изложено. Но изложено почти слово в слово. Я мог немного переставить их, но и слова его и смысл его же. Кроме того, Лев Иванович решил оказать мне практическую помощь, посоветовал убрать из одного стихотворения, как он видел, лишнее четверостишье, а новый вариант отправить в редакцию журнала «Урал». В письме посоветовал приписать для тамошней редакции, что всё делается по совету Сорокина Л.И. Это стихотворение, он похвалил, хотя о многом другом мягко дал понять, что так писать вовсе неграмотно. Излагал все в виде совета молодому товарищу. и я порой думаю, что благодаря его письму я во многом поднялся (считайте, над собой, ежели кому стало смешно). Сейчас времена другие. Несмотря на то, что на Урале такое отношение к писательскому труду (имеется ввиду отсутствие своего помещения), очень резко поднялось движение литературных объединений. Множество городов районного значения проводят региональные фестивали поэзии и авторской песни один раз в год. Тогда в этот город стекаются делегаты объединений и клубов от пятнадцати-двадцати населенных пунктов Урала. Сейчас пробиться легче и, наверное, таланты обнаружатся. Так не бывает, чтобы такое большое движение было безрезультатным. По рукам ходят коллективные сборники, в Екатеринбурге в том же здании, куда я тринадцать лет назад робко заходил со своей тетрадкой, действует международный поэтически марафон. Каким-то чудом писательской организации удается сохранить свой (вернее чужой) закуток, где становятся общим достоянием списки авторов из различных областей и даже из-за рубежа.

В настоящее время мы втроем едем в один из северных городов Урала на фестиваль, а перед этим готовили приветствие, небольшие сувениры для хозяев. Там мы встретим своих друзей из различных уголков и не должны выглядеть хуже других. Дух творчества против духа соревнований ничего не имеет. Они у нас неплохо уживаются. Вадим с «Почтальоншей» перестали спорить и повторяют слова приветствия, которые написал и зарифмовал я. У меня это неплохо получается. Читать будет она, а Вадим, как руководитель, будет толкать

речь и доводить до всех о наших успехах, недостатках и планах. Тут они про меня забывают, поскольку читать совершенно неумеющую слова забываю их, говорю невнятно и вообще, как Вадим говорит (мягко выражает ся): «в красную Армию непригоден!». А я не только плохо читаю, но и не могу оценить чужие стихи на слух. Иные хоть и надишут абы как, а читают до того вразительно, жестами, аж сборники в зал швыряют, что сидишь и слушаешь заморожено, как кролик перед удавом. Придешь после дозой, прочитаешь то же самое визуально, и видишь - не зря он выбросил свою книжку. Не зря.

Лежу себе на верхней полочке и до чего мне нравится глубоко задуматься под этот монотонный стук колес, одним словом. Ехать целых шесть часов, но на следующей остановке обязательно появятся местные пишущие аборигены, скоро их транзитный городок. Они только войдут в поезд, сразу начинают искать себе подобных, ходить и стучать дверьми. Назвали они свое объединение «Олимп» и ездит по фестивалям по десять, а то и более человек. Из-за этого на них поглядывает косо. Ведь хозяевам нужно всех гостей встретить на вокзале, кое-кого подвезти, угостить с дороги пирожками чаем и кофе, а после официальной части накормить. Поэтому нас будут любить больше, нас всего трое. Бывало как-то вдвое. Милое дело! Правда, встречая гостей сами, мы буквально выбиваемся из сил. Нужно оформить сцену, напечатать буклеты (если в этом году никакой сборник не выпущен), подобрать музыку, написать сценарий, бегать по предпринимателям, некоторые из которых подбросят немного денег. В основном человек пять-шесть дадут кто тысячу, кто пятьсот рублей, а на остальное сбрасываемся сами. И вот вдруг, как и «олимпийцы» с каждого города подьедут по десять человек? Как прокормить двести человек? То-то же.

Там, куда мы едем, поставлено все на высшем уровне. Там местная власть сама выделяет средства, подключает спонсоров и освещает все средствами. Любо-дорого! Нам бы так. Но мы рады и тому, что у нас есть. У нас тоже есть администрация, где денег вечно нет (для других), и управление культуры не возражает, чтобы мы пользовались Дворцом культуры. Правда, в отчетах по проведенным культурным мероприятиям они шлют в Министерство культуры одинаковые отчеты, как и те, кто и вправду заинтересован подлечь свой район в этом плане.

Ну, всё. Поразмыслил и будет. Стаянка. Члены жито «Олимп» врываются с криком «О, какие люди!» и теперь слышно только их. О чем на этот раз говорят вагоныные колеся уже не слышно. Один из них, Керелин Валерий, всегда таскает с собой фляжку, потому с ним всегда

интересно, а вот руководитель «евоная» Раиса Антоновна наоборот - вредная. Ну, может это зря, что вредной называю, но когда у Валеры во фляге что-нибудь булькает, действительно хочется быть подальше от неё. Лучше выходить в тамбур. Раису за глаза зовут не Антоновна, а антоновкой. Она по сути своей не так чтобы вредная, но часто, а лучше сказать, всегда спорит с хозяевами фестиваля, чтобы не перебивали её «архаровцев» и разрешали их объединению читать по три - четыре стихотворения, а не по одному-два, как остальным. Когда её пытаются пристыдить, напоминать про регламент, говорит «они коротенькие» и отворачивается. В отличие от других, кто ездят послушать новые дарования и повстречаться с друзьями, она приезжает почитать свои стихи. После официальной части, когда идет по кругу «свободный микрофон», она снова чаще других поднимается на подиум или подталкивает туда своих «архаровцев». Те уже стыдятся, по лезут. Зачем антоновку расстраивать. Она работала раньше в торговле и привыкла показывать товар лицом. Пора бы уже и привыкнуть. Тоже мне, устроили порядки!..

Мы с Валерой стоим в тамбуре и курим. Содержимое его фляжки катастрофически убывает. Я огоньком и нахально замечаю, что коньяк мог бы быть и получше, на что он не задумываясь отвечает: «дарёному коню под хвост не смотрят». Я с ним соглашаюсь, и мы допиваем молча.

С ним у нас уже несколько лет идет шуточная перепалка. Язык у него, как все отмечают, вострый и в своих четверостишьях обменивает нас всяко. В основном достается названию нашего объединения. Как только он не склонял «Перо Пегаса». Я стараюсь от него не отставать, и отвечаю тем же типом:

*Олимп – покруче Голливуда,
Им олимпийское «Ура!».
Валера сам сошел оттуда,
Сказать попроще – хрен с бугра.*

Фестиваль прошел на высоте, да иначе и быть не могло. Местное литообъединение одно из сильных и многочисленных. Не отстают исполнители авторских песен. Каждый год в их коллективе прибавляются лауреаты премии местной администрации. Об этом мы и мечтать не смеем. И зал у них всегда полон. Завидно, ей Богу.

Едем обратно в том же поезде уже рано утром. В нашу сторону

других поездов нет, а тех делегатов, у кого были поезда, расписание которых позволяют уехать поздно вечером или ночью, объявляли раньше других. Можно подумать, что они, как и автоновка, приезжали почитать стихи, а не других послушать. Хотя, тут я могу оказаться не совсем правым. Это наше объединение так «похудело», поскольку две молоденькие девчонки поступили учиться и уехали в Екатеринбург, а парнишка пошел служить. К тому же в последний год никто наши ряды не пополнил, хотя часто даем объявления, что существуем и проводим свои заседания по таким-то дням. Так что были времена, когда ездили вшестером. И на фестивали молодежь действительно нужно брать, чтобы приучились читать со сцены, почувствовать свою причастность к этому сословию, которые порой, отбросив все условности, не совсем заслуженно называют друг друга «поэтами». Это разве не стимул? Сам-то вот полез тогда к Льву Изановичу за стимулом и поддержкой... Тут они слушают других, анализируют И, конечно же, начинают стремиться к чему-то. Растут, одним словом.

Вадим пошел со мной в тамбур, хотя и не курит, где мы разговорились. Вспомнили о том, как автоновка снова лезла на баррикады и делала вид, будто и не слышит хозяев фестиваля; как не дочитал своё очень даже неплохое стихотворение совсем молодой парнишка, поскольку стеснялся; как оригинально исполнили своё приветствие члены литобъединения «Муза», да и многое другое. «События произошло немало, - решил я, - а потому, наверное, Вадим такой задумчивый. Скоро ведь и нам предстоит гостей встречать. Тягаться с соседями не сможем, не и выставлять свою серость тоже не годится». Однако, поговорив немного, я понял, что мысли Вадима совсем не об этом.

- Слушай, у тебя, может, что-нибудь случилось? Ты что-то в последнее время «шибко начальник задумчив, однако». О нашем фестивале уже думаешь?

- Знаешь, ты только не смейся, но я действительно о другом думаю. В последнее время у меня предчувствие, что наконец-то приступаю к осуществлению давешней мечты — я напишу сказку! Понимаешь? — даже глаза его в эту минуту загорелись радостью и излучали искры.

- Подожди, Вадим. Подожди. Я что-то не совсем тебя понял. Ты хочешь сказать, что безмерно счастлив от того, что собрался написать сказку? Это ты, у которого две замечательные повести и столько рассказов? Я тебе вот что скажу, друг ситный, зря ты испьешь, как я, допустим, или другие нормальные люди. У тебя, по крайней мере, башка по делу бы болела. Словом, она у тебя болела бы, может и

похуже, но по уважительной причине. Какая муха тебя укусила?

Нет, он совершенно не обиделся, хотя и шутку не принял. Таким серьезным бывал редко.

- Ты не понял меня. Олег. Я хочу написать настоящую сказку. Понимаешь? Настоящую! Ты обещал не смеяться, а потому помолчи и послушай. Писать настоящие сказки, может быть, было легко во времена Пушкина или еще там кого-то, поскольку их множество ходило в народе, вроде как фольклор, но более фундаментальное. Они имели хождения во всех странах, созданные самим народом, а пишущие люди собирали их, систематизировали. Наверное, дополняли от себя, но Они все - настоящие. Скажем, у нас Толстой с Буратино, а они там со своим Пинокио и так далее. Понимаешь? Из этих сказок прёт что-то именно народное. Я пока не знаю, как это объяснить и обозвать. Это что-то, вроде, пассивного поиска народных чаяний, написанное таким же понятным для народа языком. Они и создавались им самим. После сказок нашего детства десятилетиями никто настоящую сказку создать не может. Сказка ведь это не «похождения Электроника» и совсем не означает, что всякая небывлица тянет на сказку. Нет, друг. Не так-то всё просто! Я вот искренне завидую Юрию Олеше, который написал чуть ли не последнюю в мире сказку. Читал. Кажется в «Алмазном венце» Катаева, как Олеша случайно схватил недостающую и главную изюминку «Трех толстяков». Он увидел в открытое окошко куклу и понял, что именно вокруг куклы будет закручен сюжет. Представляешь? Я думаю, что сам Катаев позже так же маялся. приближая к народному творчеству свою сказку «Цветик-семицветик». Махонькая такая сказочка, а не назовешь небывлицей или фантазией. Не хочется, понимаешь, назвать так.

- У-у-у, паря,- перебил я его,- хана тебе скоро! Давай-ка, как приедем, посидим немного, выпьем, и ты расскажешь продолжение своей сказки о сказках. И давай начистоту. Вот всё то, что ты сейчас наговорил – это серьезно? Если так, то я еще не готов понимать такое. Наверное, не дорос. Это, должно быть, вещь сложная. Я, конечно, не изучал, как ты в журфаке, хитроумные вещи. Вся классическую критику для меня представляли Белинский, да Писарев. Ну и потом, как сейчас помню, ещё один литконсультант солидного журнала, который отвечал мне: «сис от лукавого». Это все, что я знаю. Никакой критики и тем более разборки сказок никогда не читал и не слышал. Да я и не задумывался, что сказки писать так сложно. Извини, конечно, но я привык думать только то, что сказки – это не жизнь, поскольку там добро всегда побеждает зло. Это все, что я о них знаю. Вот выпьем –

может пойму.

- Нет, Олег, сегодня ничего не получится. Сегодня моя половинка с дочкой приезжают из Троицка. Их столько времени дома не было, а я вдруг заявлюсь загусаренный. Нет. Не выйдет сегодня. А тебе известно, не менее ситный друг, что такое любовь для женатого человека? Не слышал? Так знай: любовь женатого - это привычка к родному человеку, умноженное на расстояние и время разлуки. Вот так-то. А вот сказку о сказке, ты зря не дослушал. У меня ведь уже есть весь сюжет, понимаешь? Я нашел его! Я года три к этому шел. Понимаешь ты? Три года! Зато я, не побоюсь этих слов, могу сказать, что жил и писал не зря! Это и вправду так, Олежа. Представляешь, Олежа!

Эта будет настоящая сказка. как у Олеши, у Ершова... Осталось только изложить, понимаешь? Только изложить. Ты, Олежа, будешь первым, кто прочтает. Но, но. Пока всё в секрете. Её я издам отдельно, красочно, в твердом переплете. В кредит залезу, но сделаю! Я и подумать не мог, понимаешь, что то, чего я искал - так долго, лежало совсем рядом. Потом поймешь, как всё просто.

Вадим и вправду был в эйфории. Оказалось, что я его и не знаю вовсе. Думал, что изучил как облупленного. Как бы не так! Человек... Нет, не то. Друг, с которым делится всем, что есть, три года мечтал, жил и вынашивал такую важную для себя задачу, а я ничего не знал. Хоть бы хны. А ведь кое-что я о нем все-таки знаю. Например, я знаю, что если уж он так разволновался, значит и всшь из-под его пера выйдет настоящая. Он бы иначе и не стал так радоваться и волноваться. Это уже точняк! С такой-то скромностью и так раздухориться?

Я сам как-то задумывается над тем, что писать стихи для детей, оказывается, очень сложно. Пробовал даже. А вот о сказках даже не вспоминает. Придумать, да к тому же что-то народное? Да. Наверное, это действительно тяжело. К тому же, Вадим «ленить» суррогаты не любит. Ужасно совестливый и принципиальный человек. Я уже предвкушал - это будет что-то!

Так заведено, что фестивали проводятся во всех городах по субботам. Впереди - банный день. Я уже позвонил Емельяничу, и он подтвердил, что все в силе. Баня будет готова вовремя. Жаль, что Вадима с нами не будет. Вообще-то с Емельяничем меня познакомил именно Вадим, но поскольку с новым знакомым мы относились к спиртному более трепетно, чем Вадим, то и отношения наши стали более близкими. Вадим пил очень мало, да и вообще не умел пить. Выпив, он становился каким-то добреньким, всем улыбался, лез целоваться и даже мог пустить слезу. Он и трезвый-то не в меру добрый и этим многие злоупотребляли.

Мне, например, известно, что даст главный какое задание, все перепоручают Вадиму, разбегаются по домам, а он чуть ли не почует в своей релакции и не уйдет, пока все не сделает. Так что работа для него одной криминальной страничкой не ограничивалась.

Сегодня семисотграммовая запотевшая в холодильнике бутылочка, как мы решили с Емельянычем, будет для нас достаточна. Не напиваться же. Круто сваренные яйца, черный хлеб с зеленым луком и замороженное сало, которое делает сам Емельяныч. Смак!

Возвращаюсь от него уже вечером, чтобы только успеть приготовить наутро кое-какую одежду и лечь спать. Завтра на работу. Так вот закончились выходные. Неплохо, надо признаться, провел их на этот раз. Неплохо. Очень даже... Я засыпаю.

Как гром среди ясного дня! Держу телефон возле уха и никак не могу поверить словам Емельяныча.

- Он повесился! Представляешь, он повесился! Это все она - Надежда его. Это все она! Лучше бы он был вчера с нами, в бане.

Вадим... Он стоит перел глазами, как живой, с такой счастливой улыбкой, а в глазах искры неимоверного счастья. Как же так, Вадим? Как же так? Ты любил жизнь больше всех нас, у тебя были такие планы! Что же ты, Вадим, наделал. Как мог?

Жена его, Надежда, как выяснилось, вернулась из Троицка без дочери, где сошлась с бывшим одноклассником. Собралась переехать к нему. Какой между ней и Вадимом состоялся разговор, можно только предположить. Когда все уже случилось, Надежда разослала всем родным сообщения и уехала. Её за это осуждать резона нет. Не могла же она остаться после всего этого на похороны. Это могли бы принять за наглость или полный идиотизм. Я её немного знал и как-то не получается осуждать. Да и какой от этого толк. Вадима не вернешь. И простить её я никогда бы не смог, хотя до меня ей никакого дела нет. Тяжело судить такие вещи. Вот тебе, Вадим, и привычка, умноженная на расстояние и время. Жаль только, что ты, такой жизнелюб, был ужасно легкоранимым. Это, наверное, правильно, что нужно терпеть, стараться понять тех, кто тебя мучает, а может даже подставлять другую щеку, получив удар по первой. Может быть. Но все же нужно и сопротивляться этому, а не воспринимать как необходимость, хотя бы мысленно понять, что это все не смертельно, что тебе дана жизнь и не надо вот так легкомысленно взять и оборвать её. Разве можно такой божественный подарок под названием ЖИЗНЬ прервать из-за такой, которая в любое время была готова оставить тебя одного и лишит дочь любимого отца? Конечно, судить со стороны мы можем все. Но

ни одна женщина не достойна такой огромной жертвы. Жизнь бесценна, какую бы бабу не терял. Никакого сравнения быть не может. Жалко, очень жалко, что ты теперь не с нами, Вадим. А, она... Бог ей судья.

Никаких особых разговоров на эту тему между пришедшими не было. Ни Емельяныч, ни сестра с матерью Вадима, на эту тему распространяться не собирались. Не до этого.

Вадим, такой жизнелюб Вадим, оставил после себя лишь маленькую записку возле настольного портрета дочери: «Я её очень любил. Я вас всех любил, но жизнь совсем не сказка».

Так прервалась жизнь замечательного человека и не состоялась сказка, которая, уверен, стала бы очень даже заметным явлением для всей пишущей братии.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Все ребята из нашего класса одеваются модняво, но, как принято, небрежно, имеют дома компьютеры и у всех крутые мобилы. О девчонках я вообще молчу. То, что одеты они не так, может, хорошо смотрится, но очень дорогое. Мы об этом узнаем из их сплетен, когда на переменах они встают вокруг чьей-либо парты и начинают осуждать других девчонок. Например, над Ленкой Босаргиной они смеются открыто. У Ленки и вправду нет всего того, что носит, например, Юля Горохова. Потому её с ними во время перемен и не увидишь. Она куда-то уходит. Наверное, находит себе подобных подруг из параллельных классов. Мне самому, например, пофиг – кто и как одевается. И разбираюсь я в этом тоже плохо. По мне так Ленка одета ничуть не хуже Юльки. На ней даже лучше всё смотрится.

Мы с пацанами в основном говорим о дисках с различными играми и фильмами.

Ребята достают хорошие боевики или эротику, которыми мы обмениваемся и смотрим дома у Валеры Мотовилова. Они живут вдвоем с матерью, которая часто работает по вечерам, а иногда и по ночам дежурит. Вообще-то мы живем не так уж грустно, хотя интересного тоже маловато. Взрослые люди, особенно старики, нас недолголюбивают. Это здорово бросается в глаза. Я даже сделал такое открытие: они особое неодобрение выказывают, когда мы идем четвергом. А когда я иду один, то такого интереса к своей особе не чувствую. Это как в анекдоте, где требуют люди в штатском, чтобы «больше трех не собирались». Иногда ребята достают травку, которую курил так же у Валеры в ванной. Травку достает всегда Гена Барькин, которого за глаза все зовут «четвергом». Почему и откуда такое прозвище, я не знаю. Оно закрепилось за ним еще в седьмом классе, а мы теперь учимся в девятом. Само слово «иногда», наверное, тут неуместно. Получается, что мы куруем травку регулярно, а на самом деле это совсем не так. Денег таких у нас бывает редко, и сами мы чисто балуемся, ну типа, от других не отстаем. Я вот курил травку только четыре раза, и то затянулся всего несколько раз и ничего при этом не испытал. Меня хорошо «торкнуло» только один раз, когда каждому хватило на свой косячок. Свое состояние я до сих пор объяснить не могу, хотя само чувство было незабываемое. Я, как говорят ребята, не хохотал, и спичка бревном мне не казалась.

Накурившись, я оказался в непонятном мне пространстве. Весь мир умещался в кухне у Валеры, куда мы, видимо, вышли из ванной. Какая-то тупость, что вот оно все, что мне нужно. Ни о чем я не думал, просто смотрел вокруг себя, и никаких стен вокруг не было. Не было вообще чего-либо, что бы меня ограничивало. Размытости, как таковой, так же не было, хотя то, что видел, было вокруг меня и находилось на расстоянии не более метра. Что находится дальше метра, я не знаю до сих пор. Никакого балдежа я тоже не испытывал. Единственное из-за чего я, например, мог бы начинать курить регулярно – это то, что никаких чувств не испытывал. Тот, кому действительно очень плохо, мог бы найти там утешение. Там ни о чем плохом не думается. Там, кажется, как сейчас начинаю вспоминать, вообще не думаешь, хотя чувствуешь себя. Чувства есть, ты – не мертв, но я не помню, о чем думал тогда. Тупость какая-то. Если мне по истечению более двух месяцев захотелось испытать такое чувство еще раз, то это нельзя называть привычкой. Просто мне бы хотелось повторить и попытаться запомнить это состояние, чтобы описать получше в своем дневнике. Там у меня много чего есть, что не для взрослых. Дневник такой. Туда действительно читатели старше шестнадцати лет не допускаются. А в данном случае, мой интерес к своему обкуренному состоянию вызван тем, что никогда раньше таких чувств не испытывал. Тут интерес чисто познавательный, хотя и таким «учебным» интересом, наверное, можно втянуться тоже. Немножко боязно, но стоило бы испытать еще раз. Как бы только мама не узнала, да и не только она.

А, может, мы тем и отличаемся от взрослых, что у нас возможностей гораздо больше, чем они имели? Вот они, наверное, никак этого не могут нам простить. У них ведь как? Все, что новое – то людей и портит. Они со своим маразмом уже не в состоянии изучить это, понять с точки зрения современности. Наверное, проблема отцов и детей не существует. Никакой проблемы здесь нет. Это завуалированная зависть, которую проблемой поколений обозвали литераторы, чтобы не совсем обидеть отцов перед детьми. Если просто сказать, что время идет всегда вперед, а они в результате тупеют, было бы неуважительно. Так я именно думаю. Однако же тут надо отметить – какое я слово всё-таки выдал в этом дневнике: «завуалированная». Класс! Может быть, с ошибкой это слово написал, но зато звучит! Хорошо все-таки печатать на компьютере, но учителя и знакомые советуют, время от времени упражняться изложениями мыслей вручную, чтобы рука набита была. А то был случай, когда я в один из вечеров напечатал свои воспоминания о проведенных выходных днях

на компьютере, а после включил программу «Сервис – правописание». Ё-моё, что было! Все страницы пестрели краснотой и зеленью. Мне и вправду было стыдно.

Мы с ребятами всегда кучкуемся вчетвером: я, Валера Мотовилов, Ена Барыкин и Саша Рейзвих. Все учимся в одном классе, и свободное время всегда проводим вместе. Компания наша, я думаю, нормальная, а с остальными ребятами не интересно. Кто-то из них маменькины сыночки, а кто-то и шибко самостоятельные и много из себя корчат, типа Юры Щапова. Он любит козырять культурными книжными словами, остроумничать и шутить над другими. Шутки у него всегда плоские и смеются только те, кто его таковым и считает, каким он хочет показаться. Особенно он старается перед девчонками, но я не знаю, каким бывает достигнутый результат. Девчонок не поймешь. Мы своих девчонок знаем, как облупленных, и поэтому с ними тоже не интересно. В соседних классах и вообще если взять всю школу, то действительно встречаются нормальные чувики. Я, например, знаю, что Валера реально тащится от Наташи из параллельного класса. У него, я знаю, даже есть её фотография, которая хранится под его же кроватью вместе со стихами в тетрадке. Рассматривал фотографию как следует, когда он повез матери на работу предметы вязания в специальном пакете. Мать у него дежурит в каком-то диспансере, и позвонила, что дежурство спокойное, а она как назло оставила дома любимое занятие. Она и не просила привезти вязание к ней на работу, а просто ставила Валеру в известность, но он такой очень внимательный с матерью. Мне вначале знакомства было удивительно видеть это, но потом привык. Он тогда поехал к ней с этим пакетом за три трамвайные остановки. Стихи, которые были в тетрадке, я не стал читать. Это было бы уж большая наглость и неприлично по отношению к нему. А вот фотографию, пока не опознал Наташу, рассматривал долго. Валера, видимо, стащил её со стенгазеты. Это было видно по бумажке, наклеенной на обороте фотографии. Наташа стояла с граблями, одетая в грибок и в смешной косынке. На заднем плане пацаны с метелками. Видимо, фотографировали на субботнике. Видел я кроме этого, как они смотрят друг на дружку в стенах школы. Интересно так, но и завидно немного. Я раньше одну такую историю пережил. Девчонка по имени Таня приезжала к соседям из дальней деревни на летние каникулы. Я с ней ездил каждый день, знакомил, как говорят, с достопримечательностями. Мне нравилось её удивление, стеснительность и даже наивность. Как сказали бы взрослые, она сделана совершенно из другого теста, чем наши одноклассницы. Мне, если сравнить для себя, она напоминала

героиню Настю из сказки «Морозко». Только Таня была без веснушек и не такая беленькая, как та сказочная. Она была всегда загорелая, потому не краснела, а когда стеснялась, то переходила почти на шепот, чем и напоминала эту Настю. Два лета я с ней проводил время, и уже начинали целоваться, а зимой переписывались. Вот тогда я тоже начинал писать стихи и, казалось, неплохие. Не хочется вспоминать, но соседи те переехали, а письма потихоньку стали писаться реже и реже, пока совсем не прекратились. А какие чувства я испытывал тогда! Так-то вот. Сколько ночей я страдал, как девочка какая-то. До слез, стыдно сознаться, доходило.

Теперь у меня никого нет, хотя... Пока об этом я писать не буду, потом, может, когда-нибудь.

В выходные дни мы ездим на дискотеку в один небольшой Дом культуры, где проходит нормальные танцы-манцы. Правда, я называю их нормальными, поскольку мало где ещё бывал на дискотеках. Здесь от нашего дома далековато, а потому и удобнее беситься, никто из знакомых не видит. Сюда мы ходим с легкой руки (вернее ноги) Геня Барыкина, который танцевал тут когда-то без нас. Он сам жил около года назад в этом районе, а после переехал в наш район, но друзья у него остались. Пацаны реальные, драки каких не было, если не считать первую стычку. Ребята, что постарше, пьют пиво и курят «косяки» в курилке перед туалетом. Им до нас вообще никакого дела нет. Они накурятся и хохмят. Особенно торчат над выступлениями Алленки-простокваши. Мы не знаем, почему так ее называют, но ей от силы лет тринадцать или четырнадцать, и она ходит за одним из старших по имени Марс по пятам, как собачка. Она готова лезть ему ноги, изредка становится такой прикольной и лезет драгаться, полив с ребятами пива. Она одна на дискотеках дерется, и ей пофиг с кем. Лезет драгаться ко всем, на кого Марс укажет, и ей опять всё до фени, что Марс с друзьями надсмехаются над ней. С ней уже бояться связываться и двамиллионера, которые забегают к нам время от времени, но тут же уходят. Ребята они молодые, почти как мы, едва отслужившие, а потому их никто и не боится, а скорее наоборот, они не хотят с кем-либо связываться. Сравнить их с полицейскими или из зарубежных детективов никому и на ум не придет, от них так и прет пацанизм: маленькие такие, плетивые и в форме, которая на размер два больше, чем следовало бы. Они иногда поговорят, что, типа, не прочь потанцевать, но в форме нельзя. Видимо им платят такую неплохую зарплату, чтобы они ходили по улицам и демонстрировали полицейскую форму, которая действительно дисциплинирует. При них всегда есть дубинки, но я ни

разу не видел, чтобы они её применяли.

Был случай, когда мы шли вчетвером, а возле угла здания справлял свои надобности по малой нужде бухой гражданин, к которому подошел полицейский. Мы уже собрались было посмотреть бесплатный концерт, но ничего не произошло. Полицейский прочитал какую-то лекцию и, надо полагать, покрасневший от стыда гражданин, поплелся зигзагами дальше.

- Интересно, зачем ему дубинка? - заметил Саша Рейзвих. - Перед ним был нарушитель порядка и, если бы он врезал дубинкой, чтобы этот козел еще и обосрался от этого, было бы вполне понятно. Он же так ни хрена и не понял. Могу поспорить, что снова пристроится у всех на виду, как только приспичит. А вот если бы испытал один раз дубинку, то подумал бы прежде, чем расстегнуть ширинку. Да ведь известно, что эти козлы только физическую боль и понимают. Он бы сначала посмотрел по сторонам и стал бы прятаться, хотя бы боясь появления полицейского.

Саша частенько высказывает такие мысли, которые не сразу перевариваются и даже вызывают несогласие, а только потом, вдруг, я начинаю думать: «А ведь он, пожалуй, прав». Наверное, поэтому, увидев нас впервые, люди сразу принимают его за старшего, хотя мы совсем одинаковые по росту и возрасту.

- Саша, у тебя до всего дело есть, или не дали кино посмотреть? - спросил его Гена. - Я тоже не такой реакции ждал от полицейского.

- А вот если бы я вышел прямо на него в этот момент, например, с матерью или младшей сестренкой, то устроил бы ему кино. Мне и дубинки бы не надо было. Придурки мы все, ребята, и наблюдаем, как кино смотрим, потому что его видят не наши мамы и сестренки, а чужие. Зрители, блин!

Саша и вправду говорил вполне серьезно, был взвинчен. Мы ему поверили, и разговора больше на эту тему не было. Он и нам самим иногда кажется старше, чем мы. Во-первых, он рассудительный и, видимо, по крови своей немецкой такой чистоплотный и аккуратный. О национальности, правда, мы никогда не напоминаем. Это, кстати, он тоже понимает, но говорит «Гемцу ничего не делается, если ему скажут, что он – немец».

Как-то Валера очень удачно высказался в его адрес, что и нас удивило.

- Саша, ты и вправду иногда кажешься старше нас. Ты вроде как в стане отцов и одновременно в стане детей. Однако, ты к нам ближе, чем к ним, потому что между нами нет проблемы отцов и детей. Как не

русский какой. – и осекся.

- Да, - закачал головой Саша, - Иногда ты такое скажешь, хоть записывай. А ведь, ребята, наша семья однажды действительно пострадала из-за национальности. Дед мой не на фронте погиб героически, а умер на стройке века, куда вместо фронта послали как неблагонадежного из-за национальности. Так-то ларини. Наша семья это помнит, вот и мне рассказали.

Вот уже почти два месяца я веду свои записи, но дневником назвать эту тетрадку никак нельзя. Я не отражаю никакой хронологии, как пишут в учебниках истории, и даже даты не указываю, хотя вот одну из дат назову, пожалуй. Случай спорный такой получился. Весь класс наш как бы разделится на две половинки, на противоположные мнения. И это тоже связано с Сашей Рейзвик. Тут я должен изложить кое-какие факты о своем друге, иначе не так всё будет понятно. А то, что я прыгаю с пятого на десятое, так это как раз из-за отсутствия хронологии. Мне простительно, я не историю пишу. Это там нужна хронология, чтобы какой-нибудь этап какой-нибудь народности не выпал из поля зрения. Там все изменения должны быть на месте и мелочей быть не должно. Вот я и засгопорился. Надо же тут было изложить так, чтобы стало понятно - что такое история? Не сумел. Конечно, я научусь в свое время и не такое излагать. Об этом, кстати, тоже Саша говорил.

- Многие великие люди вели дневник не погому, что хотели научиться писать без ошибок и проверяли на компьютерной программе, как ты. Тогда компьютеров, сам знаешь, не было. Они как раз оттачивали разговорную речь. Они при помощи письма учились говорить правильно и излагать свои мысли. Они писали, может быть, с ошибками даже хуже, чем ты. Писать дневник полезно.

Сам Саша, в отличие от нас, посещал библиотеку и часто менял книги. Говорил, что на мониторе хорошо читать всякого рода справки, которые тебя интересуют, но художественную литературу нужно читать в книге. Он говорил, что книги эти писали именно те люди, которые учились излагать свои мысли, и достигли в этом многого. Там вычитываешь даже то, что сам никогда не смог бы до стичь.

Вот теперь, вроде, я представил Сашу и с этой стороны, что даст понять его реакцию на предмет спора, даже если я перечитаю эту тетрадку через пять лет.

Было это в День Победы, и по такому случаю загляли в класс просмотр фильма с обсуждением. Фильм назывался «Восхождение» и снят по произведению Василя Быкова. Ну, там говорится о двух героях. Один из них находит выход из всякого положения, он смел в действиях,

находчив и сразу к себе располагает. Второй герой, которого играет Бурляев, как видно, немцев тоже ненавидит, но он сильно болен и все же идет на задание вместе с первым героем, потому как считает своим долгом приблизить победу. Первый, которого играет Владимир Гостюхин, очень часто выручает его, но получается так, что они из-за больного этого героя Бурляева попадают в руки к немцам (фу, как тяжело пересказывать). Одним словом, герой Бурляева идет на эшафот, чтобы не служить немцам, а тот, Гостюхинский, который вызывает симпатию, идет служить к немцам. Бурляевский ясным взором последний раз оглядывается на мир и сует голову в петлю. Гостюхинский герой тоже пытается потом повеситься в туалете, но обрывается и остается жить в немецкой одежде, которую одел по воле. О его дальнейшей судьбе ничего не сказано. Ну вот, вроде, обо всем рассказал. Главное тут дело в том, как бы это сказать, что фильм так поставлен, и симпатия с жалостью возникают в адрес предателя. Ну, одним словом, становится жалко именно этого героя. Я должен еще сказать, что люблю артиста Гостюхина и он очень хорошо играет, но и Бурляев тут выше всех похвал, но, однако, фильм рождает какое-то неправильное чувство. Строишь советский фильм, а сочувствуешь предателю.

Оно бы, конечно, проскочило бы в виде сочинения, тем более первым говорил о фильме Юра Шапов. Он говорил долго о том великом чувстве героизма, что, несмотря на такое количество жертв, мы нашли силы победить фашистов и спасти весь мир. Изложи все это на бумаге вышло бы хорошее сочинение. Только ошибки исправить и все. Можно было бы на этом и закончить урок, да разбежаться. Саша взял, да испортил день.

- А я не считаю смерть Бурляевского героя патриотизмом. И вообще, если бы не он, то герой Гостюхина, которого называем предателем, выполнил бы задание и вернулся бы к своим, чтобы дальше бить фашистов. Считаю, что Победу завоевали именно такие, как он. А тот – Бурляевский – мешался под ногами, сорвал всю операцию и пролез в герои, потому что умирал показушно. Что он сделал геройского? Зная, что ты так болен и от этого могут пострадать другие, полез, куда не просят. Кто его просил?

Что тут началось, мать Божья! Сашу перебила Лариса Николаевна. Она кричала и метала молнии так, какой её никто раньше из нас не видел.

- Доучила на свою голову! Мой ученик оправдывает предательство. Ужас! Не смей больше говорить даже на эту тему!

Хорошо хоть из ветеранов никто не пришел, вот бы было...

Она потихоньку успокаивалась, отходила от гнева, заменив тему проблемой отцов и детей. Ребята тоже подключились и дружно отстаивали интересы нашего поколения.

- Тише, ребята. Тише. - Она уже пыталась успокаивать нас, хотя было видно, что ей нравится такая активность. - По одному давайте. Вот ты, Света, как относишься к этому. Есть проблема или её нет?

- А как же, конечно, есть. Вот соседка моя, тетя Галя. Она всегда сидит на скамейке у входа в подъезд, и не было случая, чтобы смолчала, когда молодые возле неё проходят. Такая, блин, швабра.

- Тихо! Ну что ты, Света. Нельзя разве выражаться нормально?

- Вот, вот! - прокричал Гена, - надо говорить не редиска, а нехороший человек Василий Алибабаевич.

- Барыкин!

- Ну, я хотела сказать, - продолжала Света Павлова, - что эта тетя Галя точняк думает, что стареет только потому, что я взрослею. Вот не было бы меня - она была бы как Кощей - бессмертной.

- Точно швабра

- Барыкин!

- Ну что же. Будем считать, что тетя Галя исключение. Это не совсем то, о чем мы говорим. Ну ладно, давай спросим у Саша Рейзвих. Скажи, Саша, ты сейчас выдал собственное мнение именно по конкретному литературному герою или тебе не нравится чем-то представителям того поколения?

- Нет, Лариса Николаевна, поколения не осуждаю. У меня, может быть, единственно из нас нет никаких проблем с ними. Так, легкое недопонимание. Мне, например, очень нравится, что их поколение душевнее нашего с вами. Готовность к самопожертвованию я тоже уважаю. Это тоже из их репертуара, но я просто считаю, что оно должно иметь свое оправдание. Согласитесь, у героя Бурляева такая красивая смерть несколько победу не приблизила. И вот когда я излагаю это, становлюсь каким-то агрессивным, потому как боюсь, что переберете меня снова, не дадите договорить, а потом будете считать, что я не ценю подвиг наших отцов и дедов. Все не так! Я люблю их поколение!

- Так, так, - проговорила Лариса Николаевна, присаживаясь за одну из парт, - давайте, ребята, может, дослушаем Сашу до конца. А то и вправду может получиться, что зря его обвиняем в таком непростительном поступке. А вель он у нас нормальный парень, правда же?

Все заулыбались, но Саша оставался таким же серьезным, будто

боялся потерять мысль, а его возьмут и остановят.

- Я считаю, что Василь Быков именно хотел вызвать такой спор у своих читателей. Он хочет показать, что одной ненавистью и готовностью к самопожертвованию победить на войне нельзя. Герой Бурляева больной, совершенно негодный сражаться, только служит автору показать это отличие. Ведь не зря же он нас подводит к тому, что, мы неоднократно убеждаемся в необходимости на войне только таких людей, как герой Гостюхина. Он специально показан автором в таком ракурсе, что читатель начинает уважать его, сочувствует именно ему, хотя умереть он не сумел, хотя и пытался запоздало повеситься. Но ремень не выдержал.

- Так, в чем же дело, Саша? Объясни нам, коль решил высказаться. Выходит, автор нас влюбляет в героя, показывает его такого человека войны, способного победить и вдруг делает из него предателя? Где логика? Он действительно симпатичен, если, конечно, это не заслуга актёра, но ведь именно он стал предателем тогда, как первый, хоть будучи больным, выказал фашистам несломленный дух советского солдата. Может, это главная мысль автора? Что скажешь, Саша? Давай уж договорим.

- Не согласен я с вами, Лариса Николаевна. Не согласен. Чтобы показать, что наш человек духовно непобедим, совсем необязательно делать предателем другого, более симпатичного своим читателям героя. Уж чего-чего, а тема о твердости духа до такой степени избитая, что не стал бы Василь Быков такой огород из-за этого гордиться.

- Ну, разве можно так рассуждать о силе духа погибших? Про огород вообще мог не говорить. Давай закругляйся, иначе точно остановлю, и тогда точно останешься, как защитник предателя. Научись говорить кратко, изложи свою точку, а не ходи около.

- Ладно. Я, Лариса Николаевна, вообще предателей там не вижу. Там описан такой человек, который не может идти против своих. Если его не освободят, я думаю, он отдаст свою жизнь не просто так, чтобы доказать силу духа. Он уж точно с собой возьмет жизни фашистов. Такой человек и вправду в петлю не полезет, даже со словами «За Родину», «За Сталина». Если, как вы хотите, покороче, то Василь Быков здесь не ставил задачу показать, что нужнее на войне: дух или действия. Он просто обвинял войну, как самую ужасную вещь, которая уничтожает жизнь. Вы опять, скорее всего, начнете обвинять, что ваш герой погиб от рук фрицев. А мне такая смерть кажется напрасной. Война уносит всех. И герои у него взяты совершенно разные, именно с целью показать трагедию войны, которая уносит всякую жизнь.

независимо какой ты есть. Тут один отрицательный герой – ВОЙНА! Кроме того, автор, как я подумал, между строк хочет сказать, что такая присущая нам черта – готовность к самопожертвованию – вещь не всегда оправданная. Смерть панфиловцев я понимаю, они каждый сжег по одному танку, но самопожертвование только ради идеи, я понял, автор ставит гораздо ниже. Именно из-за этих идей, впоследствии сажали своих, кто побывал в плену у немцев. Даже стихотворение одного из любимых мною поэтов, героя войны Муссы Джалиля начинается, как с оправдания своего пленения – «пистолет отказал». То, что взяли его в плен контуженного уже мало? А, может, мы и его посадили бы, после немецкого плена – не погибни он у фашистов?

- Все, хватит, Рейзвих! Теперь можно много что говорить и крамолу не пришьют. Однако смерть во имя идеи – это не смерть от сифилиса. Вот ты меня до чего довел, Рейзвих, тоже начинаю сердиться, неужели ты отличия не видишь? Садись и молчи!

- А во имя идеи, Лариса Николаевна, и сектанты умирают. Что-то сектантское в том поколении все же было. Человек рождается, чтобы жить, а они воспевают смерть. Это что за идея такая?

- Ладно, Саша, ты теперь надеюсь, доволен, что дали высказаться? Похоже, вся проблема придумана вами – отрицать всё, что раньше было. Это теперь модно. Главное, излагать мысли ты умеешь хорошо, хотя в голове сумбур. Вот бы ещё писать без ошибок научился. Да-а-а, кого мы воспитали, господи...

- А у нас учителя такие...

- Замолчи, Барыкин!

Вот так закончился этот урок, смехом от реплик Гены Барыкина, но на душе было беспокойно. Саша и вовсе выглядит усталым, как принято говорить, выжатым цитрусом. Полностью поддерживать его точку зрения я тоже не хотел и даже мало что понял, хотя говорил он хорошо. Я так не умею.

- Скажи, Саша, ты и вправду так думаешь?

- Да не знаю я. Вроде становлюсь от этого каким-то неблагодарным перед предками, понимаешь? С другой стороны я и действительно думаю, что не должен умирать человек даже во имя жизни. Какая же она жизнь, если смерти требует. Неправильно это. А может я просто трус, поскольку сам не смог бы помереть, как тот герой? Где-то и что-то недопонимаю. Вот и противно. Блин, ведь мне и вправду жалко именно Гостохинского героя. Почему, а, Гена?

- Да потому что он на самом деле крутой и нравится всем пацанам,

а учиха – она же девчонка, да ещё и ученая, блин. Они же совсем иначе думают.

Вообще-то я больше понимал Сашу, чем Ларису Николаевну. У меня тоже никаких проблем с предками. Они даже между собой общего мнения не имели, а хотят, чтобы мы их понимали. С чего бы это? Мы с компьютерами, машинами живем такие и вдруг начнем понимать их. вчерашних. А Гостюхин мне тоже больше нравится, крутой мужик. жалко его.

У ДЯДИ ЮРЫ.

Я достиг пенсионного возраста, но продолжаю работать и не могу ездить по стране, искать своих героев. А жаль, я ведь как-то успел пообещать себе - по неосторожности - найти человека, который обрел абсолютный покой. Абсолютным, конечно же, как утверждают классики, он никогда не бывает. К тому же я имел в виду - душевный покой, а его ищут все люди моего возраста. Не думаю, что молодежь вообще читает мои рассказы, и читатели, которые высветились в Интернете, наверняка, хотя бы примерно, моего возраста. Как, кстати, в Интернете, так и в прозе (впрочем, как и в стихах)-- я полный чайник, а потому, наверное, слова «ездить по стране и искать своих героев» звучат сганно. Никто по стране в поисках героев не ездит, и с табличкой на груди «я тебя, герой, встречаю» в аэропортах не торчит. Герой он всегда рядом с нами. Его нужно уметь заметить. Я пытаюсь делать именно это. Получается, прямо скажем, не очень. Абсолютно спокойных, наверное, не бывает, но должны быть хотя бы те, кто могут сказать «Я прожил жизнь, которая удалась, и ни о чем не жалею». Если скаламбурить не очень удачно, то слова «быть покойным» и «покойник» означают одно и то же, но я здесь совсем не об этом. Я о тех покойных, у кого душа и тело не по отдельности, а вместе, и сам он обретается среди нас.

Если говорить честно, то я все больше убеждаюсь, что цель недостижимая, и остается мне собрать множество характеров людей, относящихся к жизни оптимистично, а после попытаться сложить из них одного героя. И на кого же тогда он, скажите, будет похож? Чувшь какая! Грош тебе цена, если твой читатель скажет, не прочитав и половины, «Это всё - фуфло и таких людей не бывает». Но я все равно буду искать его. Есть у меня, к тому же, одна дума - такими (довольными) становятся люди на последнем этапе жизни. Такое, как я думаю, они успевают подумать в последний момент жизни, подытоживая всё прошлое и, возможно, если они успели побыть один на один с Господом и покаяться в грехах своих, ибо каждый раз я натываюсь в своих поисках на мысль, что тяжело, и поди невозможно, жить и не грешить. Давно уже создалось общее мнение о литературных героях, что для правдоподобности они должны грешить. Жизнь на Земле без греха никто даже не допускает в мыслях. Возможно для того, чтобы быть покойным действительно необязательно быть совсем без

греха - что невозможно - а жить в каждую минуту с одной лишь мыслью: стараться как можно меньше грешить и как можно больше каяться. Можно, конечно, продолжать жить по Дарвину, что обычно приводит к одной мысли — «возьму от жизни всё, один раз живу!». Но это уже тормоз эволюции. Произошел от обезьяны, а помирасшь волком. Я хочу по-человечески и ищу именно таких. Ты уж прости, читатель, что снова к тебе с этой назойливой мыслью прицепился. А к кому же ещё, позвольте вас спросить? Взглян читателю - читай! Ответа, я знаю, не будет. Жаль.

Дед, как он сам любит говорить, с не очень редкой фамилией, Иванов-оптимист по жизни. К тому же он непризнанный философ и любитель попариться в баньке. Любимое его слово по субботам «Баня – это человек!». Одних войлочных шапок для парной у него штук двадцать, столько же пар и варежек. Ему это добро подарили знакомые (родных у него нет). Живет он при небольшом санатории, на территории которого расположена его избушка, баня и небольшой участок для мелочи. Для картошки имеется огород, тоже небольшой, но он расположен за территорией возле опушки леса. Дядя Юра, как мы с Володей его называем, выполняет работу не только сторожа, но и столяра, электрика, дворника и как говорят и т.д. и т.п. Даже повара при необходимости не бегут в четыре утра из деревни, расположенной в двух километрах, чтобы приготовить бульон из коровьей головы - есть дядя Юра. Только попроси. Он встанет вовремя, включит все плитки, наполнит водой котлы. Потому-то его здесь все уважают, и директриса Полина Викторовна обращается к нему, как к заместителю.

Меня с ним познакомил Володя, с которым приезжаем к дяде Юре каждую осень и весну. Бывает, конечно, и другие времена года, но тогда только на день-два. В озере, расположенном недалеко, водятся караси, но не в этом смак. Весной – тетерева на току, а осенью - лисгвянки с глухарями. За глухарями идти не очень близко, но дело стоит того. До сих пор в сохранности стоят наши шалаши возле полян, где проходят весенние гурниры косачей и навесы недалеко от одиноких лисгвянниц, усеянных вокруг желтыми иголками, коими глухарь или кополуха любят почесать свой зоб. В позапрошлую осень мы втроем уснули, сунув полтуловища свои под навес, а проснувшись, обнаружили, что нижняя часть сплосшь покрыта снегом. Всякое бывало.

В санатории отдыхают и как бы лечатся в основном женщины предбальзаковского возраста, хотя бывают, что привозят и тех, кто более старше. Мужчин бывает мало, а молодых мужчин - тем более.

Как-то в один из приездов, отдыхали двое молодых людей, но

полностью игнорировали лечебные процедуры, могли курить в неподобающих местах и вообще не подчинялись режиму. Они могли подняться перед самым обедом и ложиться спать только первыми с петухами и, конечно же, в последствие переругаться с Полиной Викторовной и, забрав свои ноутбуки, выехали. К дяде Юре (звали «дед Юра») пацаны эти заходили, и им тоже было интересно. Так они отдыхали, глядя, как дядя Юра вырезал из осины чучела уток.

- Короткое полено осины, расщепленной пополам – это уже почти готовые туловища птицы. С одной стороны заостряешь больше, с приподнятым концом. - объяснял по ходу дядя Юра. - поскольку таким и хвосты у них и бывают. С другой стороны оставляешь небольшую площадку возвышенности. Туда приделается головка».

И действительно выходило у него здорово, что ребята цокали языками – «Нишгяк!». Особенно было интересно видеть, как он их закрашивает. Здорово у него получается. Вылитые крик аши! Высади таких возле камышей, покряхти манком, и ни одна стайка мимо не пролетит. Все опустятся. Под низом к каждому чучелу забивается маленький гвоздик и загибался для подвешивания грузила.

- Это чтобы ветром не уносило. Я сам лично этим не балуюсь. Раньше приезжали охотники с резиновыми чучелами, нобили сидячую птицу, а потому - в основном свои чучела. Скажу вам, ребятаки. - дядя Юра улыбался, щурясь на солнце, - это не охота. Часто оставляли подранка или убитую птицу на озере. холодно было те зть в воду. Зачем тогда убивать и портить, опять же, чучела свои? Не дело это. Вотгия и готовлю - многоразовые. Мажь следы-выемки торчащими внутри дробинками краской и пользуйся дальше. А вообще-то надо бить на подлете, до воды. Нормальный охотник он только в лет и бьёт.

Пацаны пытались ему так же объяснить что-то с компьютерной программе, которую они создавали по заказу солидного человека. но без особого успеха. Надо объяснить, что создавали они вполне возможно, что успешно, но объясняли безуспешно. Так будет вернее. Мы с Володей люди далекие, тоже мало что поняли. Программа, если говорить моим языком, многопрофильная. Она, как ребята говорили, одна, но приводит к одному результату работу различных специалистов. выводит общий результат и даже дает рекомендации. Изложили я примерно, но как-то так, знаете ли...

С этими пацанами я немного поспорил и, кажется, не очень был сдержан. Это у меня бывает. Накосячу, как принято говорить, всякого, а потом ругаю себя, что нет никакого хладнокровия. Сколько раз брал за правило сдерживаться и столько же раз не исполнил данное себе

слово. Спор (как у детей - чей папа сильнее) был о технарях и гуманитариях. Я, вроде, начинал с того, что признаю главенство технарей в деле продвижения науки, обустройства и облегчения быта и прочее, но напирал на то, что металл- существо бездушное и создают из него тоже бездушные вещи. Они утверждали, что металл-это такая же оболочка, как и тело человека, а нутро придумано так, что оно выполнит всё, что прикажешь, во стократ лучше, чем люди со своей вечно плачущей душой. Я уже кричал, что душа не только плачет, но и радуется тоже. Не особо долго и спорили, но все-таки, я «выходил из себя», говорил что-то о верности лебединой и то, что металлпическая лебедь из-за любви суицидом не станет заниматься. Это уже было совсем смешно – признаю и сам, а ребятам палец в рот не клади. Они сразу же воспользовались: «Вот-вот, это всё, до чего её душа довела. Нет, чтоб другую бабу найти». Все окончилось из-за этого нормально, посмеялись от души (не от металлу - скажу вам).

Дядя Юра, в отличие от меня, относился к ним очень даже спокойно. Посмотришь со стороны и подумаешь, что моложе меня. То ли он их понимал лучше, то ли давал возможность поболтать и выпустить пар без вмешательства, поскольку знал – спор бесполезный. Только вечером, после баньки, удовлетворил моё любопытство. Наверно решил: пусть отстанет этот гуманитарий, уж больно поспорить любит.

- А, может, не так уж и плохо всё, что сейчас делается. Молодежь быстро адаптировалась и научилась стоять на ногах. Она развивается и, что радостно, размножается. Нас шатает потому, как больно крутые были изменения - приучали годами к одному, а после объявили, что всё это - дурь несусветная. Мы-то теперь знаем, что обе системы жизнеспособны, у нас есть голова, которая мыслит, анализирует и выбирает, которая из этих систем лучше, а у них действительность одна - нынешняя. Это их время. Им тут жить и они будут жить, уверяю, не хуже нас. Мы старики, может, и гундосим во все времена, кто от ностальгии, а кто и вовсе от зависти. Когда подрастали мы, старики так же неодобрительно качали головой. Мы, наверное, злы на них, как мухи, которые перед тем как идти в зимнюю спячку, очень больно начинают кусаться. Им жить, нам скоро в спячку. Вот и кусаемся. Так что молодежь у нас такая же, как и раньше – МОЛОДАЯ! И этим всё сказано.

Такого монолога я не готов был услышать и был удивлен. Дядя Юра, увидев мою растерянность, заулыбался. Но я уже готов был снова наломать дров, ввязавшись в спор, но на этот раз сдержался. Первое, что я хотел вменить ему в вину это - пораженческое настроение. Мог наговорить и резкости, типа того, что пора ему к людям поближе, иначе

совсем одичает.

Уже потом, лежа укрытый теплым и мягким одеялом, я стал анализировать, как того требовал Феликс Эдмундович «холодной головой», и, придя к общему знаменателю - где-то потеряли, где-то нашли, уснул.

То, что дядя Юра воевал, мы знали давно, но он никогда ничего не рассказывал, говорил: «Мы стреляли, в нас стреляли. А что ты хотел, война ведь». Только однажды, переспрашивая что-то, проговорился, что левое ухо у него плохо слышит – «фашист проклятый гранатой попортил». Нам же стало интересно, стали спрашивать – сколько времени в госпитале лежал, какие раны, не остался ли осколок какой в теле. Последний вопрос задал, конечно, Володя, у которого брат отца всю жизнь прожил с осколком. Оказалось, что осколком от гранаты никто не видел. Никакой раны тоже не было. Санитарка, ротный и даже военврач называли это чудом. Граната (лимонка), как упала у ног Иванова, так и лежала. Подумали, сначала, что эта другая - невзорвавшаяся, но оказалось - она. Среди насечек для осколков не хватало двух маленьких четырехугольников, а внутри гранаты было пусто. Осколок куда-то улетел, оставив остальных «членов семьи» и лишь повредив грохотом взрыва ушную перепонку.

- Никакого чуда не было. Обыкновенный заводской брак. - говорил дядя Юра. – Будь проклят фашист, что бросил в меня гранатой и спасибо другому, что он, раздолбай, допустил такой брак.

На этот раз ничего подстрелить не удалось, и мы к обеду были уже дома. Дядя Юра топил баньку, а я нагаскал воды. Он действительно возился с баней, как с человеком. Я, присев на порог предбанника, рассказал ему про шукшинского героя Алешу Безконвойного и мы разговорились о книгах. К книгам относится нормально, но и здесь, хотя и философия его была с небольшим налетом злости, он был спокоен и говорил, что все это временно:

- В свое время я ходил в библиотеку, выписывал журналы. Особо нравились книги о войне, об известных людях и исторические романы. Исторические, правда, приходится читать чужими глазами, ну а что делать? Столько времени прошло. Вот и приходится доверять современному дяде, уж он, по крайней мере интересовался их бытом, некоторыми архивными источниками. Своей библиотеки не было, а покупать книги на макулатуру и ставить их в шкаф вместо белых слонов, не хотелось. Считал таким же мещанством. Почему книги должны пылиться? Раньше, я понимаю, это было сбором редкости. Коллекционирование. Дом — не читательская изба. Сейчас я беру у

наших курортников. Почитаю и передаю следующим, кто потом приезжает. У них целая библиотека. Современные книги, скажу прямо, не нравятся. С ума все походили. Какой-то автор назовёт дерьмо - говном и рад, что он реалист. А раньше, вроде, печатное слово призывало к культуре, очищало речь. Любо-дорого, когда речь льётся из книги и ласкает слух. А сейчас ещё развелось молодежь, кто, в особенности в стихах, наберут целый рой непонятных, но красивых слов и кичатся, что пишут по-современному. Ничего нового не придумано. Современники пока что только засоряют уже устоявшее. Но это пройдет быстро. Читатель не дурак. Он даст знать, что можно читать, а что нельзя. Пора школьников, хотя уже и не пионеры, снова отправлять ходить по домам собирать макулатуру. Все тогда поймут, что теперь пора собирать книги ради макулатуры, а не макулатуру, чтобы купить книги, как делалось раньше. Времена красивых обложек проходят безвозвратно. Теперь все понимают, что книги, как и современные певички (так и сказал - не певички). если много мяса и мало белья, то нет ни мастерства, ни голоса. И на эти обложки с красивыми бедрами и, извинаясь, сиськами, теперь бросаются разве что прыщавые подростки, но и те посмотрят, повертят и не купят. Не любят они читать. А кто любит, те уже разборчивы. Изголодались люди без гласности и свободы слова. Пока, очень жаль, это почти единственные признаки в нашей демократии. Или нашей почти демократии, как тебе будет угодно. Видимо, так отдается эхо западной сексуальной революции. Мы её проходим заочно и ускоренными темпами, а потому буквально через два-три годочка вся эта так называемая «полосисья» литература, будет иметь статус желтой прессы.

Нравится мне с ним поговорить. Тянет, почему – то, к таким, кто любит поговорить, да пофилософствовать. Сам, наверное, такой. А банька, я вам скажу, и в правду – человек.

Содержание

Моё вступление к ещё ненаписанному	3
УРАЛЬСКАЯ ЗАКАЛКА ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ	8
Кулачье	9
Короткая юность Андрея	23
В логове	28
РАССКАЗЫ	37
Вольные хлеба	38
1. Здравствуй, жизнь	38
2. Правдолюбец	40
3. Качели	45
Уральский пленник	46
Три истории об Ауштейне	56
Из дневника (печатается с разрешения автора)	61
Солнышко	65
О времени и о себе	71
На лесной пасеке	79
Анастасия или теща в оккупации	87
Открытие охоты	98
Попытка	103
Иван да марья	105
Пиявки	109
Бич	112
Поездка	118
Урок в психиатрической больнице	121
Не детектив	126
Урядник	133
Суд истории	143
Конец света (декабрь 2012 года)	151
Сестры	158
“Взунчик”	166
Романыч	177
Случай в армии	186
Детство	198
Дырка для ордена	206
К слову пришлось	215
Чертовы деньги	219
Первой победы боец	234
Культ	243
В плену коротком	258
Сказка	271
Отцы и дети	282
У дяди Юры	293

Дим Хусаинов

ТРИ ИСТОРИИ ОБ АУШТЕЙНЕ

Дизайн обложки: Н. Камянчук
Компьютерная верстка: М. Камянчук

Подписано в печать 1.04.2013 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура TimesNewRoman. Отпечатано в издательстве. Заказ № Б140.
Тираж 300.

Издательский дом "Печатный вал". 623 851, г. Ирбит, ул. Горького, 2б.
Тел./факс +7 (34355) 3-87-24, 3-87-38

80p

...И если сам, сроднившись с той лавиной,
Теряя силы, убегая вдаль,
Сойду на нет от песни лебединой,
Тогда себя совсем не будет жаль...

Дим Хусаинов

ПЕЧАТНЫЙ ВАЛ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ